

Коми республиканский благотворительный общественный фонд
жертв политических репрессий «Покаяние»
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

**ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
РОЛЬ ГУЛАГА, МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Материалы I Международной научной конференции

(Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.)

Часть 2

Сыктывкар 2011

УДК 94:323:343.43(470.1)(063)

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: РОЛЬ ГУЛАГА, МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. 208 с.

В сборнике публикуются доклады и сообщения, прозвучавшие на I Международной научной конференции, состоявшейся в г. Сыктывкаре (Республика Коми) 25–29 октября 2011 г. На конференции, подготовленной и проведенной под руководством Главы Республики Коми и Государственного Совета Республики Коми, были обсуждены следующие научные проблемы: история ГУЛАГа (идеология, политика, экономика), массовые насильственные переселения, лагеря ГУЛАГа как хозяйственно-экономические комплексы, использование труда спецпереселенцев в экономике, численность репрессированных, историография и источниковедение истории репрессий, перспективы развития туризма по историческим и памятным местам, особенности мемориального туризма по местам бывших лагерей ГУЛАГа и спецпоселков, разработка туристских маршрутов и карт, деятельность поисковых отрядов и патриотическое воспитание молодежи.

Редакционная коллегия

д.и.н. И.Л. Жеребцов (отв. редактор, составитель, Сыктывкар), к.и.н. М.Б. Рогачев (зам. отв. редактора, Сыктывкар), к.и.н. Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), д.и.н. А.А. Борисов (Якутск), д.и.н. В.А. Исупов (Новосибирск), д.и.н. Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), д.и.н. В.И. Меньковский (Минск), к.и.н. О.Л. Рябченко (Харьков), д.и.н. Т.С. Садыков (Астана), к.и.н. М.В. Таскаев (Сыктывкар), к.и.н. С.Ю. Шокарев (Москва)

© Авторский коллектив, 2011
© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2011
© И.Л. Жеребцов, сост., 2011

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

1. РОЛЬ ГУЛАГА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРА РОССИИ

РОЛЬ ГУЛАГА В ФОРМИРОВАНИИ СЕТИ ПОСЁЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА В КОМИ АССР В 1930–1950-е гг.

Н.П. Безносова (Сыктывкар, Россия)

Впервые посёлки городского типа как отдельная категория городских поселений, к которым были отнесены населённые пункты несельскохозяйственного профиля, образовавшиеся при промышленных предприятиях и стройках, транспортных узлах были введены при проведении реформы административно-территориального деления 1923–1929 гг. Следует отметить, что ещё при проведении переписи 1926 г. без утверждения в законодательном порядке были учтены как горожане жители фабрично-заводских посёлков Нювчим и Кажым. Однако официально первый посёлок городского типа в Коми был образован в 1929 г. Им стал Нювчим. Ввиду малочисленности населения Кажым не смог претендовать на этот статус (по данным переписи 1926 г. там проживало 715 чел.).

Период возникновения и расцвета посёлков городского типа приходится на период социалистической индустриализации. В условиях тоталитарного режима процесс градообразования определялся и регулировался политическими и экономическими интересами государства. Как отмечает А.С. Сенявский, город, как самоорганизующийся и саморазвивающийся организм, как форма естественной концентрации многообразной деятельности, в годы сталинизма трансформировался в «переселенческое приложение» к форсированной индустриализации [1].

Взаимосвязанные процессы индустриализации и урбанизации в Коми стали набирать силу в конце 1930-х гг. Особую роль в этих процессах сыграли строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали и развитие Печорского угольного бассейна, изменивших ориентацию экономических и управленческих связей на всём Северо-Востоке европейской части России. Железная дорога, построенная в рекордно короткие сроки в конце 1930-х – начале 1940-х гг., пересекла республику с юго-запада на северо-восток и стала своеобразной осью, вдоль которой, и на прилегающих к ней территориях, возникали новые городские поселения. Промышленное освоение республики было сопряжено с необходимостью привлечения рабочей силы извне. В районы экстенсивного развития производительных сил направлялись, в том числе и принудительно, огромные массы трудоспособного населения. Большинство городских поселений выросло из лагерных пунктов и посёлков заключённых, поскольку транспортное и промышленное строительство в Коми в годы сталинского режима обеспечивалось «дешёвой» рабочей силой через систему ГУЛАГа. По сведениям Л.А. Максимовой, на территории республики с 1930 по 1956 г. существовало 19 разных лагерей [2].

В официальной советской пропаганде рост городского населения расценивался как одно из главных подтверждений успехов СССР в области индустриализации, поэтому в стране шла перманентная кампания по переосмотру административного статуса поселений. 26 октября 1938 г. статус городского поселка, которые в то время назывались рабочими посёлками, получил Чибью (современная Ухта), основанный в 1929 г. экспедицией ОГПУ в районе ухтинских нефтепромыслов. Его возникновение ознаменовало собой начало нового – лагерного – этапа урбанизации региона, продлившегося почти до середины 1950-х гг. 25 октября 1940 г. в состав Усть-Усинского района Коми АССР из Большеземельского района Ненецкого национального округа был перечислен посёлок Воркута с отнесением его к категории рабочих посёлков. 17 марта 1941 г. к категории рабочих поселков был отнесен населенный пункт Железнодорожный (ныне город Емва).

С началом войны сырьевая база республики приобрела для страны стратегическое значение. Форсированное развитие индустрии повлекло за собой расширение сети городских поселений. Только за два года – с 1942 по 1944 г. – на карте республики появились девять новых поселков городского типа с населением около 30 тыс. чел. Число городских поселений росло, главным образом, за счёт освоения ранее незаселённых территорий. Так,

только три из девяти населённых пунктов, ставших в годы войны городскими посёлками (сёла Абезь, Кажим и посёлок спецпереселенцев Вожаэль), значились в списке населённых мест при проведении переписи 1939 г.; остальные шесть – Канин, Печора, Инта, Ижма, Водный, Ярега – там ещё не упоминались.

До середины 1950-х гг. заключённые местных лагерей, отбывшие срок наказания, являлись одним из основных источников пополнения населения городов и рабочих поселков. После освобождения многие бывшие заключённые оставались на работе в тех же городах и поселках уже как вольнонаемные рабочие и служащие. Так, в статистических отчётах указывается, что в 1944 г. в Воркутлаге большую часть вольнонаёмных рабочих и служащих составляли освобождённые из заключения без права выезда из города; в 1948 г. 80% принятых на работу в Ухтинский комбинат по вольному найму составляли бывшие заключённые; в 1953 г. в г. Печора и поселках Кожвинского района паспортными столами было зарегистрировано 3,4 тыс. бывших заключённых; в 1954 г. из 11 тыс. чел., учтённых как прибывшие в Воркуту и подчиненные Воркутинскому горсовету рабочие поселки, 3,3 тыс. чел. – освобождённые из исправительно-трудовых лагерей [3].

Имевшие место переводы спецконтингента ГУЛАГа из района в район и за пределы республики меняли, и порой очень резко, численность населения посёлков. Так, сокращение населения в пос. Абезь Кожвинского района в 1950 г. было связано с перебазировкой Северного Управления МВД СССР в г. Салехард Тюменской области, а в пос. Железнодорожном – с откомандированием значительного числа рабочих в Красноярский край на предприятия лагерей МВД СССР, и частично на предприятия, расположенные в других районах Коми АССР [4].

Развитие индустрии в послевоенные годы дало толчок для дальнейшей активизации урбанизационных процессов в Коми. С 1946 по 1959 г. здесь было образовано 24 новых посёлка городского типа. Всего за 1929–1959 гг. в Коми было образовано 40 городских посёлков: до 1930 г. – один, в 1930-е гг. – два, в 1941–1945 гг. – десять, в 1946–1953 гг. – 13, в 1954–1959 гг. – 14 посёлков, из них два (Хальмерью и Цементнозаводский) переданы в 1959 г. из Ненецкого НО Архангельской области.

Данные табл. 1 наглядно демонстрируют изменения в численности и размещении городского населения, происшедшие в Коми за межпереписной период с 1939 по 1959 г. За двадцать лет число горожан выросло с 29,2 тыс. до 484,0 тыс. чел. или в 16,6 раза. В 1959 г. в республике насчитывалось уже семь городов (четыре города республиканского подчинения и три – районного подчинения) и 31 посёлок городского типа против одного города и двух рабочих посёлков в 1939 г.

Таблица 1

**Численность и размещение городского населения Коми АССР
(по данным ВПН 1939 и 1959 гг.)**

1939 г.		1959 г.		
Города и рабочие посёлки	Население, тыс. чел.	Города и поселки городского типа	Административное подчинение	Население, тыс. чел.
Всего гор. населения	29,2	Всего гор. населения		484,0
Города		Города		
Сыктывкар	25,3	Сыктывкарский горсовет	Республиканское	74,5
Посёлки городского типа		гор. Сыктывкар		64,5
		Ухтинский горсовет	Республиканское	89,0
Чибью	2,7	гор. Ухта		36,1
	–	Воркутинский горсовет	Республиканское	175,9
	–	гор. Воркута		55,7
	–	Интинский горсовет	Республиканское	66,4
	–	гор. Инта		45,2
	–	гор. Печора	Печорский район	30,6
	–	гор. Сосногорск	Ухтинский район	15,8
	–	гор. Микунь	Усть-Вымский район	11,3
		Посёлки городского типа		
Нювчим	1,2	Нювчим	Сыктывдинский район	2,1
	–	Слобода	Сыктывкарск. горсовет	4,4
	–	Краснозатонский	– / –	5,6
	–	Кажым	Койгородский район	3,7
	–	Горняцкий	Воркутинский горсовет	28,4
	–	Промышленный	– / –	20,4
	–	Комсомольский	– / –	18,8

Окончание табл. 1

1939 г.		1959 г.		
Города и рабочие посёлки	Население, тыс. чел.	Города и посёлки городского типа	Административное подчинение	Население, тыс. чел.
	–	Северный	– / –	15,2
	–	Октябрьский	– / –	10,5
	–	Заполярный	– / –	8,8
	–	Хальмерью	– / –	7,1
	–	Елецкий	– / –	3,2
	–	Хановей	– / –	3,1
	–	Мульда	– / –	3,1
	–	Цементнозаводский	– / –	1,6
	–	Железнодорожный	Железнодорожный район	13,7
	–	Вожаэль	– / –	4,4
	–	Тракт	– / –	4,2
	–	Вой-Вож	Ухтинский район	10,5
	–	Ираэль	– / –	3,6
	–	Водный	– / –	3,5
	–	Ярега	Ухтинский горсовет	8,4
	–	Верхняя Инта	Интинский район	6,7
	–	Кожым	– / –	4,3
	–	Сивомаскинский	– / –	3,5
	–	Абезь	– / –	3,0
	–	Кожва	Печорский район	5,7
	–	Каджером	– / –	5,5
	–	Березовка	– / –	3,9
	–	Косью	– / –	2,6
	–	Нижняя Омра	Тр.-Печорский район	5,3

Примечание: Полужирным шрифтом выделены городские поселения, которые образовались как лагерные пункты и посёлки заключённых, а также при строительстве Северо-Печорской железной дороги, которая велась силами заключённых ГУЛАГа.

Возникшее первоначально на базе одного промышленного предприятия, месторождения полезных ископаемых или транспортного узла, большинство посёлков городского типа и в дальнейшем сохранило узкую промышленную специализацию и не меняло административный статус. Часть посёлков по мере роста и развития в них других отраслей материального производства и социальной инфраструктуры преобразовывалась в города, превращаясь в административные и культурные центры. Так, статус городов приобрели шесть рабочих посёлков: Воркута (дата преобразования в город – 26 ноября 1943 г.), Ухта (20 ноября 1943 г.), Инта (4 октября 1954 г.), Печора (18 декабря 1949 г.), Сосногорск (1 декабря 1955 г.), Микунь (23 марта 1959 г.). Третья категория посёлков потеряла свою самостоятельность ввиду слияния их с другим городским поселением (в 1949 г. пос. Канин объединён с пос. Печора и образован гор. Печора; в 1958 г. пос. Усть-Воркута включен в состав пос. Елецкий). И, наконец, четвёртые, в связи со свертыванием производственной базы в этих населённых пунктах, утратили городской статус и перешли в разряд сельских поселений (пос. Кырта в 1958 г. и пос. Ошкурья в 1959 г.).

В 1940–1950-е гг. посёлки городского типа были наиболее динамично развивавшейся категорией городских поселений. По темпам развития сети городских посёлков Коми значительно превышала средние показатели по России. Если в Коми число городских посёлков с 1939 по 1959 г. увеличилось более чем в 15 раз, то в среднем по России – в 4 раза. В 1959 г. удельный вес посёлков городского типа в сети городских поселений составил 82%, что является пиковым показателем, поскольку ни до 1959 г., ни после доля жителей городских посёлков в структуре городского населения не поднималась выше. Столь высокая доля посёлков городского типа, по мнению А.П. Обедкова, свидетельствовала о молодости сети городских поселений и была одной из отличительных черт северной урбанизации [5]. Средняя величина населения посёлка в 1959 г. составила 6,3 тыс. чел., также достигнув максимальной величины за всю историю существования этой категории городских поселений. Таким образом, в рассматриваемый период посёлки городского типа выступили в роли одного из ведущих факторов и компонентов освоения, заселения и развития территории республики и стали ведущим и преобладающим эле-

ментом сети городских поселений. В их строительстве и в формировании их населения основную роль сыграли выходцы из других регионов страны, в значительной части своей – узники ГУЛАГа.

Рассматривая результаты сталинской форсированной индустриализации и урбанизации в контексте сегодняшнего дня, можно сказать, что с экономической и социальной точек зрения подобная система освоения территории и расселения людей оказалась несостоятельной. Большое количество малых городских посёлков, их чрезвычайная рассредоточенность, удалённость предприятий от потребителей продукции в купе со слаборазвитой транспортной инфраструктурой делали промышленное производство финансово слишком затратным и экономически невыгодным, а в значительной степени «недобровольный» характер урбанизации, помноженный на суровые климатические условия Севера, не способствовал закреплению мигрантов в новых местах пребывания. С переходом во второй половине 1950-х гг. предприятий республики на вольнонаёмный труд темпы роста числа городских посёлков в Коми в 1960–1980-е гг. существенно замедлились, а с переводом в 1990-е гг. экономики на рыночные рельсы начался обратный процесс – процесс сокращения сети посёлков городского типа и их депопуляция. Основной причиной снижения числа городских посёлков после 1991 г. явился их перевод в категорию сельских поселений.

В табл. 2 показано как менялся административный статус городских посёлков после 1959 г.

Таблица 2

**Перечень посёлков городского типа Республики Коми по переписи 1959 г.,
впоследствии изменивших административный статус**

Посёлки город. типа	Дата образования	Административное подчинение	Дата преобразования	Администр. статус после преобразования
1. Железнодорожный	1941	Железнодорожный район	1985	Город Емва
2. Слобода	1958	Сыктывкарск. горсовет	1968	Включён в состав г. Сыктывкара
3. Горняцкий	1946	Воркутинск. горсовет	1969	Включён в состав г. Воркуты
4. Цементнозаводский	1957	—/—	2002	Включён в состав г. Воркуты
5. Хановей	1949	—/—	1966	Сельское поселение
6. Абезь	1942	Интинский район	1991	Сельское поселение
7. Кожым	1954	—/—	2005	Сельское поселение
8. Сивомаскинский	1957	—/—	1993	Сельское поселение
9. Березовка	1958	Печорский район	1996	Сельское поселение
10. Каджером	1950	—/—	1997	Сельское поселение
11. Косью	1952	—/—	1998	Сельское поселение
12. Вожаэль	1942	Железнодорож. район	1991	Сельское поселение
13. Тракт	1958	—/—	1992	Сельское поселение
14. Ираэль	1958	Ухтинский район	1992	Сельское поселение
15. Кажым	1944	Койгородский район	1991	Сельское поселение
16. Нижняя Омра	1955	Тр.-Печорского район	1992	Сельское поселение
17. Нювчим	1929	Сыктывдинский район	1995	Сельское поселение
18. Хальмерью	1954	Воркутинск. горсовет	1995	Упразднён как населённый пункт

К настоящему времени (данные за 2008 г.) 18 из 31 посёлка городского типа, числившихся в Коми на момент проведения переписи 1959 г., поменяли административный статус. При этом только один из них повысил его – в 1985 г. пос. Железнодорожный был преобразован в город Емва; три посёлка вошли в состав городов – пос. Слобода включён в городскую черту Сыктывкара, посёлки Горняцкий и Цементнозаводский – в Воркутинский горсовет; один посёлок (Хальмерью) как населённый пункт был упразднён; 13 посёлков (42% от общего числа) утратили городской статус, перейдя в разряд сельских поселений.

Источники и литература

1. Сенявский А.С. Роль урбанизации в российском историческом процессе // История России. XX век. М., 1996. С. 407-408.
2. Максимова Л.А. Репрессированное население и развитие промышленности // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья. Материалы регион. науч. симпози. Сыктывкар, 2004. С. 143.

3. Святопольская В.О. Вклад заключённых ГУЛАГа в развитие промышленных отраслей Республики Коми // Политические репрессии в России. XX век. Материалы регион. науч. конф. Сыктывкар, 2001. С. 127; Турубанов А.Н. О методах привлечения рабочей силы на индустриальное производство Коми в 1920–1980-е гг. // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья. Материалы регион. науч. симпоз. Сыктывкар, 2004. С. 158; Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУ РК НАРК). Ф. 140. Оп. 2. Д. 3249. Л. 14, 44.

4. ГУ РК НАРК. Ф. 140. Оп. 5. Д. 10. Л. 18об.

5. Обедков А.П. Геоурбанистика. Сыктывкар, 2009. С. 75.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

РОЛЬ ГУЛАГА В РАЗВИТИИ АВИАТРАНСПОРТА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СССР

А.В. Андреев, Л.А. Максимова (Сыктывкар, Россия)

Формирование авиационного транспорта являлось одним из важнейших компонентов, повлиявших на экономическое развитие северных территорий СССР. Появление авиации и создание условий для ее существования сделало возможным освоение богатой природными ресурсами территории Северо-Запада СССР. Для изучения роли ГУЛАГа в развитии авиационного транспорта на Северо-Западе СССР остановимся на следующих территориях: Коми АССР, Архангельская область и Ненецкий автономный округ. В виду состояния доступной источниковой базы в основу исследования будут положены материалы по развитию авиатранспорта в Коми АССР. На примере выбранного региона наиболее полно и ясно можно отобразить процессы, связанные с ролью ГУЛАГа в развитии авиатранспортной инфраструктуры Северо-Запада СССР.

Для определения роли ГУЛАГа в развитии авиатранспорта на Северо-Западе СССР необходимо решить следующие задачи: выявить информацию об участии заключенных ГУЛАГа в деятельности аэродромов и авиатранспорта, проследить динамику развития аэродромного строительства; рассмотреть функции, выполняемые авиационным транспортом, выяснить масштабы географии авиаперевозок в 1930–1950-е гг.

По нашим предположениям, архивные документы, вероятно, содержащие в себе важнейшие, интересующие нас вопросы авиационного строительства, находятся в архивах Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности, доступ в которые затруднен. Поэтому в процессе изучения строительства аэродромов ГУЛАГа на Северо-Западе СССР в 1930–1950 гг. были использованы только опубликованные и неопубликованные архивные документы из фондов Национального Архива Республики Коми (далее – НА РК), материалы периодической печати, посвященные развитию авиации.

Основной рабочей силой, которой предстояло освоить огромные северные территории в СССР, были заключенные. В процессе освоения методом колонизации предстояло не только наладить добычу и частичную переработку полезных ископаемых, но и создать в регионе транспортную сеть: построить железные и автодороги, улучшить водные пути. Учитывая пространство, которое предстояло покорить, никак было не обойтись и без авиации. Вот почему уже в годы первых пятилеток четко определились важные функции воздушного транспорта в экономическом развитии северных территорий.

С признанием необходимости развития авиации декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1930 г. постановил увеличить объемы капитальных вложений в гражданскую авиацию и определить его в 135 млн. руб. Основное значение уделялось освоению Севера и Сибири. Именно поэтому в эти годы были открыты новые воздушные линии из Архангельска в различные населенные пункты Коми АО.

Годы первых пятилеток характеризуются открытием первых воздушных линий из Москвы, Ленинграда, Архангельска, Нарьян-Мара в Сыктывкар, Ухту, Усть-Цильму, Усть-Усу, Воркуту. В эти же годы были установлены первые воздушные трассы по местным воздушным линиям.

1 февраля 1926 г. приказом спецотдела ОГПУ были организованы Северная воздухолиния при Соловецких лагерях и Вишерская воздухолиния. По инициативе начальника Ухтпечлага Я.М. Мороза приказом ГУЛАГа в 1932 г. Соловецкая и Вишерская воздухолинии были ликвидированы, а самолеты переброшены на Печору. Так родилась «воздухолиния Ухтпечлага ОГПУ». Место для центральной авиабазы Ухтпечлага под Усть-Цильмой, в деревне Карпушевка, было выбрано не случайно – в этом месте пересекались водные пути из Ухты и Воркуты. Авиабаза должна была обеспечить оперативной связью и перевозками огромную территорию от Котласа до Урала и от верховий Печоры до Ледовитого океана. Здесь сосредоточили ремонтные мастерские, ангары, склады, подсобные службы. Кроме центральной авиабазы в Воркуте, Ухте и Усть-Усе были оборудованы пункты для приема, отправки и заправки самолетов, т.е. взлетно-посадочные полосы (ВПП). Первый самолет из Архангельской области в Чибью прилетел в феврале 1931 г. [1].

Я.М. Мороз вышел с инициативой к руководству ГУЛАГа о передаче самолетов Соловецкой и Вишерской воздухолиний Ухтпечлагу, самому масштабному на тот период проекту НКВД [2].

С 1931 г. развитием авиабазы руководил заключенный Н.Л. Кекушев, но Я.М. Морозу нужен был руководитель с размахом и непререкаемым авторитетом, и он поручает этот участок деятельности Л.В. Ковалевскому. С 1932 по 1934 г. авиабазой руководил легендарный летчик Л.В. Ковалевский [3].

В марте 1935 г. пилот Г.И. Гинзе впервые выполнил рейс Ухта – Нарьян-Мар – Архангельск – Ухта. На обратном пути, не долетев до с. Усть-Ижда, самолет врезался в берег Печоры, похоронив экипаж и пассажиров. Причиной авиакатастрофы стали плохие погодные условия.

В 1936 г. в штате воздухолинии состояли семь вольнонаемных, семь колонизованных и десять заключенных. В штат воздухолинии были включены коменданты пунктов приема, заправки и отправки самолетов с Мор-

ской (Нарьян-Мар), Усть-Усы, Адзъавома, Усть-Ижмы, Вои, Кедрового шора, Еджыд Кырты, Воркута-Вома, Усть-Ухты, Котласа. Во многих лагерных пунктах имелись комнаты отдыха лётчиков, водогрейки, бензобаза [4].

В 1930-е гг. авиация принимала участие в развитии народного хозяйства. Самолеты проводили аэрофото-съемки, осуществляли перевозки груза и почты, совершали пассажирские рейсы. Однако показатель пассажирских перевозок был на низком уровне, и основной задачей авиации в это время было выполнение функций связи и сообщения между населенными пунктами. С возросшими объемами производства в угольной, нефтяной и лесной промышленности потребовалось перевозить грузы для строительства шахт, оборудования для бурения на нефтегазовых месторождениях, для механизации лесозаготовительной промышленности.

Поскольку на территории Коми АССР и соседних регионов не существовало летных учебных заведений, кадры лётчиков получали из числа заключенных. Об этом свидетельствуют списки летного и технического состава сыктывкарского авиаотряда, где в большинстве своем присутствуют лица, появившиеся здесь в результате принудительной миграции.

В условиях быстро развивающейся экономики необходимо было укреплять авиацию. В 1936 г. по решению Северного территориального управления ГВФ в распоряжение Коми АССР было выделено пять самолетов По-2 с базированием в аэропорту Сыктывкара. Большое внимание уделялось строительству аэродрома в Троицко-Печорске, так как этот район был особенно труднодоступен.

Авиабазы в Карпушевке перестают быть центром авиации НКВД на Северо-Западе страны, формируются автономные авиаотряды, не подчиненные напрямую республиканской власти и имевшие в совокупности большее число машин и больший грузопоток, чем ГВФ республики. В начале формирования Княжпогостского, Ухтинского, Воркутинского авиаузлов пилотский состав еще остается динамичным и лётчики не были привязаны к конкретному аэропорту – они базировались в соответствии с задачами строительства железной дороги, снабжения, перевозки начальства и немногочисленных пассажиров. Жены и семьи многих лётчиков пока оставались жить в центральных районах страны. С повышением дальности полетов поступавших в аэропорты новых самолетов, которые могли на одной заправке достигать центральных районов страны, к 1940 г. произошла полная замена заключенных пилотов вольнонаемными [5].

Уже в 1940 г. пилоты Сыктывкара постоянно обслуживали местные воздушные линии в Ухту, Усть-Цильму, Ижму, Усть-Усу, Кожву, Усть-Кулом, Троицко-Печорск, Объячево, Княжпогост, а также Киров, Котлас и Архангельск.

В первые же дни Великой Отечественной войны большинство летного состава было мобилизовано в армию. На местных аэродромах заметно опустело. Лётчики и техники были отправлены на фронт. Пилоты, работавшие в гражданской авиации, являлись ценными кадрами для военной авиации. Для полетов, например, в Коми АССР осталось несколько воздушных судов. К примеру, в Ухтинском авиаотряде осталось всего три самолета. В годы войны на внутренних трассах республики продолжались полеты: перевозили пассажиров, срочные грузы, больных. Одним из проблемных вопросов был ремонт авиатехники. Если раньше самолеты ремонтировались в Ленинграде, то в дни войны ремонт техники был организован на местах. Несмотря на отсутствие опыта и нехватку запчастей, технический персонал делал все возможное для исправного функционирования техники. Поскольку ожидалось противодействие противника, информация о расположении аэродромов, вылете самолетов засекречивалась и шифровалась. В военных условиях особая секретность в деятельности аэродромов была обусловлена стремлением к сохранению стабильного состояния тыла.

15 августа 1941 г. вышло распоряжение СНК Коми АССР о строительстве аэродромов, согласно которому их строительством на территории Коми АССР занималось пять лагерей: Севжелдорлаг, Устьвымлаг, Ухтижемлаг, Печжелдорлаг, Воркутлаг.

Севжелдорлаг занимался строительством аэродрома в Княжпогосте. Лагерь приступил к работе 18 августа 1941 г. и должен был закончить строительство и сдать в эксплуатацию 3 сентября того же года. В этот день комиссия по приему аэродромов прибыла в Княжпогост и после осмотра не смогла принять аэродром [6].

Усть-Вымлаг занимался строительством аэродромов в Вожаеле и Пезмоге. О строительстве аэродрома в Вожаеле сведений пока нет. Аэродром в Пезмоге был признан годным к эксплуатации в осеннее, зимнее, весеннее время для любых типов самолетов, а в летний период – для эксплуатации самолетов-истребителей. В выводах комиссии содержалось и такое: «Для эксплуатации аэродрома круглогодично необходимо засеять летное поле многолетними травами» [7].

Строительством аэродрома в Ухте занимался Ухтижемлаг. Лагерь начал строительство 19 августа 1941 г. и закончил 10 сентября того же года [8]. На аэродроме имелось самое минимальное аэродромное оборудование в виде взлетных полос и аэродромных построек: бензохранилище, водомаслогрейка, склад [9]. Комиссия, принимавшая ухтинский аэродром, установила, что в летний период эксплуатации грунты, профиль и размеры летного поля пригодны для взлета и посадки одиночных военных самолетов, разведывательных самолетов и

бомбардировщиков среднего типа. В зимний период снеговой покров смягчает профиль летного поля. В этот период аэродром считается посадочной площадкой [10].

В 1943 г. на Ухтинском аэродроме появились первые трофейные самолеты. Перегон самолетов из Германии осуществлялся с мая по ноябрь 1945 г. через Польшу, Белоруссию с базированием в Подмоскowie, аэропорту Быково. За 1943 г. на трофейных самолетах было перевезено 133 т груза и 1920 пассажиров [11].

Печжелдорлаг занимался строительством двух аэродромов: в Абези и Кожве. Аэродром в Абези был построен в 1941 г. На нем имеется оборудование: водомаслогрейка, якорные стоянки, бензохранилище и маслохранилище. Аэродром в Кожве также был построен в 1941 г. [12].

Воркутлаг занимался строительством аэродромов в с. Дутово и Воркуте. Аэродром в с. Дутово был построен в 1941 г. Но площадка не использовалась и заросла кустарником и мелким лесом [13]. И только в конце 1940-х гг. лишь часть летного поля стала эксплуатироваться.

В 1941 г. по решению руководства республики ведомственная авиация – авиабаза Ухтпечлага – была переведена из Усть-Цильмы в Воркуту. Полеты производились с зимних аэродромов. Летом 1943 г. в Воркуте был построен маленький сухопутный аэродром. 1 сентября 1943 г. в пос. Воркута было проверено состояние строящейся аэроплощадки [14]. Таким образом, Воркуте как промышленному центру Северо-Запада СССР отдавалась ключевая роль в обеспечении эффективной политики в производственных процессах, обеспечивающих стратегические интересы советского руководства. Начало первой послевоенной пятилетки отмечилось открытием авиалинии Москва – Воркута. Это еще одно доказательство того, что центр придавал большое значение развитию Печорского угольного бассейна.

На основании постановления Военного Совета Архангельского Воздушного Отряда от 7 июля 1942 г. № 32 и плана закрепления аэродромов на 1943 и 1944 гг. по сохранению и содержанию их в исправном состоянии, за райисполкомами Коми АССР закреплялись аэродромы в Ижме, Воркуте, Абези, Усть-Кожве, Ухте, Дутово, Пезмоге и Объячево. Это событие произошло 3 августа 1943 г. [15].

Авиация МВД не случайно была названа хозяйственной. Пару десятилетий это был единственный оперативный вид транспорта – даже после сдачи однокорейной железной дороги, в конце 1940-х гг. пассажирский поезд шел от Ухты до Москвы трое суток, стоянка в Котласе была 6 часов. Республика – гигантская стройка, поставщик оборонной продукции, и «простой» любой установки расценивался как вредительство, поэтому десятки экипажей из аэропортов Карпушевки, Княжпогоста, Ухты, Сыктывкара, Печоры, Воркуты, Усть-Усы, Нарьян-Мара и с локальных ВПП ежедневно вылетали по полетным заданиям, выполнение которых зачастую было связано с риском для жизни.

В военные и первые послевоенные годы хозяйству страны не хватало транспортных самолетов для доставки грузов и пассажиров. На восполнение авиапарка шло все: трофейная техника, часть поставок по ленд-лизу. Тем самым развитие авиации в годы войны отмечилось открытием новых авиалиний, строительством аэропортов, увеличением объема перевозок. Выполнение санитарных полетов, охрана лесов от пожаров, поддержание связи и обеспечение продуктами труднодоступных районов не приостанавливались. А объем воздушных перевозок за годы войны увеличился более чем в семь раз.

Появление авиации на Севере напрямую связано с хозяйственной деятельностью исправительно-трудовых лагерей, силами которых осуществлялось освоение Северо-Запада СССР. Строительство аэродромов и открытие воздушных трасс местного и государственного значения имело, несомненно, важное значение для экономического развития Коми АССР в перспективе. Применение принудительного бесплатного труда заключенных в строительстве таких сложных объектов, как аэродромы, было вряд ли экономически обоснованным – об этом свидетельствуют итоги приемки аэродромов комиссиями. Фактически ни один объект не был принят сразу. Использование неквалифицированного труда вело к ошибкам в планировании и строительстве.

Линейная схема организации строительства сложных транспортных объектов исключала использование предыдущего опыта, поскольку стройка велась одновременно, что относится к издержкам форсированной индустриализации.

Спецификой строительства аэродромов в отличие от строительства железных дорог было то, что аэродромы строились недалеко от населенных пунктов в обжитых местах на локальной территории: это облегчало труд и быт строителей-заключенных. К 1943 г. было построено девять аэродромов, большая часть их была возведена силами заключенных лагерей, так как именно в военный период участие вольнонаемного населения в промышленном строительстве, развитии транспортной инфраструктуры было невысоким в виду призыва трудоспособного населения в вооруженные силы. В отличие от Архангельской и Мурманской областей, Ненецкого автономного округа, создание воздушных линий и строительство аэродромов, находившихся в ведении НКВД, в Коми АССР шло наиболее активно. Этому факту есть несколько объяснений. Во-первых, концентрация и количество лагерей и их контингента значительно превосходили по этим показателям соседние регионы. Во-вторых, труднодоступность многих населенных пунктов Коми АССР предопределила использование авиации для мест-

ного воздушного сообщения. В-третьих, заинтересованность местного лагерного руководства в создании транспортной инфраструктуры. В-четвертых, приоритет в очередности освоения территории Коми АССР, где были обнаружены уголь, нефть и газ. Необходимость аэродромов в Коми АССР особенно возросла в годы Великой Отечественной войны, так как обстановка на фронте предполагала мобильность в управлении тылом, особенно богатым стратегическими природными ресурсами.

Открытие воздушных путей способствовало экономическому развитию северных территорий СССР. Аэродромы строились в направлении важнейших воздушных линий. Таким образом, становление авиации в 1930–1950 гг. предопределило ее последующее развитие, отмеченное модернизацией авиатехники, ростом пассажирских и грузовых перевозок.

Источники и литература

1. Чупров И. Осваивали трассы гулаговские асы // Красная Печора. 1991. 19 окт.
2. Семенов В.Н. Авиация и авиаторы Ухты // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 2010. Т. 9, ч. 2. С. 40.
3. ГУ РК «НА РК». Ф.1668. Оп. 2. Д. 10. Л. 241.
4. Семенов В.Н. Авиация и авиаторы Ухты // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 2010. Т. 9, ч. 2. С. 42.
5. Там же. С. 45.
6. ГУ РК «НА РК». Ф. 605. Оп. 4. Д. 100. Л. 56; Ф. 1009. Оп. 1. Д. 559. Л. 4.
7. ГУ РК «НА РК». Ф. 605. Оп. 4. Д. 100. Л. 56; Ф. 1009. Оп. 1. Д. 559 Л. 60об.
8. ГУ РК «НА РК». Ф. 1009. Оп.1. Д.540. Л.6.
9. ГУ РК «НА РК». Ф. 1009. Оп. 1. Д. 540. Л. 12-15.
10. ГУ РК «НА РК». Ф. 1009. Оп. 1. Д. 540. Л.16.
11. Семенов В.Н. Авиация и авиаторы Ухты // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 2010. Т. 9, ч. 2. С. 50.
12. ГУ РК «НА РК». Ф. 1009. Оп. 1. Д. 529. Л. 64.
13. ГУ РК «НА РК». Ф. 605. Оп. 4. Д. 146. Л. 58.
14. ГУ РК «НА РК». Ф. 1009. Оп. 1. Д. 159. Л. 21.
15. ГУ РК «НА РК». Ф. 605. Оп. 4. Д. 146. Л. 60.

НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КОМИ АССР (1926–1937 гг.)» – ПЕРВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ЛАГЕРЕЙ ГУЛАГА В КОМИ АССР

Т.А. Малкова (Сыктывкар, Россия)

В настоящее время считается, что роль лагерей ГУЛАГа и спецпоселений в формировании современного расположения промышленности в Республике Коми исследуется с 1990-х гг. В фондах Научного архива Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук находится отчет за 1961–1965 гг. «Социалистическая индустриализация Коми АССР (1926–1937 гг.)», позволивший изменить хронологические рамки в историографии ГУЛАГа в Республике Коми [1].

Данный отчет выполнялся учеными отдела истории Коми филиала АН СССР В.Н. Давыдовым, В.В. Старцевым, В.С. Дегтевым, А.Н. Александровым в начале 1960-х гг., в так называемый период «хрущевской оттепели», открывшей многие архивные документы, позволившие по-новому взглянуть на освоение Севера. При написании главы были использованы документы Центрального государственного архива Коми АССР, Партийного архива Коми АССР, Партийного архива Коми обкома КПСС, Архива Министерства охраны общественного порядка, Архива Ухтокомбината.

Седьмая глава отчета «Создание Печорского промышленного района» была написана историком Алексеем Николаевичем Александровым. Алексей Николаевич пришел в отдел в 1962 г. на должность младшего научного сотрудника и был подключен к выполнению плановой темы «Борьба за социалистическую реконструкцию народного хозяйства Коми АССР (1918–1937 гг.)». Данная глава отчета – первая большая научная работа историка, в дальнейшем специализирующегося по периоду Великой Отечественной войны. Кандидатскую диссертацию «Вклад трудящихся Коми АССР в победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» А.Н. Александров защитил в 1968 г.

Из 449 страниц отчета Глава 7 насчитывает 122 страницы и включает три параграфа: 1. Начало широкого изучения и первоначального освоения бассейна Печоры в годы первой пятилетки (1929–1932 гг.). Создание Ухто-Печорского треста. 2. Развитие Печорского промышленного района в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.). 3. Партийная организация Ухто-Печорского треста во главе борьбы производственных коллективов за досрочное выполнение задач второй пятилетки.

Автор данной статьи не ставит целью показать всю деятельность Ухтинской экспедиции и Ухто-Печорского треста в годы первых пятилеток, изложенную и проанализированную А.Н. Александровым. Нами рассмотрены следующие аспекты поднятой проблемы: трудовые ресурсы Ухтинской экспедиции и Ухто-Печорского треста, основные направления их деятельности, вклад центральных научных и производственных учреждений и организаций в создание Печорского промышленного узла.

В отчете на большом архивном материале, впервые вводимом в научный оборот, доказывается, что география ГУЛАГа с 1930-х гг. определяет территориальную структуру хозяйства Республики Коми. Уже к середине 1930-х гг. ГУЛАГ превращается из поставщика рабочей силы различным ведомствам по договорам в субъект деятельности в самых разных отраслях хозяйства – от лесной промышленности и строительства до научных и опытно-конструкторских бюро, в движущую силу территориально-производственных комплексов, охвативших целые регионы, в том числе и Автономную область Коми. К концу 1930-х гг. НКВД СССР становится не только карательным, но и экономическим министерством. ГУЛАГ в 1930–1950-е гг. играл ведущую роль на «великих стройках», которые было невозможно осуществить без массового применения бесправной, почти бесплатной, чаще всего малоквалифицированной рабочей силы. Если в опубликованных ранее работах по истории и экономике Коми АССР освоение Ухто-Печорского края представлено как «самоотверженный труд пионеров освоения Севера» [2], то в первых строках отчета указывается: «Практические работы по промышленно-транспортному освоению районов Европейского Севера, малодоступных и почти безлюдных, были поручены Объединенному Государственному Управлению при СНК СССР (ОГПУ), которое располагало аппаратом управления, построенным на сочетании в себе военной дисциплины с хозяйственной гибкостью и некоторым опытом работы в суровых природно-климатических условиях Севера» [3].

Размещение объектов ГУЛАГа в Коми области было продиктовано задачей освоения необходимых природных ресурсов, прежде всего энергетического сырья, и колонизацией новых территорий Крайнего Севера. В мае 1929 г. ОГПУ обратился в Геологический комитет ВСНХ с просьбой сообщить все данные об Ухтинском нефтеносном районе и предполагаемых работах текущего года «в связи с решением ОГПУ в самом срочном порядке произвести разведку указанного района на нефть и другие полезные ископаемые минералы» [4]. Так решился вопрос об организации так называемой «Ухтинской экспедиции» 1929 г., подробное описание состава и оснащения которой дано в материалах отчета. Определенный интерес представляют приведенные автором

документы, описывающие путь Ухтинской экспедиции к Ухте и на Воркуту, в том числе стихи участника экспедиции Иннокентия Верховцева (И.Маева), обнаруженные автором в архиве МООП Коми АССР [5].

В данном отчете нас интересуют, прежде всего, данные по численности и составу Ухтинской экспедиции и Ухто-Печорского треста. Указывается: «Ухтинская экспедиция, затем Ухто-Печорский трест обеспечивались преимущественно временным контингентом работников по линии исправительно-трудовых учреждений. Свободный наем и вербовка квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала имели незначительное место». Так, «коллектив экспедиции на 1 июня 1930 г. состоял из 302 чел., вместо 1003 чел. предусмотренных планом». «За годы пятилетки численность работников Печорского промышленного района увеличилась до 10 000 человек и продолжала возрастать, но кадры были неустойчивыми и в подавляющем большинстве неквалифицированными. Поэтому воспроизводство квалифицированных рабочих массовых профессий и закрепление их на местах осуществлялось непосредственно в процессе производства» [6].

Алексей Николаевич показывает следующий состав рабочих и инженерно-технических кадров: «Формирование постоянного ядра квалифицированных рабочих и технической интеллигенции шло за счет людей, прибывавших из старых промышленных центров Российской Федерации, Украины, Кавказа по путевкам партийных органов и соответствующих наркоматов и ведомств, а также по вольному найму и вербовке. Эта группа работников, небольшая по количеству, являлась первоначальным ядром рабочего класса и технической интеллигенции Печорского промышленного района и играла ведущую роль в деле воспроизводства постоянных кадров рабочих. Другим источником роста постоянных промышленных кадров была т.н. колонизация или административные поселения. Эта категория являлась более многочисленной» [7]. Далее автор указывает, что бедность местных трудовых ресурсов ограничивала возможность направления на стройку сельской молодежи из близлежащих районов.

Численность производственных кадров Ухто-Печорского треста во второй пятилетке автором отчета представлена в таблице.

Таблица 1

Рост производственных кадров Ухто-Печорского треста во второй пятилетке

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
1. Уголь					
Всех рабочих	3160	8580	14000	21008	28594
в т.ч. квалиф.	1720	8580	7640	11448	16008
инженеров	15	36	57	87	126
техников	125	297	469	714	1036
служащих	176	416	656	1000	1454
Итого	3476	9329	15182	22809	31210
2. Нефть					
Всех рабочих	1190	3365	3165	12455	19555
в т.ч. квалиф.	648	1838	3900	6780	10600
инженеров	6	18	38	67	88
техников	35	99	210	367	570
служащих	54	152	332	560	874
Итого	1285	3634	7735	13449	21087
3. Гор.сланцы					
Всех рабочих	—	—	600	1800	4200
в т.ч. квалиф.	—	—	320	980	2290
инженеров	—	—	3	10	23
техников	—	—	18	53	124
служащих	—	—	27	81	188
Итого	—	—	648	1944	4535
Всего	4761	12963	22917	38202	56932

Таким образом, общая численность рабочих, инженеров, техников и служащих на предприятиях треста в годы II пятилетки увеличилась почти в 12 раз (с 4761 чел. в 1933 г. до 56932 чел. в 1937 г.). Численность квалифицированных рабочих возросла с 1720 до 16088 чел. [8].

Таблицу дополняют сведения о подготовке кадров массовых рабочих профессий: «Важнейшим источником, за счет которого пополнялись кадры квалифицированных рабочих Ухтпечортреста, было преимущественно профессионально-техническое обучение на предприятиях, которое охватывало подготовку кадров массовых

профессий по всем специальностям, имеющим применение в промышленности и в подсобном хозяйстве Ухтпечортреста». В общей сложности за годы первой и второй пятилетки через систему профтехучебы прошло свыше 25 тыс. чел., среди них по ведущим отраслям было подготовлено: буровиков – 2898, горняков – 5844, металлостроителей – 2196, эксплуатационников по нефти – 638, строителей – 4189, энергетиков – 2784, химиков – 404 чел. «Однако отсутствие надлежащих условий для закрепления на производстве рабочих массовых профессий, профтехучеба, несмотря на ее большой размах, все же отставала от нужд производства в квалифицированной рабочей силе» [9]. Автор указывает на эти «ненадлежащие условия»: в начальный период работы практиковались чрезвычайные меры: ненормированный, а затем 12-часовой рабочий день, без специальных дней отдыха. Это оправдывалось необходимостью закрепления на месте высадки, обустройства надежной базы до наступления холодов. Эта чрезвычайная мера в дальнейшем стала тормозом для создания предпосылок роста производственно-технического уровня кадров и повышения производительности труда.

Политическую обстановку того периода характеризует следующий документ, приведенный автором отчета: «В то время, – писал один из работников, – часть инженерно-технического персонала была заражена бактериями неверия не только в вопросах индустриализации Севера, но и глубоко поражена оппортунистическими взглядами и полным неверием в дело реализации пятилетнего плана строительства СССР» [10]. В отчете приводятся фамилии известных геологов, химиков, инженеров, отправленных в Ухту не по своей воле: А.А. Аносов, К.К. Войновский-Кригер, И.М. Леднев, Н.Н. Тихонович, А.А. Волшановский, И. Лямин, И.И. Гинзбург, Н.Н. Инкин, И.Я. Башилов. Во второй пятилетке проходил быстрый рост инженерно-технических кадров Ухтпечортреста. Численность инженеров по углю увеличилась с 15 чел. в 1933 г. до 126 чел. в 1937 г., по нефти, соответственно, с 6 чел. до 88 чел. [11].

В отчете приводятся примеры совместной деятельности специалистов Ухтинской экспедиции и ряда центральных научно-исследовательских институтов и трестов страны: например, геолого-разведочная партия Угольного института в зиму 1930–1931 гг. перешла на стационарный метод разведки в районе р. Кожим, притока Усы, а весной 1931 г. все геолого-разведочные работы, проводимые ГГРУ в этом районе, вместе со всем оборудованием и специалистами были переданы Ухтинской экспедиции. Участие Академии наук СССР в решении вопросов, связанных с развитием промышленности и транспорта в Печорском промышленном узле, в отчете показано на работе Печорской бригады Академии наук летом 1933 г. [12].

Некоторые документальные материалы, приведенные в отчете, проливают свет на открытие якобы «лечебных» качеств Ухтинской радиевой воды и опытные работы в этом направлении: записка химика Китаева о широкой перспективе применения радиоактивной воды в медицинских целях, опыты с Ухтинской водой в дерматологической клинике проф. Мещерского в Москве, постановка перед Наркомздравом вопроса об организации на Водном курорте союзного значения [13].

Составленные автором по архивным данным таблицы показывают основные направления деятельности Ухтопечортреста за годы первых пятилеток. Из наиболее информативных можно отметить следующие: «Рост геологических работ Ухтинской экспедиции в I пятилетку», «Добыча и вывозка угля в 1931–1932 гг.», «Рост грузооборота и пополнение флота по р. Печоре во 2-й пятилетке», «Сельскохозяйственное производство в Ухтинской экспедиции в 1930–32 гг.», «Выполнение плана завоза грузов на Воркуту», «Рост производственных показателей Ухто-Печорского треста по нефти», «Развитие асфальтодобывающей промышленности Ухтопечортреста в годы II пятилетки», «Основные производственные показатели Водного промысла Ухтопечортреста в 1931–37 гг.», «Распределение посевной площади сельхозов Ухтопечортреста по культурам и валовой сбор в 1937 г.», «Развитие всего растениеводческого хозяйства Ухтопечортреста в годы I и II пятилеток», «Развитие животноводческого хозяйства Ухтопечортреста в 1931–37 гг.», «Рост производственных показателей Ухто-Печорского треста во II пятилетке» [14].

Рост государственных ассигнований на освоение Печорского промышленного района представлен в табл. 2.

Таблица 2

Капиталовложения по Ухтопечортресту за I и II пятилетки, тыс. руб.

Кап. вложения за I пятилетку	Капитальные вложения во II пятилетке					Всего за II пятилетку
	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	
14800	15000	19000	20000	32000	65000	151000

Из табл. 2 следует, что во второй пятилетке государственные ассигнования возросли более чем в 10 раз [15].

В этом отчете дана информация о местной производственной печати, представленной стенными и печатными промысловыми газетами: «Северный горняк», «Вышка» – нефтепромысел № 1; «Полярный шахтер» – Усинское отделение треста; «За новую технику» и «Недра Севера» – Бюро инженерно-технических работников треста; бюллетень «На вахте» – промысел Водный, играющими большую роль в развитии соцсоревнования [16].

Если по итогам первой пятилетки автор отметил, что: «Исследование всех аспектов промышленного освоения ископаемых богатств Ухто-Печорского бассейна в годы I пятилетки **показывает, что оно развивалось в направлении создания комплексного территориального промышленно-транспортного комбината**», то в заключении делает вывод: «В итоге семилетней работы по строительству Ухто-Печорского промышленного района были, во-первых, выявлены значительные запасы полезных ископаемых – угля, нефти, газа и других ископаемых, которые являются базой для дальнейшего развития промышленности в этом районе; во-вторых, осуществлено первоначальное освоение этих полезных ископаемых; в-третьих, созданы соответствующая техническая база, кадры, а также собственная культурная база, что обеспечивало более легкое развертывание дальнейшего промышленного строительства в этом районе. Таким образом, строительство Ухто-Печорского района подошло к следующему этапу – к превращению его в мощную топливную базу на Севере » [17].

Шестидесятники – люди послесталинской оттепели, принесли в страну дух свободы. Цензура оставалась, но надзор стал несколько ослабленным. Из-под спуда запретов и гонений пробилась новая поросль образованных, мыслящих людей, к числу которых относился и А.Н. Александров. Но оттепель закончилась, цензура усилилась и отчет так и не был опубликован.

Источники и литература

1. Научный архив Коми научного центра УрО РАН (далее – НА Коми НЦ УрО РАН) Ф. 1. Оп. 12. Д. 50.
2. Печорский угольный бассейн. Сыктывкар, 1957; Печорский угольный бассейн. 1934–1959. Л.: Лениздат, 1959; Очерки по развитию промышленности Коми АССР. Сыктывкар, 1956; Очерки по истории Коми АССР. Т. 2: 1917–1961. Сыктывкар, 1962.
3. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 50. Л. 247-248.
4. Там же. Л. 248.
5. Там же. Л. 252-253.
6. Там же. Л. 265-266.
7. Там же. Л. 266.
8. Там же. Л. 351.
9. Там же. Л. 352.
10. Там же. Л. 270.
11. Там же. Л. 353.
12. Там же. Л. 287, 314-318.
13. Там же. Л. 299.
14. Там же. Л. 265, 296, 303, 307, 319, 320, 333, 339, 340, 345, 346. 351.
15. Там же. Л. 319.
16. Там же. Л. 360.
17. Там же. Л. 309, 365.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И РЕПАТРИАНТЫ В ТОРФОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В 1940-е гг.

Н.А. Родионов (Ижевск, Россия)

Анализ отечественной историографии показывает, что вне внимания исследователей остаются вопросы истории создания отдельных индустриальных отраслей национальной экономики. Сегодня нуждается в изучении история возникновения и развития торфодобывающей промышленности. В частности, пока слабо проанализированы источники, обуславливающие создание и развитие торфяного производства на Урале в 1920–1940-е гг., отсутствуют публикации, рассматривающие вопросы формирования трудовых ресурсов.

В настоящей работе автор своей основной задачей ставит освещение вопросов численности, состава, географии размещения и использования труда спецпереселенцев и репатриантов в торфодобывающей промышленности Урала в 1940-е гг.

Становление торфодобывающего производства на Урале относится к 1920–1930 гг. и тесно связано с реализацией государственной политики по подъему индустриального хозяйства регионов [1]. На съезде торфяных деятелей Урала, состоявшемся в декабре 1920 г., отмечалось: «...наша задача – поставить торфяное дело на серьезную ногу» [2]. В этот период разворачивается добыча торфа на Частинских торфяных разработках Пермской губернии. Здесь трудились торфяницы-артельщицы из Брянской и Рязанской губерний [3]. Начинается строительство первых торфодобывающих предприятий («Басьяновское», «Лосиное», «Монетное»). Проводятся работы по выявлению новых центров для создания предприятий. Уральские власти выдвинули перед Москвой вариант сооружения Сарапульской торфяной электростанции [4]. Решения принимались и по другим крупным торфяным базам Урала. На западе региона были образованы в конце 1930-х гг. Увинтофоуправление и Увинторфстрой. Первая Свердловская областная производственная конференция Уралторфотреста, состоявшаяся 14–16 октября 1936 г., констатировала, что потребность в сезонной рабочей силе для торфопроизводства по стране выражалась в 120 тыс. чел., и что «...из года в год труднее становится вербовать рабочих-колхозников» [5].

Региональные периодические издания – журналы «Хозяйство Урала», «За индустриализацию УАО», газеты «Уральский рабочий», «Ижевская правда» и др. – широко освещают торфяную проблему [6].

В предвоенный период продолжается укрепление управленческой вертикали торфяной отрасли. В соответствии с постановлением Экономсовета при СНК СССР от 6 декабря 1940 г. вышел приказ Наркомата вооружения СССР от 13 декабря 1940 г. «Об организации Государственного Союзного треста «Оборонторфстрой» НКВ» [7]. В ноябре 1942 г. распоряжением СНК СССР он был переименован в Союзный Ижевский торфяной трест Народного комиссариата вооружений СССР.

Индустриализация Урала в 1920–1940-е гг. совпала с началом создания торфяной промышленности в регионе. Одним из крупных центров торфодобычи здесь предполагалось сделать Удмуртскую республику. Выявленные в 1920–1930-е гг. запасы торфа открыли возможности для расширения торфодобычи и укрепления топливной базы экономики Урала и его территориальных субъектов. Так, если в предвоенные годы (1937 г.) в Удмуртии было добыто 3 тыс. т торфа, то в 1940 г. – 28 тыс. т. В целом по Уральскому региону добыча торфа увеличилась с 1145,3 тыс. т в 1937 г. до 2086 тыс. т в 1940 г. [8].

В период Великой Отечественной войны в связи с расширением военного производства большое внимание уделялось укреплению топливно-энергетической базы. По оценке исследователей, именно развитие этого сегмента региональной экономики являлось важнейшим фактором непрерывного роста военного производства на Урале [9]. Правительство выделило на расширение топливно-энергетической и сырьевой базы уральской промышленности около 4 млрд. руб. [10]. В Молотовской, Свердловской и Челябинской областях в 1943 г. добыча торфа увеличилась в 2–3 раза. В регионе вступило в строй несколько торфодобывающих предприятий, были введены в эксплуатацию многие мелкие месторождения, а также расширена торфодобыча вблизи от промышленных центров [11]. Крупным центром интенсивного освоения торфяных ресурсов на Урале становится Удмуртская Республика. Трестом «Оборонторфстрой» здесь были созданы несколько новых торфопредприятий [12].

Дефицит рабочей силы и технических специалистов был одним из дестабилизирующих факторов на этапе создания и становления торфяной отрасли. В 1930–1940-е гг. происходило формирование уральских рабочих кадров торфяников. Среди рабочих на торфоразработках региона были башкиры, русские, татары, удмурты [13]. По линии Башкирского и Удмуртского обкомов партии налаживалось информационно-просветительское обслуживание рабочих на их родном языке [14]. Наряду с сезонниками, завербованными на территории Урала или из-за его пределов, мобилизованными рабочими на предприятиях торфодобычи трудились эвакуированные граждане, заключенные ИТК и иностранные военнопленные [15]. В период войны в составе рабочих-торфяников преобладало местное мобилизованное население из городов, рабочих и сельских поселений. Трудовая повинность была одной из главных форм мобилизации рабочих на добычу торфа [16].

В период войны и после ее окончания значительную долю среди уральских рабочих-торфяников представляли спецпереселенцы, отличавшиеся широким составом. Поступление больших по количеству партий спецпереселенцев в основные торфодобывающие центры Урала статистикой отмечено главным образом в послевоенный период. Так, в сентябре 1945 г. в Удмуртию прибывает очередной крупный контингент спецпереселенцев (2106 чел.). Он весь поступил в распоряжение Союзного Ижевского торфяного треста. Контингент спецпереселенцев был размещен на шести предприятиях. По состоянию на 1 октября 1946 г. общее количество спецпереселенцев на торфопредприятиях Удмуртии составляло 3238 чел. На 1 июля 1947 г. на учете по Ижторфтресту состояло 3109 спецпереселенцев, из них работающих – 1697 чел. [17]. Необходимость использования труда спецпереселенцев и репатриантов в торфяной промышленности оставалась высокой и в последующий период. Сохранялся дефицит рабочей силы, как постоянного кадра, так и особенно сезонников. Об этом свидетельствуют данные по отдельным предприятиям.

Состав спецпереселенцев, водворенных в торфяную промышленность Урала, представлял собой собственно взрослое мужское и женское трудоспособное население, одиночки и семьи с детьми. Иногда статистика отмечает отдельно трудоспособную часть работников, занятых на торфопредприятиях, и количество семей (иждивенцев, детей) спецпереселенцев. Выявленные источники по отдельным предприятиям дают более подробную картину состава спецпереселенцев. Так, на торфопредприятии «Нюрдор-Котья» по данным на 15 июля 1947 г. общее количество спецпереселенцев с семьями составляло 728 чел., из них мужчин – 158, женщин – 315, иждивенцев – 81, детей – 174. На производстве работало 496 чел., из них 138 мужчин. На торфопредприятии «Увинское» в июле 1947 г. насчитывался 891 спецпереселенец с семьями, из них работало 483 чел. В целом, выявленные сведения о составе рабочих по торфопредприятиям показывают, что количество спецпереселенцев во много раз превышало другие категории (мобилизованные рабочие, эвакуированные).

В условиях военного времени и в последующий период не все предприятия в регионе могли обеспечить жильем прибывающие к ним группы спецконтингентов. Так, на торфопредприятии «Чернушка-Вожойка» осенью 1945 г. были начаты работы по строительству землянок для спецпереселенцев. Впоследствии на такой базе самостроя и проведения закрепления освоенной территории за спецпереселенцами предусматривалось создание постоянного жилья с приусадебными участками [18]. Таким образом, отдельные рабочие поселки в районах торфодобычи на Урале в 1940-е гг. возводились руками самих спецпереселенцев.

Строительство бараков, общежитий барачного типа и других домов на предприятиях шло медленно. Жилищно-бытовые условия рабочих-торфяников оставались долгое время неудовлетворительными. Приказом управляющего Союзным Ижевским торфяным трестом от 30 ноября 1945 г. предусматривалось «...принять срочные меры к ликвидации перенаселенности в бараках-общежитиях, в особенности среди спецпереселенцев» [19]. Проблемы жилищного обустройства решались также путем расселения спецпереселенцев в домах, арендуемых у крестьян-колхозников, а также оказанием помощи в строительстве и приобретении ими собственных домов.

Социально-бытовое обслуживание рабочих на торфодобывающих предприятиях Урала в годы войны налаживалось медленно, что вызывало в свою очередь большое количество жалоб. Магазины, ларьки, бани, санпропускники нарушали графики работы. Медпункты и изоляторы находились в плохом состоянии. Недостаточно было жесткого инвентаря, медикаментов. Почти такое же состояние жилищно-коммунальной и социальной сферы было отмечено и в послевоенный период на предприятиях «Галево», «Нюрдор-Котья», «Увинское» и др. Выявленные архивные источники показывают, что отдельные руководители мало заботились о людях. Так, директор торфопредприятия «Галево», будучи заранее проинформированный о немедленной и всесторонней подготовке к принятию и распределению направляемого спецконтингента, не подготовился к приему людей. Прибывшие 2 ноября 1945 г. спецпереселенцы встретились с целым рядом затруднений при расселении.

Принимались меры по дополнительному закреплению рабочих на торфяном производстве. Министр вооружения СССР Д.Ф. Устинов 29 марта 1947 г. подписывает приказ о направлении на торфопредприятия Ижторфтреста на сезон торфодобычи 1947 г. 2000 человек рабочих помимо плана по оргнабору [20]. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 25 августа 1946 г. хозяйства репатриантов, мобилизованных и эвакуированных рабочих, заключивших индивидуальные договоры с предприятиями Ижторфтреста сроком не менее трех лет освобождались от обязательных государственных поставок сельскохозяйственных продуктов. Заключение договоров по закреплению на торфопроизводстве с прочими, не перечисленными выше категориями работников не предусматривалось. Таким образом, спецпереселенцы не попали под действие принятых правительственных и ведомственных решений.

В целях обеспечения новой добывающей отрасли трудовыми ресурсами с 1 сентября 1946 г. повышалась заработная плата рабочим и инженерно-техническим работникам торфодобывающих предприятий Ижторфтреста. Пересматриваются лимиты продовольственного снабжения рабочих, предоставляемых торфопредприятиям, в размерах, обеспечивающих завоз новых рабочих по планам оргнабора. Также выделялись дополнитель-

ные фонды на продовольственные и промышленные товары, постельные принадлежности, спецодежду, галоши и другие предметы [21].

Одной из характерных черт рассматриваемого периода стало интенсивное использование женского труда в торфяной промышленности. Доля женского труда среди рабочих-торфяников значительно увеличилась. Широко привлекались на производство женщины-спецпереселенки. Мобилизованные сезонники, эвакуированные и спецпереселенки вынесли основную тяжесть работ на предприятиях. Имелись многочисленные факты самоотверженного, упорного труда женщин-торфяниц. Так, бригада А. Кожевой (торфопредприятие «Увинское») в июле 1943 г. нарезала по 32–34 тыс. штук торфяных кирпичей при норме в 31 тыс. штук. В сезон 1944 г. резчица торфа торфопредприятия «Майское» А.И. Кропачева выдала в одну из рабочих смен 65 куб. метров торфяной массы, выполнив задание на 467,3%. Вместе с другими работницами спецпереселенки в 1940-е гг. добыли и убрали тысячи тонн торфяного топлива. Причем, вся эта работа производилась не столько механическим способом, сколько вручную, и это был тяжелый, изнурительный труд. Имеющиеся исследования и воспоминания показывают условия производства в военный и послевоенный период: «...работали в ужасных условиях: вручную, в сырости, в холоде, с весны до осени, пока не выпадет снег. Молодые девушки 15–17 лет корчевали пни ломами и топорами» (торфопредприятие «Тюлькино-Пушкари»).

Нахождение в тылу спасло многих из спецпереселенцев от массового физического уничтожения. Тем не менее жертвы были. Тяжелые условия труда на торфяном производстве, неустроенность быта, недостаточное питание, морально-психологический прессинг и болезни унесли немало жизней. Оставшиеся на Урале спецпереселенцы, репатрианты и их потомки в 1940–1950-е гг. составили ядро формирующихся постоянных кадров рабочих-торфяников. Многие из них стали кадровыми рабочими, а отдельные – специалистами и руководителями на торфодобывающих предприятиях. В конце XX в. началась работа по реабилитации бывших спецпереселенцев. Значительная группа реабилитированных граждан, наших соотечественников эмигрировала в этот период за границу.

В целом, изучение темы позволило не только раскрыть действие государственного репрессивного механизма в одном из крупных регионов страны, но и глубже понять особенности создания торфодобывающей промышленности на Урале в 1920–1940-е гг., выяснить, как происходило формирование кадров торфяников и шире представить структуру (состав) рабочих.

Следует подчеркнуть, что создание торфодобывающей промышленности на Урале в 1920–1940-е гг. происходило в сложных условиях. Наиболее острой оставалась проблема с кадрами. В условиях войны сохранялся мобилизационный принцип обеспечения рабочей силой новой отрасли. В торфяную промышленность Урала по плановой мобилизации направлялись работники из Башкирии, Удмуртии, Мордовии и других республик и областей. Использование временной рабочей силы (спецпереселенцы, сезонники, эвакуированные, иностранные военнопленные и др.) принесло определенный, хотя и не крупный, экономический эффект. Именно за счет использования труда спецпереселенцев, репатриантов и других категорий репрессированного населения произошло расширение топливной базы Урала. Спецпереселенцы внесли значительный вклад в создание и расширение торфяного производства на Урале, формирование и укрепление социальной инфраструктуры рабочих поселков торфяников.

Спецпереселенцы и репатрианты в 1940-е гг. представляли наиболее крупную по численности группу рабочих торфяной промышленности. Дислоцировавшиеся в различных частях Уральского региона спецпереселенцы, репатрианты и другие категории «свободного» репрессированного населения стали источником формирования первых постоянных кадров рабочих-торфяников, основой для создания трудовых коллективов новых торфодобывающих предприятий.

Источники и литература

1. Родионов Н.А. Создание торфодобывающей промышленности на Урале (1920–1940-е гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 172–178.
2. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р–11. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.
3. ГАСО. Ф. Р–1815. Оп. 1. Д. 208. Л. 54, 54 об.
4. Центр – об Урале // Уральский рабочий. 1930. 11 апр.
5. ГАСО. Ф. Р–2205. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
6. Торфотрест и электростанция отвиливают от ответственности за перебои в работе торфяников // Уральский рабочий. 1930. 8 марта; Гнать классового врага с торфоразработок! // Уральский рабочий. 1930. 7 мая.
7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р–1081. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2, 8.
8. Ученые записки кафедры истории КПСС / Пермский государственный ун-т им. А.М. Горького. № 133. Пермь, 1965. С. 170.
9. История Урала. Пермь, 1965. Т. II: Период социализма. С. 40.
10. Клименко К. Уральский промышленный район. М., 1945. С. 4; Урал – фронту. М., 1985. С. 44.

11. Клименко К. Уральский промышленный район... С. 51, 53.
12. Родионов Н.А. Рабочие-торфяники Удмуртии в период Великой Отечественной войны // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Глазов, 2002. С. 26.
13. ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 32. Л. 27, 27об.
14. Урал – фронту... С. 92.
15. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Ф. 2295. Оп. 1. Д. 1. Л. 81; Д. 3. Л. 7.
16. Клименко К. Уральский промышленный район... С. 51, 53; Урал-фронту... С. 127, 160, 162.
17. ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 32. Л. 80; Д. 48. Л. 51.
18. ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 48. Л. 51, 51об.
19. ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 32. Л. 121.
20. ЦГА УР. Ф. Р-1081. О. 1. Д. 48. Л. 88, 89, 90.
21. ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-11-18001 а/У).

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДОВЫХ КАДРОВ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ГУЛАГА В КОМИ АССР

А.А. Нисковский (Сыктывкар, Россия)

Как известно, ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения), являвшийся основным элементом пенитенциарной системы Советского Союза в 1930–1950-х гг., был одновременно важным звеном в структуре экономики страны. Организуемые в регионах исправительно-трудовые лагеря, спецпоселки и иные поселения имели своей основной целью промышленное освоение и развитие этих территорий. Не секрет, что Коми АССР в тоталитарной политике государства занимала особое место, что выразилось в создании в этом крае самой крупной сети лагерей и спецпоселений на Европейском Северо-Востоке СССР и, пожалуй, по всей стране.

После революции и Гражданской войны большевики инициировали использование этого региона как места изоляции своих политических противников. В середине 1920-х гг. сюда направляли в административную ссылку тех, кого освобождали из Соловецкого лагеря особого назначения. Начальник Коми-зырянского отдела ОГПУ А. Дроздов в 1925 г. сообщал, что в Коми автономной области (с 1936 г. – Коми АССР) 117 административных ссыльных, в том числе один кадет, 43 эсера, 17 анархистов, 50 «невыясненных и разных». Кроме того, в Коми край ссылались и представители православного духовенства. В 1927 г. их было 57, в том числе семь епископов [1].

В конце 1920-х гг. ссылка резко расширяется, что объясняется начавшимся процессом индустриализации. Власть поняла, что может «убить двух зайцев»: во-первых, убрать из поля зрения, как это тогда говорилось, «социально опасные элементы» (в том числе физически) и, во-вторых, за их счет наладить добычу и транспортировку природных богатств Севера.

В 1930–1950-е гг. в Коми АССР располагались крупные лагеря НКВД, которые руками заключенных осуществляли промышленное освоение природных богатств республики и всего Европейского Севера страны.

В рамках стартовавшей в конце 1920-х гг. экономической модернизации местные власти в регионе планировали создать полный цикл обработки лесной продукции: лесозаготовка, деревообработка, лесохимия. С развитием этой отрасли промышленности постепенно выдвигались бы добыча и переработка полезных ископаемых, богатейшие месторождения которых были открыты на территории Коми края в это время. Однако вскоре стало ясно, что наладить добычу и переработку собственными силами область не могла – прежде всего, в силу малочисленности населения, особенно северных ее территорий, где находилась основная часть природных богатств, и малого количества промышленных рабочих [2]. Этот факт и повлек за собой дальнейшие события в истории республики, а именно использование лагерного метода в освоении Севера.

Специфика лагерного строительства нашла свое отражение в докладной записке Управления строительства Главжелдорстрою в ноябре 1932 г.: «Общая тенденция ГУЛАГа, – отмечено в документе, – показать максимальное выполнение работ, не заботясь о правильности и порядке их выполнения...» [3].

Колебания численности спецконтингента в разных подразделениях зависели от производственных задач, требовавших приток рабочей силы на тот или иной участок, заболеваемости и смертности заключенных. Уже в 1930 г. в Коми находилось свыше 20000 заключенных [4]. Через самые большие лагеря системы ГУЛАГа в регионе, такие, как Севжелдорлаг, за период его существования с 1939 по 1950 г., прошло (путем суммирования списочных составов на 1 января каждого года) 371400 чел., Севпечжелдорлаг (1941–1950 гг.) – 473200 чел., Устьвымылаг (1931, 1938–1959) – более 380000 чел., Воркутлаг (1939–1959) – более 700000 чел., Ухтпечлаг (1932–1938) – 179900 чел. [5]. Социальный состав определялся явным преобладанием крестьян. В 1929–1934 гг. на втором месте стояли мещане, затем дворяне, священники и рабочие. С 1934 г. стремительно увеличивается количество служащих и рабочих.

По возрасту преобладала группа от 30 до 60 лет (около 60% списочного состава). Заключенные в возрасте от 20 до 30 лет составляли около 25-30% списочного состава лагподразделений. По национальному составу доминировали русские (85-90%), затем шли украинцы, белорусы, татары, немцы и др. Женщины составляли около 10% списочного состава лагерей [6].

Многие заключенные отбывали срок по 58-й статье Уголовного Кодекса (эта тенденция наметилась с 1936 г., времени «кровавого террора») «Преступления государственные и контрреволюционная деятельность» [7]. Осужденные лица неофициально делились на «политических» и уголовных: «Нас называли СОЭ – социально опасный элемент и СВЭ – социально вредный элемент. Политические заключенные, осужденные особой комиссией НКВД, обычно относились к первой категории, а уголовники, осужденные административно, входили во вторую категорию» [8]. Первые считались «врагами народа», вторые – «друзьями народа». Соответственно, судя из формулировок, «врагов» необходимо было изолировать либо уничтожить, «друзей» можно и нужно перевоспитать.

Однако по стране жертвы пресловутой 58-й статьи количественно составляли от четверти до трети всех заключенных ГУЛАГа. Большинство узников лагерей не было ни «политическими», ни уголовниками, «а лишь обычными гражданами, жертвами полицейского подхода к трудовым отношениям и нормам социального поведения»: «Они попадали в лагерь по одному из многочисленных репрессивных законов, которыми были окружены практически все сферы деятельности. Законы касались “расхищения социалистической собственности”, “нарушения паспортного режима”, “хулиганства”, “спекуляции”, “самовольных отлучек с рабочего места”, “саботажа” и “недобора минимального числа трудодней” в колхозах» [9].

Использовался и труд заключенных, осужденных за уголовные преступления, но таких было немного. Кроме того, они привлекались к наиболее легким работам. Уголовники были своего рода опорой лагерного начальства. Им многое прощалось, например, почти открытое воровство [10].

Лагерь часто получали такую рабочую силу, которая не могла выполнять физическую работу, а те, кто попадал в исправительно-трудовые учреждения ГУЛАГа, в большинстве своем становились доходягами, людьми, доведенными до крайнего физического истощения. Вследствие неудовлетворительных условий содержания заключенных, отсутствия жилищного фонда (использовались палатки, временные бараки), антисанитарии, скудности питания, нехватки обуви и одежды и других самых необходимых вещей, очень высока была заболеваемость и, как следствие, смертность.

Особенностью того периода является отношение власти к людям как «винтикам» государственной машины, которые в любой момент можно использовать там, где нужно и при необходимости легко заменить. Мы полагаем, что наиболее показательными являются воспоминания Б.Д. Серова, в которых иллюстрируется это положение и говорится о потребности лагерей в специалистах: «Еще более отвратительный случай с инженером-лесоизыскателем Николаем Григорьевичем Орловым... Михаил предложил (Николаю Орлову – А.Н.) пойти на работу в НКВД инженерами, дескать, своих-то они не тронут. Николай посмеялся, а брат осуществил свое намерение, и был направлен на Дальний Восток. В 1937 г. в ведомстве, где он работал, понадобился специалист по лесу. На одном из совещаний у Михаила вырвалось: “Эх, был бы сейчас рядом мой Коля, все бы решили без труда». Его спросили, кто такой Коля, где живет. А через два месяца Николай с приговором 10 лет лишения свободы предстал перед “ясные очи” старшего брата» [11].

Еще одной категорией строителей Севера являлись спецпоселенцы (или спецпереселенцы) – репрессированные крестьяне и иностранцы, осужденные в шпионаже или этнически принадлежавшие к врагам советского государства (немцы, поляки и т.д.). Государство намеревалось использовать их принудительный труд для решения задач модернизации экономической системы страны. Спецпоселенцы были необходимы для освоения лесных богатств Коми края. Одной из главных особенностей переселения являлось то, что людей перевозили вместе с семьями и некоторым личным имуществом для создания хозяйства на новом месте жительства, т.е. была организована грандиозная принудительная миграция.

Секретное августовское постановление 1930 г. СНК СССР предписывало ВСНХ наметить конкретные меры по максимальному использованию спецпереселенцев-кулаков на лесозаготовительных работах [12]. 26 января 1930 г. в трест «Комилес» (в основном, новые трудовые резервы передавались в его ведение) поступила инструкция, в которой указывалось, что «в Высших органах разрабатывается проект расселения кулацкого элемента деревни, преимущественно в северных частях Союза, с возможностью для этого элемента заниматься общепольным трудом» [13].

В Коми край выселялись хозяйства из Нижневолжского, Средневолжского и Нижегородского краев, Центрально-Черноземной области, некоторых районов Северного края, Украины, Белоруссии и Крыма. Первые небольшие партии административно-ссыльных в регионе появились уже в 1929 г. К 23 октября 1930 г. в Коми было передислоцировано 18971 чел. (семьями). В 1931 г. выселено 21714 чел.

В 1932 г. численность спецпереселенцев достигла максимального уровня за весь период – 38902 чел. Национальный состав спецпоселенцев, по данным ОГПУ, на 1 мая этого года в Коми был таков: немцев – 2359, чувашей – 265, евреев – девять, татар – 505, мордвин – 283, киргизов – 143, поляков – 31, армян – 39, чехов – 83, русских – 35149 чел.

Управлением спецпоселков ведали специальные комендатуры ОГПУ. Помимо своих специальных оперативных и хозяйственных функций, они осуществляли обычные административные функции: «...контроль за рациональным использованием труда спецпереселенцев, а также своевременное и объективное информирование вышестоящих инстанций и руководства хозорганизации о всех выявленных недостатках» [14]. Комендатуры вырабатывали правила внутреннего распорядка поселков, которые после утверждения «сверху», доводились до всеобщего сведения жителей поселков как обязательные административные постановления. Также по своему усмотрению они определяли выбор места и характер работ спецпереселенцев на тех или иных видах хозяйственных работ, следили за их выполнением, устанавливали величину продовольственных фондов для снабжения спецпоселенцев и нормы их распределения, наблюдали за порядком в поселках и выполняли некоторые

другие функции. В случае нарушения правил внутреннего распорядка коменданты поселков пользовались широкими правами на административные меры взыскания на спецпоселенцев – перевод на более тяжелые и хуже оплачиваемые работы, взимание денежных штрафов и арест, переселение в другие поселения и др. Жителям поселков запрещались свободное передвижение вне поселков и выезд за их пределы без разрешения комендатур, кроме того, им не давалось никаких удостоверений и видов на жительство.

Стоит упомянуть, что в спецпоселках существовала разветвленная система доноительства, поскольку был высок процент побегов.

С 1941 г. правовой статус спецпоселенцев был определен следующим образом: «Трудпоселенцы не являются свободными гражданами СССР, а являются гражданами СССР без права выезда с мест поселения, наблюдение за которыми возложено на органы НКВД» [15]. Постановление Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» объявляло: «За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района, обслуживаемого данной комендатурой. Отлучку рассматривать как побег, влечет за собой уголовную ответственность» [16].

Массовые выселения людей с отправкой на спецпоселения практиковались и в годы Великой Отечественной войны, и в послевоенный период. В 1949 г. на предприятиях «Комилеса» работало 18450 спецпереселенцев [17].

В результате принудительных миграций национальный состав населения Коми АССР был представлен практически всеми национальностями страны, а также представителями народов других государств: «Мощный поток внешних миграций способствовал бурному росту численности населения республики и оказал решающее влияние на его этнический состав» [18].

В отдельную немногочисленную, но имевшую место быть категорию трудовых кадров входили трудмобилизованные комсомольцы, а также вольнонаемные рабочие, которые хотя и были номинально свободны, работали в большинстве своем «добровольно-принудительно», т.е. не по собственному желанию. В 1940 г. «по договоренности с секретарем Областного комитета ВКП(б) Коми АССР т. Тараненко» [19] началась подготовка к приему мобилизованных на работу в лагерях комсомольцев. В Севжелдорлаг, к примеру, в этом году прибыло 616 членов ВЛКСМ. Последние использовались в качестве как разнорабочих, так и инженерно-технических работников, в том числе при проектировании грузовой переправы через р. Печору, деревянных мостов через Косью, Кожим, Сейду и Воркуту, больших мостов через Печору, Косью, Кожим, Усу, Сейду и Воркуту [20]. Помимо этого в задачи комсомольцев входило проведение «массово-разъяснительной работы» со спецконтингентом, которая шла с переменным успехом, поскольку молодые люди довольно часто «теряли связь» с партийной организацией и если и занимались профилактическими беседами, то лишь формально.

Великая северная стройка, в свою очередь, привлекла людей, приехавших в какой-то мере по своей воле – вольнонаемных работников. На начало 1941 г. таких в том же Севжелдорлаге насчитывалось 1107 чел. Внимания заслуживает то обстоятельство, что «в числе этих кадров много молодых специалистов в прошлом году окончивших учебные заведения и прибывших на строительство впервые» [21]. Таким образом, стоит усомниться в полной свободе их решения ехать на Север. Здесь речь идет, скорее, о необходимости, чем желании. По профессиям это были, в основном, инженерно-технические и медицинские работники. Однако, как отмечали в самом же лагере, оценив весьма неблагоприятную внешнюю обстановку, многие из них всячески старались трудиться «поближе» к управлению лагеря, где еще были организованы относительно комфортные бытовые условия.

Ликвидация в 1950-х гг. лагерной системы ГУЛАГа потребовала перестройки механизма комплектования индустриального комплекса Коми края рабочей силой. Вместо принудительного труда заключенных и спецпоселенцев на первое место вышла система вольнонаемного труда, которая требовала применения других методов привлечения трудовых ресурсов в этот северный край.

В феврале-июне 1957 г. в общегосударственном масштабе была организована система Совнархозов. Первого июня этого же года Совет Министров РСФСР своим постановлением образовал Совет народного хозяйства Коми экономического административного района (Коми Совнархоз). Совнархоз принял в свое подчинение более 500 промышленных предприятий,строек, организаций, в которых трудилось свыше 200 тыс. чел.

Ребром встала проблема обеспечения промышленности рабочей силой, ведь лагерь и спецпоселки ГУЛАГа прекратили свою деятельность. Были начаты поиски новых методов привлечения населения в регион: «Это оргнабор и комсомольско-молодежные бригады, повышенная оплата труда в северных условиях, и вербовка демобилизованных воинов и бывших узников лагерей в местах их прошлого заключения» [22]. Стоит отметить, что эти меры позволили сохранить положительную динамику притока населения в Коми край, но только за счет уже заложенного фундамента необходимой инфраструктуры.

Итак, советское государство в 1930–1950-е гг. создало и активно использовало обширный «рынок» бесплатной рабочей силы, которую применяло для решения задач индустриализации на Европейском Севере страны. При этом механизм привлечения трудовых кадров подразумевал применение различных категорий людей, раз-

личающихся по степени несвободы. Сюда входили заключенные исправительно-трудовых лагерей, спецпоселенцы, трудмобилизованные комсомольцы, а также вольнонаемные рабочие. Несмотря на разный с юридической точки зрения социальный статус, все они находились в экстремальных условиях и их труд тем или иным образом нес принудительный характер. Отсюда же следует объяснение феномена «добровольно-принудительного» труда, которое прочно бытует в коллективном сознании нашего общества в настоящее время и является неким синдромом «постсоветского человека». Подробный анализ этого явления позволит в дальнейшем не только объяснить психико-поведенческие установки советского человека, но и поможет корректировать вектор современного развития общества и государства.

Источники и литература

1. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУ РК «НА РК»). П-1. Оп. 2. Д.634. Л. 4-5.
2. Беловол В. Роль местных органов управления в реализации индустриальной политики Коми АССР // История политических репрессий в СССР в 1930–1950-е годы. Сыктывкар: Сыкт. гос. ун-т, 2006. С. 42-43.
3. Максимова Л.А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. ун-та, 2005. С. 8.
4. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М.: «Звенья», 1998. С. 498.
5. Рогачев М.Б. ГУЛАГ в Коми крае (1929–1960) // <http://www.finnougr.ru/life/index.php?ID=1684> (дата обращения: 20.09.2011).
6. Морозов Н.А. Интернационал ГУЛАГа в Коми // Родники Пармы. Научно-популярный сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. Вып. IV. С. 93.
7. ГУ РК «НА РК». Р-1668. Оп. 1. Д. 527. Л. 124-125.
8. Бегин М.В. «Ночи белы, а дни наши черны» / Публ. и перев. А. Нисковского // Печорское время. МУП Изд-во «Печорское время», 2003. 22 авг.
9. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковски А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л., при участии Коффер Р., Ригуло П., Фонтен П., Сантамария И., Булук С. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии / Пер. под рук. Е.Л. Храмова. М., 1999. Ч. 1: Государство против своего народа. http://www.goldentime.ru/nbk_11.htm (дата обращения: 20.09.2011).
10. Войтоловская А.Л. По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 123.
11. Печорский историко-краеведческий музей. Ф. 31. Оп. 50. Д. 24. Л. 2-3.
12. ГУ РК «НА РК». Р-144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 4.
13. ГУ РК «НА РК». Р-144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 46.
14. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: монография. Архангельск: Поморский госуниверситет, 2007. С. 117.
15. ГУ РК «НА РК». Р-605. Оп. 4. Д. 68. Л. 97.
16. ГУ РК «НА РК». Р-605. Оп. 4. Д. 183. Л. 10.
17. ГУ РК «НА РК». Р-144. Оп. 1. Д. 3287. Л. 8.
18. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / Отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. С. 74.
19. ГУ РК «НА РК». П-498. Оп. 1. Д. 150. Л. 7.
20. ГУ РК «НА РК». П-498. Оп. 1. Д. 150. Л. 9, 41.
21. ГУ РК «НА РК». П-498. Оп. 1. Д. 150. Л. 32.
22. Борозинец Л.Г. Роль лагерной системы ГУЛАГа в изменении этнодемографической ситуации в Печорском крае Коми республики в 1929–1989 гг. // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2009. С. 25.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

ОТКАЗЫ ОТ РАБОТЫ В ЛАГЕРЯХ ГУЛАГА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

А.Н. Кустышев (Ухта, Россия)

В исторической литературе, посвященной экономическим аспектам гулаговской экономики, одним из ключевых является дискуссионный вопрос об эффективности принудительного труда. Пермский историк А.Б. Сулов предлагает вести разговор в первую очередь не об эффективности в чисто экономическом понимании этого термина, а о том, что понималось под ней политическим руководством страны: возможности быстрого решения политико-экономических проблем, больших мобилизационных возможностях системы принудительного труда в рамках ГУЛАГа [1].

Рассмотрение данного вопроса, на наш взгляд, было бы не вполне корректным без анализа факторов, которые сдерживали мобилизационные усилия этой системы на протяжении всей ее истории, в том числе усилия, направленные на колонизацию труднодоступных территорий, Европейского Севера России в частности. Данный регион занимал в истории ГУЛАГа уникальное место, он стал не только территорией, на которой зародилась система лагерей и спецпоселений, но и пространством, насыщенным гулаговскими образованиями различного типа, сыгравшими существенную роль в его социально-экономическом развитии. Одним из факторов, компенсирующих мобилизационные усилия ГУЛАГа, направленные на освоение этой отдаленной, малозаселенной территории, являлось наличие в общей массе трудовых ресурсов исправительно-трудовых лагерей большого количества заключенных, отказывающихся от работы – «отказчиков».

Следует согласиться с мнением исследователя В.А. Козлова, считающего, что формы протестной активности заключенных – волынки, коллективные отказы от работы представляли собой достаточно органичную, естественную и традиционную часть лагерного быта. Для их начала не требовалось ни тщательной подготовки, ни особой идеологии, ни даже формулирования далеко идущих целей [2]. При этом, по нашему мнению, следует учитывать, что отказ от работы являлся не только коллективным, но и индивидуальным явлением в лагерной среде. Кроме того, далеко не всегда подобная активность заключенных носила протестный характер, являясь проявлением самозащиты, борьбой за выживание в изнурительных условиях принудительного труда.

В предвоенный период лагерные контингенты были брошены на выполнение заданий 3-й пятилетки. На рабочую силу ИТЛ Наркомвнудела было возложено проведение важнейших строительных работ общей стоимостью до 12 млрд руб. [3]. Это обстоятельство определяло в качестве первоочередной задачи обеспечение максимального использования лагерной рабочей силы и, соответственно, ужесточение санкций в отношении отказчиков. Необходимо отметить, что с 1937 г. отказ от работы стал рассматриваться как «контрреволюционный саботаж строительства социализма». Практически это привело к тому, что в числе заключенных, осужденных по статье 58¹⁴, оказалось немало уголовников-рецидивистов. Воры, бандиты, убийцы попадали в разряд «политических». Данное обстоятельство углубляет представление о составе заключенных сталинских лагерей, делает его более объективным.

Вопрос о наказании заключенных, отказывающихся от работы, в конце 1930-х гг. рассматривался на уровне руководства страны. Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в письме председателю СНК СССР В. М. Молотову от 9 апреля 1939 г. сообщал о намерениях НКВД «...по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства применять суровые меры принуждения — усиленный лагерный режим, карцер, худшие материально-бытовые условия и другие меры дисциплинарного воздействия ...к наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые, судебные меры наказания, в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно» [4].

Записка Л.П. Берии была послана на заключение наркому юстиции Н.М. Рычкову и прокурору СССР А.Я. Вышинскому. По поводу предложения о применении высшей меры наказания к «злостным дезорганизаторам лагерной жизни» мнения разделились. А.Я. Вышинский поддержал эту меру «при условии точного соблюдения действующих законов». Н.М. Рычков высказался против применения расстрелов, если заключенные не совершили преступление, за которое высшая мера наказания предусмотрена уголовным кодексом, и напомнил, что НКВД может применять к «дезорганизаторам» другие меры – карцер, усиленный лагерный режим, заключение в тюрьму и т.п. [5].

7 июня 1939 г. совещание председателя СНК СССР и его заместителей, на котором присутствовал В.М. Молотов, решило снять с обсуждения вопрос, инициированный Л.П. Берией. Однако 10 июня 1939 г. Политбюро приняло постановление «О лагерях НКВД», в котором было полностью поддержано предложение Берии о наказании «дезорганизаторов производства и лагерной жизни (вплоть до расстрела)» [6].

15 июня 1939 г. Берией был подписан приказ НКВД СССР № 0168 «Об отмене практики зачета рабочих дней и условно-досрочного освобождения заключенных», в котором говорилось: «... по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства применять суровые меры принуждения – уси-

ленный лагерный режим и другие меры дисциплинарного воздействия. К наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые меры – предание суду» [7].

После того как правительством была отменена практика зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождения, отказы от работы становятся массовой формой сопротивления гулаговского населения (в основном, его неполитической части) новым неблагоприятным веяниям в пенитенциарной политике властей. Тысячи разбитых приказом НКВД надежд обернулись для власти пассивным массовым сопротивлением, фактически подорвавшим устои нового, созданного при Сталине и под Сталина «экономического уклада».

Власть отреагировала на данную ситуацию карательными мерами. Приказом НКВД СССР № 00889 от 2 августа 1939 г. была объявлена «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР». В соответствии с этой инструкцией за нарушение правил внутреннего распорядка, недобросовестное отношение к труду или отказ от работы на заключенных налагались следующие взыскания: 1) лишение свиданий, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до трех месяцев и возмещение причиненного ущерба; 2) перевод на общие работы; 3) перевод в штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев; 4) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; 5) перевод на худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак и т.п.) [8].

Как следует из Приказания по ГУЛАГу № 339 «Об усилении борьбы с отказчиками в лагерях и колониях НКВД» от 7 ноября 1939 г, несмотря на принимаемые репрессивные меры, число отказов от работы в лагерях продолжало оставаться большим. Только за первое полугодие по лагерям и колониям число отказов составило цифру 1 792 166 чел./дней, что в переводе на денежное выражение представляло значительную сумму [9].

По всей видимости, данная цифра не отражает подлинной картины, сложившейся в лагерях. Выявить, какое количество отказов было следствием неправильного трудового использования и халатного отношения администрации лагеря к заключенным, исследователю не представляется возможным. По вине низовых и средних работников лагерей многих заключенных записывали в отказчики, хотя на самом деле они не являлись таковыми. Кроме того, мы можем предположить, что лагерной администрации, отчитываясь перед гулаговским начальством, было выгоднее представить простаивающих на производстве, раздетых и разутых заключенных, составляющих группу «Г», как отказчиков. Нередко в число отказчиков включали больных, слабосильных и инвалидов.

Как следует из справки Первого спецотдела НКВД СССР о количестве заключенных лагерей, осужденных за «дезорганизацию лагерной жизни и производства» по состоянию на 20 апреля 1940 г. оперативно-чекистскими отделами лагерей было привлечено к ответственности и предано суду за дезорганизацию лагерной жизни и производства 4033 чел. По отношению к общему количеству заключенных, содержащихся в лагерях НКВД (1 327 031), это составляет 0,3%. Далее идет перечень пяти лагерей, где данная проблема стояла наиболее остро. Три лагеря, упомянутые в справке, дислоцировались на территории Европейского Севера России. Это Белбалтлаг, в котором по данной причине было привлечено к суду 377 чел., Устьвымлаг (187 чел.); Воркутпечлаг (117 чел.) [10].

Система принудительного труда стремилась предотвратить всевозможные проявления саботажа со стороны заключенных. Согласно циркуляру НКВД СССР № 23 от 28 января 1941 г. приговоры военных трибуналов и судов, выносимых за нарушение лагерного режима и отказ от работы, стали объявляться заключенным исправительно-трудовых лагерей и колоний.

К началу 1940-х гг. ситуация в лагерях ГУЛАГа, дислоцированных на территории Европейского Севера России была следующей (см. табл.)

Сведения о наличии отказчиков в ИТЛ за 1940–1941 гг.

[3, д. 1151, л.л. 1 об., 8 об., 12 об., 14 об., 15 об., 18 об., 23 об., 24 об., 25 об., 29 об., 31 об., 32 об., 36 об., 39 об., 41 об., 48 об., 57 об.; д. 1161, л.л. 1 об., 9 об., 10 об., 11 об., 12 об., 13 об., 22 об., 23 об., 24 об., 31 об., 33 об., 38 об., 39 об., 42 об., 54 об., 55 об., 60 об., 61 об., 62 об., 63 об., 64 об., 65 об., 70 об.]

ИТЛ	Январь 1940 г.		Март 1940 г.		Январь 1941 г.		Март 1941 г.	
	Средне-списочное число заключенных	Отказ-чики	Средне-списочное число заключенных	Отказ-чики	Средне-списочное число заключенных	Отказ-чики	Средне-списочное число заключенных	Отказ-чики
Архангельская область								
Архбумлаг	8813	<u>223</u> 2,53	8422	<u>116</u> 1,37	6926	<u>35</u> 0,5	6494	<u>53</u> 0,81

Окончание таблицы

ИТЛ	Январь 1940 г.		Март 1940 г.		Январь 1941 г.		Март 1941 г.	
	Средне- списочное число зак- люченных	Отказ- чики	Средне- списочное число зак- люченных	Отказ- чики	Средне- списочное число зак- люченных	Отказ- чики	Средне- списочное число зак- люченных	Отказ- чики
Каргопольлаг	27432	<u>234</u> 0,85	25648	<u>160</u> 0,68	25732	<u>97</u> 0,37	26436	<u>128</u> 0,48
Котласский пересыльный пункт	1164	<u>13</u> 1,11	1671	<u>43</u> 2,57	6734	<u>2</u> 0,02	4540	<u>7</u> 0,15
Кулойлаг	13478	<u>299</u> 2,21	12931	<u>51</u> 0,39	14495	<u>172</u> 1,18	15802	<u>137</u> 0,86
Онеглаг	19222	<u>88</u> 0,45	18114	<u>23</u> 0,12	18447	<u>138</u> 0,74	19973	<u>133</u> 0,66
Севдвинлаг					16952	<u>441</u> 2,6	27102	<u>674</u> 2,48
Ягринлаг	30893	<u>19</u> 0,06	29037	<u>7</u> 0,02	30606	<u>131</u> 0,42	28356	<u>149</u> 0,52
Вологодская область								
Вытегорский					13252	<u>103</u> 0,77	16150	<u>173</u> 1,07
Опоклаг					680	<u>1</u> 0,14	1304	<u>4</u> 0,3
Строительство 105,106					33043	<u>191</u> 0,57	31785	<u>62</u> 0,19
Череповецлаг					1211	<u>7</u> 0,57	3729	<u>4</u> 0,03
Мурманская область								
Кандалак- шинский					10546	<u>64</u> 0,6	11733	<u>34</u> 0,28
Кольлаг	4712	<u>420</u> 8,91			5109	<u>14</u> 0,27		
Мочнегорлаг			3120					
Коми АССР								
Воркутпечлаг	16509	<u>73</u> 0,44	15460	<u>58</u> 0,37	19036	<u>154</u> 0,8	19364	<u>84</u> 0,43
Локчимлаг	22585	<u>25</u> 0,11	21827	<u>1</u> 0	9900	<u>15</u> 0,15		
Печорлаг					36749	<u>333</u> 0,9	45860	<u>410</u> 0,89
Севжелдорлаг	26310	<u>258</u> 0,98	24573	<u>12</u> 0,04	93319	<u>909</u> 0,97	82557	<u>542</u> 0,65
Устьвымлаг	10928	<u>121</u> 1,1	10773	<u>195</u> 1,81	14111	<u>185</u> 1,31	23921	<u>104</u> 0,43
Ухтижемлаг	19493	<u>96</u> 0,49	18422	<u>127</u> 0,68	24349	<u>187</u> 0,76	32650	<u>297</u> 0,9
Карельская ССР								
Белбалтлаг	73072	<u>1393</u> 1,9	55273	<u>990</u> 1,79	72145	<u>1335</u> 1,85	70745	<u>1171</u> 1,65
Сегежстрой	7951	<u>86</u> 1,08	6143	<u>84</u> 1,36	7129	<u>48</u> 0,67	6732	<u>31</u> 0,46
Сороклаг	17934	<u>434</u> 2,41	24329	<u>413</u> 1,69	51452	<u>453</u> 0,88	45743	<u>462</u> 1

Таким образом, мы видим, что карательные меры, к которым прибегала власть, сыграли свою роль. Количество отказчиков среди заключенных лагерей ГУЛАГа на территории Европейского Севера России было незначительным. В большинстве ИТЛ оно было менее 1%. Редко в каких лагерях был превышен порог в 2%.

С началом Великой Отечественной войны и без того трудные условия жизни заключенных стали еще тяжелее. Голод, болезни, высокая смертность, ужесточение режима содержания, неопределенность своего положения явились одним из катализаторов протестных выступлений заключенных, отказа от работы, в частности. В докладе начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркому внутренних дел Л.П. Берии «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)», составленном в августе 1944 г., сообщается, что число отказчиков от работы по сравнению с 1940 г. сократилось в пять раз и составляет 0,25% к общему числу работающих; во многих лагерных подразделениях и колониях совершенно ликвидированы отказы от работы, и весь состав заключенных выполняет производственные нормы [11].

Тем не менее в архивах сохранилось множество документов, свидетельствующих о том, что практика отказа от работы, выражавшаяся в самых разных формах вплоть до умышленного членовредительства и самоистощения, получила широкое распространение. В 1942 г. в Устьвымлаге за подобные действия к уголовной ответственности были привлечены 62 заключенных. В Каргопольлаге для того, чтобы получить освобождение от тяжелых физических работ, группа заключенных производила ожоги различных частей тела, используя цветы, содержащие ядовитые вещества. В Севдвинлаге ряд заключенных, употребляя в течение продолжительного времени в большом количестве соль и воду, доводили свое тело до опухания и таким образом добивались освобождения от работы [12]. Всего в течение 1941–1944 гг. за отказ от работы к уголовной ответственности в лагерях и колониях было привлечено 13 256 чел. [13].

В целом, в довоенный и военный периоды формы протестных выступлений заключенных, к которым относились отказы от работы, менялись в зависимости от лагеря, режима содержания в нём и категории заключенных. После окончания Великой Отечественной войны одновременно с расширением лагерной системы наблюдалась тенденция обострения кризисных явлений в лагерной среде, дестабилизировавших обстановку в ГУЛАГе. Одним из проявлений кризиса явился рост как индивидуальных, так и групповых отказов от работы.

Данные оперативной отчетности по ИТЛ-ГУИТК МВД позволяют зафиксировать увеличение во второй половине 1950-х гг. численности заключенных, не вовлеченных в трудовые процессы. Количество лиц, отказывающихся от работы, в течение 1957–1958 гг. оставалось на одном уровне (в среднем ежедневно 11 500 чел.) [14].

Многодневные отказы тысяч заключенных от работы ударили по несущим конструкциям сталинского ГУЛАГа как важного элемента «социалистической экономики». Они являлись формой протестной активности заключенных, а также проявлением самозащиты, направленной на выживание в изнурительных условиях принудительного труда.

Анализ архивного материала позволяет согласиться с выводом исследователя А.Б. Суслова относительно того, что недостаточная производительность подневольного труда обуславливалась слабой заинтересованностью в результате не только непосредственных производителей, но и организаторов производства [15]. Именно незаинтересованное отношение руководства лагерей в эффективном использовании рабочей силы, следствием которого являлись простои по причине непредоставления работы, большое количество раздетых, разутых заключенных, влекло рост показателей, касающихся заключенных-отказчиков.

Несмотря на введение в научный оборот ранее совершенно секретной ведомственной статистики ОГПУ–НКВД–МВД, отражающей состояние трудового фонда ИТЛ, проблема отказчиков, как на региональном уровне, так и в масштабах страны в целом остается малоизученной. Она остается таковой в силу невозможности количественной оценки факторов отказа заключенных от работы или причисления их к отказчикам и, соответственно, эффективности механизмов адаптации системы принудительного труда к протестным настроениям подневольных работников. Речь идет как о мерах карательного характера, так и стимулирующих трудовую активность заключенных.

Тем не менее исследователи экономики принудительного труда не должны игнорировать проблему отказчиков в лагерях ГУЛАГа, а стремиться как можно дальше продвинуться в ее изучении. Это поможет получить адекватный ответ на вопрос о том, насколько эффективной являлась мобилизационная модель, апробированная руководством страны в процессе колонизации отдаленных труднодоступных районов, Европейского Севера России в частности.

Источники и литература

1. Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 275.
2. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных / Отв. ред. и сост. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 27.

3. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. Т. 3: Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. С. 160.
4. Там же. С. 161.
5. Там же С. 539.
6. Там же.
7. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 39. Л. 44.
8. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 6.
9. ГА РФ. Р-9414. Оп. 1. Д. 35. Л. 24-25.
10. Там же. Д. 25. Л. 78.
11. Там же. Д. 1152. Л. 2.
12. Главное управление лагерей. 1918–1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. С. 182.
13. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Поморский университет, 2007. С. 202.
14. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 285.
15. Там же. С. 211.
16. Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность. С. 275.

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ОСНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КОМИ АССР: ОПЫТ ГУЛАГА

К.А. Казакова (Сыктывкар, Россия)

Республика Коми принадлежит к районам, развитие которых происходит в сложных природно-климатических условиях. Но по своему экономическому потенциалу она является важной частью народнохозяйственного комплекса страны. Значительное место в комплексном развитии Республики Коми занимает сельское хозяйство, для развития которого в сравнительно благоприятных климатических условиях находятся только южные и центральные районы республики, хотя на практике оно развивается во всех районах Коми. Феноменом этого развития является факт зарождения и функционирования многих направлений сельскохозяйственного производства в условиях лагерной экономики.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. начинается активное индустриальное освоение северных районов Коми АССР в рамках программы индустриализации, принятой руководством страны. Страна, осуществляющая колоссальное строительство новых промышленных предприятий, нуждалась в огромном количестве угля, металла, нефти, газа, леса. Промышленный подъём области в большей степени был обеспечен за счёт массового применения подневольного труда. Полномасштабная деятельность структур ГУЛАГа развернулась на территории Коми АССР в 1930–1950-е гг. Всего за этот период было организовано 19 лагерей, управлений или лагерных комплексов. Анализ документов показал, что в тесной связи с индустриальным шло и сельскохозяйственное освоение района Коми.

Сельское хозяйство в Коми в 1930–1950-е гг. по темпам развития отставало от промышленности, но являлось не менее важной отраслью, так как служило источником получения продуктов питания не только для местного населения, но и для неуклонно растущего лагерного контингента. Именно в 1930–1950-е гг. в сельскохозяйственном производстве совхозов и колхозов Коми АССР стали применяться новые агротехнические приёмы и методы, продуцированные сельхозами ГУЛАГа, которые позволили акклиматизировать новые высокоурожайные морозоустойчивые культуры, вывести продуктивные породы скота в специфических условиях Севера. Имевшийся опыт взаимодействия лагерных сельхозов и гражданского аграрного сектора позволил внедрить эти приёмы и методы в сельское хозяйство Коми АССР.

Можно выделить несколько периодов в развитии сельского хозяйства в лагерных сельхозах на территории Коми АССР в рассматриваемый период. Критериями периодизации являются структурные изменения лагерных сельхозов, расширение масштабов производства, степень удовлетворения нужд лагерного населения, практическое взаимодействие с гражданскими сельскохозяйственными предприятиями.

Первый период датируется временем с конца 1920-х гг. (а именно 1929г. – начало работы Ухтинской экспедиции ОГПУ) до 1941 г., т.е. до начала Великой Отечественной войны. Данный период характеризуется становлением сельского хозяйства в лагерях как отдельной отрасли производства. В свою очередь, первый период можно разделить на два этапа.

Первый этап (1929–1933 гг.) – это начальный этап развития сельского хозяйства в лагерных отделениях, характеризующийся удачными и неудачными экспериментами и накоплением опыта: были проведены экспедиционные обследования территорий, расчистка земельных угодий.

Второй этап – 1933–1941 гг. – организация первых сельхозов, старт селекционной, сортоиспытательной и опытной животноводческой работы в лагерных отделениях.

Второй период развития сельскохозяйственного производства в лагерях ГУЛАГа Коми АССР определяется 1941–1945 гг. и характеризуется производством в условиях влияния фактора военного времени.

Третий период определяется серединой 1940-х – концом 1950-х гг. – пик развития лагерного сельскохозяйственного производства, передача накопленного опыта гражданским хозяйствам после расформирования системы лагерей ГУЛАГа.

Особенностью формирования лагерных сельхозотделений в 1929–1933 гг. являлось то, что сельское хозяйство развивалось в основном в спецпосёлках силами спецпереселенцев, а в лагерных отделениях были организованы первые небольшие сортоучастки для проведения пробных экспериментальных посевов. Но вырабатываемая продукция была мизерной и не могла покрыть нужды лагконтингента и спецпереселенцев. Главным результатом был старт, успешно данный развитию овощеводческой работы в суровых условиях Севера при отсутствии местного опыта [1, 2].

В 1933–1941 гг. форма организации сельского хозяйства в лагерях определилась в форме сельхозов – лагерных отделений, которые занимались развитием растениеводства и животноводства. Главной задачей сельхозов являлось обеспечение Ухто-Печорского лагеря собственной продукцией [3, 4, 5, 6].

Второй этап (1941–1945 гг.) характеризуется расширением географии размещения и увеличением количества сельхозов. В Ухтижмлаге к концу войны функционировало около шести сельхозов, в Воркутлаге – 29, в Устьвымлаге – более 18 [7, 8, 9]. Сельхозам также пришлось значительно увеличить выпуск продуктов питания, так как поставки продовольствия в лагеря прекратились в связи с военным положением. Однако следует отметить, что для военного периода были характерны экстенсивные методы развития сельского хозяйства: увеличение сбора урожаев достигалось не за счёт повышения культуры земледелия, а за счёт расширения посевных площадей и применения ручного труда заключённых, так как в военные годы поставка техники и механизмов в сельхозы прекратилась [10, 11, 12]. С середины 1940-х гг. в рамках восстановления разрушенных войной отраслей экономики, в лагерях были созданы новые сельхозы. Итогом этой организационной деятельности стали увеличение посевной площади и рост урожая. После ликвидации системы ГУЛАГа все лагерные подсобные хозяйства были переданы в ведение Минречфлота, Минсельхоза и Совнархоза Коми АССР. Материально-техническая база лагерных хозяйств сливается с базой гражданских предприятий, на основе наиболее крупных лагерных хозяйств происходит формирование новых колхозов и совхозов Коми АССР.

Особенность формирования рабочих кадров в лагерных сельхозах проявлялась в том, что состав рабочей силы определялся спецпереселенцами в 1929–1933 гг., заключёнными (около 88%), спецпереселенцами (около 8%), частично вольнонаёмными (около 3%) и подростками из числа местного населения (около 1%) в 1933–1941 гг., и заключёнными (около 80%) и вольнонаёмными (около 20%) до момента ликвидации ГУЛАГа.

Все сельскохозяйственные новации в лагерных хозяйствах разрабатывались и внедрялись под руководством репрессированных биологов, и в дальнейшем их опыт был распространён в колхозном и совхозном производстве Коми АССР. В ходе исследования нами выделено три направления деятельности репрессированных биологов. Первое направление – сортоиспытание овощных, злаковых и плодово-ягодных культур с целью выведения наиболее рентабельных и морозоустойчивых сортов растений в климатических условиях Севера. Опыты проводились на опытном поле «Чибью» репрессированным биологом П.П.Зворыкиным. [13, 14, 15]. Многие из них показали высокую эффективность и были внедрены в лагерное производство.

Второе направление – сортоиспытание кормовых трав, целью которого было улучшение кормовой базы животноводства в тундровой зоне. Важную роль в этом направлении сыграла деятельность Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станции, где репрессированными биологами З.Ф. Руофф, И.С. Хантимером, Е.М. Цветаевой проводились опыты по испытанию кормовых трав [16, 17, 18, 19].

С целью улучшения поголовья крупного рогатого скота было организовано третье направление – селекция животных. В результате опытов биолога Г.И.Гагиева был выведен помесный скот, дававший хорошие надои молока с высоким процентом жирности [20, 21, 22].

Внедрение передового опыта лагерных сельхозов обусловило создание системы подготовки кадров для сельского хозяйства Коми АССР, создание специальных научных институтов с привлечением к работе в них репрессированных учёных.

Сельскохозяйственная деятельность лагерных сельхозов Коми АССР внесла существенный вклад в модернизацию сельского хозяйства республики. Отрасль земледелия получила повсеместное развитие и, кроме того, существенно изменилась её структура: наряду с зерновыми и техническими культурами в больших объёмах стали выращивать разные сорта овощей, картофеля и фруктов. Впервые на научную основу был поставлен процесс формирования кормовой базы. Для решения проблем на профессиональном научном уровне был организован Институт Биологии КНЦ УрО РАН, где в числе сотрудников значились и бывшие репрессированные биологи, чьими усилиями развивалась лагерная сельскохозяйственная отрасль [23]. В связи с качественными изменениями культуры земледелия республике понадобились профессиональные кадры. Для подготовки сельскохозяйственных кадров средней квалификации была создана сеть специальных учебных заведений. При слиянии лагерного и гражданского сельскохозяйственных секторов, гражданским совхозам был передан весь опыт, накопленный сельхозами за период их существования: теплично-парниковое хозяйство, животноводческие помещения, различные сельхозпостройки, ветстационары, сельскохозяйственные орудия и техника, чем значительно расширилась и укрепилась материально-техническая база совхозного строя Коми АССР.

По итогам исследования можно сделать вывод, что 1930–1950-е гг. являлись периодом активной модернизации экономики Коми АССР, в том числе и сельского хозяйства. Модернизация осуществлялась «лагерным» методом: силами заключённых осваивались и разрабатывались земельные площади, развивалось теплично-парниковое хозяйство, репрессированными учёными проводилась сортоиспытательная и опытная животноводческая работа.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (далее – ГУ РК «НАРК»). Ф.Р-1668. Оп. 1. Д. 17. Л. 15; Д. 46. Л. 2-5; Д. 167. Л. 2.
2. Доброноженко Г.Ф., Шабалова Л.С. Спецпоселенцы в Ухтпечлаге (1932–1936) // Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий «Покаяние». Сыктывкар, 2008. Т. 8. Ч. 3. С. 163.
3. ГУ РК «НА РК». Ф.Р-1668. Оп. 1. Д. 16. Л. 26, 140-145; Д. 167. Л. 12-13, 70; Д. 183. Л. 56-58.
4. Войтоловская А.Л. По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 179, 192.
5. Рачков П. Как мы там жили // Печальная пристань: сборник воспоминаний. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 58.
6. Азаров О.И. Концентрационный лагерь Кедровый Шор в 30-е – начале 50-х гг. // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1993. С. 3-5.
7. ГУ РК «НА РК». Ф. Р-1675. Д. 1429. Л. 40.
8. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: сб. документов и материалов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. С. 124.
9. Архив Управления Федеральной службы исполнения наказаний РК по РФ (далее – УФСИН РФ по РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 5; Д. 43. Л. 505; Д. 15. Л. 8; Д. 7. Л. 4; Д. 44. Л. 72.
10. ГУ РК «НА РК». Ф.Р-1675. Оп. 1. Д. 1429. Л. 43об, 44; П-1. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 35а. Л. 13; газ. Заполярная кочегарка. 1945. № 85 (1 сентября).
11. Воспоминания Круг М.Н. и Собашникова В.Н. // Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий «Покаяние». Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. I. С. 702.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2017. Л. 4, 12.
13. ГУ РК «НА РК». Ф.Р-1668. Оп. 1. Д. 183. Л. 53-56; Ф. Р-1267. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 6, 11, 12; Д. 14. Л. 16, 28.
14. Рощевская Л.П., Рочева И.В. Репрессированный учёный П.П.Зворыкин // Политические репрессии в России. 20 век: Материалы региональной научной конференции 7-8 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2001. С. 181.
15. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (далее – НА КНЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 3. Д. 144. Л. 8-14; Д. 150. Л. 22; Д. 107. Л. 4; Оп. 1. Д. 23. Л. 24.
16. Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. «Стране помогали... враги народа» // Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий «Покаяние». Сыктывкар, 1999. Т. 2. С. 64.
17. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 38. Оп. 3. Д. 17. Л. 1-10; Оп. 1. Д. 144. Л. 5.; Ф. 14. Оп. 1. Д. 9. С. 3.
18. Академический центр в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: учёный и война (1941–1945 гг.): сборник документов. Сыктывкар, 2005. С. 22.
19. Котелина Н.С. Полвека в биологии: воспоминания о ботаниках. Сыктывкар, 2002. С. 42.
20. ГУ РК «НА РК». П-1. Ф. 1. Оп. 58. Д. 67. Л. 9.
21. Интервью с Гагиевым Г.И., доктором сельскохозяйственных наук (записано автором)
22. Гагиев Г.И. Крупный рогатый скот Коми АССР и пути его дальнейшего совершенствования: Автореф. дис. ... канд. сельскохозяйств. наук. М., 1962.
23. Самарин А.В. История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление развитие (1944–1991). Сыктывкар, 2006.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВОРКУТО-ИНТИНСКОГО РЕГИОНА РЕСПУБЛИКИ КОМИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1955 гг.)

Н.А. Морозов (Сыктывкар, Россия)

Анализу источников по территориальному развитию, а также истории обустройства Воркуто-Интинского территориально-производственного комплекса в первое послевоенное десятилетие посвящены многочисленные публикации как общего (Кочурин Н.Н., Лажнецов В.Н.), так и конкретно-прикладного характера (Бурсиан П.О., Негретов П.И.) [1].

В этих исследованиях использованы значительные комплексы документов – это и архивные источники, и воспоминания, и статистика. Цель данной публикации – дополнить сложившуюся комплексную оценку источников для реконструкции послевоенного развития территории Воркуто-Интинского региона на основе новых источников, отложившихся в Национальном архиве США в 1945–1956 гг. как результат операции «Wringer».

Территориальное развитие определяется как прогрессивное изменение пространственной структуры частей региональной экономики для создания оптимальной среды жизни населения. Это также экономико-географический процесс формирования и качественного преобразования региональных хозяйственных систем. Кроме того, выделяются еще два аспекта территориального развития: приобретение потенциала и трансформация ресурсов. В результате, территориальное развитие определяется как «деятельность по реализации (самореализации) потенциала региона»; по материалу она представляет ресурсную трансформацию, ее механизмом является самоорганизация, результатом – усложнение структуры, которое проявляется в росте разнообразия и согласованности элементов региональной социально-экономической системы [2, с. 7-8].

Различать территориальное и пространственное развитие предложил С.А. Тархов [3]. Понятие «территориальное развитие» отражает изменения социально-экономического, экологического и иного характера, происходящие с конкретной территорией; понятие «пространственное развитие» – изменения морфологии (строения). А.А. Ткаченко уточнил эти представления, предложив различать в региональном (территориальном) развитии «содержательное» (социальное, экономическое, культурное и др.) развитие территории и ее пространственное развитие, «выражающееся в изменениях конфигурации и пространственной структуры как самой территории, так и составляющих ее систем и комплексов. Аналогично и в территориальном (региональном) управлении надо различать управление «содержательным» (социальным, экономическим и др.) развитием и управление пространственным развитием» [4, с. 18].

На процесс управления территориями, его коммуникационную и информационную составляющие большое влияние оказывает информационная составляющая, в том числе источники, на основе которых принимаются управленческие решения.

Английское wringer переводится как «машина для отжимания белья», в переносном смысле – «выжимать все соки». Термином «wringing» принято называть усилия военно-воздушных сил США, предпринятые ими после Второй мировой войны для получения разведывательной информации о Советском Союзе и странах Восточной Европы, находившихся под его контролем, посредством открытых интервью с бывшими военнопленными, попавшими в Советский Союз. В течение Второй мировой войны сотни тысяч немецких и японских узников войны (POW, prisoners of war) были заключены в советские лагеря принудительного труда. Они помогали восстанавливать экономику СССР, пострадавшую в ходе Великой Отечественной войны.

Начиная с 1946 г. Советский Союз начал освобождать этих немецких и японских POW, отправляя их на Родину. Офицеры ВВС США быстро поняли огромную важность политической и военной информации, которой располагали бывшие узники войны, и организовали интенсивную программу опроса этих людей. С 1947 по 1956 г. офицеры разведки ВВС в американской зоне оккупации Германии опросили более 300 тыс. бывших POW. Сходную программу осуществили офицеры ВВС США в Японии сразу по возвращении домой сотен тысяч японских POW.

Люди, которые предоставили информацию американцам, были разными – от простых рабочих до высокообразованных инженеров и техников. Тот факт, что бывшие узники войны не имели специальных знаний, не означал, что их информация не имела особого значения. Почти все немецкие и японские POW были способны вспомнить достаточно большое количество деталей относительно тех территорий, где им пришлось жить и работать. Более того, многие из них запомнили встречи, видели или слышали о пребывании в местах лишения свободы людей, которых долгие годы разыскивали родственники через международные гуманитарные организации.

В настоящее время доклады Wringing рассекречены и помещены в 1350 коробках в хранилище Национальных архивов США в Колледж Парк, штат Мериленд. Они стимулируют интерес многих исследователей и за

пределами США. Исследователи советского периода могут комментировать в деталях более точно содержание докладов Wtinger, имеющих отношение к их собственным разысканиям в отношении людей, странным образом исчезнувшим в недрах СССР.

База данных, открытых для просмотра и анализа, содержит 123 документа. Новые документы будут поступать по мере их получения и обработки. По Инте и Абези отмечены шесть документов, по Воркуте – 40. Несколько документов содержат карто-схемы Инты, Абези и Воркуты послевоенного периода, что представляет определенный интерес для историков и регионоведов. С ними можно познакомиться на страницах веб-сайта: <http://lcweb2.loc.gov/frd/wringer/>

В качестве примера охарактеризуем несколько документов из архива «wringer»:

CONFIDENTIAL

AF FORM 112—PART I
APPROVED 1 JUNE 1952

Authority: *AM 974352*
By: *WV* NARA Date: *9/4/81* Page 1 of 5 Pages *4*

COUNTRY: *USSR* REPORT: *51-B-13074* SERVICE: *137769*

AIR INTELLIGENCE INFORMATION REPORT

SHARCT: *SEE COMMENTS BELOW* (Interviewer) *LUDINGTON (TW)* (Editor) *REEDS*

AREA REPORTED ON: *ABEZ* (Spec. Officer) *7050SH AIBZ (URATE)*

DATE OF REPORT: *9 Mar 1954* DATE OF INFORMATION: *May 49 - Nov 49* EVALUATION: *P-6*

PREPARED BY (OFFICER): *ALBERT F. MAREYDT, Lt. Col., USAF* SOURCE: *272392*

REFERENCES (Control number, direction, previous report, etc. as applicable): *None*

SUMMARY: (Enter concise summary of report. Give significance in final one-paragraph paragraph. List indicators at lower left. Begin text of report on AF Form 112-Part II)

I. BASIS OF COMMENTS:
Report 51-B-13074 AREA DESCRIPTION OF ABEZ (approx. 6630N/6146E) (2U)

II. DESCRIPTION OF SOURCE:
Civilian:
Education: 8 years
Trade or Profession: . . . Commercial Employee
Years Practised: . . . 3 1/2 years
Present Occupation: . . . Police
Military:
Years of Service: . . . 3 1/2 years
Highest Rank: . . . Sgt
Branch: Army
By whom captured: . . . Soviets

SOURCE HISTORY:
Dates: From To City or Area Place of Work and Duty
Jan 49 - Sep 50 Unknown INTA Coal mines and housing constr
Sep 50 - May 51 Unknown STALINGRAD Housing constr worker
May 51 - Sep 53 6118/a ASBEST Furniture factory, milling machine operator.

III. SOURCE RELIABILITY:
SOURCE was a pleasant young man whose intelligence was slightly above average. He was versed in map reading and drew sketches fairly well. He was very cooperative and tried very hard to give what information he had in the most honest manner. Despite his frequent attempts he was unable to draw memory sketches of STALINGRAD and ASBEST. In the first place he worked and was interned in a fenced-in complex which he never left. He did not know where it was and what was in the vicinity. The residences which were under construction were not completed and therefore, SOURCE had no information. ASBEST was not reported on because SOURCE worked only in a furniture factory. His daily way to and from work led SOURCE only through unimportant outskirts and he could not give any information of value. Information rendered by SOURCE could not be judged because the time of interview did not permit interviewer to know SOURCE well enough. Reliability of SOURCE could not be judged.

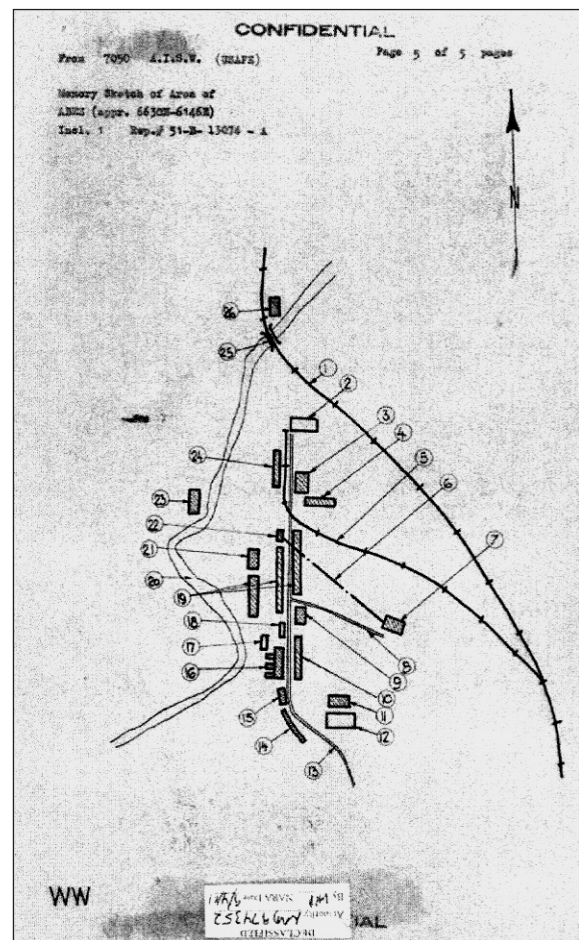
APPROVED: *D. M. Allison*
D. M. ALLISON
Colonel, United States Air Force
Commander

1. Memory Sketch of Area of ABEZ.

DISTRIBUTION BY ORIGINATOR:
1 USAREUR
1 DAD
1 497 RTS
1 USAF
1 BIOG

NOTES: THIS DOCUMENT CONTAINS INFORMATION AFFECTING THE NATIONAL DEFENSE OF THE UNITED STATES WITHIN THE MEANING OF THE ESPIONAGE ACT, 50 U.S.C. 31 AND 32, AS AMENDED. ITS TRANSMISSION OR THE REVELATION OF ITS CONTENTS IN ANY MANNER TO AN UNAUTHORIZED PERSON IS PROHIBITED BY LAW. IT MAY NOT BE REPRODUCED IN WHOLE OR IN PART, BY OTHER THAN UNITED STATES AIR FORCE AGENCIES, EXCEPT BY PERMISSION OF THE DIRECTOR OF INTELLIGENCE, USAF.

CONFIDENTIAL

Документ 1. wringer014.

Date: 3 March 1954. **Page(s):** 5. **Subject:** Area description of Abez. **Keywords:** May-Nov 1949; Abez; Inta; PW camp. **Comments:** Air Intelligence Information Report, source 272392, from May-Nov 49. Includes memory sketch of Abez, which Source identified points of interest and list of installations. **Image:** Document pages (.pdf) require Adobe Acrobat Reader. "51-B-13074 A.pdf"

Расшифровка схемы (база данных на середину – конец 1949 г.): 1 – трасса железной дороги Котлас–Воркута; 2 – лесопильный завод, три рамы; 3 – лагпункт на 1000-1800 чел., семь барак, много иностранцев; 4 – гарнизон охраны, 4 барака на 250-300 чел.; 5 – ветка ж.д.; 6 – высоковольтная линия электропередачи; 7 – поселковая электростанция; 8 – грунтовая дорога; 9 – женский лагпункт на 500 чел.; 10 – поселок вольнонаемных; 11 – лагпункт мужской на 3000 заключенных, много иностранцев; 12 – футбольное поле; 13 – дорога через поселок в направлении на юго-восток; 14 – Южный поселок из нескольких десятков небольших деревянных домов; 15 – детский сад; 16 – казарма охраны в три крыла на 300 человек (сгорела в 1949 г., обвинили немецких военнопленных, которых срочно отправили обратно в Инту на шахты); 17 – котельная, 20х10х10 м; 18 – двухэтажный деревянный клуб, 20х30х12 м; 19 – бараки вольнонаемных, 10х6х5 м, каждый на 20-25 жителей; 20 – река Уса; 21 – рыбоконсервный завод, здание 30х40х20 м., двухэтажное, в 1949 г. уже не действовал; 22 – трансформаторная подстанция, кирпичная, 7х7х5 м; 23 – деревня Абезь, где в 1946-48 гг. шла разведка на нефть, безуспешная; 24 – овощехранилище Абезьского лаготделения; 25 – мост через Усу, длина около 3 км; 26 – лагпункт, около 1000 заключенных, большинство – политические.

Отметим, что характерным для этого документа является четкий формуляр, по которому легко найти тот или

DECLASSIFIED
AF FORM 112-PART II
APPROVED 1 JUNE 1988

Authority **MM 974352**
By **WY** NARA Date **5/4/61**

AIR INTELLIGENCE INFORMATION REPORT (3) 2

FROM (Agency) **Office of Special Investigations, 49-D03-669/1-0454** REPORT NO. **49-D03-669/1-0454** PAGE **1** OF **1** PAGES

USAFE

INTA **93** F-6
PLACE **AAF CHART NO** EVAL **Female US Citizen interned in a Russian convict labor camp for females at INTA** IND CODE NO

KOMI ASER
POLITICAL LOCATION **Northwest** DESCRPTIVE NAME
SOVIET ECON REGION **PROPER NAME** IMENI **MM & NO**
June 51 to May 52 **DARTIENNE, Roland** **6 April 1954**
DATE OF INFO **SOURCE** DATE OF INTERVIEW

PREAMBLE: While interned in convict labor camp # 5 at INTA (approximately 6554N/6020E) from June 1951 to May 1952, SOURCE was mainly engaged as a waiter within the camp. But intermittently he had to enter the convict labor camp for females # 4 in order to take there food for sick persons. On these occasions he met a female US citizen.

Reference: SRI - E 3350.

I. PERSONAL DATA OF A FEMALE US CITIZEN INTERNEED IN THE RUSSIAN CONVICT LABOR CAMP # 4 at INTA (approximately 6554N/6020E).

Mrs. ALEX, Alice, approximately 44 years old, tall, 1.80 m high, white hair, blue eyes, married, formerly residing at New York (street and house number unknown by SOURCE). Mrs. ALEX was a reporter by profession and representative of an US newspaper (name unknown) at MOSKVA (capital). In connection with this position Mrs. ALEX was arrested by members of the Soviet MVD at MOSKVA in 1948. Mrs. ALEX did not tell SOURCE anything about the circumstances or the reason for her arrest. However she told him that she was found guilty of espionage by Soviet authorities and was sentenced to 25 years hard labor. SOURCE stated that Mrs. ALEX was interned in the Convict camp for females # 4 at INTA from June 1951 to May 1952. In late May 1952 Mrs. ALEX was transferred to an unknown convict camp at ABEZ (approximately 6630N/6147E). Since that time SOURCE had not heard anything about the further fate of Mrs. Alice ALEX.

JOHN B. ADAMS
S/A CSI

THIS DOCUMENT CONTAINS INFORMATION AFFECTING THE NATIONAL DEFENSE OF THE UNITED STATES WITHIN THE MEANING OF THE ESPIONAGE ACT, 50 U.S.C. 1801-1802, AS AMENDED. ITS TRANSMISSION OR THE REVELATION OF ITS CONTENTS IN ANY MANNER TO AN UNAUTHORIZED PERSON IS PROHIBITED BY LAW. IT MAY NOT BE REPRODUCED IN WHOLE OR IN PART, BY OTHER THAN UNITED STATES AIR FORCE AGENCIES, EXCEPT BY PERMISSION OF THE DIRECTOR, INTELLIGENCE USAF.

CONFIDENTIAL copy 1 of 2 copies

иной источник в огромном массиве файлов. Информация, которая касалась дислокации промышленных и гражданских объектов, транспортных артерий, аэродромов, радиостанций и т.п., а также конкретных людей – политзаключенных Воркуто-Интинского промышленного комплекса.

По свидетельству Авраама Шифрина и Пьера Ригольо, знания и техническая подготовка иностранцев использовались для эффективной эксплуатации построенных в годы войны угольных предприятий Инты и Воркуты [7].

Документ 2. wringer016

Date: 6 April 1954. **Page(s):** 1. **Subject:** Female U.S. citizen interned in a Russian convict labor camp for females at **Inta**. **Name(s):** Dartienne, Roland; Alex, Alice. **Keywords:** June 1951-May 1952; INTA; Abez; Labor camp #5; Labor camp #4 (females). **Comments:** Air Intelligence Information Report, AAF chart no. 93. **Image:** Document pages (.pdf) require Adobe Acrobat Reader. 49-D03-6691-0454.pdf.

Источники и литература

1. Угольная сокровищница Севера. Сборник документов и материалов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 312 с.; Кочурин Н.Н. Тимано-Печорский комплекс: Проблемы строительства. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. 168 с.; Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономика, 1961; Лаженцев В.Н., Дмитриева Т.Е. География и практика территориального хозяйствования. Екатеринбург: Наука, 1993. 136 с.; Витязева В.А., Лаженцев В.Н. Зона Российского Севера. Сыктывкар, 1995; Лаженцев В.Н. Опыт комплексного исследования проблем территориального развития. Сыктывкар, 2003. 192 с.; Север России. Актуальные проблемы развития и государственный подход их решению / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. М.; Сыктывкар, 2004. 168 с.; Север как опыт комплексного регионального исследования / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2005. 511 с.; Север. Наука и перспективы инновационного развития / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2006. 396 с. Негретов П.И. Все дороги ведут на Воркуту. Benson: Chalidze Publication, 1985. 235 с.; Бурсиан П.О. Моя Инта: страницы истории Инты. Инта, 1994. 120 с.
2. См.: Морозов Н.А. Территориальная организация населения (общества). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2005.
3. Тархов С.А. Представления о территориальном развитии и методологии пространственного анализа // География и проблемы регионального развития. М., 1989. С. 30.
4. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь, 1995.
5. Santerre, M.de. Sovetskie poslevoennye konclageri i ich obitateli. München, 1960. 118 p. (Institut po izučeniju SSSR. Issledovanija i materialy. Serija II). German transl.: Ihr Name ist Legion. Zwölf Jahre unter Berufsverbrechen in der Sowietunion. München, 1962.
6. Шифрин А.И. Четвертое измерение. Франкфурт/Майн: Посев, 1973. 452 с. – С. 442.
7. Rigoulot Pierre. Des Francais au goulag. Paris, Fayard, 1984. P. 233.

АВТОМОБИЛИЗАЦИЯ ГУЛАГОВСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ КОМИ АССР)

А.М. Мацук (Сыктывкар, Россия)

Лагеря системы ГУЛАГ, создаваемые в Коми автономной области – Коми АССР с конца 1920-х гг., носили ярко выраженный производственный характер. Они специально создавались для использования труда заключенных при добыче нефти, каменного угля и радия, для заготовки леса и для строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали Котлас – Воркута. Первый (довоенный) период создания и функционирования лагерей ГУЛАГа в Коми АССР совпал с началом массовой автомобилизации страны.

Напомним, что в довоенный период автомобильная промышленность страны только начала выпускать первые тысячи автомобилей для нужд народного хозяйства СССР. Причем выпуск их стремительно расширялся. В Постановлении Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства Союза ССР» говорилось: «По автодорожному транспорту: определить парк автомобилей на конец второго пятилетия в 580 тыс. машин против 75 тыс. машин на конец первой пятилетки» [1]. Эти планы были реализованы, но на местах автомобилизация шла разными темпами. Автомобили на предприятия и в организации поступали в соответствии с тем, насколько то или иное производство было необходимо для общего развития экономики и обороноспособности страны. Лагеря ГУЛАГа являлись наиболее крупными потребителями автомобильной техники. Всего в четырех лагерях ГУЛАГа Коми АССР (Ухтижемлаге, Воркутстрое, Севжелдорстрое и Печлаге) было 1778 автотранспортных средств из имевшихся тогда в республике 3032 автомашин, или 58,64% [2].

В свою очередь, производственные нужды и государственная целесообразность определяли степень и темпы автомобилизации тех или иных лагерей ГУЛАГа, дислоцированных в Коми АССР. Рассмотрим это положение на конкретных примерах. Так, по состоянию на 1 июля 1941 г. в Ухтижемлаге было 373 автомобиля, в Воркутстрое – 14, Севжелдорстрое – 436 и в Печлаге – 956 автомашин [3]. В довоенный период главным критерием автомобилизации лагерей было, на наш взгляд, участие их контингента на строительстве Северо-Печорской железной дороги. Напомним, что Севжелдорстрой отвечал за строительство железной дороги на участке от Котласа до Ухты, Ухтижемлаг – от Ухты до Кожвы (Печора) и Печлаг (Печорстрой) – от Печоры до Воркуты. Ю.Л. Дьяков, советский исследователь истории строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали, характеризуя темпы автомобилизации этого строительства, пишет, что «если в 1938 г. на строительстве всей магистрали работало всего 117 автомашин, несколько тракторов и экскаваторов, то в середине 1941 г. только на участке Кожва – Воркута работало 1050 машин, 46 тракторов, 16 экскаваторов, десятки свайных и сварочных агрегатов, бетономешалок и других механизмов и несколько тысяч лошадей. Механизация трудоемких земляных работ поднялась с 17,7% в 1938 г. до 68,7% в 1941 г.» [4].

Автомобилизация этой грандиозной стройки была делом практичным, способствовавшим ускорению строительных работ. Тот же Ю.Л. Дьяков привел два ярких примера использования автомобильного парка этих строительных организаций – лагерей ГУЛАГа. Исследователь пишет: «Первые километры дороги были уложены в непроходимой тайге, против лесной деревни Княжпогост. Бездорожье, болота и реки затрудняли доставку необходимых грузов и рабочей силы, поэтому все перевозки осуществлялись только по рекам в период короткой навигации. Трасса проходила по безлюдной местности, вдали от транспортных путей, поэтому на всем протяжении приходилось возводить поселки, где временно жили строители; к полотну железной дороги прокладывались десятки лесовозных дорог, а вдоль трассы сооружались колесные дороги для подвоза материалов, рельс и других грузов. ... Если за предыдущие три года было уложено 275 км главного пути, то только в 1940 г. предстояло уложить 400 км. Такие темпы строительства были продиктованы необходимостью дать стране в 1942 г. до двух миллионов тонн воркутинских углей. ... Главным стремлением строителей было во что бы то ни стало пробить дорогу на Кожву, ибо в этом была основа для дальнейшего ускорения железнодорожного строительства как в «Севжелдорстрое», так и на северном участке магистрали Печора – Воркута. Строители стали прокладывать через болота и трясину между Ухтой и Кожвой **автолежневую** дорогу длиной в 235 км, **по которой трасса снабжалась всем необходимым** (выделено нами – А.М.). ... В декабре 1940 г. коллектив «Печорстроя» должен был обеспечить укладку пути и открыть рабочее движение поездов на участках к северу от Кожвы 59 км и к северу от Абези – 60 км. Снабжение этих участков было возложено на Печорское речное пароходство. Лето 1940 г. выдалось засушливым, река Уса пересохла, и баржи с грузами застряли на мели у Адзьва-Вом, не дойдя до Абези. Строители самого северного участка дороги переживали трудные дни. Люди с нетерпением ждали наступления морозов. Когда ударили первые морозы, началась прокладка **автомобильной зимней дороги** (выделено нами – А.М.) протяженностью 700 км, к пунктам, где застряли грузы. Люди трудились, не покладая рук, дорога была закончена, и **к полярному кругу пошли автомашины** (выделено нами – А.М.). Однако всю зиму

строители буквально сражались со стихией, отстаивая снежную трассу. Почти каждый день ее заносило снегом, но ее восстанавливали снова и снова» [5].

Для обеспечения строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали лесом создавались лесозаготовительные предприятия. Если судить по имеющейся литературе, то предприятия, заготавливающие лес для указанной стройки, хорошо снабжались автомобильной лесовозной техникой и были первыми в республике механизированными лесопунктами. По данным Л.И. Суриной, «в 1940 г. тракторами и автомашинами было вывезено в Кряжском лесопункте 80,5%, в Кылтовском – 79% древесины» [6]. Это были самые лучшие лесозаготовительные предприятия по использованию технических средств, в том числе и лесовозных автомобилей. А, по крайней мере, один из них – Кряжский лесопункт – непосредственно обслуживал нужды строительства Северо-Печорской магистрали.

Говоря о наличии автомобилей на стройках и производстве, обслуживавшихся лагерями ГУЛАГа, необходимо иметь в виду, что и там имели место обычные для того времени проблемы, связанные с автомобилизацией.

Таким образом, в предвоенные годы прошла автомобилизация лагерей ГУЛАГа в зависимости от их производственных нужд. Наибольший автомобильный парк был сосредоточен в организациях, осуществлявших непосредственное строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали Котлас – Воркута. В этих организациях автомобили использовались на доставке необходимых грузов для строительства железной дороги, в том числе и на вывозке необходимого ей леса, заготовленного вблизи этой магистрали. Иногда лишь использование больших автомобильных отрядов позволяло осуществлять строительство в соответствии с утвержденным планом.

Источники и литература

1. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР. 1934. № 59. С. 825, 832.
2. Национальный архив Республики Коми (ГУРК НАРК). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 842. Л. 37–38.
3. Там же.
4. Дьяков Ю.Л. Строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали в довоенные годы (1937–1941 гг.) // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР. Сыктывкар, 1970. С. 94, 95. (Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 12).
5. Там же. С. 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94.
6. Сурина Л.И. Борьба трудящихся Коми АССР за дальнейшее развитие лесозаготовительной промышленности в предвоенные годы третьей пятилетки (1938–1941 гг.) // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 6. С. 36.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

ПОСЕЛОК АДЖЕРОМ (ПЕЗМОГ) В ИСТОРИИ ГУЛАГА СССР

А. Смилингис (Корткерос, Россия)

В связи с массовой депортацией крестьянства и начавшимся притоком рабочей силы на Северные районы страны, в 1930 г. Совет народных комиссаров постановил возложить на Северный край обязательства заготовить 65 млн. куб. м древесины, за которую государство получит не менее 500 млн. руб. валютой [1]. Волна репрессий расширилась.

Решение о создании в 1932 г. Пезмогского (Северного) комбината с колониями Пезмогская, Позтыкеросская и Локчимская в бассейне р. Локчим Коми области было одобрено Советом Труда и Оборона [2]. Пезмогский комбинат как структура ГУИТУ (Главного управления исправительно-трудовых учреждений) явился одним из первых крупных лагерных комплексов на территории Коми области [3]. Его создание было первой и единственной попыткой организации крупного промышленного комбината с массовым использованием труда заключенных в системе ГУИТУ. Считалось, что местность лучше обеспечивает создание соответствующих условий для осуществления исправительно-трудовой политики среди деклассированных элементов – трудового воздействия и режима ими. В официальных документах комбинат именовался по-разному: Северным, Пезмогским, Локчимским. За годы существования (1932–1936) в нем погибли тысячи заключенных, до сих пор не известны места захоронений [4].

С весны 1932 г. на территорию нынешнего поселка Аджером начали прибывать баржи с заключенными. Средств и людей не жалели. Строятся землянки, лагерные бараки, ведутся заготовка древесины и строительство лесовозных дорог-лежневок из бревен (на километр лежневки уходило более 200 кубометров деловой древесины). Стены здания электростанции, для лесопильного завода воздвигнуты из смеси цемента и камушек, собранных ведрами на полях. Размеры здания, чаны для охлаждения воды, впечатляют. По словам современников, топливом для станции служили опилки рядом построенного лесопильного завода. В 1933 г. на освоение было израсходовано 4,3 млн. руб., заготовлено 40 тыс. куб. м древесины. В комбинате было 2450 заключенных. По договору от 15 марта ГУЛАГ дополнительно передал комбинату для трудового использования все наличие: около 2456 спецпереселенцев, раскулаченных крестьян России. Планировалось проведение масштабных лесозаготовок, в основном, на экспорт [5].

На огромной территории не было дорог. Лагерные участки (колонии) строились в спешке, в стороне от мест проживания коренного населения, в местах гиблых, не пригодных для ведения сельского хозяйства. Отсутствовала простейшая инфраструктура. Бревенчатый частокот с проволочным верхом. Барак из сырых неотесанных бревен. Двухэтажные нары. Печка – железная бочка – на весь барак. Соломенные матрацы. Масса клопов [6]. На 10-15 человек была одна ложка, а вместо блюда использовалась консервная банка. В большинстве лагпунктов не было бань. Не хватало инструментов, теплой одежды. Шла необъявленная война на уничтожение собственного народа. Для этих целей использовались голод и принудительный труд.

Нечеловеческое отношение к заключенным сохранили документы: «В Лопыдинском отделении Локчимской исправительно-трудовой колонии организовали карцер «Сахалин» для лишенцев свободы в лесу за 7 км от самых бараков, а потом туда садили, кто вздумает, насадили в карцер до 30 человек мужчин и женщин все в один барак, при посадке у арестованных отбиралась почти вся одежда для того чтобы оттуда никто не сбежал. Продукты им выдавались от случая к случаю, надзиратели пайки воровали и хлеб сокращали на 50%, или совсем не выдавали. В последних числах декабря месяца там было оставлено 4 человека, которые несколько дней находились совершенно голодные, последние, боясь голодной смерти, одного из четырех зарезали на смерть, а мясоструп употребили в пищу» (Из протокола закрытого партийного собрания) [7]. Из справки проверки: «Умершие л/свободы хоронятся большей частью на кладбище, но случалось встречать могилы в лесу – зарытыми очень неглубоко. Никаких дощечек с фамилией и именем умершего не выставляется. Несколько покойников было привезено из больницы на кладбище для погребения. Когда их начали зарывать, то вспомнили, что нужно составить акт о смерти, а т. к. фамилий не знали, то покойников с кладбища повезли обратно в больницу для опознания, но и там не знали. Пришлось пригласить заключенных. Они сказали их фамилии, но насколько правильно – не известно. Личные дела на лишенцев свободы ведутся небрежно и именуются не на всех» [8].

Сведения о жизни в лагерных участках, в спецпоселках, местах захоронения считались секретными. Отбиралась подписка о неразглашении. Технология принудительной заготовки древесины отрабатывалась путем проб и ошибок. Каждая ошибка уносила жизни заключенных. Не поставишь у каждого вальщика дерева охранника с винтовкой. Комбинат, породив огромное количество смертей, не оправдал надежд, не успев «набрать обороты», был в 1936 г. закрыт. Лагерные участки-колонии, в том числе Пезмогское лесозаготовительное хозяйство, переданы в ведение Нижнечовской исправительно-трудовой колонии [9].

Следующий этап ГУЛАГа в истории поселка Пезмог совпал с развертыванием «Большого террора» в стране.

31 июля 1937 г. появляется Оперативный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», который утверждается в Политбюро ЦК ВКП (б). Одновременно утверждаются сроки «кулацкой операции» и ассигнования на ее проведение, а также принимается решение **об организации шести новых лесозаготовительных ИТЛ**, куда должны направляться осужденные по этой операции. Приказ определял контингенты, подлежащие репрессии: бывшие кулаки, оставшиеся в деревне или осевшие в городах, бывшие члены социалистической партии, священство, «бывшие белые» и т.д., а также «уголовники», т.е. люди, ранее судимые по общеуголовным статьям УК. В отношении «наиболее активных антисоветских элементов» операция должна была проводиться также в тюрьмах, лагерях, трудпоселках. Приказ устанавливал количественные «лимиты» по первой (расстрел) и второй (заключение в лагерь) категориям для каждого региона СССР, а также фиксировал персональный состав «троек», выносящих приговоры (начальник УНКВД, секретарь обкома, областной прокурор). Приговоры выносились заочно, т.е. без вызова обвиняемого, а также без участия защиты и обвинения, обжалованию приговоры не подлежали. Специально указывалось, что приговоры к расстрелу должны приводиться в исполнение «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места проведения». Согласно приказу, операция должна была длиться четыре месяца, за это время было намечено осудить к расстрелу 75950 чел., заключить в лагерь 193000 чел. (всего в ходе «кулацкой операции», в основном завершённой к весне-лету 1938 г., было осуждено не менее 818 тыс. чел., из которых расстреляно не менее 436 тыс. чел. [10].

16 августа 1937 г. во исполнение приказа организованы новые лесные лагеря ГУЛАГа НКВД: Ивдельский, Каргапольский, Кулойский, Тайшетский, Томско-Асинский, Усть-Вымский и **Локчимский**, куда направлялись в основном заключенные, осужденные по приказу 00447 (2-я категория) [11].

Центром (столицей) Локчимлага был определен поселок Пезмог (Аджером). Здесь на сохранившейся базе Пезмогского комбината были образованы четыре лагерные зоны: управленческая, сельскохозяйственная, лесозаводская, общая. В 1938 г. дополнительно введена комендантская зона. Строительство велось с размахом. Для управленческой зоны были построены семь двухэтажных зданий, в которых ежедневно трудились три тысячи зеков счетоводов-нормировщиков [12].

В течение двух месяцев для вольнонаемного персонала (охрана, офицерский состав, специалисты) построено двухэтажное здание средней школы. К 1 сентября 1938 г. самолетом начальника лагеря из Москвы были доставлены учебно-наглядные пособия.

Локчимлаговский аэродром был один из крупных на территории Коми. Утверждают, что начальник лагеря частенько по субботам летал в Москву отдохнуть в ресторане.

В Локчимском лесозаготовительном лагере НКВД СССР – ЛОКЧИМЛАГ, созданном на основании Приказа НКВД СССР № 00047 в октябре 1937 г., насчитывалось 18937 заключенных. В 1938 г. – 26242, 1939 г. – 22585, 1940 г. – 10269 заключенных [13] со сроками наказания пять лет и более, размещенных в многочисленных участках 25 лагерных пунктов.

Локчимский лагерь был самым страшным из всех лагерей Коми. Только за один 1938 г. от голода, холода [14], болезней в нем погибли 4003 заключенных. При наличии запасов муки начальники лагерных отделений умышленно снижали нормы питания до 200 г хлеба в день, кормили заключенных мучной похлебкой [15]. По воспоминаниям уцелевших узников, «там царил такой голод, что люди ели людей. И от голода пытались бежать» [16]. Из-за отсутствия теплой одежды заключенные вследствие обморожений, простудных заболеваний умирали без какой-либо медицинской помощи. С октября 1937 г. по май 1938 г. умерло 3069 заключенных. В декабре 1938 г. от обморожений умерло 372 чел., в январе 1939 г. – 152 чел. На 26 тыс. заключенных в лагере было 188 медицинских работников, медсестры (медбратья). От голода, способствующей ему дизентерии ежедневно погибали 10-15 чел. Ослабших, не могущих выходить на работу жестоко наказывали. Питание при выполнении дневной нормы состояло из черпака мутной баланды, где плавал лист мерзлой капусты. Обед не полагался. На ужин выдавался «суп», черпачок каши, заправленной солидолом, и хлебный паек от 700 до 300 г. Нормы выработки по заготовке древесины не соответствовали человеческим силам. При таких условиях люди быстро слабели.

В связи с физическим состоянием заключенные Локчимлага были разделены на четыре категории: «А», «Б», «В», «Г». Для каждой категории имелись соответствующие нормы выработки в день и соответствующий пищевой паёк [17]. По мере ослабления заключенных переводили на более низкую категорию и сокращенный паек. Категория «Г» была самой последней, обладателей которой через неделю-две увозили на лагерное кладбище. В 1938 г. в предпоследней группе «В» было 2807 и последней группе «Г» – 2046 заключенных. Для меньших хлопот с обреченным на гибель людьми категории «Г» создается Нидзкий инвалидный лагпункт, куда отправляли умирать активированных инвалидов с «выводом за баланс рабочей силы и изъятием с основных лагерных отделений» [18].

В Локчимлаге содержались дети-заключенные. Положение их мало чем отличалось от взрослых невольников. Из протокола обследования состояния Средне-Локчимского участка (городок малолеток) установлено, что

лагерный быт организован не был, жилые помещения не были подготовлены к зиме. Несмотря на наличие продуктов питания плохое. Имеющиеся в каптерке сахар, сельди и другие продукты как заменители не выдавались, и заключенные дети питались только сечкой.

Несмотря на наличие мисок таковые на руки не выдавались, и заключенные ели из консервных банок [19]. Ежедневно активировался невыход на работы 60-70 детей по разутости, в то время как в каптерке имелось 147 пар обуви.

Предварительные расчеты показывают, что жизнь одного заключенного Локчимлага равнялась 8-10 кубометрам заготавливаемой в лагере древесины. Затраты на доставку заключенных, строительство бараков и «обустройство» быта, содержание лагпунктов, организацию труда и охрану заключенных не окупались. Хозяйственная деятельность Локчимлага в 1939 г. закончилась 56 млн. руб. убытков. Ни один лагерь в системе ГУЛАГ СССР не причинил государству таких огромных убытков [20].

1 июня 1940 г., согласно Приказа по Локчимлагу № 309, существующий в поселке Пезмог комендантский лагпункт с управленческим аппаратом был ликвидирован с передачей функций Пезмогскому отдельному лагерному пункту, при котором были оставлены лесозавод, мастерские ЦРМ, гараж на 24 автомашины, столярные мастерские, кирпичный завод. 17 августа 1940 г. лагерь был закрыт [21]. Материальные, имущественные ценности и весь персонал Локчимлага были переданы в полное распоряжение Устьвымлага [22]. 9 сентября 1940 г. начальник управления Локчимлага Михайлов издал приказ, пункт 3-й которого гласит: «Все материальные ценности и весь персонал Локчимлага с 10 сентября 1940 г. предать в полное распоряжение Устьвымлага».

18 декабря 1940 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление о ликвидации Локчимлага, с сохранением на территории поселка Пезмог отдельной лагерной зоны подсобного хозяйства – Сельхозподразделение с подчинением Устьвымлагу. Гулаговская система в поселке Пезмог продолжила существование. В 1952 г. Пезмогский лагпункт имел литер АН-15, почтовый ящик 243/15 и непосредственно подчинялся управлению Устьвымлаг. Только в июле 1956 г. деятельность Устьвымлага закончилась, и Пезмогский лагпункт был закрыт. Положен конец «долгожителю» ГУЛАГа СССР, просуществовавшему на территории нынешнего поселка Аджером с 1932 по 1956 г.

Свидетели времени здесь – траншеи лагерных землянок с выходом на общую площадку. Лагерная топонимика: Шанхай – где проживали репрессированные китайцы, корейцы, иранцы; Кремль-территория, в которой проживало лагерное начальство. Аэродром. Красный маяк – ряд пристаней на берегу озера Адзеромты. Лесозавод. Электростанция. Агробаза – пустующие ныне поля сельскохозяйственного лагеря. Сохранилось здание тюрьмы комендантской зоны с камерами и надписью на стропиле крыши: «Печь сложена бригадой Игнатова, печники Мерилин и Лазарев. 7 сентября 1938 г.». Старожилы говорят, что в этом здании расстреливали заключенных.

На территории бывшей столицы Локчимлага (поселок Аджером) известны четыре кладбища заключенных: Лесозаводское; Комендантское; Аэродромовское; Сельхозовское. На территории бывшей комендантской зоны лагеря, рядом с автострадой Сыктывкар – Усть-Кулом, 17 июля 2002 г. установлен памятный знак-камень: «Узникам лесных лагерей». На кладбище заключенных «Лесозаводское» 6 июля 2004 г. установлен Памятный крест.

Прошли годы. Память людская возвращается в эти места в лице потомков, в поисках могил родных. В раздумьях понятия случившегося.

Едут из России из зарубежных стран.

В Корткеросском районе известны места 73 бывших лагерных участков, лагпунктов, спец- и трудпоселков. Определены места 24 лагерных кладбищ-захоронений. На 16 из них установлены Памятные знаки.

Источники и литература

1. Гетманенко В. Биржа // Молодежь Севера. 1989. 1 окт.
2. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1927–1956. Сыктывкар, 1997. С. 149.
3. «Признать строительство ударным...». Документы Национального архива Республики Коми по истории Северного комбината Главного управления исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) РСФСР. Сыктывкар, 2005. С. 6.
4. Признать строительство ударным (документы национального архива РК по истории Северного комбината ГУИТУ. Сыктывкар, 2005. С. 2.
5. Национальный архив Республики Коми. Ф. 371. Оп. 1. Ед. хр. 17.
6. Морозов Н.А. Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1990. С. 181.
7. Из протокола закрытого собрания членов ВКП(б) Лопыдинской ячейки от 19 января 1934 года // Признать строительство ударным. Документы национального архива Республики Коми по истории Северного комбината. Сыктывкар, 2005. С. 11.
8. Национальный архив Республики Коми. Р-136. Оп. 1. Д. 251. Л. 152-152об.
9. Морозов Н. Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 215.

10. Как наших дедов забирали // Российские школьники о терроре 30-х годов. Хронология «Большого террора». М., 2007. С. 574.
11. Там же. С. 576.
12. Киселев (воспоминания). Архив автора.
13. Морозов Н.А. С. 152.
14. Морозов Н.А. С. 154.
15. Морозов Н.А. С. 154.
16. Полещиков В.М. За семью печатями. Сыктывкар, 1995. С. 29.
17. Панюкова Г.И. Курсовая работа 4 курса исторического факультета Коми пединститута.
18. Приказ по Локчимлагу НКВД СССР № 310 от 2 июня 1940 г.
19. Приказ начальника управления Локчимлага НКВД СССР № 91 от 11 февраля 1939 года в лагере.
20. Приказ начальника управления Локчимлага НКВД СССР № 328 от 7 июля 1940 года.
21. Морозов Н.А. С. 152.
22. Приказ по Локчимлагу НКВД СССР № 569 от 9 сентября 1940 года.

НЕПОВИНОВЕНИЕ КРЕСТЬЯН ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КОМИ КРАЯ, ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД XIX в.)

Д.В. Вишнякова (Сыктывкар, Россия)

Во второй половине XIX в. в условиях реформирования и начавшегося процесса модернизации страны происходило разрушение патриархального уклада, а традиционные крестьянские установки, в том числе и отношение к власти, подвергались существенной трансформации. Несогласие крестьянского общества с проводимой в отношении него государственной политикой и конкретными мероприятиями власти выражалось в виде реакции социального протеста. В отечественной историографии досоветского периода традиции изучения социального протеста сложились достаточно давно. Проблема взаимоотношений власти и крестьянства поднималась еще в работах дореволюционных историков. Обострение аграрного вопроса породило повышенный интерес и, как следствие, систематическое изучение крестьянства России конца XVIII – первой половины XIX в., его взаимоотношений с властью в последней четверти XIX – начале XX в. В советский период в работах А.М. Анфимова, Б.Г. Литвака, А.Д. Горского и других были освещены различные формы крестьянского протеста, дан анализ возникновения и динамики протеста с учетом взаимосвязи экономических, социальных и политических факторов [1]. В центре внимания советских исследователей преобладали анализ и описание активных форм проявления социального протеста, таких, как бунты, волнения, выступления и т.д. В региональной историографии Коми вопросы крестьянского противодействия власти рассматривались в трудах Т.И. Беленкиной, В.Н. Давыдова, Д.Д. Балуевой, Р.Г. Пучковой, Л.И. Суриной, В.И. Чупрова [2].

В данной работе мы попытались рассмотреть один из аспектов проблемы взаимоотношений власти и народа: неповиновение представителям власти и выражение социального протеста (по материалам Коми края). В научной литературе существуют многочисленные классификации выражения крестьянского протеста. Исследователи, как правило, подразделяют протест по способу действия на пассивные и активные формы. Активные формы в свою очередь делятся на «мирные» и вооруженные или насильственные и ненасильственные. Некоторые ученые выделяют открытое и скрытое или обиденное сопротивление (нерадивое выполнение работ, уклонение, невыполнение повинностей, подворовывание, браконьерство, злословие и т.п.) [3]. Формы социального протеста выделяются также по числу участников: коллективный или индивидуальный протест.

В крестьянской среде проявление неповиновения и выражение несогласия с действиями властей были связаны с неприятием установленных порядков, касающихся повседневной жизни крестьян, ущемлением их материальных интересов. В народной среде находила отражение мысль о социальной несправедливости, вследствие этого нарушение законов, крайне ограничивающих экономические возможности крестьян, воспринималось в обиденном сознании в качестве способа восстановления той самой социальной справедливости. Многие из того, что казалось справедливым крестьянам и соответствовало обычаю, не казалось правильным администрации и не соответствовало закону. В сущности, как отмечает Б.Н. Миронов, все бунты крестьян имели правовую основу – расхождение между законом и обычаем [4]. Ситуация правового дуализма в пореформенной России порождала проблему взаимодействия права, этических представлений общества и исторической традиции [5]. Противоборство двух правовых систем сказывалось и в двойственном отношении крестьянства к государству в лице органов центрального и местного государственного управления. В нем сочеталось распространенное столетиями раболепие перед государством, бюрократией и в то же время неуважение к ним, анархические тенденции.

Население Коми края в рассматриваемый период страдало от малоземелья, тяжелого налогового бремени, монополии государства на природные богатства края (прежде всего леса). Основные интересы крестьянства лежали в социально-экономической сфере. В связи с чем борьба крестьян носила в основном экономический характер и выливалась в сведение личных счетов с представителями местной власти [6]. Можно сказать, что генеральная линия крестьянского недовольства была направлена против отхода от традиционного идеала справедливости, чрезмерной нормы налогов и повинностей и усиливавшегося стеснения свободы, но отнюдь не против самого факта социальной стратификации.

Борьба за «мужицкую» справедливость выработала в деревне целый арсенал приемов повседневной борьбы крестьян за свои интересы. Постоянное посягательство на собственность в форме браконьерства, вредительства, потрав и порубок осуществлялось индивидуально (или небольшими группами) при негласной поддержке

общины [7]. Безусловно, что факты тайных подсек, самовольных порубок, покосов, уклонения от выполнения повинностей, неплатежей приводили столкновениям с местными властями. На материалах Коми края мы можем выделить следующие виды проявления неповиновения и противодействия представителям власти: отказ от выполнения и игнорирование конкретных предписаний, отказ от присяги, личные оскорбления, выказывание неуважительного отношения, развязывание драк.

Наибольшее число фактов открытого непослушания властей фиксировалось при урегулировании вопросов лесного землепользования. Лес для коми крестьян представлял не меньшую ценность, чем земельные и сенокосные угодья. Ограничительные меры пользования лесными участками и значительный прирост населения толкали жителей края к нарушению существовавшего законодательства. Как отмечают исследователи, количество дел о самовольных порубках в пореформенный период неуклонно росло. Так, например, в 1876–1880 гг. было зафиксировано только по Усть-Сысольскому уезду 1670 таких дел [8]. Массовые незаконные порубки приводили к стычкам и обострению отношений с местными лесничими и инспекторами, призванными следить за соблюдением «лесного» законодательства. Как правило, в таких случаях крестьяне выражали свое несогласие и недовольство в личных оскорблениях лесничих, находившихся при исполнении служебных обязанностей [9]. Ни штрафы, ни преследования крестьян не могли остановить самовольных порубок.

Еще более напряженные отношения складывались с представителями полиции. Как свидетельствуют материалы судебных разбирательств по Коми краю за вторую половину XIX в., крестьяне не только не исполняли в ряде случаев требований полиции, но также прибегали к оскорблениям местных полицейских и нанесению им побоев. Неуважительное отношение жителей края к представителям органов внутренних дел распространялось и на вышестоящих сотрудников. Так, к примеру, в 1882 г. в г. Яренске было заведено дело об оскорблении майора Лалакина. Также судом рассматривалось «дело по обвинению отставного секретаря Квашнина-Самарина в нарушении общественного порядка в здании Яренского правления, в рисовании им неприличных карикатур на министра МВД С.С. Ланского» [10].

С позиций крестьянского протеста рассматривают также и случаи отказа от присяги на верноподданничество царю. Подобные факты были достаточно редким явлением в изучаемый период. Следует отметить, что различные виды оскорбления, рукоприкладства, как правило, были направлены в сторону местных должностных лиц, явившихся объектом выражения личного или общественного недовольства, в то время как случаи отказа от присяги императору вовсе не носили характера протеста против личности царя, императорской фамилии или монархической власти в целом. В 1881 г. в г. Яренске крестьяне В.М. Маслов, М.Ф. Хромых и С.А. Горячих отказались приносить присягу вступившему на престол императору Александру III, когда впервые к присяге императору наравне с другими подданными приводились и крестьяне [11]. Около двадцати лет назад названные крестьяне были высланы из Владимирской губернии, где у них остались дети, жены и родители. Все это время крестьяне, находясь в ссылке, ждали решения суда по делу, связанному с освобождением крестьян от крепостной зависимости. Как следует из показаний В.М. Маслова, М.Ф. Хромых и С.А. Горячих, крестьяне были уполномочены своим сельским обществом ходатайствовать о безвозмездном предоставлении им земельных наделов. Крестьяне отказались принимать уставные грамоты и положение о выкупе земельных наделов у помещика, так как посчитали, что сельское общество не уполномочило их на данные действия. В результате В.М. Маслов, М.Ф. Хромых и С.А. Горячих были высланы административным порядком «за подстрекательство к неповиновению властям». Сосланные крестьяне отказывались принимать присягу до тех пор, пока в суде не будет рассмотрено их дело 20-летней давности, связанное с условиями наделения землей при выходе из крепостной зависимости. В Коми крае имел место быть еще один факт отказа от присяги. В 1894 г. от присяги Николаю II массово отказались крестьяне Щугорской и Савиноборской волостей Усть-Сысольского уезда. Присяга не принималась по религиозным мотивам, так как население этих мест в основном принадлежало по вероисповеданию к старообрядчеству. После принятых чиновниками мер и приезда уездного исправника крестьян все же удалось привести к присяге [12]. В данных случаях отказ от присяги служил своеобразной формой выражения недовольства существующей социальной несправедливостью, а также являлся, по мнению крестьян, способом «добиться правды», заставить обратить внимание властей на свои проблемы.

Значительная удаленность местных органов власти от административных центров и широкий спектр полномочий способствовали развитию произвола со стороны представителей власти, что, в свою очередь, порождало у местного населения недоверие и пренебрежение к власти в целом. В условиях распада традиционных отношений в деревне, усиления социальной мобильности, миграции сельского населения в города происходил рост числа случаев, направленных против власти, случаев неподчинения, неуважительного отношения и оскорбления чиновников и полиции.

Источники и литература

1. Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967.
2. Беленкина Т.И. Из истории классовой борьбы коми народа. Сыктывкар, 1971; Давыдов В.Н. Классовая борьба в Коми крае в годы первой русской буржуазно-демографической революции (1905–1907 гг.) // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4; Балуева Д.Д., Пучкова Р.Г., Сурина Л.И., Чупров В.И. Классовая борьба в Коми крае в последней трети XIX – начале XX в. // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 33; Чупров В.И. Крестьянское движение на Севере в конце XIX – начале XX вв. (1895 – февраль 1917 гг.). Источники. Методика исследования. Хроника. Сыктывкар, 2002.
3. Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 26-59.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 439.
5. Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Власть. 2011. № 8. С. 164.
6. Ластунов И.И. Крестьянство и власть на Европейском Северо-Востоке России в годы гражданской войны (1917–1921 гг.) // Крестьянство и власть на Европейском Севере России. Материалы научной конференции. Вологда, 2003. С. 96.
7. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). М.; Тамбов, 2003. С. 76.
8. История Коми с древнейших времен до конца XX в. В 2 т. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 473.
9. Государственное учреждение Республики Коми Национальный архив Республики Коми (далее – ГУРК НАРК). Ф. 99. Оп. 1. Д. 1205. Л. 95; Д. 2662. Л. 61; Д. 2682. Л. 22.
10. ГУРК НАРК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2338. Л. 34; Д. 2709. Л. 27; Ф. 100. Д. 922. Л. 81; Д. 1018. Л. 23; Д. 1637. Л. 32.
11. ГУРК НАРК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2301. Л. 44.
12. История Коми с древнейших времен до конца XX в. В 2 т. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 478.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

ССЫЛЬНЫЙ МУРОМ

Ю.М. Смирнов (Муром, Россия)

Многие из тех, кому так или иначе приходилось соприкасаться с Муромом, отмечают его двойственную сущность: «В Муроме контрасты городского облика проявляются на глазах» [1]. «У всего должны быть секреты, даже у Мурома» [2]. «Древний город – двулик. Спешно надетая на него „маска“ современности не в силах скрыть „глубокие морщины“ и „родимые пятна“ прошедших эпох» [3], – рефлексировал актер, режиссер и писатель В. Зимин, чьи школьные годы, пришедшиеся на шестидесятые, прошли в Муроме. Некто Белослав, явно отвечая исследователям «мест силы», к коим они причисляют и Муром, констатирует: «Муром – город темной, колдовской силы. Мощь ощущается, но мощь давящая, высасывающая... Лишь где-то подспудно ощущается какие-то красота и душевность, но запрятанная, как у человека в состоянии депрессии и полного одиночества. Человек, приезжающий в город как турист, восхищается чистым воздухом, зеленым улиц. Но если ты здесь начинаешь жить – чувствуешь себя под колпаком. В армии есть такое место – гауптвахта. Это еще не тюрьма, так, задержание за провинности средней тяжести. Так вот Муром производит впечатление кармической гауптвахты» [4].

В городе действительно есть некий подспудный, скрытый план. Весьма примечательно, что в упоминаниях о Муроме, особенно мемуарных и публицистических, нередко встречаются его оценки как ссыльного города, и даже беглый экскурс в историю дает все основания называть его таковым.

Еще в 1019 г. великий князь Ярослав, разгневавшись на новгородского посадника Константина Добрынича, заточил его сначала в Ростове, а «на третье лето повеле убити в Муроме на реце Оке» [5]. Захватив в плен израненного в битве великого князя Василия II Васильевича Темного, татары держали его в Муроме; здесь же через год, в 1446 г. князь Рязановский прятал детей Василия [6]. В 1457 г. Иван III по жалобам новгородцев «поимал» бояр Ананьиных и Лошинских и сослал их в Муром [7], в 1476 г. сюда же был отправлен из Новгорода сын Марфы Борецкой Федор, где и скончался в том же году [8], а зимой 1489 г. великий князь Иван Васильевич более тысячи новгородских бояр «перевел» в другие города, в том числе и в Муром [9]. О ссылке в Муром шведского посольства в 1570 г. оставил записки возглавлявший его Павел Юстен» [10].

В 1653 г. муромский протопоп Логгин, сподвижник Аввакума, по сфабрикованному местным воеводой делу был вызван в Москву, осужден на духовном соборе, расстрижен и отправлен обратно в Муром в ссылку, где через год умер в тюрьме [11]. Эта тюрьма была построена после Соборного уложения 1649 г., когда тюремное заключение стало применяться как мера наказания. Первые пять государственных тюрем были построены в Москве, Устюге, Шуе, Муроме, Верхнетурье [12]. Что представляла собой муромская тюрьма во второй половине XIX в., можно представить из записки стряпчего Ранга министру внутренних дел: «В... Суздале, Коврове, Шуе, Гороховце, Судогде, Муроме, Меленках, Александрове, Переславле и Юрьеве тюрьмы были устроены в одинаковом размере и одинаковым образом... Состоят из каменных двухэтажных зданий, в которых устроено шесть отдельных помещений, по три в каждом этаже. В этих помещениях распределены арестанты и тюремная стража... в нижнем этаже одна камера занимается караулом, другая – больницей, третья – женщинами. В других трех камерах размещаются арестанты-мужчины» [13]. Показательно, что в марте 1940 г. в муромской тюрьме размещалось 704 заключенных [14]! Тюрьма просуществовала до середины XX в.

Своего рода почетной ссылкой можно считать и выселение в Муром с 1764 г. инвалидов лейб-гвардии Измайловского полка с выплатой жалованья [15].

В мае 1812 г. в Муром из Москвы были высланы иностранцы [16].

Во время одного из очередных покорений Кавказа в муромский монастырь заложником был увезен мальчик, сын горского князя. Фамилию ему дали Палисадов. Мальчик вырос, окончил семинарию, женился, стал настоятелем муромского Благовещенского собора, и фамилию получил новую, церковную – Вознесенский. Это был прапрадед поэта Андрея Вознесенского [17].

Однако в полной мере сомнительную славу ссыльного города Муром снискал при советской власти. Именно здесь берет начало ГУЛАГ. В городе после июльского белогвардейского восстания 1918 г. был создан один из трех первых советских концентрационных лагерей. В приказе № 10 от 8 августа председатель революционного военного совета Л. Троцкий писал: «Всем, всем, всем... начальник обороны железнодорожного пути Москва-Казань т. Каменьщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться трибуналом к другим мерам» [18]. К сожалению, сведениями о муромском концлагере я не располагаю. Косвенным подтверждением его существования служат факты из подавления 1919 г. восстания в Меленковском уезде, но не в тех Меленках, что по соседству с Муромом, а в Черноморье. В восстании было замешано восемь реалистов. После подавления мятежа их осудили к отправке в Муром. Но той же ночью все дети были казнены [19].

В период гонений на церковь в первые десятилетия советской власти Муром стал одним из центров так называемой катакомбной церкви. Во-первых, после закрытия Дивеевского монастыря в 1928 г. здесь обосновалась группа его монахинь во главе с игуменьей Александрой (Траковской) [20]. Монахини сумели сохранить икону из кельи Серафима Саровского, и в 1981 г. передали ее патриарху Пимену, в жизни которого после воркутинских лагерей в 1945 г. также был муромский период [21].

По сути это был тайный монастырь в миру. Монахини жили замкнутым кругом, по монастырскому уставу, несмотря на то, что многие из них были вынуждены устроиться на работу. Сведений об их жизни чрезвычайно мало, все, что известно, в основном почерпнуто из воспоминаний А.П. Арцыбушева (его мать была дочерью царского министра юстиции А.А. Хвостова) [22]. Многие монахини имели высокое происхождение, получили в свое время хорошее образование и до революции завоевали известность общественной деятельностью. Это были яркие личности, по разным причинам оказавшиеся сначала в Дивееве, а потом в Муроме, как, например, В.В. Щербова (в девичестве Законопниц-Грабовская) из четвертого поколения семьи крупных петербургских предпринимателей [23], или княгиня Татьяна Голицына, в начале 1900-х гг. бывшая фрейлиной царского двора, талантливая художница, высланная по постановлению НКВД [24].

Во-вторых, тогда же в Муроме оказалось много репрессированных священников, которые, собственно, и вели «катакомбную» жизнь. «Было очень много ссыльных, большей частью высланных из Москвы так называемых церковников, — вспоминает очевидец. — В то время шло гонение на всю активную интеллигенцию, она группировалась, создавая свои общины при храмах, в которых еще уцелели и служили высокие духом и крепкие верой батюшки: о. Серий Мечев, о. Серафим Битюгов, о. А. Эльбсон, о. Серафим Звездинский... и многие другие» [25]. Среди них — архиепископ Тамбовский Зиновий (Николай Дроздов) [26]. Некоторое время в Муроме жил позднее причисленный к сану великомучеников Сергей Голощапов (1934) [27] (к сану великомучеников был причислен и С. Звездинский [28]). На два года сосланы в Муром арестованные вместе с архиепископом Приамурским Евгением протоиерей Илья Масалов, священники о. Алексей Покровский, о. Василий Кетлевский, о. Василий Осипов и о. Александр Самсель [29]. Здесь же находился бывший Тульский архиепископ Борис Шипулин [30]. В 1930 г. избрал Муром местом ссылки протоиерей И.И. Виноградов, обвиненный как участник нелегальной контрреволюционной церковническо-кулацкой повстанческой организации в г. Мосальске. Вину свою он не признал, почему и был отправлен в ссылку [31].

К этому кругу, видимо, примыкала и часть других ссыльных или скрывающихся в Муроме от репрессий. В муромской ссылке в 1931 г. скончалась Е.И. Арсеньева, урожденная д'Альвеню фон Гогенданс, жена К.К. Арсеньева, известного юриста, критика и публициста, одного из редакторов энциклопедии Брокгауза и Ефрона, почетного академика по разряду изящной словесности. До революции она усердно занималась благотворительностью. После смерти мужа в 1919 г. она ушла в монастырь, а незадолго до смерти приняла схиму [32].

Сосланной из Москвы в Муром оказалась семья священника Сидорова. Его дочь Вера была замужем за графом Бобринским, а жена, знавшая три языка, во время Отечественной войны работала санитаркой в медпункте на пристани, а чтобы прокормить детей, ходила еще в деревню, где работала учительницей [33].

С. Щеглов, живший с матерью в Муроме, а в 1941 г. уже в Москве, будучи студентом, арестованный за «создание в городе Муроме молодежной антисоветской террористической фашистской группы», вспоминал: «Моя мама до 1918 года была учительницей. Но потом она прочно уверовала в Бога и ушла из школы, заявила, что не хочет воспитывать детей атеистами, и стала частной портнихой. Меня она в школу тоже не пускала, учила сама. Муром тогда еще служил местом ссылки, среди ссыльных было много игумений закрытых монастырей, они меня и воспитывали. Мама постоянно ходила в церковь и мечтала, что я стану священником. А я был очарован красотой богослужений: музыкой, пениями, одеждой, — участвовал в службах и всем этим жил» [34].

В ноябре 1937 г. по муромской религиозно-ссыльной общине был нанесен страшный удар. По следственному делу № 11 363 было сфабриковано обвинение по созданию «контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-террористической организации» в Муроме под руководством И. Гладышева, которая, по мнению следователей, ставила целью «проводить вербовку в организацию новых членов из числа церковников и бывших людей, совершать диверсии на промышленных предприятиях и террористические акты над руководителями ВКП(б) и Советской власти района, создать повстанческие отряды, которые бы в случае войны смогли поднять восстание в тылу, воссоздать монастыри, вести антисоветскую пропаганду за выход из колхозов, за веру в бога, за посещение церкви, против посещения культурно-просветительских учреждений, распространять провокационные слухи о скорой гибели Советского Союза... организация вскоре насчитывала свыше 60 чел участников, в подпольный монастырь было вовлечено до 45 монашек. В подпольном монастыре производился тайный постриг» [35].

Аресты лиц, проходивших по этому делу, начались раньше, в августе. Тогда была арестована мать С. Щеглова: «Чекисты наблюдали за такими людьми... и когда понадобилось выполнять разнарядку Ежова и Сталина по арестам и расстрелам, маму взяли». Когда Сергей вернулся домой из деревни, где он был во время ареста

матери, то «обнаружил полный разгром: вещи разбросаны, книги на полу. У мамы была большая библиотека, лучшие книги забрали чекисты. Взяли роскошно изданную серию „Вселенная и человечество“, всю русскую литературу от Пушкина до Толстого» [36]. Почти сразу же был арестован и отец Щеглова, который к этому времени разошелся с семьей. После ареста родителей мальчика забрал к себе брат матери и устроил на работу и в школу для взрослых. «И я внезапно оказался в окружении своих ровесников, – продолжает С. Щеглов. – Большинство были атеистами и комсомольцами, поэтому я тоже вступил в комсомол. Мы, те, кто интересовался не только водкой и девушками, начали тянуться друг к другу... я отличался особой активностью: стал редактором стенгазеты, организовал в школе литературный, исторический, театральный и экономический кружок, где мы замахнулись на изучение „Капитала“ Маркса... В наших кружках мы часто говорили довольно откровенно. Беспokoило нас, говоря современным языком, отсутствие демократии. За нами быстро установили слежку. А в 1939 году меня повесткой пригласили в муромское отделение НКВД. Со мной очень дружелюбно беседовал какой-то капитан, спрашивал, не замечал ли я каких-то антисоветских высказываний, не слышал ли политических анекдотов. Я пообещал, что немедленно приду к нему, если что-то такое услышу, и рассказал об этом друзьям. Но потом мы поняли, что некоторые из нашей компании на такое предложение согласились».

Уже сидя в Лубянке, Сергей размышлял: «Отец эсер, мать сидит, я организатор террористической группы – куда дальше-то? И стал я готовиться к расстрелу. В материалах следствия особо отмечалось, что на экономическом кружке мы читали „Капитал“ Маркса» [37].

По делу о «контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-террористической организации» был вновь обвинен И.И. Виноградов, и, хотя ни в одном из предъявленных обвинений виновным себя не признал и показаний ни на кого из остальных обвиняемых не дал, был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества и заключен в муромскую тюрьму, где, по неофициальным данным, и умер [38]. По этому делу были расстреляны двадцать четыре человека, часть – сослана в исправительно-трудовые лагеря [39]. Однако, как это ни покажется странным, многие монахини тайного монастыря не проходили по этому делу и продолжали жить в Муроме. Игуменья Александра умерла здесь в 1942 г., В. Щербова – в 1968. Возможно, что известную роль в этом сыграло обращение Щербовой к маршалу К.Е. Ворошилову. Дело в том, что в 1937 г. в Муроме после сборов в Гороховецких военных лагерях был проведен большой военный парад, а В. Щербовой как санитарному врачу удалось предотвратить падеж лошадей в армейских частях. Когда Климент Ефремович, якобы, спросил Щербову о награде, она пожаловалась на притеснение монахинь со стороны властей. А через несколько дней после парада начался процесс... Хотя сейчас, когда мы уже имеем представление о механизме советских репрессий, в заступничество «народного маршала» верится с трудом.

В 1937 г. была «раскрыта» еще одна «антисоветская сектантская террористическая группа» – Евангельских христиан-баптистов. Руководителя общины Г.А. Разумова и одного из ее членов – В.В. Матвейчева – обвинили в антисоветской пропаганде. Оба были приезжими – один из Сормова, второй – из Кировской области. Приговор тройки УНКВД по Горьковской области был стандартным: высшая мера наказания [40].

Кроме религиозно-ссылных в Муроме были, конечно, и светские. Однако пока нет оснований говорить, что это была какая-то община, живущая своей жизнью, хотя знакомство и дружбу некоторые из них вели между собой. Например, восприемницей при крещении А. Епанчина, впоследствии муромского краеведа, была сосланная в Муром М.А. Сенько-Поповская, жена бывшего вице-губернатора Орла [41] (правда, это было уже в послевоенное время – А.А. Епанчин родился в 1948 г.). Отбывал ссылку в Муроме его уроженец, врач и ученый секретарь Трансгималайской экспедиции Н. Рериха К.Н. Рябинин, работавший здесь педиатром [42], изготовлением примитивных светильников зарабатывал на жизнь известный архитектор В. Н. Максимов [43].

В.И. Калинин, лауреат Государственной премии СССР, Заслуженный геолог Узбекистана, Почетный разведчик недр СССР, кандидат геолого-минералогических наук вспоминал, как их семья оказалась в Муроме. В д. Аньково Ивановской губернии одновременно арестовали его мать, которая была председателем колхоза, и отца. Во время ареста «все, что имело какую-то ценность, забирали». Дети остались без средств к существованию. «После ареста родителей мы боялись выходить из дома... боялись ходить в школу». Мать вскоре выпустили, семья переехала в Муром, где отбывал ссылку отец. «Почему сослали нас именно в Муром, до сих пор не понимаю (выйдя на пенсию, В. Калинин вернулся в Муром. – Ю. С.) Когда вся семья там объединилась, хотя бы морально стало легче жить... Отец, хотя и ссылный, сразу же устроился на работу... Однажды пришел домой радостным... его наградили бесплатной путевкой в дом отдыха „Карачарово“». В 1936 г. отца посадили в тюрьму «за связь с иностранной разведкой» [44].

«За шпионаж в пользу Германии» в декабре 1937 г. был арестован, а в марте 1938 – расстрелян Ф.Ф. Беккер, немец, родившийся в Югославии, в 1915 г. попавший в русский плен и после многих лет в лагерях военнопленных попавший в Муром [45]. Годом позже был расстрелян И.О. Валеико, приехавший в 1931 г. в Муром уроженец Белоруссии, машинист-обкатчик [46].

А.Ф. Шидловский, бывший Архангельский вице-губернатор, основатель и председатель Архангельского общества изучения Русского Севера (1908), ученый, человек, в царское время много сделавший для облегчения участи политических ссыльных, в марте 1935 г. был лишен «права проживания в 15 режимных пунктах СССР без указания срока». Ему безрезультатно пытались помочь академик А. Ферсман, старший геолог АН СССР Н. Кулик, заместитель директора Арктического института В. Визе, депутат Верховного Совета СССР, заместитель директора Главсевморпути Э.Т. Кренкель. Местом ссылки семидесятидвухлетний Шидловский выбрал Муром, потому что там уже отбывал свою ссылку его приемный сын Н.Н. Янкуло. Не чувствуя за собой никакой вины, Шидловский писал письма в Комиссию Советского контроля ЦКК ВКП(б), депутату Верховного Совета СССР В.Л. Комарову, наркому внутренних дел Л.П. Берия, и, наконец, Сталину: «Проживая в г. Муроме, лишен возможности продолжать свою деятельность... в моем преклонном возрасте искать иных путей для работы, а следовательно и для существования, немыслимо; оставаться же пассивным наблюдателем грандиозных успехов Советского строительства на Севере, когда я сам с 1907 года... стремился поднять интерес к этому Северу, очень тяжело»; «с меня была взята подписка о невыезде... я оказался лицом, бессрочно отданным под гласный надзор органов НКВД... я не мог найти тут никаких научных занятий; поступить на службу я также никуда не мог, потому что выселенных из Ленинграда на службу не принимают». Однако судьбу его решали совсем другие люди: в феврале 1941 г. оперуполномоченный 1 отдела ГЭУ НКВД лейтенант Веретенников в Москве постановил: «Жалобы оставить без удовлетворения». Его начальник – мл. лейтенант Корольков наложил резолюцию «Согласен», а начальник секретариата Особого Совещания при НКВД СССР капитан Иванов утвердил решение. И А.Ф. Шидловский, и его жена, и приемный сын умерли в Муроме [47].

В 1933 г. с семьей, без средств к существованию и даже без хлебных карточек, на временной прописке под надзором соответствующих органов в городе оказался потомок императора Римской империи Оттона IV, внук поэта-славянофила А.С. Хомякова, родственник первого советского наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, ныне почитаемый как новомученик Ф.А. Челищев. Чтобы прокормить новорожденного сына, он сдавал в Торгсин спасенное матерью столовое фамильное серебро [48].

Приведенная подборка имен достаточно произвольна хотя бы потому, что тема ссыльного Муромца еще требует исследования. Скорбный список ссыльных, которые в иной ситуации могли бы составить мировую славу города, можно весьма и весьма продолжить.

Показательно то, что эти очень незаурядные люди практически не оставили следа в жизни провинциального города. Как и почему это произошло – требует дальнейшего исследования. Несомненно, прав Н. Челищев, писавший, что «мои родители – печальный пример полной невостреченности репрессированной дворянской интеллигенции в советское время. Этих высоко нравственных и образованных людей исключили из жизни» [49]. Прав и некто kalakazo, отметивший в своем живом журнале: «Не было в Муроме и того, что именуется „культурной средой“; мир потаенных монахинь, семьи ссыльных кучковались и скрывались в междусобойчиках» [50]. Казалось бы, все вполне очевидно: классовая политика нового тоталитарного государства диктовала именно такой подход и создавала именно такие условия. Однако Муром не просто не принял таких людей, а при первой возможности принес ими заманчивую жертву: «Всегда и везде муромляне крепко держались друг за друга» [51].

Дело в том, что из 1189 человек, репрессированных в Муроме и Муромском районе, уроженцев Муромца, там же и проживавших, всего 94; уроженцев района, проживавших там же, где родились, а, следовательно, там же и арестованных, 346 человек (причем, в это число я включил и военнослужащих, место ареста которых неизвестно – в справочнике «Боль и память: Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области» указано только их место рождения). Родившихся в каком-либо другом месте и проживавших в районе – 98, родившихся в Муроме и живших в районе – 3. Наибольшее число арестованных составляют «чужаки»: 128 человек родились в Муромском районе и проживали в Муроме, 518 – приехали в Муром из других мест, всего 646, т. е. более половины всех репрессированных. С учетом 101 «чужака», репрессированного в районе, число вырастает до 747 [52]. Таким образом, это число становится не только значительным, но и весьма показательным. Из числа интеллигенции подверглись политическому террору 276 человек [53].

Даже без детального подсчета обращает на себя внимание тот факт, что среди «иногородних» в Муроме присутствуют две большие группы – уроженцы западных областей Российской империи (Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики) и восточных – (Харбина, Приморья, Восточной Сибири). Первая волна мигрантов осела в Муроме в 1915 г., когда жители западных областей России были сорваны с насиженных мест первой мировой войной. Во время летнего отступления русских войск в 1915 г. эвакуационные волны докатились и до Московско-Казанской железной дороги. С 1 августа по 26 сентября дорога приняла 7882 вагонов с беженцами и грузами, и около половины из них было разгружено на станциях дороги [54], соответственно, часть оказалась в Муроме.

Вторая волна, среди которых было много железнодорожников, – пришла в Муром с Китайско-Восточной железной дороги. До 1935 г. дорога управлялась совместно Китаем и СССР, а затем наша страна была вынуж-

дена уступить ее Манчжурии. Тогда-то многие выходцы из России, работавшие там, вернулись на родину, где многим из них, как, например, арестованному в Муроме в 1937 г. железнодорожнику Б.А. Нероде с семьей, была уготована участь «завербованного в агенты японской разведки с целью шпионажа на территории СССР» [55]. Еще одну, третью, группу составляли мигранты, занесенные в Муром революций, гражданской войной. Четвертую – жители окружающих деревень и городов, которые вписывались в обычные миграционные процессы.

Давно уже не секрет, что кроме дел, инспирированных разнарядкой свыше, основным поводом для репрессий были доносы, которыми нередко сводились личные счеты. За некоторыми беглецами от революции и гражданской войны тянулся «старый след», который вне зависимости от степени реальной вины человека также мог стать серьезным поводом для ареста. У муромцев же сработал инстинкт самосохранения: повязанные круговым родством и свойством, они стали «сдавать» чужаков.

Как это ни странно, но в Муроме в 1938–1939 гг. скрывался от грозящего ему расстрела бывший нарком внутренних дел Украины А.И. Успенский. В Киеве он инсценировал свое самоубийство, оставив записку: «Труп ищите в Днепре», – а в Муроме появился по совету своей любовницы Матсон, которая считала, что здесь она сможет получить место врача [56]. Так и получилось: Матсон в Наркомздраве выхлопотала назначение на место заведующей родильным отделением больницы, а об Успенском, который вел скрытный образ жизни и выходил на улицу только по вечерам, говорила соседям, что это ее муж – писатель, который целыми днями работает над новой книгой. В апреле 1939 г. он был арестован [57].

После Великой Отечественной войны в Муроме существовал проверочный лагерь, где проходили «фильтрацию» советские солдаты, побывавшие в плену [58].

В шестидесятые годы из-за обилия оборонной промышленности город стал «закрытым». Сюда же отправляли лиц, которым запрещено было жить в пределах 100 км от Москвы, а также за различные провинности.

Так, в 1951 г. отцу писательницы Марии Арбатовой, который был начальником идеологического отдела газеты «Красная звезда», а к этому времени преподавал марксизм-ленинизм в Военной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского, в 24 часа предложено покинуть Москву и выехать в один из трех городов на выбор. Он выбрал Муром. Правда, его жизнь в ссылке резко отличалась от того, как жили ссыльные в Муроме двадцатых-тридцатых годов. Он продолжал читать лекции, получал неплохое жалованье, держал домработницу при неработающей жене и воевал дружбу с секретарем горкома [59].

Практически в это же время, в 1950 г., видимо, попав под кампанию борьбы с космополитизмом, в Муром был выслан И.М. Зальцман. Его послужной список впечатляет: государственный деятель, генерал-майор инженерно-танковой службы, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии. В 1938–1942 гг. – директор Кировского завода в Ленинграде. Один из организаторов танковой промышленности во время Великой Отечественной войны. С 1942 г. директор завода им. Коминтерна (Свердловская область). Одновременно с 1941 г. – зам. наркома, 14.07.1942–28.06.1943 – нарком танковой промышленности. В 1943–1949 гг. – директор Кировского завода в Челябинске. В 1946–1950 гг. – депутат Верховного Совета СССР. В сентябре 1949 г. исключен из ВКП(б) и уволен с работы. С трудом устроился инженером на машиностроительный завод в Муроме, затем перевелся в Орел. Пикантность ситуации заключается в том, что Зальцману сохранили все звания, ордена и даже номинальное членство в Верховном Совете СССР. Говорят, что в Муроме Зальцман каждый выходной в парадной генерал-майорской форме приходил в ресторан и заказывал три по сто граммов: за Героя Зальцмана, за генерала Зальцмана и за наркома Зальцмана [60].

Ссылным город оставался примерно до середины шестидесятых годов XX века.

Источники и литература

1. Грачева И. Муром – «сей град прославлен бысть» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www/old/nkj/ru/11/0401/11401050-2/html](http://www.old/nkj/ru/11/0401/11401050-2/html).
2. По святыням древнего града Мурома [MV/7143] // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.geocaching.ru/?pn=101&cid=7143>.
3. Зимин В. Вниз по лестнице, ведущей вверх. Магнитогорск, 2008. С. 45.
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aworld.ru/maska/forumsp5999a.htm>.
5. ПСРЛ. Т. V. С. 134. Цит. по: Травчетов Н.П. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903. С. 2.
6. Добрынкин Н. Г. Державные гости в городе Муроме 1445–1837. Владимир, 1887. С. 5-9.
7. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 284.
8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D1%81%D0%B0%D0%B0%D0%BA_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.
9. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 284.
10. Юстен Павел. Посольство в Московию в 1569–1572 гг. СПб., 2000 // <http://krotov.info/acts/16/3/1569iust.html>.
11. См., напр.: Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. СПб., 2001. С. 161; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1909. С. 361.

12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=455892>; [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://biblio.sotik.ru/11857.part.xhtml?part=1&jb_size=large.
13. Об устройении тюрем в городах Владимирской губернии // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ufsin33.ru/index.php/history>.
14. Тимофеев В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. Чебоксары, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/PRAWO/timofeew.txt_with-big-pictures.html.
15. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wap.fictionbook.ru/author/samuil_shtutman/na_straje_tishiny_i_spokoyistviya_iz_is/read_online.html?page=7.
16. Баргенов П. И. Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. Т. I. С. 47–95. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=495078&PORTAL_ID=7779&SECTION_ID=7779.
17. Признанный гений // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tv7.ru/items_2233.
18. Цит. по: Волгогонов Д. Триумф и трагедия Сталина // <http://1001.ru/books/stalin2/issue14/>; см. также: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London, 1989. С. 65.
19. Красный террор в годы гражданской войны по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.book-ua.org/FILES/politology/4_12_2007/polit0571.htm.
20. Мавлиханова Е.А. Вето на религиозное наследие. Из истории г. Муром прошлого века в воспоминаниях и документах // Уваровские чтения-V. Муром, 2003. С. 292–304.
21. Бахарева Н. Н. Икона «Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление» // Уваровские чтения-III. Муром, 2001. С. 73; Абрамов Ф. Н., Жукова Т. И. Муромский период жизни патриарха всея Руси Пимена (Извекова) // Уваровские чтения-VI. Муром, 2006. С. 444–448.
22. См.: Арцыбушев А.П. Милосердия двери. М., 2001.
23. Керзум А.П. Род предпринимателей Печаткиных и их потомков в историческом контексте: к проблеме муромских связей // Уваровские чтения-VII. Муром, 2011. С. 284–287.
24. Моя жизнь. Дневник княгини Голицыной // Взор. 2005. № 17. С. 38.
25. Арцыбушев А. Милосердия двери. С. 40–43.
26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rpczmoskva.org.ru/oficialnye-dokumenty/arxierei-katakombnoj-cerkvi-rasstrelyannye-ili-pogibshie-v-tyurmax-lageryax-i-ssylkax.html>; Алленов А.Н. Власть и Церковь. Тамбовская епархия 1917–1927 гг. Тамбов, 2005. С. 196–207.
27. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/040317121413.htm>.
28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4898.htm>.
29. Протопресв. М. Польский. Новые мученики Российские: Первое собрание материалов (По изданию: Джорданвилль, 1949) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.white-guard.ru/go.php?n=58&aa1=560&aa2=1>.
30. Онисим (Пылаев) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://drevo-info.ru/articles/2769.html>.
31. Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/ans/nm?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcGUSe0EdO0Ve8icse1ae8VyAXAiA1QiAHYpBbu2dOiUTaWnAWslAU*.
32. Болховитинов С.А. Воскресенско-Покровский женский монастырь в Нежадово // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. Вып. 32 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://plussa-region.narod.ru/library/bolhovitinov/sobor.htm>.
33. Вера Бобринская // Мемориал. Муром, 1996. Вып. 1. С. 114.
34. Щеглов С. Отсидел за Маркса // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dm-b.ru/articles/3740.html>.
35. Щеглов Л. С. Муромский благочинный Иоанн Гладышев и другие страдальцы за веру Христову // Уваровские чтения-V. Муром, 2003. С. 290.
36. Там же.
37. Там же.
38. Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века.
39. Щеглов Л. С. Указ. соч. С. 292.
40. История церкви ЕХБ “Воскресение” /г. Муром/ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ehbmurom.ru/o-czerkvi/istoriya-czerkvi.html>.
41. Епанчина Н. С. Муромский краевед Александр Александрович Епанчин (1948–1998) // Уваровские чтения-V. Муром, 2003. С. 263.
42. Маслов А. Сподвижник Рериха – доктор Рябинин из Муром // Мемориал. Муром, 2006. Вып. 4. С. 96; [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%8F%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.
43. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tsarselo.ru/content/0/read2722.html>.
44. Калинин В. Путь длиной в жизнь // Мемориал. Муром, 1996. Вып. 1. С. 10–12.
45. Мятлевский Ю. Мать-и-мачеха // Мемориал. Муром, 1997. Вып. 2. С. 55–56.
46. Антонова Н. Черный шлейф // Мемориал. Муром, 1997. Вып. 2. С. 71.
47. Удалов А. Место ссылки – Муром // Мемориал. Муром, 1999. Вып. 3. С. 59–62; Дойков Ю. Архангельские тени (По архивам ФСБ). Т. 1 (1908–1942) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doykov.1mcg.ru/data/1/Arkhangelsks%20shadows.pdf>; [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/526/t/526_6.htm.l.

48. Челищев Н. Голос из прошлого // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/24_ch/chel/ischev.html.
49. Там же.
50. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tsarselo.ru/content/0/read2722.html>.
51. Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. II. // НА МИХМ. Ф. 8. Оп. 1. № 94. С. 2. Подлинник (рукопись) хранится: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 668.
52. Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. Владимир, 2003. Т. 2.
53. Солдатов А. «Время осудило политический террор» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://repressii.avо.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2&Itemid=4.
54. Сидоров А.Л. Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. М., 1948. Вып. 26. С. 26.
55. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://repressii.avо.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5&Itemid=7.
56. Шаповал Ю. Апогей террориады // Зеркало недели. 2007. № 29. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zn.ua/SOCIETY/apogey_terroriady-50852.html.
57. См.: Тельман И. Утопленник в бегах // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kontinent.org/article_rus_4c8691c7ddb90.html; Федосеев С. М. Александр Иванович Успенский // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pseudology.org/Abel/Uspensky_AI.htm.
58. Водянский Григорий Давыдович // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iremember.ru/desantniki/vodyanskiy-grigoriy-davidovich/stranitsa-2.html>.
59. Арбатова Мария. Мне 40 лет // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://obuk.ru/audiobook/12134-marija-arbatova.-mne-40-let.html>.
60. Рохленко Б. «Я вам построил Исаакиевскую арку...» (Кто такой Исаак Зальцман?) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-8991/>.

СОПРОТИВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦАМ ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ ПРАВЛЕНИЙ В 1860–1880 гг.

С.А. Попов (Сыктывкар, Россия)

В последние десятилетия при изучении политических репрессий в СССР исследователи прежде всего обращаются к «Большому террору» и политическим процессам 1930–1950-х гг., созданию и функционированию системы ГУЛАГа [1]. В годы советской власти репрессиям со стороны государственного аппарата подверглись миллионы советских граждан. При этом постоянный контроль со стороны государства и моментальное подавление любого инакомыслия свели к минимуму количество выступлений среди населения против существующего режима, чего нельзя сказать о второй половине XIX в. Например, осуществление буржуазных реформ в России сопровождалось многочисленными выступлениями со стороны крестьян, недовольных их результатами. В большинстве случаев они были направлены против низших представителей государственного правления в деревне – волостных и сельских должностных лиц.

В данной работе автором, на примере крестьянской общины Вологодской губернии, предпринята попытка выявить формы сопротивления со стороны крестьян против должностных лиц волостных и сельских правлений. В качестве источника использовались материалы Вологодских губернских ведомостей*. В частности, были исследованы опубликованные списки дел, назначенные к слушанию в окружном суде, а также объявления о несостоятельности к взносу апелляционных пошлин. В этих источниках указывались лицо, совершившее правонарушение, характер сопротивления и против кого оно было направлено.

В состав должностных лиц волостного и сельского правлений входили старшина, писарь, члены волостного суда, в первом случае, и староста – во втором. Это были обязательные должности, которые избирались проживавшими в конкретном сельском обществе домохозяевами на три года. Кроме указанных лиц в состав сельских должностных лиц разрешалось «кои найдут то необходимым» дополнительно избрать сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных и полевых сторожей, сельских писарей [2].

В представлении крестьян выработался облик идеального старосты: во-первых, соблюдать на сходах общинные демократические традиции; во-вторых, добросовестно исполнять свои функции, но не притеснять при этом крестьян; в-третьих, заботиться об имуществе общества и оберегать его от растрат и хищений [3]. К этому должны были стремиться все должностные лица. Однако некоторые из избранников стали забывать о своих непосредственных обязанностях и использовали предоставленные им полномочия в корыстных целях.

Нередко от злоупотреблений со стороны должностных лиц страдали сами крестьяне. Например, распространённое правонарушение со стороны старшин и старост – сокрытие (присвоение) денежных сумм, взыскиваемых по решению судебных мест, всякого рода штрафы и т.п. или же растрата мирских сборов [4]. Ответственность в подобных ситуациях, особенно если собранные деньги предназначались для уплаты оброка, несли не только лица, совершившие проступок, но и всё общество. В этом проявлялась развитая в крестьянской общине круговая порука, которая распространялась не только на крестьян, но и их должностных лиц. К тому же эта ответственность была возложена на сельских жителей законодательно. В 1867 г. министр внутренних дел в предписании за № 3537, адресованном губернаторам, указал «...возложить сию ответственность [за растрату] на общество, не исключая и того случая, когда растрата произведена старостою, не обществом избранным, а назначенным мировым посредником» [5].

В результате неправомерного поведения должностных лиц и ненадлежащего исполнения ими служебных обязанностей в обществе складывалось негативное отношение к ним. Приведём отрывок из очерка, напечатанного в 1880 г. в Вологодских губернских ведомостях, отражавшего отношение крестьян к волостному старшине Бережнослободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии. «Волостные старшины не пользуются почтением среди местного крестьянства, и редкий из крестьян при встрече снимет старшине шапку или дает ему дорогу; а то не мало и таких, которые ответят ему грубою бранью, даже и в таком случае, когда он находится при исполнении служебных обязанностей» [6]. Данная цитата отражает картину лишь в отдельно взятой волости. Подобное же отношение к общественным избранникам было в большинстве уездов Вологодской губернии.

Основными формами выражения недовольства со стороны крестьян в отношении должностных лиц являлись неповиновение, словесное оскорбление, нанесение обиды и побоев (см. табл.). Наиболее распространённой формой сопротивления в рассматриваемые годы, согласно опубликованным в Вологодских губернских ведомостях данным, являлось оскорбление лица, находившегося при исполнении своих обязанностей. Автором было выявлено 22 случая, что составило 42,3% от общего числа правонарушений. Крестьяне в два и более раз чаще выражали свое негативное отношение к представителю власти посредством его оскорбления.

* С материалами издания за период с 1838 по 1917 г. можно ознакомиться: <http://www.booksite.ru/vgv/index.php>.

Выступления крестьян против должностных лиц волостных и сельских правлений

Год	Характер выступлений							Общее число
	Неповиновение (сопротивление)	Оскорбление	Дерзость	Обида	Нанесение (или попытка) побоев	Насилие	Угрозы	
1861	1	–	–	–	–	–	–	1
1862	1	–	–	–	–	–	–	1
1863	2	1	–	–	–	–	–	3
1864	–	–	1	–	–	–	–	1
1865	1	–	–	–	–	–	–	1
1866	–	–	–	–	–	–	–	–
1867	–	–	–	2	–	–	1	3
1868	–	2	–	2	–	–	–	4
1869	1	3	–	1	–	–	–	5
1870	–	1	–	1	–	–	–	2
1871	–	4	1	1	–	–	–	6
1872	–	3	–	–	1	–	–	4
1873	–	1	–	4	1	–	–	6
1875	–	3	–	2	–	1	–	6
1876	–	2	–	–	–	–	–	2
1878	1	1	–	–	–	–	–	2
1879	–	1	–	–	3	–	–	4
1880	–	–	–	–	1	–	–	1
Итого	7	22	2	13	6	1	1	52

Источники: ВГВ: 1861 г. № 21; 1862 г. № 18; 1863 г. № 1, 37; 1864 г. № 40; 1865 г. № 20; 1867 г. № 12, 42, 51; 1868 г. № 1, 5, 14, 41; 1869 г. № 14, 15, 18, 20, 27; 1870 г. № 39, 47; 1871 г. № 10, 16, 18, 27, 36, 50; 1872 г. № 9, 12, 22, 24; 1873 г. № 9, 12, 20, 48; 1875 г. № 6, 75, 81, 99; 1876 г. № 37, 90; 1878 г. № 64; 1879 г. № 33, 76, 88; 1880 г. № 12.

Назревавший в государстве социально-политический кризис выражался, в том числе, в отношении общинников к местным должностным лицам. Представленные сведения наглядно демонстрируют постепенное увеличение форм сопротивления сельских жителей представителям волостных и сельских правлений. Ежегодно в сельских обществах фиксировались новые виды сопротивления: если в 1862 г. в периодической печати был отмечен факт неповиновения требованиям должностного лица, то в 1862 г. добавился случай оскорбления, а в 1863 г. – выражение дерзости. При этом если в 1860-х гг. крестьяне прибегали к словесному оскорблению исполняющего общественные обязанности домохозяина без применения силы, то в 1870-е гг. были зафиксированы методы сопротивления с применением физической силы – побои и насилие. В чём они выражались, в документе не уточняется. Как правило, в сообщении отмечалось: «за оскорбление волостного старшины» [7] или обвиняется «в нанесении побоев лесному сторожу» [8]. Лишь в одном случае указывалось, что крестьянин Кадниковского уезда Замошской волости деревни Монастырской попытался «ударить поленом замошского волостного старшину Степанова» [9].

Помимо выражения недовольства в адрес общинной власти отдельными крестьянами, среди «сельских обывателей» выделялись лица, пытавшиеся организовать массовое выступление. Так, в 1861 г. за подстрекательство крестьян Керчемского погоста Усть-Куломской волости Усть-Сысольского уезда за неповиновение волостному и сельскому начальствам был предан суду крестьянин Павел Самарин [10]. Более того, отдельные крестьяне выражали неповиновение и упорство не только против местных должностных лиц, но и против правительства. Среди них – государственный крестьянин Устюжского уезда, Усть-Алексеевской волости, д. Константинова Григорий Агафонов Ульянов [11].

Относительно количества выступлений в год их число претерпевало незначительное изменение. Во время проведения буржуазных реформ в северной деревне наблюдалось относительное спокойствие. В этот период фиксировалось от одного до трёх выступлений. Однако с конца 1860-х гг. (1868 г.) наблюдалось увеличение числа сопротивлений со стороны крестьян действиям должностных лиц волостных и сельских правлений. Бум выступлений пришёлся на первую половину 1870-х гг., когда было зафиксировано 46,2% от их общего числа.

Недаром А.Д. Градовский время с 1866 по 1880 г. называл тяжёлым периодом нашей истории. Это было время, – писал мыслитель, – когда в обществе царил «дух взаимного недоверия и подозрительности, доходивших до паники, время деморализации, порождавшей скандал, время извращения всех нравственных понятий, плодившего неслыханные преступления...» [12]. Однако тут нужно отметить, что указанные в таблице данные весьма условны, так как для представления более полной картины происходивших в годы правления Александра II выступлений крестьян необходимо привлекать дополнительные статистические сведения. Например, согласно отчёту губернатора, в 1880 г. в уездные учреждения от крестьян поступило 324 жалобы на волостные правления и 368 – на сельских должностных лиц [13]. В то же время нередко поступающие на волостные и сельские власти жалобы не имели под собой оснований и являлись клеветой [14].

Рассмотрим другой момент – против кого выступали сельские жители в исследуемый период. Основное негодование крестьян обрушивалось на «руководителей» волостных и сельских правлений. Так, из 52 выявленных фактов в 19 случаях выступления были направлены против волостных старшин и в 14 – сельских старост. Причина этого в том, что они являлись руководителями правлений и чаще остальных выборных лиц общались с крестьянами при исполнении своих должностных обязанностей. Также в судебных разбирательствах принимали участие лесные сторожа, волостные судьи, помощники старшины и старосты. При этом лесничие чаще, чем судьи или помощники, оказывались в числе пострадавших от злодеяний со стороны крестьян. Вызвано это было тем, что они противостояли незаконным вырубкам со стороны сельских жителей, которые, в свою очередь, нуждались в древесине.

Итак, в годы правления Александра II в северной деревне постоянно фиксировались случаи сопротивления со стороны крестьян действиям должностных лиц волостного и сельского правлений. По интенсивности выступлений выделялись два периода: 1860-е гг. и 1870-е гг. Так, во время буржуазных реформ было выявлено всего семь случаев, в последующий же период их количество возросло в несколько раз. Происходило постепенное увеличение выступлений по видам (характеру). Чаще всего своё негодование крестьяне выражали в адрес руководителей правлений – волостных старшин и сельских старост.

Источники и литература

1. Кринко Е.Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // ГУЛАГ на Севере России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27-28 октября 2009 г., Ухта). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. Ч. 1. С. 33.
2. Полное собрание Законов Российской империи. СПб., 1863. Собрание II. Т. 36. № 36657. Ст. 46.
3. Бурлова Г.В. Сельский староста: полномочия и деятельность во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Тамбовской и Рязанской губерний) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2010. Т. 85. № 5. С. 83. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 30.09.2010).
4. Государственное учреждение «Государственный архив Вологодской области» (далее ГУ «ГАВО» ...) Ф. 57. Оп. 1. Д. 26; Ф. 64. Оп. 1. Д. 67. Л. 68-68об.; Ф. 76. Оп. 1. Д. 1609. Л. 10-10об.; Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 3, 34.
5. ГУ «ГАВО» Ф. 683. Оп. 1. Д. 18. Л. 45.
6. Бережнослободская волость, Тотемского уезда (Этнографический очерк) // Вологодские губернские ведомости (далее ВГВ...). 1880. 18 февраля. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/vgv/magazine.php?y=1880> (дата обращения: 05.03.2011).
7. О несостоятельности к взносу апелляционных пошлин // ВГВ. 1871. 27 февраля. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/vgv/magazine.php?y=1871> (дата обращения: 05.03.2011).
8. Список дел, назначенных к слушанию в г. Тотьме, с участием присяжных заседателей // ВГВ. 1879. 5 ноября. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/vgv/magazine.php?y=1879> (дата обращения: 05.03.2011).
9. О несостоятельности к взносу апелляционных пошлин // ВГВ. 1873. 17 ноября. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/vgv/pageview.php?y=1873> (дата обращения: 05.03.2011).
10. О несостоятельности к взносу апелляционных пошлин // ВГВ. 1861. 27 мая. С. 193. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/vgv/magazine.php?y=1861> (дата обращения: 05.03.2011).
11. О несостоятельности к взносу апелляционных пошлин // ВГВ. 1861. 28 октября. С. 364. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/vgv/magazine.php?y=1861> (дата обращения: 05.03.2011).
12. Градовский А.Д. Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты. М., 2010. С. 63. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века).
13. Обзор Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1881. С. 39.
14. Неоправданные обвинения крестьянских должностных лиц со стороны общинников были характерны для многих сельских обществ Российской империи. См.: Никитина Н.П. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России (1861–1906 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Псков, 1999. С. 131. [Электронный ресурс]. URL: <http://sigla.rsl.ru/table.jsp> (дата обращения: 24.04.2011).

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

ВЗГЛЯДЫ ИНОСТРАНЦЕВ НА ЛАГЕРНУЮ МЕДИЦИНУ

А.В. Пунегов (Сыктывкар, Россия)

Коми край издавна был местом ссылки неблагонадежных элементов. Но никогда количество ссыльных не превышало численности местного населения. Положение дел изменилось в 29–30-х гг. XX в., когда советское государство начало интенсивно осваивать территорию автономной области. Для воплощения экономических планов государство нуждалось в притоке огромного количества рабочей силы на территорию Коми. Репрессивная машина советского государства в лице органов ОГПУ–НКВД начала интенсивно реализовывать задуманное в жизнь, приступив к массовым репрессиям и ссылкам мирного населения. Среди попавших в лагеря ОГПУ–НКВД СССР значительную долю составляли иностранцы. Большею частью это были жители приграничных районов СССР, высланные с мест проживания по подозрению в шпионаже или связях с родственниками, жившими по ту сторону границы. Это были разные люди – рабочие, торговцы, врачи.

Цель данного доклада заключается в рассмотрении взглядов иностранных врачей на лагерную медицину по мемуарным источникам.

Как было отмечено выше, среди заключенных в Коми было много врачей-иностранцев. Однако не все оставили воспоминания о тех днях своей жизни. Среди доступных нам источников стоит отметить мемуары Привеса Моисея Семеновича «Узник надежды», Цецулеску Александра Ивановича «Один румын, выживший в советском ГУЛАГе», очерк-воспоминание сына, Стефана Антоновича Казановского, Евгения «Отец и сын», Юзефа Каминьского «Мой путь в лагерь в Воркуте в Коми АССР». Среди указанных мемуаров выделяется произведение М.С. Привеса «Узник надежды» в силу большей информативности. Но мы не хотим умалить роли других воспоминаний, наоборот, они позволяют более эффективно рассмотреть полноту и достоверность мемуаров.

Мемуары – специфический жанр литературы, особенностью которого является документальность; при этом документальность основывается на свидетельских показаниях мемуаристов, очевидцев описываемых событий. Мемуары заключенных врачей-иностранцев – это не только беспристрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и раздумья личности. Поэтому вышеупомянутые мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Это не недостаток, а свойство данных мемуаров, ибо они несут на себе отпечаток личности автора.

Автор книги «Узник надежды» Привес Моисей Семенович до заключения жил в Польше. М.С. Привес был высокообразованным человеком, врачом по профессии, представителем своей культуры. Это нашло отражение в книге автора. Явным сарказмом проникнута следующая цитата из воспоминания: «Начальник конвоя... собирался произнести очередную речь. Спектакль этот мы уже видели не раз» [1]. Или: «В эту тяжелую годину вам выпала великая удача: строить социализм и заставить цвести глухую тайгу» [2]. Принадлежность автора «Узника надежды» к западно-европейской культуре, которая не ощутила влияния культа личности и большевистской пропаганды, выразилось в непонимании своего места в этом, как пишет мемуарист, «...искаженном мире» [3]. Кроме того, автор источника с сожалением относится к своей помощнице – медсестре, которая «страстно верила в Сталина» [4].

В источнике прослеживается исключительная особенность, не свойственная практике изложения воспоминаний. Исторической наукой отмечено стремление автора всячески превозносить собственную роль в событиях. Однако, говоря об организации медицинского обслуживания в зоне, автор всячески подчеркивает взаимопомощь всех заключенных в создании лагерной медицины, а также в решении проблем, связанных с ней. Такие взаимоотношения подтверждаются сведениями из произведения Цецулеску Александра Ивановича «Один румын, выживший в советском ГУЛАГе». М.С. Привес описал, как зэки и полковник Прокуратов помогли ему построить новую больницу и как все они спасали ее от уничтожения инспекционной комиссией, приехавшей из Москвы. Этим автор хотел противопоставить подлинный демократизм в своем понимании уравнилельно-распределительному коллективизму и бюрократизму большевиков. Однако такой демократизм и единство были обусловлены также практической пользой медицины для всех заключенных, в том числе и для надзирающего персонала лагерей. Лагерю важным был не человек сам по себе, а человек во взаимодействии с другими.

В организации медицинской службы, в условиях массовых и очень опасных заболеваний, процветавших в лагерях ГУЛАГа, немаловажным было общение врачей, использование накопленных знаний и умений среди заключенных, так как лагеря были замкнутыми пространствами, куда не поступала информация, да и необходимые медицинские инструменты. Чтобы выжить в условиях информационного голода и нужды, врачи организовывали кружки. Судя по воспоминаниям заключенных медиков, формирование кружков в лагерях шло по профессиональной и этнической принадлежности. В произведении «Один румын, выживший в советском ГУЛАГе» автор пишет: «Еще с двумя румынами я познакомился в лагерной зоне 3-й нефтешахты. Это были адвокат... Александр Дорофтей и Думитру Маринеску – военный летчик. Из наших бесед я узнал, что Алеко Дорофтей был начальником охраны управления 4-й армии в окружении генерала Аврамеску. Митика Маринеску был мол-

чун, что давало повод думать, что он был пилотом в комендатуре 4-й Румынской армии. Во время моего пребывания в Воркуте огромную помощь оказал мне польский инженер Генрих Ясинский, который в условиях лагеря мог сконструировать весьма пригодные рентгенодиагностические аппараты. Эти аппараты помогали мне в моей врачебной работе» [5]. Еще большей информативностью обладают воспоминания М.С. Привеса: «Большинство зеков-евреев было из Варшавы, Лодзи. Был у нас и ивритский клуб. В течение нескольких лет мы нелегально собирались не менее двух раз в неделю» [6]. В источнике автор упоминает о жене и ее родителях, которые тоже были врачами и также входили в ивритский клуб.

Необходимо отметить, что в источниках имеются некоторые неточности. Так, автор «Узник надежды» неверно называет географические названия и неправильно приводит коми слова по причине трудного произношения последнего. Например, «кинем више – болит живот» [7], не Сысола, а «Сысоля» [8]. Кроме того, родившись в Польше, где в силу географических особенностей расстояния между населёнными пунктами не значительны, масштабы территорий не сопоставимы с русскими просторами, автор неверно указывает расстояния между населёнными пунктами: «Город находился в двадцати пяти километрах от Верхнего Чова» [9], или «Варшава... была от нас на расстоянии сотен световых лет» [10], тем самым подчеркивая ранее невиданное пространство.

Таким образом, воспоминания заключённых врачей являются важным источником по истории становления медицины в лагерях ГУЛАГа. На восприятие и последующее изложение окружающей действительности «за проволочного мира» влияли личностные качества автора. Вместе с тем мемуары нельзя считать продуктом исключительно личного происхождения. Они неизбежно несут на себе печать своего времени.

Источники и литература

1. Привес М.С. «Узник надежды» // От Воркуты до Сыктывкара. Сыктывкар, 2003. С. 297.
2. Там же. С. 298.
3. Там же. С. 302.
4. Там же. С. 311.
5. Цецулеску А.И. «Один румын, выживший в советском ГУЛАГе». URL: <http://www.sakharov-center.ru/museum/library/unpublishtexts/?t=tsetsulesku> (дата обращения: 05.10. 2011).
6. Привес М.С. «Узник надежды» // От Воркуты до Сыктывкара. Сыктывкар, 2003. С. 304.
7. Там же. С. 299.
8. Там же. С. 310.
9. Там же. С. 300.
10. Там же. С. 302.

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ СЛУЖБЫ КРОВИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМЫ В 1930–1950-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

М.А. Петровский (Сыктывкар, Россия)

Специфика организации и функционирования сети учреждений службы крови в районах Коми АССР в том, что был и другой путь, альтернативный развитию региональной системы здравоохранения. На территории Коми АССР еще в 1930-е гг. стали действовать две самостоятельные социально-экономические системы: одна – республиканская, вторая подчинялась Государственному управлению исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД (далее – ГУЛАГ). Система ГУЛАГа снабжала бесплатной рабочей силой производственные комбинаты, вокруг которых выросли города Воркута, Ухта, Инта и Печора [1]. Санитарная служба ГУЛАГа руководствовалась в своей деятельности такими же организационными принципами, как советская система здравоохранения: государственный характер здравоохранения, централизованность управления, комплексность, бесплатность и общедоступность, единство медицинской науки и практики, профилактическая направленность [2]. В начале 1920-х гг. режим в лагерях был относительно мягким, однако в 1920-е гг. начальство Объединенного государственного политического управления вывело из ведения Народного комиссариата здравоохранения (далее – Наркомздрав) РСФСР медицинское обслуживание заключённых, в связи с чем состояние здоровья заключённых стало резко ухудшаться. Нормы Наркомздрава РСФСР были заменены неблагоприятными для заключённых, и поэтому можно констатировать, что «основополагающие» принципы стали трансформироваться в худшую сторону. В 1935 г. было установлено, что взаимоотношения санитарных отделов системы ГУЛАГа с областными здравоотделами должны исчерпываться лишь установлением информации о движении эпидемических заболеваний. Поэтому до середины 1950-х гг. министерство здравоохранения Коми АССР не могло влиять на развитие медицинской помощи в лагерях.

В период с 1926 по 1941 г. в системе здравоохранения Советского Союза была организована сеть учреждений службы крови. Организация службы крови в системе здравоохранения Республики Коми, как и в других субъектах Российской Федерации, явилась следствием развития стратегических направлений общегосударственной политики правительства страны в области здравоохранения. Из рассекреченных документов стало известно о существовании в 1940 г. в п. Княжпогост (Коми АССР) лагерного пункта переливания крови, который был ликвидирован, скорее всего, в связи с началом Великой Отечественной войны [3]. В условиях отбытия медицинских специалистов на фронт и недостатка оборудования все мероприятия республиканских властей по организации учреждений службы крови на территории районов были свернуты. В п. Княжпогост с 1938 г. существовал Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь, который в 1941 г. был наиболее крупным в Коми АССР (67 тыс. заключённых) [4]. К тому же этот лагерь находился сравнительно недалеко от г. Сыктывкара и, возможно, там находились в заключении специалисты, владеющие лечебным методом переливания крови. Степень участия Сыктывкарской станции переливания крови, входившей в систему здравоохранения Коми АССР, в организации лагерного пункта переливания крови неизвестна, присутствуют лишь сведения в отчётности. Известно, что в мае 1942 г. Наркомздрав Коми АССР обращался к Наркомздраву СССР с разрешением вопросов связанных с требованием со стороны санитарных отделов лагерей НКВД о снабжении их медикаментами, где упоминал, что Сыктывкарская станция переливания крови в 1941 г. осуществляла организацию пунктов переливания крови в лагерях и снабжала их сыворотками для определения групп крови [5]. Этот факт не выглядит странным, так как известно, что лечебные учреждения Наркомздрава Коми АССР в отдалённых районах в 1930–1950-е гг. часто пользовались услугами специалистов из санитарных отделов лагерей НКВД (МВД) на договорных началах. Поэтому лагерные санитарные отделы по очень многим вопросам снабжения и организации обращались к местному Наркомздраву.

В лагерях отбывало срок много квалифицированных докторов. Наряду с врачами и фельдшерами Наркомздрава к медицинскому обслуживанию в лагерях допускались врачи и прочий медперсонал из числа не только вольнонаёмных, но и заключённых. На научной конференции заключённых и вольнонаёмных медицинских работников 12 января 1946 г. в п. Ветлосян (Ухтижемлаг) все присутствующие высказали пожелание открытия в Сангородке г. Ухты пункта переливания крови [6]. Подобные конференции (проводившиеся с 1941 г. благодаря усилиям врача Э.В. Эйзенбрауна), стали возможны благодаря благосклонности лагерного начальства [7]. Однако полноценные учреждения службы крови в рамках системы ГУЛАГа открыть так и не удалось. Прагматичным положением министерства внутренних дел СССР «Об организации труда заключённых» от 9 декабря 1947 г. оговаривались функции медицинского обслуживания обитателей ГУЛАГа. Поддержание физической силы заключённых, а не сбережение их здоровья являлось главной задачей руководства лагерей, которое заботилось, прежде всего, об исполнении плановых показателей. Заключённые – это всего лишь средство производства, которое использовалось при минимальных затратах на их содержание. Заготовка и переливание крови – дело

дорогостоящее, требующее специального оборудования, поэтому в лагерях в Коми АССР даже при наличии квалифицированных кадров не было налажено применение этого метода. Только последовавшие после смерти Сталина разукрупнение МВД СССР и выведение производственных комбинатов из ведения ГУЛАГа создали благоприятные предпосылки для организации учреждений службы крови в районах Коми АССР. Большую работу в этом направлении проделали бывшие политзаключенные врачи, как например Б.В. Комлев, который в 1954 г. организовал службу крови в Печорской больнице железнодорожников [8].

Медицинское обслуживание в лагерях и спецпосёлках, по сравнению с лечебными учреждениями системы министерства здравоохранения Коми АССР, было на более низком уровне. По мнению Н.М. Игнатовой, отсутствие необходимой медицинской помощи влияло на то, что уровень эпидемической заболеваемости среди спецпоселенцев был очень высоким [9]. По архивным данным известно, что во второй половине 1940-х гг. из лагерей в Республиканскую больницу г. Сыктывкара прибывало много больных в агонии (с диагнозами пневмония и дистрофия), которые умирали в течение ближайших 24 часов [10]. Сопоставив уровень смертности заключенных и населения страны в целом (с учетом возрастных и половых различий и, принимая во внимание всю методологическую сложность такого сравнения), Б.А. Нахапетов выяснил, что в 1930-е и 1940-е гг. смертность заключенных была в несколько раз выше общей смертности по стране [11]. Однако к 1950-м гг. санитарно-медицинские учреждения лагерей выросли, причем не только качественно, но и количественно. Первые больницы и стационары развились в разветвленную сеть оборудованных медицинских учреждений со штатом квалифицированных работников и впоследствии стали основой системы здравоохранения Коми АССР на севере республики. По мнению Б.А. Нахапетова в 1950-е гг. смертность в лагерях стала приближаться к общесоюзному уровню, при этом номенклатура заболеваний в лагерях ГУЛАГа оставалась характерной для экономически отсталых стран [12]. В 1957 г. на 1 тыс. заключенных имелось 35 коек, что в 6 раз превышало число коек, развернутых на такое же число гражданского населения. Столь большое число коечных мест не могло использоваться эффективно без внедрения новейших методов лечения.

Таким образом, рассмотрев попытки организации пунктов переливания крови в северо-восточных промышленных районах Коми АССР в 1940–1950-х гг., необходимо заявить, что в условиях системы ГУЛАГа было невозможно создать сеть пунктов переливания крови. Лагерное руководство либо не могло создать материально-технические условия для внедрения дорогостоящего метода переливания крови, либо просто игнорировало его, так как медицинское обслуживание выражалось лишь в поддержании сил заключенных и не предполагало проведения эффективных мероприятий по профилактике и лечению их здоровья. Однако в послевоенное десятилетие в медико-санитарных отделах на территории северо-восточных промышленных районов Коми АССР были созданы условия для последующего формирования сети учреждений службы крови, впоследствии вошедшей в состав системы здравоохранения региона.

Источники и литература

1. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2 т. / Под ред. А.Ф. Сметанина. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 318.
2. Виноградов Н. А. Теоретические основы советского здравоохранения. М., 1962. С. 33.
3. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф.Р-668. Оп. 1. Д. 1008. Л. 7, 13.
4. Политические репрессии в Коми крае 1920–50-е годы: (Биограф. указ.) / Отв. ред., сост. Е.П. Березина. Сыктывкар, 2004. С. 4.
5. ГУ РК «НА РК». Ф.Р-668. Оп. 1. Д. 1030. Л. 67.
6. Научная конференция на Ветлосяне // За ухтинскую нефть. 1946. 17 янв.; Самсонов В.А. Парус поднимаю. Записки лишенца. Петрозаводск, 1993. С. 186; Самсонов В.А. В пережитом ненастье. Петрозаводск, 2001. С. 13-14.
7. Нагимуллина Л.Р. Научно-практическая медицина в лагерях ГУЛАГа в Коми // Человек и окружающая среда: Материалы XI Коми республиканской научной конференции студентов и аспирантов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2001. С. 112-113; Нагимуллина Л.Р. Научное исследование ухтинских минеральных вод и использование их в лечебной деятельности в Ухтижемлаге // Человек и окружающая среда: XV Коми республиканская научная конференция студентов и аспирантов. Сыктывкар, 2005. С. 71.
8. Памяти Б.В. Комлева: (Об организаторе Печорской службы крови Б.В. Комлеве) // Печорское время. 2002. 18 дек.; ГУ РК «НА РК». Ф.Р-668. Оп. 3. Д. 40. Л. 56.
9. Игнатова Н.М. Медицинское обслуживание спецпосёлков в Республике Коми в 1930–1940-е гг. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы VIII Всероссийской научно-теоретической конференции (17 апреля 2009 г., Сыктывкар). В 4 ч. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. Ч. III. С. 125.
10. ГУ РК «НА РК». Ф.Р-1487. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.
11. Нахапетов Б.А. К истории санитарной службы ГУЛАГа // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 126-136; Нахапетов Б.А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М., РОССПЭН, 2009. 191 с.: ил.
12. Там же.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОМИ ОБЛИСПОЛКОМА В 1930-х гг.

В.Н. Каракчиев (Сыктывкар, Россия)

Коми областной исполнительный комитет (далее – Коми облисполком) был избран на 1-м областном съезде Советов в январе 1922 г. Он стал первым легитимным органом государственной власти Коми автономной области.

Несомненно, что Коми облисполком внес большой вклад в формирование органов власти, развитие сельского хозяйства, лесозаготовительной и местной промышленности, социальной сферы, а также образования, здравоохранения, национальной культуры и искусства в регионе. И во многом эта политика проводилась благодаря председателям Коми облисполкома, которые направляли свою деятельность на политическое, экономическое и социальное развитие Коми автономной области.

С первых лет существования Коми облисполком неуклонно проводил политику по расширению прав Коми автономии вплоть до реорганизации области в автономную республику. Только при условии повышения статуса можно было добиться большей самостоятельности в разработке и формировании бюджета, а также реализации собственных программ экономического и социально-культурного развития.

Первые же годы после вхождения региона в состав Северного края в 1929 г. привели к негативным кадровым переменам в её руководстве. Председатель облисполкома тех лет Иван Григорьевич Коюшев сообщал о том, что в течение 1929–1930 гг. под давлением первых лиц края было полностью сменено руководство области, сняты руководители многих областных учреждений и организаций за так называемый «буржуазный национализм». По существу, в результате такой политики от власти были отстранены лучшие кадры области. Это были первые в области репрессии против национальных кадров, вызванные тем, что руководство области стремилось в значительной мере сохранить ранее существовавшие права автономии, что противоречило официальному курсу руководства страны на максимально жёсткую централизацию всех сфер жизни и постепенное изживание автономистских тенденций на местах.

Во второй половине 1930-х гг. были репрессированы многие члены облисполкома, в том числе председатели, их заместители, руководители областных отделов. За буржуазный национализм и приверженность к троцкизму были осуждены к длительным тюремным заключениям шесть председателей Коми облисполкома из семи. Избежал ареста и лагерей только Василий Иванович Сорвачёв, возглавлявший область в 1922–1924 гг. в связи с тем, что после 1924 г. он находился на хозяйственной работе сначала в Новороссийске, потом в Сталинграде [1].

Следует отметить, что в 1930-е гг. из руководства области были также репрессированы председатель Сыктывкарского городского исполнительного комитета и двадцать председателей районных исполнительных комитетов [2].

В июле 1938 г. областное управление народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) представило в Обком партии справку по делу так называемой контрреволюционной организации блока правых, троцкистов и буржуазных националистов и ее филиалов в системе лесной промышленности и сельском хозяйстве. Получалось так, что верхушка контрреволюционной буржуазно-националистической организации за последние годы пробралась на руководящие посты в областных, партийных, советских и хозяйственных органах, вошла в состав правотроцкистского контрреволюционного блока и по прямым указаниям руководителей этого блока проводило активную, вредительскую, диверсионную, террористическую, шпионскую деятельность на разных участках социалистического строительства [3].

В числе репрессированных руководителей Коми облисполкома были Селиванов Дмитрий Ильич, Мишарин Ефим Михайлович, Юркин Василий Петрович, Коюшев Иван Григорьевич, Тараканов Федор Гаврилович, Липин Александр Петрович.

Селиванов Дмитрий Ильич (1887–1941) руководил Коми облисполкомом с января по декабрь 1922 г. Арестован 23 августа 1938 г. Осужден 21 января 1939 г. Верховным судом Коми АССР за контрреволюционную деятельность по ст.58 п.10 ч.1, п.11 Уголовного кодекса РСФСР. Приговорен к 5 годам лишения свободы и 3 годам поражения в правах [4]. Отбывал свой срок Дмитрий Иванович в «Усть-Вымлаге», где и умер 13 декабря 1941 г. В 1956 г. прокуратурой Коми АССР дело Д.И. Селиванова истребовано из архива, проверено и направлено в прокуратуру РСФСР с протестом на приговор суда. 3 мая 1957 г. Верховным судом РСФСР дело в отношении Дмитрия Ивановича прекращено за отсутствием состава преступления. 28 декабря 1959 г. Д.И. Селиванов был реабилитирован [5].

Мишарин Ефим Михайлович (1890–1967) руководил Коми облисполкомом с декабря 1922 по 1924 г. Арестован 31 августа 1937 г. Осужден 7 июля 1938 г. особым Совещанием при НКВД по ст.58 п.10 ч.1, п.11 УК РСФСР

на 8 лет лишения свободы за «участие в контрреволюционной буржуазно-националистической организации». Освобождён в 1943 г. [6].

В 1944 г. в своей автобиографии Ефим Михайлович писал, что лично он никаких контрреволюционных работ не проводил. По его словам, во время его работы на должности председателя Коми облисполкома на ответственных должностях, как выяснилось на следствии, было много и правых, и троцкистов, и буржуазных националистов, с которыми он боролся, например с И.Г. Коюшевым. Как выразился Ефим Михайлович, «слабо боролся и за свою мягкотелость и политическую слепоту получил наказание – шестилетнее пребывание в лагерях НКВД, что будет уроком для дальнейшей жизни» [7]. В 1944–1948 гг. Ефим Михайлович работал учителем и директором школы в Сторожевском районе Коми АССР. А в 1949 г. он был вновь арестован по старым делам и выслан в Красноярский край. Реабилитирован в 1955 г. Скончался 2 февраля 1967 г. в с. Сторожевск Корткеросского района Коми АССР [8].

Юркин Василий Петрович (1885–1938) руководил Коми облисполкомом с марта 1927 по март 1929 г. Арестован 19 декабря 1937 г. По приговору Верховного суда СССР обвинен по ст.58. п.2, п.8, п.10 и п.11 УК РСФСР. В 1938 г. был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Расстрелян 22 апреля 1938 г. Реабилитирован 29 июня 1957 г. [9].

Коюшев Иван Григорьевич (1901–1993) руководил Коми облисполкомом с марта 1929 по 1930 г. и с июля 1933 по апрель 1935 г. Арестован 21 марта 1938 г. Осужден 4 марта 1939 г. судебной коллегией Верховного суда Коми АССР по ст.58 п.10 ч.1, п.11 на 8 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах [10]. В мае 1935 г. его объявили «буржуазным националистом», сняли с должности и исключили из партии. За этим последовал арест. Следствие длилось 18 месяцев. Из воспоминаний И.Г. Коюшева о допросах: «Сутками сидишь на маленьких табуретках, переносишь всякие издевательства, пытки, карцер. Постоянные угрозы: «Дадим сутки на размышления. Если не признаешься в контрреволюционной деятельности, отправим на тот свет». Много раз терял сознание. Тогда вызывали врача, которые дежурили в НКВД. Они делали уколы, давали понюхать нашатырный спирт, приводили в сознание и пытки продолжались». И.Г. Коюшева обвиняли в том, что с 1922 по 1937 г. он являлся активным участником контрреволюционной буржуазно-националистической организации, вербовал в эту организацию других лиц, готовил отторжение Коми области от СССР, вел устную и печатную антисоветскую пропаганду. Срок он отбывал в Верхне-Човской колонии НКВД и Усть-Вымлаге. Освободился в ноябре 1946 г., но в июле 1950 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» по решению Особого совещания МВД был направлен на вечное поселение в Новосибирскую область. Освободили его уже после смерти Сталина, в августе 1954 г. В общей сложности в тюрьме, лагере, ссылке Иван Григорьевич Коюшев провел более 13 лет [11]. В 1956 г. был реабилитирован [12].

Тараканов Федор Гаврилович (1900–1997) руководил Коми облисполкомом с 1930 по 1933 г. Арестован 18 августа 1937 г. В конце февраля 1940 г. за участие в антисоветской организации Особым Совещанием НКВД осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей по ст. 58 УК РСФСР. Срок отбывал в Северо-Печорском исправительно-трудовом лагере. В своей книге «Без вины над пропастью» он пишет, что после двухлетнего следствия ему было предъявлено обвинение в том, что он является Верховным главнокомандующим всех контрреволюционных сил Европейского Севера в пользу одного из европейских государств, а также в том, что он является организатором повстанческих банд из отрядов донских казаков и ссыльных попов, находящихся в Коми АССР [13]. В 1942 г. Ф.Г. Тараканов в соответствии с решением НКВД и прокуратуры СССР освободили, но до конца войны оставили вольнонаемным. В 1950 г. Ф.Г. Тараканов обращается к Маленкову с заявлением о реабилитации. Но вместо ответа последовал новый арест. В июне 1954 г. он был вынужден обратиться к Министру внутренних дел СССР с просьбой об амнистии. Только после этого ему вручили справку об освобождении из ссылки [14]. 14 лет Ф.Г. Тараканов просидел в тюрьмах и лагерях Гулага, отбывал ссылку в Сибири. Реабилитирован в декабре 1955 г. Скончался 26 ноября 1997 г. на 98-м году жизни в Сыктывкаре [15].

Липин Александр Петрович (1903 г.р., год смерти неизвестен). Руководил Коми облисполкомом с апреля 1935 г. по январь 1937 г. Арестован 13 ноября 1937 г. Осужден 25 января 1941 г. военным трибуналом московского округа войск НКВД по ст.58 п.7, п.8, п.11. Приговорен к высшей мере наказания. Определением Верховного суда СССР от 14 марта 1941 г. высшая мера наказания заменена на 20 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах [16]. Обвинили его «как врага народа, неразоружившегося троцкиста и буржуазного националиста, окружившего себя в аппарате исполкома классово-враждебными элементами и проводившего в работе исполкома буржуазно-националистическую практику» [17]. Реабилитирован 17 марта 1956 г. [18].

Председатели Коми облисполкома, проводившие политику в регионе социально-экономического и национально-культурного строительства, люди, которые всеми силами пытались помочь своему родному краю выйти из тяжелого положения, были осуждены как государственные преступники. И происходило это по заведомо ложным показаниям, доносам, вымышленным следователями преступлениям, а также выбивав-

шимися под пытками признаниями. Для федеральной власти, стремящейся к жесткой централизации всех сфер жизни в 1930-е гг., автономистские тенденции на местах мешали. Таким образом, репрессии против руководителей Коми облисполкома, местных властей стали средством для устрашения и беспрекословного подчинения людей тоталитарной системе.

Источники и литература

1. Покаяние: Мартиролог. Т. 1 / Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. С. 491.
2. Там же.
3. Там же. С. 502.
4. Покаяние: Мартиролог. Т. 2 / Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 842.
5. Дмитрий Селиванов – первый руководитель Коми облисполкома // Выль туйёд. 2000. 23 фев.
6. Покаяние: Мартиролог. Т. 2 / Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 795.
7. Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований. Ф.п.-1. Оп. 8. Д. 251. Л. 5.
8. Председатели Исполкома и Президиума Верховного Совета Коми АССР // Усинская Новь. 2011. 31 мая.
9. Там же.
10. Покаяние: Мартиролог. Т. 2 / Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 765.
11. Там же. С. 913.
12. Председатели Исполкома и Президиума Верховного Совета Коми АССР // Усинская Новь. 2011. 31 мая.
13. Чтения, посвященные 100-летию Ф.Г. Тараканова: Сборник докладов и сообщений. Сыктывкар, 2000. С. 4.
14. Музеи и краеведение. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2001. С. 329-335 (Труды Национального музея РК. Вып. 3).
15. Тараканов Ф.Г. Без вины над пропастью: документальная повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1992. С. 3.
16. Покаяние: Мартиролог. Т. 2 / Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 778.
17. Наше первое правительство // Красное знамя. 2010. 6 сент.
18. Председатели Исполкома и Президиума Верховного Совета Коми АССР // Усинская Новь. 2011. 31 мая.

КАЛМЫКИ – СОТРУДНИКИ СПЕЦСЛУЖБ В ПЕРИОД ДЕПОРТАЦИИ (1944–1956 гг.)

А.С. Иванов (Сургут, Россия)

В отечественной историографии проблем депортации народов и истории спецпоселения до последнего времени недостаточно изученными являются вопросы, связанные с наделением государственными органами отдельных групп спецпереселенцев (партийных и советских работников, сотрудников НКВД-НКГБ, спецпереселенцев-фронтовиков) определенными преференциями или даже предоставление им особого статуса в связи с их заслугами перед советской властью, общественным положением или должностью, занимаемыми до спецпереселения. Обозначенной в заглавии темы в своем диссертационном исследовании касается Е.Л. Зберовская, которая по результатам анализа режима спецпоселений в годы войны приходит к выводу о выделении внутри национальных спецконтингентов «отдельных групп, имевших некоторую правовую специфику», среди прочих таких групп автор называет калмыков – бывших сотрудников НКВД [1]. В то же время специально проблема особенностей положения сотрудников спецслужб из числа представителей калмыцкого контингента исследователями не ставилась.

К февралю 1944 г. с территории Калмыцкой АССР было выселено более 92 тыс. калмыков, абсолютное большинство из них было выселено в Сибирь, получив статус спецпереселенцев [2].

Уже в ходе принудительного переселения калмыки – работники ведомства Берии, были выделены в отдельную группу: «[до депортации] дед работал в НКВД. Незадолго до депортации дед был отправлен на службу на Северный Кавказ, а бабушка осталась в Элисте. Бабушка мне рассказывала, что однажды к ним домой пришли люди из НКВД и сообщили о том, что нужно собрать вещи и и пойти в НКВД. Вообще с женами тех калмыков, которые работали в НКВД, обращались немного лучше, чем с простым населением. В НКВД бабушка узнала, что вышло постановление о депортации калмыцкого народа... Затем бабушка села в поезд, который ехал в г. Чернигов. В этом поезде были также другие калмычки, жены калмыков, работавших в НКВД и в то время служивших за пределами Калмыкии. Когда моя бабушка прибыла в Чернигов, она была поселена в частном секторе, как и другие калмыки. Бабушка прожила в Чернигове около полугода, затем к бабушке в Чернигов приехал дед, который был отозван в Элисту с Северного Кавказа, где он служил. Дед знал о депортации, поэтому он взял с собой необходимые теплые вещи...» [3].

В вышедших 8 марта 1944 г. «Правилах хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев – калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев, утвержденных ГУЛАГом НКВД СССР» [4] все спецпереселенцы по признаку социальной опасности были разделены на две группы. К социально неопасным были отнесены, в том числе, «бывшие сотрудники органов НКВД» [5]. Зафиксированное в «правилах» разделение теперь уже формально выделило сотрудников спецслужб в особую группу спецпереселенцев.

В начале мая 1944 г. руководство УНКВД Омской области направило в Москву «список работников НКВД, НКГБ и Милиции переселенных из бывшей Калмыцкой Республики». Важно отметить, что эти люди, несмотря на статус спецпереселенцев, не лишились своих званий и, что еще важнее, не именовались «бывшими». В списке насчитывалось 29 сотрудников спецслужб [6].

Для нас особый интерес представляет практика их трудоустройства на спецпоселении. К маю месяцу 27 человек трудились рядовыми колхозниками в колхозах Омской области. Исключение составляли два человека. Б. Джамбушлаев, бывший надзиратель элистинской тюрьмы, был конюхом в РО НКВД, примечательным был здесь лишь факт трудоустройства в карательном ведомстве [7]. Гораздо большего внимания заслуживает судьба Б. Алтынова, который до выселения работал оперуполномоченным в Черноземельском РО НКГБ Калмыцкой АССР [8]. Он был также членом ВКП(б) и на спецпоселении первоначально работал бригадиром бригады № 1 в колхозе «Муравей» Боевого сельсовета Исылкульского района Омской области [9]. Не ранее 25 марта 1944 г. он был переведен в Омск, где по состоянию на 3 мая работал также в должности оперуполномоченного, но не в комиссариате госбезопасности (НКГБ), а в наркомате внутренних дел (НКВД) [10]. Здесь, видимо, сыграла определенную роль партийность калмыка, хотя другие работники – сотрудники спецслужб – коммунисты не получили подобных назначений.

Это назначение уникально тем, что человек сам, находясь под репрессией, был наделен карательными полномочиями. Эта коллизия возникла в условиях войны, когда дефицит кадров, ввиду призыва на фронт работников различных ведомств, ощущался особенно остро.

Чтобы исправить неувязку в августе 1944 г. наркомат внутренних дел принял директиву «О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД», а в сентябре – инструкцию «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД-НКГБ, относящихся к переселенным национальностям». На основании этих распоряжений калмыки стали приниматься на работу в УНКВД краев и областей. При этом с них снимался ста-

тус спецпереселенцев. Однако каждый принятый на службу калмык давал расписку в том, что он и его семья не имеют права покидать новое место жительства [11].

Практика трудоустройства калмыков в органах НКВД-МВД существовала по всей Сибири. Известно, что шесть калмыков подобным образом были трудоустроены в структуры НКВД-МВД. Заслуживают внимания должности, которые занимали переселенцы на момент увольнения: заместитель начальника Ордынского Райотдела МВД по спецпереселению; старший следователь ОСП УМВД; два человека – спецкоменданты: 1-й, комендант Маслянинского РО МВД; 2-й, комендант спецкомендатуры Новосибирского РО МВД; два человека в должности старших уполномоченных ОСП УМВД [12]. 30 бывших сотрудников НКВД и НКГБ Калмыкии были зачислены в штаты личного состава 14 спецкомендатур Красноярского края в сентябре 1944 г. на должности оперуполномоченных, поселковых комендантов и их заместителей [13]. Документально подтверждается, что оперуполномоченный Троицкого РО НКВД Калмыцкой АССР стал комендантом на Лесозаводе в Ялutorовском районе Тюменской (на тот момент Омской) области [14].

Все это вместе взятое говорит о существовании общепринятой практики наделения представителей депортированного народа надзорными функциями, в том числе в отношении своих земляков.

Представление об особенностях трудоустройства этой группы лиц дают воспоминания бывших спецпереселенцев: «И решили переехать в пригород Тюмени. Там, в подсобном хозяйстве спецторга МВД работали родственники отца... Обосновавшись рядом с родственниками, я стал думать о будущем... решил начать с создания семьи... Еще до выселения я знал со своей одностаничницей Лидой Чурюмовой. А их семья попала в Убинский район Новосибирской области... Даже привередливая комендатура без волокиты разрешила мне поехать в Новосибирск. А там жил Герой Советского Союза Л.И. Манджиев. Его жена Полина Бадминовна была двоюродной сестрой моей матери. Через них удалось уладить бумажные вопросы в областном отделе спецпоселений, а один из комендантов калмыцкой национальности (фамилия его была, кажется, Дорджиев) даже сопровождал меня до станции Убинское, в случае необходимости представляясь сопровождающим меня официальным лицом. И тогда к нам никто не приставал с выяснением причин. С Лидой я до этого списался, получил ее согласие, и она ждала меня» [15]. Не менее интересна ситуация описанная Т.Т. Дюгеевой. Осенью 1945 г., в наказание за воровство картофеля, комендант запретил ей выезд по вербовке из колхоза имени Быкова (под Тюменью) в колхоз Чугунтан, куда были отправлены два ее племянника. В связи с этим случаем Тевкенко Телюшеевна вспоминает: «Мы [с другой наказанной калмычкой – Авт.] стали тоже просится, а меня не пускают. Тут мне подсказали, что есть еще один комендант-калмык. Я побежала к нему, стала умолять отправить туда, где мои дети. А он говорит, что официально сам разрешить не может, рискуй – езжай сама, как будто, только к детям, но тогда никто тебе в дорогу норму не отпустит, будешь голодать... Приехали в Чугунтан, детей нашла: они неплохо устроились... А меня же на работу не берут – не значусь в списках. Но через 5-6 дней комендант пошел мне на встречу, тем более, что ему людей не хватало» [16].

Можно предполагать, что калмыки, вновь поступившие на работу в структуры НКВД-МВД, были нацелены на работу с калмыцким населением и использовались до тех пор, пока руководство этого ведомства не определилось с тактикой в отношении спецпереселенцев-калмыков и не решило проблему дефицита кадров. Государственные органы и предприятия остро нуждались в «проверенных кадрах». Так, директор рыбозавода Загваздин своим приказом с 1 июля 1944 г. назначил калмыка Н.М. Нимгирова «инспектором по спецпереселению» [17], а спустя полтора месяца (15 августа), когда спецпереселение калмыков находилось уже в стадии завершения, отстранил его от этой должности [18].

Послевоенное ужесточение режима спецпоселения в сочетании с улучшением положения с кадрами внутри НКВД, побудило ведомство Берии к постепенному отказу от услуг сотрудников калмыцкой национальности. Из структур УНКВД Красноярского края все калмыки были уволены в 1946 г. с одинаковой формулировкой «не может занимать данную должность» [19]. В Новосибирской области этот процесс затянулся, последний калмык был уволен 1 января 1949 г. [20].

Процесс отстранения калмыков от должностей в НКВД-МВД по месту поселения проходил централизованно и был оформлен директивно на созванном МВД СССР 2-3 декабря 1948 г. в Москве совещании представителей союзных, республиканских, краевых, областных МВД и УМВД. По итогам совещания было «предложено» всех бывших сотрудников НКВД-НКГБ и МВД-МГБ, относящихся к национальностям, переселенным навечно в период Великой Отечественной войны, немедленно взять вместе со всеми членами семей на учет спецпоселения по месту нахождения в настоящее время, объявить им под расписку Постановление СНК СССР № 35с от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны» и установить в отношении их специальный режим и административный надзор в соответствии с приказом НКВД СССР № 0026 от 8 марта 1945 г. и приказом НКВД СССР № 001445 от 7 декабря 1945 г. [21]. Руководствуясь «предложением»,

высказанным руководством МВД, периферийные органы в конце 1948–1949 гг. взяли калмыков – сотрудников спецслужб на спецучет [22].

После возвращения этой группы лиц на спецпоселение перед руководством НКВД встал вопрос об их дальнейшей судьбе, так как «...бывшие сотрудники МВД имели на связи агентуру и вели агентурные разработки, следовательно, им известна значительная часть агентуры среди выселенцев и спецпоселенцев расселенных в области...» [23]. В связи с этим ОСП МВД СССР в марте 1949 г. посчитал целесообразным «выселенцев быв[ших] оперативных сотрудников МВД вместе с их семьями переселить [из Новосибирской области] на спецпоселение в Казахскую ССР» [24]. 5 сентября 1949 г. заместитель министра внутренних дел СССР Рясной поддержал инициативу начальника отдела спецпоселений Шияна, а 7-го числа документ был передан на исполнение [25].

В результате, калмыки, имевшие опыт работы в НКВД, после повторного водворения на спецпоселение, были вторично переселены вместе с семьями в другие области или республики СССР ввиду владения ими секретной оперативной информацией о структуре спецпоселений по месту первоначального расселения. Власть, отказавшись от их услуг, не только вернула им первоначальный статус «спецпереселенцев», но и вторично репрессировала. В последующие годы проблема их режимного статуса не поднималась.

Таким образом, в период 1944–1948 гг. сталинским руководством был создан интереснейший прецедент использования представителей репрессированного народа в структурах карательного ведомства (НКВД-МВД), наложившего на них репрессию. Изучение этого феномена существенно расширяет наше представление о взаимоотношениях спецпереселенцев и власти, позволяет более дифференцировано подходить к изучению различных групп внутри спецпоселенческого социума.

Источники и литература

1. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. С. 74.
2. Убушаев В. Б. «Калмыки. Выселение и возвращение». Элиста: САНАН, 1991. С. 59.
3. Бачаев А. Сочинение о депортации // Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях / Сост. С.И. Шевенова, Э.Б. Гучинова. СПб: Алетей, 2005. С. 97.
4. Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев – калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев, утвержденные ГУЛАГом НКВД СССР // Ссылка калмыков: как это было. Сб. докладов и материалов. Т. I, кн. 1 / Сост. П.Д. Бакаев, Н.Ф. Бугай, Л.С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 146-149.
5. Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев – калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев, утвержденные ГУЛАГом НКВД СССР // Ссылка калмыков: как это было. Сб. докладов и материалов. Т. I, кн. 1 / Сост. П.Д. Бакаев, Н.Ф. Бугай, Л.С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 146.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ.) Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177.
7. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177.
8. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177 об.
9. Исторический архив Омской области (далее – Иса ОО.)Ф. п-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 11.
10. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 176 об.
11. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. С. 68.
12. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 456. Л. 15.
13. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. С. 68.
14. Иса ОО. Ф. п-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 36.
15. Амнинов А.Д. Мы рано повзрослели // Мы – из выселенных на вечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. П.О. Годаев. Элиста: АПП Джангар, 2003. С. 244.
16. Дюгеева Т.Т. Не только судьбы были исковерканы, но и имена, фамилии // Мы – из выселенных на вечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.). Элиста, 2003. С. 253.
17. Архивный отдел Администрации Березовского района (далее – АОАБР.) Ф. 3л. Оп. 2. Д. 6а. Л. 42об.
18. АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 6а. Л. 52.
19. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. С. 69.
20. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43.
21. Убушаев В.Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. С. 253.
22. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. С. 69.
23. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43.
24. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 44.
25. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 456. Л. 15.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (1937–1956 гг.)

Т.А. Камалджанова (Семипалатинск, Казахстан)

Депортация оказала большое влияние на социально-демографическое развитие населения Восточного Казахстана. Сотни тысяч людей разных национальностей подверглись насильственному выселению со своих территорий. Преимущественно представители немецкой, чеченской, корейской, польской, украинской и других национальностей имели статус «спецпоселенцев» и находились под жестким контролем органов НКВД [1, с. 5].

Прибытие значительного числа депортированных на территорию области вызвало к жизни целый комплекс крупномасштабных проблем, многие из которых требовали безотлагательного решения. Самыми острыми проблемами с первых же дней прибытия спецпоселенцев в Казахстан стали продовольственная и жилищная.

Запасы продовольствия у спецпоселенцев были исчерпаны еще в пути, со стороны властей же на местах почти ничего не было сделано для обеспечения голодных людей даже минимумом питания. Многие колхозы и совхозы не имели запасов продовольствия, созданные спецфонды из-за спешного осуществления операции еще не дошли до мест назначения, и не обошлось и без откровенного саботажа и сокрытия продовольствия. Документы свидетельствовали, что «...исключительно плохо обстояло дело со снабжением и организацией питания переселенцев, как в пунктах выгрузки на станциях железных дорог, так и в местах в селениях» [2, с. 43]. Например, в письме управляющего Сельхозбанком СССР М.В. Выносова от 16 декабря 1937 г. сообщалось: несмотря на то, что переселенцы-корейцы в Казахстан уже прибыли, там не приступили к серьезной работе по жилищному строительству. Это подтверждается данными об использовании средств: «из ассигнованных 87,3 млн. руб. на корейское переселение фактически банком было выдано на 1 декабря 1937 г. всего лишь 6 млн. руб., в т.ч. на заготовку и оплату стройматериалов, автомашин и тракторов около 4,5 млн. руб., на операционные расходы 160 тыс. руб., остальная сумма ассигнований, как видно, будет использована в будущем году» [3, с. 153]. К тому же, из докладной записки «о жилищно-бытовых условиях корейцев» от 23.11.1937 г. было известно, что: «жилищные условия большинства расселенных в квартирах очень тяжелые, на каждого приходится только от 0,5 до 2 м², полы частично кирпичные и земляные» [4, с. 194].

Тяжелы были условия размещенных в бывшей тюрьме и складских помещениях. «Полы всюду каменные или земляные, постоянных печей, а в некоторых помещениях даже временных, нет, окна выбиты...». Температура жилых помещений, даже у расположенных в квартирах и в зданиях нормального типа, нигде не превышала 6-8 градусов. С теплой одеждой у переселенцев также обстояло плохо, белье в подавляющем большинстве только то, что на себе. Постельных принадлежностей, кроме тоненьких циновок, тоже никаких. Санитарное состояние жилищ и территорий было крайне неудовлетворительным. Нет уборных, нет помойных ям, в связи с чем территории жилищ крайне загрязнены испражнениями и отходами жилья. Питание стояло на невысоком уровне. Привезенные с собой продукты подходили к концу, а у некоторых уже закончились. Положение усугублялось еще тем, что за сданные на месте прежнего жительства продукты ни деньгами, ни натурой пока не возвращалось, а только производился учет, что у кого сдано.

В торговых точках кроме хлеба, сушек и сахара ничего нельзя было приобрести, выпекаемого хлеба не хватало, и у хлебных магазинов большие очереди. Проживающие в колхозах вынуждены были ходить за хлебом в город за 5-6 км. Ни овощей, ни рыбы в магазинах не продавалось, не было этих продуктов и на базаре [4, с. 195].

Таким образом, Казахстан совершенно не был готов к приему переселенцев. Прибывших в 1938 г. иранцев поселили в холодные дома без печей, плит, котлов. «Топливо не изготовлено, благодаря чему, среди переселенцев возникали большие недовольства» [5].

Одновременно Совнарком отмечает, что УМЗ НКВД, на котором лежала обязанность устройства переселенцев курдов и армян, совершенно не занимался этим вопросом, вследствие чего большинство переселенцев курдов и армян оставалось на зиму совершенно не устроенными. Кроме того, в докладной записке за № 64262 от 09.11.1938 г. сообщалось: «что принадлежащие деньги переселенческим хозяйствам курдов и армян за сданный им скот государству, во время переселения по месту их прежнего жительства в сумме 1042,0 тыс. рублей и ассигнованные 40000 руб. «Гулагом Москве», а всего 1082000 руб. находятся с июня месяца 1938 г. на текущем счету Казахского ОМЗ при НКВД, без всякого движения, якобы за отсутствием списков владельцев сданного скота, который им должен был выслать Гулаг» [6, л. 213, 220].

Медобслуживание переселенцев-иранцев, проживавших в колхозах района, находилось в недопустимом состоянии. Медперсонала мало, почти во всех колхозах много случаев заболеваний. Имелись больные, лежащие в домах без всякого внимания [7].

Из приказа Наркома здравоохранения КАССР о медицинском обслуживании переселенцев известно, что: «санитарно-бытовые условия переселенцев в настоящий момент создают предпосылки для развития эпидеми-

ческих заболеваний, в первую очередь сыпного тифа и кишечных инфекций. Население частично завшивлено, плановой санобработки не проводится, размещение людей осуществлено скученно, территория загрязнена». Медикаментов в некоторых поселках не было даже самых ходовых. Инструментария также недостаточно. Дезо-средства отсутствовали почти во всех поселках, ввиду чего многие медпункты не имели возможности проводить текущую дезинфекцию в этих больницах.

Питание больных, за исключением отдельных поселков, также было поставлено неудовлетворительно. Большинство медпунктов не имели нормы больничного питания, а также пищевых раскладок. Молочные кухни, а также диетическое питание для ослабленных детей не организовано [8, с. 30]. Итак, социальное положение депортированных народов в 1937–1938 гг. можно было квалифицировать как крайне тяжелое.

Из постановления ЦК КП(б) Казахстана от 23 ноября 1940 г. о трудоустройстве спецпереселенцев, высланных из западных областей Украинской и Белорусской ССР, размещенных в Актюбинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Павлодарской, Семипалатинской и Акмолинской областях Казахстана известно, «что часть спецпереселенцев, размещенных в колхозах и совхозах, до настоящего времени не трудоустроена, не имеет не только постоянной, но даже временной работы».

Спецпоселенцы, размещенные для работы на промышленных предприятиях, на стройках и рудниках, поставлены в неравное положение с остальными рабочими, не обеспечиваются необходимыми промтоварами, а иногда даже и продуктами первой необходимости.

Районные и областные партийные и советские организации, считая спецпоселенцев контингентом НКВД, не занимались вопросами трудоустройства и по всем вопросам отсылали их в районные отделения НКВД. В Жана-Семейском районе Семипалатинской области из 26 колхозов 14 колхозов прислали в райотделение НКВД официальные отношения с просьбой забрать от них спецпоселенцев [8, с. 111–112]. Это было обусловлено крайне тяжелым положением самих жителей данного региона.

С началом войны несколько изменилось положение спецпоселенцев-поляков. Дело в том, что нападение Германии на СССР, неудачи первых дней войны заставили советское руководство (не без нажима западных союзников) пересмотреть отношения с Польшей. 30 июля 1941 г. было подписано соглашение о восстановлении дипломатических связей между двумя государствами, предусматривавшее меры по созданию польской армии на территории СССР. СССР и Польша обязались оказывать друг другу помощь в борьбе против фашистской Германии. Соглашение сопровождалось протоколом о положении польских граждан в СССР, в соответствии с которым был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии польских граждан. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от этой же даты содержало регламент проживания польских граждан в СССР. После освобождения (из тюрем, лагерей, спецпоселков, мест ссылки) и получения временных удостоверений они должны были зарегистрироваться в Польском посольстве и получить паспорта, а затем – виды на жительство для иностранцев. Всего в Казахстане (по неполным данным) из 61092 чел. амнистировали 51164 поляков [8, с. 7]. В том числе по Восточно-Казахстанской области 410 поляков, из них женщин – 123, мужчин – 176, детей – 111; по Семипалатинской области – 7467 поляков, из них мужчин – 1638 чел., женщин – 3189, детей – 2640 [8, с. 129]. Поскольку этнический состав выселенных польских граждан по ВКО был неоднородным, среди них были евреи, украинцы, литовцы, белорусы и прочие [8, с. 7], то соответственно категория этих лиц также получила амнистию: евреев – восемь, украинцев – 18, белорусов – 90, русских – 10 и 39 других национальностей [9].

Тем временем война продолжалась. В годы войны численность спецпоселенцев, их национальный состав изменились. Особенно в области увеличивалось количество представителей немецкой и чеченской национальностей. Только в один Бухтарминский район Восточно-Казахстанской области в 1941 г. прибыли 376 семей (976 чел.) немцев. Из них мужчин – 186, женщин – 471, детей до 16 лет – 319 чел. Из 538 трудоспособных лиц трудовой деятельностью были заняты 531 чел., семеро из них являлись домохозяйками. В 1944 г. из Северного Кавказа прибыли еще 36 семей чеченцев (из них мужчин – 30, женщин – 40, детей до 16 лет – 61 чел.). Из докладной записки было видно, что этот контингент людей был более или менее трудоустроен. Из 57 трудоспособных чеченцев все были обустроены: «все переселенцы-чеченцы устроены в системе Зыряновского рудоуправления. Живут на пристани Алтай в ведомственных домах; 17 семей состоящих из 81 чел. имеют крупный рогатый скот; 2 семьи, состоящие из 11 человек владеют мелким рогатым скотом» [10, л. 34].

В 1943–1944 г. в соответствии с решениями Союзного Правительства в Казахскую Республику были переселены на постоянное местожительство 507480 семей спецпереселенцев в количестве 114484 чел. Из них: карачаевцев – 11711 семей (45529 чел.), чечено-ингушей – 89901 (406376 чел.), балкарцев – 4660 (21150 чел.), калмыков – 648 семей (2268 чел.); из Крыма – 1268 семей (4501 чел.), из Грузии – 6296 семей (27657 чел.) [11]. Прибывший спецконтингент был расселен в 151 районах и 16 городах республики. С момента прибытия в составе спецпереселенцев произошли следующие изменения: «в течение 1944 г. на соединение с семьями и родствен-

никами прибыли из других республик и областей Союза ССР, а также демобилизованных из красной Армии – 16079 семей, в которых насчитывалось 57774 человек».

На 1 января 1945 г. в республике числилось 462120 (112311 семей) спецпоселенцев разных национальностей. В том числе в ВКО – 6303 семей (24817 чел.), из них 1351 семей были размещены в колхозах, 234 семей – в совхозах и на предприятиях народного хозяйства – 4718 семей; в Семипалатинской области всего 6772 семей (26609 чел.), из них в колхозах – 4230, в совхозах – 762, в предприятиях – 1780 семей [11, л. 2-3].

Материальное положение спецпоселенцев: немцев, чеченцев, ингушей – было крайне тяжелым. Это было обусловлено тем, что численность прибывающих росла, а также из Казахстана на фронт мобилизовывались значительные людские и материальные ресурсы, все это ограничивало возможности республики в создании нормальных бытовых условий для вновь прибывших [8, с. 8]. Для оказания продовольственной помощи спецпоселенцам (прибывших из Северного Кавказа) Правительство Казахстана выделило 20101,0 тонн скота из расчета по 200 кг на каждую семью. В течение 1944 г. из указанного количества было роздано 17267,8 тонн, т.е. 86339 семей были обеспечены скотом. На 1 января 1945 г. оставалось 2833,2 тонны нераспределенного скота.

В связи с выселением в конце 1944 г. спецпоселенцев из Грузинской ССР, Правительство в первом квартале выделило еще 1332,3 тонны скота из расчета по 180 кг крупного рогатого скота и по 35 кг овец или коз. В силу того, что данного скота было недостаточно, во втором квартале 1944 г. союзным Правительством дополнительно было выдано еще 1525,2 тонны скота [11, л. 48]. Но и этого было недостаточно. И это вполне объяснимо: во-первых, продовольственная помощь для спецпоселенцев поступала в минимальных количествах, во-вторых, их численность увеличивалась за счет вновь прибывших. На 1945 г. в области было учтено свыше пятидесяти тысяч спецпоселенцев.

Из архивных данных известно, что в процессе расселения и хозяйственного устройства спецпоселенцев имело место ряд серьезных трудностей: отсутствие свободной жилой площади, ограниченные продовольственные ресурсы, неправильное отношение к спецпереселенцам со стороны ряда руководителей советских и партийных органов, местного населения, а также распространение среди них различных эпидемических заболеваний, в особенности сыпного тифа и др. [11, л. 1]. Так, в 1941 г. в Бухтарминском районе Восточно-Казахстанской области умер 191 немец, в том числе от инфекционных заболеваний – 116 чел., из них 45 взрослых и 71 детей. В этом же районе в 1944 г. умерли 25 чел. чеченской национальности, 16 из которых – от инфекционных болезней, в том числе взрослых – 12, детей – 4 [10, л. 37].

Медико-санитарная сеть не обеспечивала медицинское обслуживание населения, а также проведение противэпидемических мероприятий. Существующие временные эпидемические стационары размещались в непригодных помещениях, местами без обогревательных печей, жесткого и мягкого инвентаря не хватало [8, с. 30]. Ничем не отличалось медико-санитарное обслуживание спецпоселенцев Северного Кавказа по Жана-Семейскому району, где жилые помещения, в которых проживали спецпоселенцы, находились в запущенном состоянии. Медицинские работники медпунктов не проводили в колхозах профилактическую работу по борьбе с антисанитарией. Имелись случаи, когда медицинские работники по несколько дней не посещали больных спецпереселенцев [13].

В целом, на начало 1945 г. в республике 63805 семей находились без постоянного жилья. Их размещали во временно приспособленных зданиях, причем 42% этих семей были устроены в совхозах и на промпредприятиях республики. В связи с этим Совнарком КазССР постановил (постановление № 706 от 12 декабря 1944 г.) утвердить следующий план строительства на 1945 г.: построить 20000 домов и достроить незаконченные в 1944 г. 8000 домов, всего 28000 домов [11, л. 19]. В том числе по Восточно-Казахстанской области построить 200 новых домов, достроить 300, отремонтировать еще 800 жилых помещений [13, л. 34].

Однако выполнение утвержденного плана строительства (как показал опыт 1944 г., когда выделенные союзным правительством стройматериалы поступали в крайне ограниченных количествах), было весьма тяжело [11, л. 19]. Стройматериалов было выделено: леса – 160000 м³, стекла окон. – 290000 м², гвоздей – 98,0 тонны, чугуна для поддела печных приборов – 1200 [11, л. 22]. Фактически было получено: леса – 1421 м³, стекла окон – 15785 м², гвоздей – 16,9 тонны, чугуна всего 100 [11, л. 23].

В результате, вместо планового строительства в районах Восточно-Казахстанской области произошло массовое бесплановое строительство землянок и полуземлянок самими же переселенцами за счет собственных средств. Таких домов было построено 50, причем: «все строительство не подлежало финансированию, а за счет ссуды по линии сельхозбанка» [13, л. 34].

К тому же, постоянно действующих строительных бригад в Восточно-Казахстанской области не было. Фактически по области из заготовленных местных стройматериалов: леса составляло – 0,2%, самана – 0%, камня – 0% и по остальным видам стройматериала было тоже 0% [13, л. 34].

По Семипалатинской области за первое полугодие по плану строительства новых домов было выполнено на 7,6%; покупка стройматериалов – на 45,4%, ремонт старых домов – на 1,5%. Такие районы, как Жарминский,

Кокпектинский, Ново-Шульбинский, Чарский, Урджарский, Ново-Покровский, за первое полугодие не построили почти ни одного дома, не имея на это никаких объективных причин.

В результате чего: «такое основное мероприятие, как строительство жилдомов в 1945 г. было поставлено под угрозу срыва» [13, л. 34].

Как мы видим, руководители районов и областей со строительством жилых помещений для спецпоселенцев во многом не справились. Такое положение объяснялось не только недостаточностью стройматериалов, но и неумением со стороны руководителей использовать все имеющиеся возможности при покупке новых домов.

На 1 января 1946 г. по Восточно-Казахстанской области из 6180 семей без жилья остались 439 семьи, по Семипалатинской области из 5859 семей – 583. В целом по республике из 107272 семей 89093 семьи были обеспечены жилплощадью, а 18179 – остались без жилья.

Учитывая тяжелое продовольственное положение большинства спецпоселенцев, не сумевших в 1944 г. «выработать достаточно трудодней для обеспечения себя и своих семей», Союзное правительство по ходатайству Совнаркома КазССР на 1945 г. выделило «для оказания продовольственной помощи» спецпоселенцам из Северного Кавказа муки – 4625,0 тонны, крупы – 1456,25 кг, продзерна – 1200,0 кг, сахара – 40,0 кг [11, л. 35]. Для немецкого населения Восточно-Казахстанской области продовольственная помощь отпускалась по норме 6 кг в месяц на одного человека [11, л. 36]. Для чеченцев Аягузского района устанавливались нормы посева проса по 13 кг на одну семью [14].

Для спецпереселенцев из Грузинской ССР в марте 1945 г. было выделено:

Размер материальной помощи для спецпоселенцев прибывших из Грузинской ССР [11, л. 38]

Область	Хлопчатка, тыс. руб.		Швейных изд., тыс. руб.		Обувь, тыс. руб.		Мыло, кг	
	План	Выполнено	План	Выполнено	План	Выполнено	План	Выполнено
ВКО	–	–	51,5	26,5	10,3	–	265	265
Сем-ская обл.	–	–	27,5	27,5	5,5	5,5	145	–

Из таблицы видно, что выделенная материальная помощь в обеспечении спецпоселенцев, прибывших из Грузинской ССР, поступала не в полной мере. То есть, если спецпоселенцы Восточно-Казахстанской области остались без обуви, то спецпоселенцы Семипалатинской области без мыла. Из этого следует вывод, что отпущенные правительством промышленные и продовольственные товарные фонды для остро нуждающихся спецпоселенцев продолжительное время задерживались на базах Райпотребсоюзов и до контингента не доводились. Имелись факты «прямого разбазаривания и растратывания пром. и прод. фондов» [13, л. 35]. Об этом свидетельствовали данные архива, например: «председатель Вверхубинского Райпотребсоюза из полученных 300 пар валенок для спецпоселенцев разбазарил 190 пар, из 73 кг сахара, предназначенных для детей спецпоселенцев, 16 кг израсходовал не по назначению. На складах Лениногорского Райпотребсоюза было обнаружено 17 т муки, 2731 кг крупы, 2275 кг зерна, сахара, 1163 кг соли и 930 кг жмыха, предназначенного для остро нуждающихся спецпоселенцев. Все эти фонды в течение длительного времени хранились на складах, подвергаясь порче, в то время как целый ряд семей остро нуждающихся оставался без средств к существованию [13, л. 35].

Для оказания безвозвратной денежной помощи остро нуждающимся семьям спецпоселенцев с Северного Кавказа, Совнарком Союза СССР (распоряжением под № 12276 – рс) от 17.08.1945 г. выделил 3801900 руб. В порядке возмещения стоимости, принятого от них в местах прежнего жительства имущества, Совнарком обязал выделить в целом по республике 4859924 руб. Из них в Восточно-Казахстанскую область было выделено 528247 руб., в том числе использовано 329119 руб., в резерве на 1946 г. оставалось 199128 руб. В Семипалатинскую область – 475800 руб., из которых – 2623891 руб. было использовано на потребности спецпоселенцев, а оставшиеся 163950 руб. – в резерве [11, л. 44-47].

Однако еще не было известно, будут ли они получены спецпоселенцами в будущем году?

Итак, на 1 января 1946 г. в Республике Казахстан закрепились и числились 107272 семьи в количестве 412191 чел., в том числе прибывших из Северного Кавказа составляло – 100850 семей (384289 чел.), Грузинской ССР – 6422 семьи (27902 чел.). Из них: в ВКО – 6180 семьи (24026 чел.), в том числе в колхозах – 4372 семьи, в совхозах – 234, на промышленных предприятиях – 4571; по Семипалатинской области – 5859 семьи (22371 чел.), в том числе в колхозах – 3440 семьи, в совхозах – 658, в промышленных предприятиях – 1761 [11, л. 3-4].

Как сообщают нам документы, социальное положение спецпоселенцев, занятых на предприятиях, было намного лучше в отличие от спецпоселенцев, находящихся в колхозах. Это и понятно, ведь такие предприятия, как Кожкомбинат, Артель, Красный Кожевник, Комбикормовый завод и др., обеспечивали их одеждой, обувью.

В основе принципа расселения спецпереселенцев по отраслям народного хозяйства республики лежало их трудовое устройство. Каждая организация, будь то колхоз, совхоз или промпредприятие, с момента вселения к

ним спецпоселенцев обязаны были повседневно заниматься вопросами вовлечения всего трудоспособного населения в производственные процессы и создавать условия для их закрепления и участия в производственной и общественной жизни колхозов [11, л. 6].

На 1 декабря 1950 г. на тресте «Лениногорсксвинострой» было занято 140 немцев и 328 чеченцев. Из них учебные курсы по повышению квалификации прошли 36 немцев и 46 чеченцев [15, л. 62].

В бытовом комбинате Лениногорского района были заняты 1467 чеченцев и 508 немцев [15, л. 68]. Спецпоселенцы Кировского района, которых по данным РО МГБ насчитывалось 1629 семей чеченцев (6464 чел.), прибывших из Северного Кавказа и 1244 семей немцев (3024 чел.), из них трудоспособных: чеченцев – 2580 и немцев – 1519. Все они были заняты в министерствах тяжелой индустрии, цветной металлургии и сельского хозяйства [15, л. 76]. Как свидетельствуют документы, «отношение к труду спецпоселенцев улучшилось. Средний процент выполнения норм составляло 123%. Среди них имелись рабочие, которые перевыполняли нормы до 200% [15, л. 68] и выше. Например, бригада спецпоселенца с Северного Кавказа Хаидова Мухмади, работающая на сибспецстрое, выполняла план на 280-300%» [15, л. 76]. Улучшение трудовой деятельности со стороны спецпоселенцев было обусловлено тем, что многие из них, получив квалификацию специалиста, могли применять эти знания в разных отраслях народного хозяйства и поправить свое материальное положение. Документы также свидетельствовали о том, что «отношение к труду спецпоселенцев – добросовестное». Среди них много «передовиков-стахановцев».

По данным ГАВКО, на июль 1955 г. в области числилось 25996 спецпоселенцев, из них чеченцев – 12874, ингушей – 2, немцев – 13088, поляков – 2, крымских татар – 10, прочих национальностей – 20 чел. [16, л. 1]. В г. Усть-Каменогорске проживали 2039 чеченцев, 1686 немцев и 18 прочих национальностей, из них 1753 чел. были заняты в различных сферах деятельности, в том числе 106 чел. являлись членами КПСС и ВЛКСМ [16, л. 37]. По Кировскому району было учтено 901 немцев и 2239 чеченцев. Из них трудоспособных в количестве 1857 чел. (немцев – 544, чеченцев – 1313) были заняты в колхозах, организациях и учреждениях района [17, л. 16]. Большинство из них (576 чел.) работало в Белоусовском рудуправлении [17, л. 19]. Однако из числа трудоспособного населения 74 чел. (62 чеченца и 11 немцев) не работали и 1210 чел. являлись недееспособными [17, л. 16-17]. В Шемонаихинском районе проживали 1446 немцев и 773 чеченцев. За исключением 14 чел. все были вовлечены в трудовую деятельность колхозов и совхозов. Среди них также были учителя, агрономы, врачи, зоотехники, членами КПСС являлись 7 чел. (чеченцев – два, немцев – пять), членами ВЛКСМ – 54 чел. (14 чеченцев и 40 немцев) [16, л. 38]. В Предгорненском районе проживали 1508 чеченцев, 1100 немцев, 4 крымских татар и 2 поляков. В основном они были заняты на промышленных предприятиях и в учреждениях района [16, л. 34-35].

Как мы видим, большая часть населения была охвачена трудоустройством. Однако многие еще оставались без работы. Причины тому были разные. Во-первых, невозможно было за короткие сроки сразу всех охватить трудоустройством. Во-вторых, среди прибывших были и престарелые люди, которые являлись не трудоспособными, не имели своего имущества и жили за счет общей помощи всего населения. На предложение со стороны правительства пойти в дом престарелых, они категорически отказывались, желая жить вместе со своими родными. К тому же в беседе с неработающей частью трудоспособных мужчин по Кировскому району выяснилось, что «... ввиду постройки своих собственных изб, домов пока они не работают» [18, л. 18-19]. Соответственно, не имеют средств к существованию.

Социальное положение депортированных народов дестабилизировалось, это было обусловлено в первую очередь экономическими причинами. Казахстан не был готов к приему переселенцев, поэтому их прибытие вызвало целый комплекс социальных проблем, разрешение которых в короткий срок и безотлагательно было невозможным.

Источники и литература

1. Дегитаева Л.Д. Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.) // Сборник документов: Архив Президента Республики Казахстан. Алматы: ТОО «Издательский дом Казахстан», 2000. 344 с.
2. Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и положение в условиях режима спецпоселения: Дис... канд. ист. наук. Усть-Каменогорск, 2000. 151 с.
3. Выселение корейцев из Дальневосточного края // Отечественная история. 1992. № 6. Ноябрь-декабрь. С. 140-167.
4. Кан Г.В. Корейцы Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 248 с.
5. ЦГА РК Ф. 1987. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
6. ЦГА РК Ф. 1987. Оп. 1. Д. 1. Л. 193.
7. ЦГА РК Ф. 1987. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.
8. Дегитаева Л.Д. Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.) // Сборник документов: Архив Президента Республики Казахстан. Алматы: ТОО «Издательский дом Казахстан», 2000. 344 с.
9. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Д. 21. Л. 44.
10. ГАВКО. Ф. 1П. Оп. 1. Д. 4996. Л. 34.

11. АПРК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 316. Л. 1.
12. АПРК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 1027. Л. 63-64.
13. ГАВКО. Ф. 1 п. Оп. 1 Д. 2741. Л. 1.
14. Аягузский филиал ГАВКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8. Л. 252.
15. ГАВКО. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 5344. Л. 62.
16. ГАВКО. Ф. 1П. Оп. 1. Д. 7119. Л. 81.
17. ГАВКО. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 7070. Л. 20.
18. ГАВКО. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 7397. Л. 18-19.

ДЕПОРТАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В XX ВЕКЕ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Р.И. Бихерт (Сыктывкар, Россия)

Российских немцев можно отнести к наиболее пострадавшей от государства этнической группе в веке двадцатом. Носители языка Гете пережили за минувшее столетие пять массовых депортаций в дальние районы Российской империи, а позже – Советского Союза. Наиболее масштабным стало перемещение их в годы Великой Отечественной войны. Тогда в восточные районы страны было насильственно выселено более 450 тыс. поволжских немцев – потомков колонистов из Германии, приглашенных в Россию императрицей Екатериной II. Всего с учетом депортированных в первые месяцы войны из прифронтовых зон западной и южной частей СССР перемещено около одного миллиона советских немцев. То было, как отмечено выше, не первое и не последнее изгнание немецкого населения в места отдаленные. А вначале обратимся к дореволюционному периоду, который дает повод к историческим аналогиям.

Как отмечают отечественные исследователи А. Герман, Т. Иларионова, И. Плеве в книге «История немцев России», война с Германией вызвала в Российской империи бурный всплеск великорусского шовинизма, резкое усиление антинемецких настроений, разгром германского посольства в Петербурге. Имели также место массовые антинемецкие погромы. Только за один день, 27 мая 1915 г., в Москве были разгромлены 759 торговых заведений и квартир, убиты три немца и 40 ранены. После серьезных поражений русской армии в 1915 г. в антинемецкую истерию включилось и государство, предприняв ряд мер против так называемого «немецкого засилья» в стране. Власти запретили все немецкие общественные организации, прессу, публичные разговоры на родном языке и преподавание его в школах и пр. Еще в конце 1914 г. все немецкие населенные пункты были переименованы и стали носить русские названия [1].

В 1915 г. император Николай II подписал ряд законов, лишивших немцев в западных губерниях страны их земельных наделов и права землепользования. Данные законы планировалось распространить и на немцев Поволжья, которые подлежали выселению в Сибирь с весны 1917 г. Помешала февральская революция [2].

В приграничных регионах России проживали до 600 тыс. немецких колонистов, которых военное руководство, а с его подачи и пресса рассматривали как потенциальных шпионов и «бойцов германской армии». Первые выселения российских немцев из прифронтовой зоны во внутренние губернии страны, включая Поволжье, начались уже с сентября – октября 1914 г. 23 июня 1915 г. Особое совещание при Ставке Верховного Главнокомандующего приняло решение о выселении немецкого населения на всем протяжении прифронтовой полосы – от Балтийского моря до Приднестровья и южнее [3].

В тылу жизнь депортированных была сопряжена с тяжелыми условиями и лишениями. Выжили не все. Тому пример – свидетельство выходца из Сыктывкара, писателя Райнгольда Шульца, уехавшего на постоянное местожительство на историческую родину в 1990 г.

Его предки в составе одной из групп соплеменников в 1915 г. были депортированы из Волыни в оренбургские степи, продуваемые зимой ледяными ветрами. Из 1600 душ через три месяца умерли 1000 человек – таковы были потери только в одной группе. Из предков Р. Шульца в 1918 г. возвратились лишь четверо из девяти. Остальные сгинули в степях. А всего только из одной Волыни были высланы примерно 200 тыс. немецких колонистов [4].

Если следовать исторической хронологии после свершения Октябрьской революции, трагические события в судьбах российских немцев выстраиваются в роковой логический ряд. Страшный голод в Поволжье в 1921–1922 гг. После засухи эпицентром бедствий стала Трудовая коммуна автономной области немцев Поволжья, учрежденная 23 октября 1918 г. В условиях Гражданской войны и разрухи продотряды большевиков реквизируют у земледельцев все запасы хлеба, включая даже семенное зерно. По официальным данным, от тотального голода вымерла почти четверть населения региона – более 100 тыс. чел. (из 476,4 тыс.) [5]. Эти потери подтверждает и саратовский историк О. Винс [6]. По другим сведениям, голод унес свыше 150 тыс. [7].

Коллективизация конца 1929 – начала 1930-х гг. повлекла за собой раскулачивание крепких крестьянских хозяйств АССР немцев Поволжья (АССР НП), учрежденной 6 января 1924 г., и других регионов СССР. Тысячи семей лишились нажитого многими поколениями добра, насильственно выселены из мест проживания и депортированы на Крайний Север, в Сибирь и степи Казахстана. Раскулачивание породило в Поволжье массовый голод 1932–1933 гг. Тогда в Немецкой республике умерли приблизительно 56 тыс. чел., в том числе – 45 тыс. в 1933 г. [8].

С 1934 г. поволжских немцев постигло новое бедствие – истерическая кампания поиска «фашистов», «врагов народа», «вредителей», «диверсантов» и «шпионов», которая обострилась в зловещем 1937 г. Она привела к вакханалии арестов, допросов, пыток и расстрелов практически всего руководства АССР НП. Производились массовые аресты и по другим обвинениям, в том числе – по «кулацкому». «Тройка» НКВД по АССР НП осудила

3027 чел. к расстрелу и 2603 – к заключению в лагерь. Всего в 1937–1938 гг. были арестованы 6,7 тыс. чел., из них расстреляны 3,6 тыс. (54,2%) [9].

Таким образом, 1920–1930 гг. при советской власти оказались для российских немцев не менее роковыми по сравнению с периодом Первой мировой войны. А впереди их ждали новые тяжкие испытания: третья по счету, самая массовая депортация 1941 г., «трудовая армия» в военные годы, репатриация после войны...

Генсек ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин не был оригинален, когда изгонял российских немцев из обжитых территорий в первый год Отечественной войны. Он действовал практически по тому же сценарию, что и царское правительство, и тогдашние военные власти. Но со свойственными для тоталитарного государства «поправками» в виде «раскулачивания» зажиточных крестьян, ссылок их на спецпоселения, создания «рабочих колонн» («трудармий»), Особых совещаний («троек»), широкой сети лагерей с миллионами заключенных...

Когда в августе 1941 г. принималось решение об упразднении АССР НП и переселении поволжских немцев, из Крыма и западных прифронтовых территорий уже полным ходом осуществлялась «эвакуация» (считай – депортация) немецкого населения на восток страны. Первым документом, решившим судьбу АССР НП, стало постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» [10].

Однако необходимо было придать готовившейся гигантской по масштабам репрессивной акции против целого народа хоть в какой-то степени «законный» характер. Именно поэтому и появился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [11].

Указ попирал Конституции СССР, РСФСР и АССР НП. Его содержание вообще не укладывалось в рамки здравого смысла: лицемерие, демагогия, прямая откровенная грубая ложь, попрание всех нравственных и гуманистических принципов, пренебрежение к судьбе как целого народа, так и каждого отдельного советского немца, которых объявили изменниками и предателями родины. Достаточно привести первый абзац Указа. Утверждалось, что «среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья». Здравомыслящему человеку трудно поверить в столь бредовое заявление. Не случайно А. Герман ссылается на оценку известного американского исследователя Л. де Йонга «Немецкая пятая колонна во второй мировой войне» (М: Иностранная литература, 1958). Тот отмечал: «... Нет данных, которые показывали бы, что местные немцы совершали нападения в тылу русских армий или же занимались тайной подготовкой подобных ударов. До сих пор не опубликовано никаких документов, подтверждающих выдвигаемые против немцев Поволжья обвинения...» Не подтверждают это и обнародованные архивные документы Германии. Сегодня уже можно с уверенностью сказать, утверждает А. Герман, что данных о каком-либо сотрудничестве советских немцев с фашистской Германией не имела и советская контрразведка [12].

Согласно данным 4-го спецотдела НКВД, занимавшегося организацией депортации, всего из Поволжья в Сибирь и Казахстан были отправлены 451986 чел. [13]. Из общей численности переселенных в Сибирь оказались около трех четвертей, в Казахстане – чуть более четверти. В дальнейшем территория КазССР стала основной для размещения советских немцев, переселяемых из различных регионов европейской части страны, в том числе – из Москвы и Московской области.

Путь изгнанных был полон тяжелых лишений и невзгод. Об этом есть немало свидетельств. Потомок поволжских немцев, писатель Виктор Гринимайер, живущий на Южном Урале, посвятил несколько рассказов судьбам изгнанников, в том числе депортированных в Казахстан [14].

В Сибири значительная часть высланных на конечных станциях перегружалась на пароходы и баржи и направлялась по Енисею, Оби и Иртышу на многие десятки и сотни километров на север. Затем им приходилось еще на повозках тащиться по таежным дорогам в далекую глубинку с экстремальным климатом, который поволжские немцы на первых порах переносили тяжело. О том же пишет потомок депортированных немцев, сибиряк Виктор Дизендорф: «...поначалу изгнанников доставили в относительно обжитые районы вблизи железных дорог... Но очень скоро российских немцев стали отправлять и на Таймыр, и в Воркуту, и в Нарым, и во все прочие «смертные места» [15].

Словом, произошло распыление немецкого населения Поволжья, включая АССР НП, на громадной территории в 2,5–3 млн. кв. км [16]. Именно с того времени и начал развиваться особенно быстрыми темпами процесс ассимиляции немцев с окружающей русскоязычной средой. Добавим к этому выводу: именно с той поры началось разрушение национальной идентичности российских немцев, их культуры, традиций и языка, которые приходится активно возрождать ныне.

Анализируя последствия гигантской депортации, стоит выделить еще один ее аспект. Союзные органы власти гарантировали высланным на новых местах жительства компенсацию утраченного имущества. Но эта гарантия ломаного гроша не стоила, поскольку переселенцы были жестоко обмануты. Они так и не смогли получить компенсацию за оставленное имущество [17]. Как и раскулаченные немецкие семьи в 1930-е гг., лишившиеся всего.

В связи с этим положение изгнанников в Сибири и Казахстане накануне зимы 1941–1942 гг. становилось все хуже. Им угрожал массовый голод. Особенно семьям, не имевшим взрослых мужчин. Те находились либо в действующей армии, либо были арестованы. Среди высланных немцев начал нарастать стихийный протест против тяжелейших условий жизни в местах депортации, против бесчинств и унижений. Фактически они находились на грани жизни и смерти. Положение изгнанников стало столь напряженным и взрывоопасным, что вынудило центральное руководство НКВД пойти на радикальную меру. По его предложению 10 января 1942 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР под грифом «совершенно секретно» принял постановление «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» [18]. На основании данного документа все немцы-мужчины указанного возраста, годные к физическому труду, высланные в Сибирь и Казахстан, мобилизовывались в рабочие колонны на все время войны и направлялись на строительство различных объектов и лесозаготовку в системе НКВД и других наркоматов.

Руководство НКВД заблаговременно разработало специальное «Положение о порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев». Оно определяло, что они направляются на работы при лагерях НКВД СССР, формируются в отряды от 1500 до 2000 чел., организуемые по производственному принципу. Отряд делится на колонны от 250 до 500 чел., а они в свою очередь – на бригады от 35 до 100 чел., размещаемые казарменно в бараках, вокруг которых устанавливается ограждение – охраняемая зона. В отряде и его подразделениях предусматривался строгий воинский порядок, за нарушение которого налагались дисциплинарные взыскания, включая предание суду.

Уже через два дня после подписания Сталиным (10.01.1942 г.) директивы под грифом «совершенно секретно» глава НКВД Берия издал приказ за № 0083 о мобилизации через военкоматы первой партии трудармейцев. 80 тыс. немцев-переселенцев призывного возраста (от 17 до 50 лет) распределялись по восьми лагерям, включая «Усть-вымлаг» в Коми АССР (4 тыс. чел.) [19]. Так началась очередная депортация, точнее – обратная, когда многие десятки тысяч трудоспособных немцев-мужчин перебрасывали на огромные расстояния в другие регионы.

За первым массовым «призывом» в трудармию ГКО СССР санкционировал еще три широкие мобилизации немцев, включая женщин от 16 до 45 лет. На 1 января 1944 г. в рабочих колоннах насчитывалось 221,9 тыс. советских немцев. В том числе в лагерях и на стройках НКВД – 101,2 тыс., на объектах предприятий других наркоматов – 120,7 тыс. чел. [20]. Мало кто из немцев-трудармейцев дожил до наших дней, но они оставили потомкам свидетельства о том жестоком времени.

Журналистка из Коми Татьяна Москвина опубликовала воспоминания трудармейцев Якова Функлера, Александра Вальтера и других немцев Поволжья, вначале депортированных в Сибирь, а в 1942 г. мобилизованных в трудармию. Я. Функлера с другими лишенцами отправили в Коми край. Суровой зимой выгрузили на станции Абезь и под конвоем завели в холодный сарай. Кто не поместился, «ночевал на морозе под открытым небом». Наутро половина невольников там и осталась – замерзли. Функлеру удалось выжить [21].

Воспоминания трудармейца Устьвымлага Ивана Амана – пронзительный документ той страшной эпохи. Приводим лишь один фрагмент: «Наш мотостроительный отряд № 219/я НКВД отправили в Котлас, в одно из самых гибельных мест, где течение 2 – 3 месяцев погибли 45 – 50% людей» [22].

Виктор Фукс поведал о трагической судьбе юной Кати Фукс, окончившей перед войной педагогический техникум в городе Энгельсе, а в сентябре 1941 г. высланной в Казахстан. Вместо работы учительницей девушку заставили переносить камни на строительство дорог. Потом перевели на карбидный завод. Очень скоро карбид разъял легкие этой невинной девушки и на целый год – до самой смерти – она полностью лишилась голоса [23].

Свидетельство Г. Эльберга, мобилизованного в трудармию из Алтайского края: «В 1942 году в лагерь Тимшер доставили тысячу немцев, к концу года уцелело нас менее двухсот человек» [24].

Всего за время существования рабочих колонн в СССР – с сентября 1941 по январь 1946 г. – через них прошли 316,6 тыс. советских немцев [25].

В конце войны и после Победы настал черед еще одной депортации немцев – пятой. Речь идет о репатриации в СССР из Германии и некоторых других стран вывезенных туда оккупантами советских граждан, включая немцев. По подсчетам историков, к моменту завершения войны за рубежом СССР находились приблизительно 300–350 тыс. советских немцев [26].

Как известно, на Ялтинской конференции глав государств антигитлеровской коалиции руководство СССР потребовало передать всех без исключения советских граждан – перемещенных лиц. Уступка союзников стала роковой для советских немцев – перемещенных лиц, большинство из которых сознательно ушло на Запад, сознавая неизбежность репрессии со стороны советских властей при возвращении в СССР. Но они оказались бесильными что-либо изменить в своей судьбе.

По данным НКВД, в СССР были возвращены порядка 200 тыс. немцев-репатриантов. Отсюда следует, что советским репатриационным органам не удалось вернуть всех немцев, вывезенных оккупантами из Советского Союза в годы войны. Немалое количество их осталось на Западе [27].

Те немцы, кто был возвращен в СССР, оказались расселены практически по всей территории страны. То есть, советские власти с иезуитской последовательностью продолжали распыление немецкого населения по регионам гигантского государства. В январе 1953 г. на спецпоселении в СССР находилось 208388 немцев-репатриантов (без указания сроков переселения). Общее количество всех немцев-спецпоселенцев на начало года, когда умер Сталин, составляло в СССР около 1 млн. 225 тыс. чел. – те, кто выжил в тяжелейшую годину войны и в трудармии и пережил послевоенную разруху [28].

Репатриированные немцы находились на спецпоселении еще долгие годы, как и их соплеменники, высланные в период войны. Ни о каких послаблениях в отношении их и речи не было. Напротив, государство «закручивало гайки». Через три с половиной года после Победы, 26 ноября 1948 г., Президиум Верховного Совета СССР под грифом «совершенно секретно» издал Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указ устанавливал, что немцы, как и все другие народы, отправленные на спецпоселение в годы войны, переселены туда «навечно, без возврата их к прежним местам жительства». За самовольный побег из спецпоселения предусматривалась мера наказания в 20 лет каторжных работ [29].

Лишь через десять лет после Победы Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 13 декабря 1955 г. снял с учета спецпоселения и освободил из-под административного надзора органов МВД данную категорию немцев и членов их семей. При этом Указ устанавливал, «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были высланы» [30].

Спустя еще девять лет, 28 августа 1964 г., Президиум Верховного Совета СССР в ответ на многочисленные ходатайства общественных организаций советских немцев о восстановлении справедливости в отношении к этому народу отменил огульные обвинения немцев Поволжья в измене и пособничестве фашистским захватчикам в начале войны. Но о восстановлении государственности немцев Поволжья – в воссоздании АССР НП – было отказано [31].

Еще через восемь лет, 3 ноября 1972 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР были, наконец, сняты последние ограничения для спецпоселенцев, в том числе – немцев, в выборе места жительства. Но это мало что меняло в судьбах немцев, которые были лишены права на надежду, на историческую справедливость [32].

В такой ситуации многие семьи поволжских немцев, проживавшие в Коми, искали лучшие доли в иных российских краях. Другие остались в республике до лучших времен, пока не наступило «потепление» в годы перестройки и появилась возможность выезда на историческую родину. Массовый исход семей российских немцев в Германию из регионов РФ, включая и Коми, в то время не остановил даже федеральный закон «О реабилитации жертв политических репрессий», принятый 29 апреля 1991 г., поскольку люди утратили какую-либо надежду на полную реабилитацию, в том числе – на восстановление территориальной автономии.

Массовые депортации российских немцев в XX в. вызвали трагические и необратимые последствия в судьбе этой этнической группы. Немецкое население, ранее компактно проживавшее в различных регионах России, было распылено практически по всей территории огромной страны. Со времен первой и последующих депортаций развивался процесс ассимиляции немцев с русскоязычной средой. Именно с того времени началось разрушение национальной идентичности российских немцев, культуры, языка, традиций, которые их потомки пытаются сегодня возродить. К этому следует добавить неподдающееся учету количество погибших на пути к местам изгнания, в трудармии и лагерях. Депортированные в дальние районы страны немцы утратили практически все свое имущество, нажитое многими поколениями. А немцы Поволжья навсегда лишились территориальной автономии, где проживало более 400 тыс. потомков колонистов из Германии, приехавших в Россию в XVIII–XIX вв. Насильственные переселения, вопиющие нарушения гражданских прав, жестокость по отношению к российским немцам надолго породили в них синдром страха, который и поныне живет в пожилых людях. И, пожалуй, наиболее тяжелое последствие депортации – более двух миллионов российских граждан с немецкими корнями, не добившись от государства справедливости, покинули страну и отправились на свою историческую Родину – Германию. В результате Россия потеряла часть своего генофонда.

Российских немцев – жертв массовой депортации в XX в. – осталось очень мало, кто дожил до наших дней. Но они, эти изгои сталинского режима, не ожесточились. Стали полноправными гражданами России.

Источники и литература

1. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. М., 2005. С. 223-225.
2. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. 2007. С. 14.
3. Герман А.А., Иларионова Т.С. ... История немцев... С. 229-230.
4. Шульц Р.А. Перелетные птицы. Гиссен, 2006. С. 20-24.
5. Герман А.А., Иларионова Т.С. ... История немцев... С. 275.
6. Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет. Судьбы российских немцев и наше национальное движение. М., 1997. С. 77.

7. Там же. С. 78.
8. Герман А.А., Иларионова Т.С.... История немцев... С. 361
9. Герман А.А. Немецкая автономия... С. 306, 309.
10. Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин: Сб.док. (1940-е годы). М., 1998. С. 19.
11. Герман А.А. Немецкая автономия... С. 491.
12. Там же. С. 429.
13. Там же. С. 436.
14. Гринимаер В.А. Всему вопреки. Магнитогорск, 2006. С. 20-23.
15. Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет... С. 109-110.
16. Герман А.А. Немецкая автономия... С. 443.
17. Там же. С. 446.
18. Там же. С. 447, 452-453.
19. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000. С. 142-143.
20. Там же. С. 143-144.
21. Москвина Т.В. Осуждены властью безвинно. Сыктывкар, 2010. С. 46.
22. Немцы в Республике Коми // Страницы истории репрессивной политики. Сыктывкар, 1998. С. 35.
23. Фукс Г.Ф. Роковые дороги поволжских немцев. 1763–1995. Красноярск, 1995. С. 113.
24. Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет... С. 118.
25. Герман А.А. История Республики немцев... С. 144.
26. Герман А.А., Иларионова Т.С. ... История немцев... С. 474.
27. Там же. С. 475.
28. Там же. С. 484.
29. Там же. С. 482-483.
30. Там же. С. 494.
31. Там же. С. 500.
32. Там же. С. 508.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НЕМЦЕВ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КОМИ АССР В 1940-е гг.

И.Н. Бобков (Сыктывкар, Россия)

Актуальность работы состоит в том, что Россия – это многонациональное государство, в котором решение национальных проблем имеет первостепенную важность. События декабря 2010 г., в частности события на Манежной площади в Москве, показали, что у Российской Федерации остаются серьезные проблемы в области национальной политики. Истоки многих национальных проблем современности кроются в прошлом. Достаточно противоречиво национальный вопрос решался в 1940-е гг., в том числе и в отношении этнических советских немцев.

Основными источниками для данной работы послужили архивные материалы (докладные записки и справки местных властей, связанные с настроениями населения; приказы военного комиссариата Коми АССР; распоряжения и инструкции управляющих трестом «Комилес», постановления Государственного Комитета Обороны и СНК, указы Президиума Верховного Совета СССР, списки спецпереселенцев) и воспоминания самих немцев.

Цель моей работы – выявление политических настроений немцев-спецпереселенцев в Коми АССР в 1940-е гг. и определение факторов, влияющих на эти отношения.

В 1940-е гг. немцы-спецпереселенцы в Коми АССР – одна из основных по численности категорий репрессированного населения. Помимо первой волны политики спецпереселения в 1930-е гг., в ходе которой были раскулачены крестьяне (в числе которых были и немцы), в период войны немцев на спецпоселении, как в целом в СССР, так и в Коми АССР увеличилось сразу в несколько раз. Это было связано, прежде всего, с депортацией немцев из присоединенных территорий к СССР (Западная Украина, Белоруссия). Кроме того, 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», а в сентябре-октябре Госкомитет Обороны (ГКО) принимает серию постановлений о депортации немцев из других различных областей. На 1944–1950-е гг. приходится множество массовых переселений различных категорий репрессированного населения, где также числились немцы. В итоге, по данным Н.М. Игнатовой, на 1 января 1947 г. немцев-спецпереселенцев в Коми АССР насчитывалось 12491 чел. [1].

Политические настроения немцев-спецпереселенцев мы рассмотрим на протяжении всего военного и послевоенного времени.

При рассмотрении этого вопроса в период войны стоит выделить сначала документ от 17 ноября 1941 г. (Раздел «Настроения населения» в докладной записке бригады Коми обкома ВКП(б) секретарю Коми обкома ВКП(б) Тараненко о командировке в Усть-Куломский район). В этом документе описываются настроения немцев. Из докладной видно, что немцы в целом недовольны советской властью. Это все недовольство выливается в протесты, основными формами которых являются отказы от работы, «антисоветские высказывания», провокационные слухи и др. Можно заметить, что выступления были не только против советской власти, а также против местного населения. Это скорее всего связано с изначально негативным отношением местного населения к самим немцам. Среди высказываний были такие, содержание которых направлено на защиту и победу Германии в войне. Говоря о формах протеста, необходимо отдельно выделить саботаж. Так, из-за агитации одного спецпереселенца 8 ноября 1941 г. из 127 чел. на работу вышли 20, а 9 ноября – 32 чел. Эти все протесты в данный период времени были связаны, прежде всего, с катастрофической нехваткой продуктов и использованием труда немцев в тяжелейших условиях. Кроме того, в какой-то период времени «ходили» провокационные слухи среди самих немцев о переселении их в другие места, что также вызывало недовольство и как следствие снижение работоспособности у спецпереселенцев [2].

В 1942 г. проводится несколько мобилизаций в трудовую армию, которые в первую очередь касаются немцев. Но если первые две мобилизации, проведенные в январе и феврале-марте, воспринимались большинством немецкого населения с пониманием, то третья (проведенная в октябре) – оценивалась ими крайне негативно, поскольку угрожала жизни женщин и детей в тяжелых военных условиях, – отмечает один из крупнейших исследователей по немцам-спецпереселенцам Л.П. Белковец [3].

В докладной записке, датированной декабрем 1942 г., от старшего оперуполномоченного КРО НКВД Коми АССР Зыкина и лектора Коми обкома ВКП(б) Бетехтиной секретарю Коми обкома ВКП(б) Тараненко о выполнении решений 6-го пленума Коми обкома ВКП(б) по Троицко-Печорскому району, указываются в основном такие же формы протестов и вызвавшие их причины. Но здесь впервые упоминается факт готовности немца к побегу с лесозаготовки, если не произойдет улучшения ситуации [4]. Усилила недовольства немцев Инструкция № 028 от 14 марта 1942 г. управляющего трестом «Комилес» Торопова директорам леспромпхозов – об организации на лесозаготовках трудотрядов немцев [5]. А также приказ № 382 от 10 ноября 1942 г. по Управлению треста «Комилес», обязывающий в срочном порядке создать в Сысольском, Локчиском и Устьнемском леспромпхозах

рабочие колонны из мобилизованных немцев, финнов, румын и других мобилизованных лиц. В созданных колоннах предписывалось установить жесткий контроль за политическим поведением, дисциплиной и качеством труда контингента; устанавливался рабочий день не менее 12 часов (не включая перерыв на обед), вводились обязательная проверка утром и вечером, суровая ответственность за нарушение. Все это только усиливало недовольство немцев по отношению к советскому правительству и вело к возрастанию дальнейших конфликтов [6].

Нужно признать, что положение немцев-трудармейцев в первые два года войны было самым тяжким. Среди них немалое количество были инвалиды и больные. И здесь государство пошло на встречу. В Инструкции НКВД от 24 декабря 1942 г. был разработан и установлен порядок демобилизации инвалидов и нетрудоспособных немцев, находящихся в рабочих колоннах при строительствах и лагерях НКВД. Особенно этот приказ широко распространяется в 1943 г.: немцы становятся свободнее в передвижении и уклоняются от работы. Однако в конце 1943 г. происходит усиление контроля за мобилизованными немцами. Так, 17 декабря 1943 г. выходят сразу две инструкции управляющего трестом «Комилес» Саватеева всем директорам лесспромхозов. Первая инструкция была направлена на ужесточение контроля за трудоспособностью и перемещениями мобилизованных немцев, а вторая – направлена на усиление ежемесячного учета мобилизованных немцев и немок с обязательным предоставлением сведений в органы НКВД [7].

Несмотря на усиление контроля со стороны властей, в докладной записке от 5 апреля 1944 г. сотрудника Коми обкома ВКП(б) о командировке в Локчимский ЛПХ говорится уже о достаточно большом количестве немцев, убежавших с работ за сезон. Здесь отчетливо показано, что недовольства и протесты возникают из-за деятельности коменданта и его личного отношения к спецпереселенцам [8]. Зачастую коменданты превышали свои полномочия, ограничивая немцев, и тем самым они еще больше усугубляли обстановку, сложившуюся на том или ином лесопункте. В документах мы можем увидеть, как падает дисциплина на спецпоселении и возрастает число побегов и саботажа из-за «попустительства» комендантов. Вследствие такой обстановки появляется распоряжение управляющего трестом «Комилес» о незамедлительном прекращении практики предоставления временных пропусков по болезни мобилизованным немцам [9].

Необходимо выделить еще один документ от 8 января 1945 г. – Постановление № 35 СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев», которое определило спецпереселенцев как полноправных граждан [10]. Однако установленный этим же постановлением ряд ограничений в их правовом положении делал их «полноправие» весьма призрачным.

Кроме того, в воспоминаниях немцев нередко упоминается об отношении местного населения к спецпереселенцам [11]. И если в 1930-е гг. отношения имели еще двойственный характер, то в 1940-е гг. появляется в большей мере враждебное отношение к немцам (Виктор Давидович Пропп). И это тоже могло повлиять на поведение и действия немецкого населения, и в этом немцам было психологически труднее всех пережить этот период.

Во второй половине 1940-х гг. ужесточается административно-правовой режим спецпоселения. Из докладной записки от 7 января 1947 г. министра внутренних дел Коми АССР Дегтева секретарю Коми обкома ВКП(б) Тараненко о настроениях спецконтингентов, трудоустроенных на предприятиях местной и лесной промышленности Коми АССР, говорится, что немцы продолжают выступать против советской власти. Формами протестов также были «антисоветские высказывания» и побег. Эти выступления были связаны еще и с тяжелыми работами, отсутствием снабжения продуктов, а также с неудовлетворительными жилищно-бытовыми и материальными условиями спецпереселенцев и отсутствием медицинской помощи. Условия не соблюдались из-за того, что некоторые руководители хозяйственных организаций не предпринимали должных мер к созданию нормальных жилищно-бытовых условий [12]. Из документа от 12 декабря 1947 г. (докладная записка зам. министра внутренних дел Коми АССР Ногинова секретарю Коми обкома ВКП(б) Залыгину о настроениях спецпереселенцев, расселенных в Коми АССР) видно недовольство немцев к советской власти и местным властям, а также проявление пассивности к выборам депутатов, которые проходили в Верховный Совет СССР. Все эти действия немецкого населения исходили из крайне низкого материального положения [13].

Кроме того необходимо отметить Указ № 133/12 от 26 ноября 1948 г. Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», который устанавливал вечное поселение депортированных народов, в том числе немцев, без права возврата к местам прежнего жительства. Устанавливалось наказание за самовольный побег – 20 лет каторжных работ, за помощь – 5 лет лишения свободы. Все это не могло не остаться в памяти у немцев и сформировать у них негативное, а порой и враждебное отношение к советской власти и ее государственной политике по отношению к спецпереселенцам [14].

Таким образом, можно сказать, что политические настроения немцев-спецпереселенцев в Коми АССР к советской власти в 1940-е гг. были в основном негативными. Определялись эти настроения во многом хозяйственным, правовым, бытовым положением и обустройством немцев в период спецпоселения. Также существенную

роль играл так называемый субъективный фактор, а именно отношения спецпереселенцев с местным населением, комендантами и начальниками.

Источники и литература

1. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 64.
2. Национальный Архив Республики Коми (НАРК). Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 779. Л. 112-118.
3. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. М., 2008. С. 161.
4. НАРК. Хр.2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 776. Л. 93-95.
5. НАРК. Хр.1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 1.
6. НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 12-14.
7. НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3255. Л. 25-30.
8. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1139. Л. 61-62.
9. НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 33.
10. История российских немцев в документах (1763–1992) / Сост. В.А.Ауман, А.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 175.
11. Юхно Т.Г. Немцы на Коми земле // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч.2 / Сост. Н.М. Игнатова Сыктывкар, 2001.
12. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 178. Л. 18-19.
13. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 181. Л. 58-60.
14. История российских немцев в документах (1763–1992) / Сост. В.А. Ауман, А.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 176.

ОБЩЕСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЕПОРТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ)

О. Штралер (Сыктывкар, Россия)

Немцы в истории России почти за 250-летний период после их массового переселения по приглашению Екатерины Великой в 1763 г. пережили в своей жизни как периоды расцвета и стабильности, так и достаточно трагические периоды. Одним из таких разрушительных для немцев России как народа стала депортация их из районов Поволжья по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Депортация и её последствия стали разрушительными для этноса российских немцев, привели к потере большинством населения жизненного уклада, родного языка, культуры, традиций, соответственно национальной идентичности и внедрили в сознание «Комплекс исторической несправедливости».

Современная история и национальная политика государства не дают нам оснований предполагать, что территориальная реабилитация и воссоздание бывших немецких колоний могут быть достаточно реальными. А укоренение российских немцев в местах их бывших ссылок, стремление самоорганизоваться для сохранения себя как этноса требуют анализа, оценки и осмысления направления, в котором движение российских немцев может получить дальнейшее развитие.

Самоорганизация российских немцев на этнической основе в послевоенный период была, безусловно, вызвана стремлением обратить внимание власти к восстановлению исторической справедливости и восстановлению Республики немцев Поволжья. В 1960-е гг., в период Хрущёвской оттепели, массовой политической реабилитации, особенно начала издания всесоюзной газеты «Нойес Лебен» и формирования круга её общественных корреспондентов, самоорганизация строилась не на основе формирования формальных общественных объединений, это не допускалось законами СССР, а на основе возможностей, возникших благодаря распространению газеты и литературы на немецком языке, издававшейся в ГДР. В клубах мест компактного проживания, в основном лесозаготовительных и шахтёрских посёлках стали выступать семейные коллективы с немецкими песнями, танцами, стихами на немецком языке. Это позволило немцам собираться вокруг распространителей, обсуждать различные темы, формировать мнения. Вместе с тем, эта работа осуществлялась под жёстким контролем органов МВД и КГБ, что не позволяло ей выйти за рамки обсуждения заданных тем. Но и этой возможности немцы довольно скоро были лишены в силу неофициальных запретов.

Система самоорганизации в форме общественного движения и создания национальных объединений начала создаваться в годы горбачёвской перестройки, на волне демократических перемен и активизации национального самосознания путём создания местных структур всесоюзного общества «Видергебурт». Именно местных, поскольку на первом этапе таких обществ было немного, они были локальны и взаимодействовали непосредственно с московской управляющей структурой. Причём их создание, как правило, происходило при организационной поддержке и контроле партийных структур, действовавших на основе решений пленума ЦК КПСС 1989 г. по национальному вопросу и местных партийных органов.

Так, например, в Республике Коми первое собрание немцев прошло 22 декабря 1989 г. при поддержке столичного горкома партии в Доме политического просвещения. Участники первых собраний, как правило, эмоционально выражали своё отношение к национальной политике государства, имея в виду решение своих проблем. Активно обсуждались вопросы восстановления Республики немцев Поволжья, восстановления языка и культуры. Но уже в то время практически все участники собраний брали бланки заявлений для выезда в Германию, свободно лежавшие на столах регистрации участников собрания. Эта внезапно появившаяся возможность получения разрешения на выезд во многом способствовала эмигрантским настроениям собравшихся. В последующем срыв первого съезда немцев СССР, отказ от восстановления республики и предложение Б. Ельцина строить на территории капустинского полигона, ещё более настроили российских немцев на оформление документов на выезд в Германию. Эта тенденция постоянно росла и к 2000 г. у многих создавалось ощущение, что практически все немцы настроены на выезд. На самом деле, в тех собраниях участвовала небольшая часть немцев, действительно по большей части настроенная скептически к возможностям самосохранения в СССР и активно стремившаяся выехать в Германию. Одновременно росла тенденция к стремлению создать условия для развития этноса в местах его проживания путём создания компактных поселений. Это стремление определённым образом также поддерживалось российским и германским правительствами, принявшими в 1990-е гг. программы социально-экономического и культурного возрождения немцев России. В результате в стране стали массово формироваться различные общественные организации, решившие к 1997 г. объединить свои усилия на базе региональных и федеральной национально-культурной автономии.

Первым документом, определяющим возможность и необходимость выстраивания вертикали в национальном движении стал «Закон РФ «О национально-культурной автономии», принятый в 1996 г. На его основе ряд

регионов принял свои законодательные акты. В результате были созданы региональные НКА, даже не подкреплённые местными автономиями, а сформированные делегатами местных общественных объединений. Закон не ставил жёстких требований формирования местных структур автономии. Более того, первоначально закон не запрещал создания нескольких автономий на территории одного муниципального образования или субъекта РФ. Это привело к тому, что на учредительный съезд федеральной НКА российских немцев в декабре 1997 г. от некоторых субъектов РФ приехали по две делегации региональных НКА. Это недоразумение было разрешено только через несколько лет решением Верховного Суда РФ, признавшим возможность создания только одной автономии этнической общности на определённой территории. Эта норма затем вошла в закон.

Оторванность региональных организаций от местных не способствовала самоорганизации российских немцев. Этому не способствовала, к сожалению, и политика посреднических организаций ГТЦ*, которая была направлена не на консолидацию, а на поддержку наиболее активных местных организаций российских немцев. С этими организациями ГТЦ как посредник в реализации программы федеративного правительства Германии по поддержке российских немцев заключало договора, финансировало деятельность курсов и кружков, отдельных мероприятий, аренду помещений и т.д. В результате, местные организации, заинтересованные в укреплении сотрудничества с ГТЦ, конкурировали с другими организациями российских немцев, формировали новые местные структуры, заинтересованные опять же в привлечении средств со стороны ГТЦ.

С другой стороны, со временем активная позиция федеральной НКА при Президенте ФНКА В. Бауэре по созданию новых автономий и выстраиванию определенной вертикали, в результате борьбы внутри самой автономии практически сошла на нет. А в период руководства автономией В. Баумгертнером численность автономий вообще стала сокращаться, и по данным, представленным в докладе Президента ФНКА Г. Мартенса на съезде ФНКА в Ульяновске, численность местных НКА сократилась на 25%, а многие региональные структуры НКА превратились в организации ветеранов с несколькими десятками приближённых членов. Взаимодействие же между региональными структурами самоорганизации практически отсутствовало.

В другой ведущей организации российских немцев – Международном союзе немецкой культуры – длительное время также не придавалось значение развитию самоорганизации. По данным МСНК, в её рядах числилось порядка 450 центров встреч разного уровня. Естественно, взаимодействие со всеми осуществлять без вертикали было просто нереально. Но вопросы её формирования начали обсуждаться на форумах МСНК, заседаниях Совета только с 2005 г. Началом к непосредственному формированию вертикали самоорганизации послужило создание межрегионального совета центров встреч российских немцев в Центральном регионе России в июне 2007 г. И уже в августе 2007 г. в Оренбурге этот вопрос стал предметом не только обсуждения, но и формирования таких МКС с участием присутствовавших здесь представителей региональных организаций. Проведённый в последующем в ноябре VI форум МСНК, названный форумом Центров встреч, закрепил эту инициативу, утвердив территориально организации, входящие в состав МКС. Таких территорий и соответственно МКС было создано вначале шесть (Центральный, Уральский, Южноуральский, Поволжья, Юга России, Сибири). В последующем МКС Сибири был разделён на МКС Западной Сибири и Восточной Сибири. В апреле 2010 г. по решению Президиума МСНК МКС Урала и Южного Урала объединились в МКС немцев Урала, включивший в себя центры встреч российских немцев десяти субъектов федерации. Эта перестройка была связана с рядом причин, в частности, укрупнением МКС и установлением в них более-менее равного числа проживающих на территории немцев. В результате из МКС Урала выведены ЦВ** Архангельской и Вологодской областей, перешедшие в МКС центрального региона, который включил в себя в этом же году ЦВ Северо-Западного региона.

Создание общего МКС немцев Урала позволило выйти на новую ступень самоорганизации. Опыт МКС Северного Урала, участвовавшего к тому времени уже более двух лет в пилотном проекте по передаче компетенций ГТЦ структурам самоорганизации российских немцев, был использован в новой структуре. Процесс консолидации местных структур в региональные проходил достаточно долго, далеко не все субъекты федерации имели свои региональные структуры, в том числе и в Уральском регионе. Так к периоду создания межрегиональных координационных советов центров встреч российских немцев (МКС) в 2007 г. в уральском регионе не было региональных организаций в Пермском крае, Курганской, Кировской области, Ямало-Ненецком национальном округе. В Свердловской области региональная автономия существовала скорее номинально, а в Челябинской и Тюменской областях было по две региональные структуры.

Решением МКС немцев Урала в течение 2010 г. там, где не было региональных обществ, автономий, или в них входили не все организации российских немцев, стали создаваться региональные координационные советы. Руководители этих советов вошли в состав МКС немцев Урала с правом решающего голоса. Такие советы

* ГТЦ (GTZ) – общество технического сотрудничества, реализовывавшее программу Германии по поддержке немецкого меньшинства в России.

** ЦВ – центры встреч российских немцев, слово объединяющее общественные организации российских немцев разного уровня и формы.

были созданы в Пермском крае, Челябинской, Тюменской, Свердловской областях. Это позволило более оперативно решать многие вопросы по координации, особенно в интерактивном варианте.

Что же способствовало на Урале столь быстрому формированию и развитию межрегиональных структур самоорганизации и соответственно их региональным советам? Мощным импульсом для этого послужило включение их в пилотный проект по передаче компетенций ГТЦ структурам самоорганизации российских немцев. Вопросы организации межрегиональных мероприятий, объединяющих центры региона, их финансирование, унификация проектной деятельности, финансирования ЦВ, обсуждение бюджета вовлекают руководителей ЦВ – членов МКС в активное обсуждение национальной проблематики, обмен опытом работы. Руководители стали чаще общаться, знать в лицо друг друга, встречаться как коллеги и добрые друзья. Всё это создаёт атмосферу доброжелательности, взаимодействия и объединения. Таким образом, самоорганизация, получая финансовую поддержку и сама решая вопросы направления этой поддержки, становится своего рода экстерриториальным субъектом со своим бюджетом, экономическими и культурными планами, населёнными пунктами (ЦВ). Сегодня МКС немцев Урала объединяет немцев 10 субъектов РФ с численностью немцев 114,0 тыс. чел, на территории которых создано 19 ЦВ, имеющих 65 филиалов. Вышесказанное совсем не означает, что деятельность МКС развивалась беспрепятственно. Ряд руководителей центров встреч почувствовал угрозу своим особым отношениям с бюро ГТЦ и активно препятствовали как объединению МКС, так и его решениям. Они видели при этом только собственный интерес, прежде всего финансовый, не видя необходимости в формировании общности российских немцев на межрегиональном и федеральном уровне.

Какими видятся перспективы самоорганизации российских немцев? На съезде ФНКА в сентябре 2010 г. в Ульяновске и IX Московском Форуме немцев России в октябре 2010 г. обсуждались и были определены приоритеты такого развития. В целом, самоорганизация немцев РФ должна строиться в соответствии с законом РФ «О НКА». Таким образом, формирование местных, региональных и межрегиональных структур самоорганизации переходит в фазу повсеместного создания автономий, в которых все формы общественных организаций немцев становятся коллективными членами местных и региональных НКА. Региональные НКА становятся основными грантополучателями средств, своего рода ресурсным центром. Они формируют региональные бюджеты, основанные как на средствах Германии, так и собственных источниках, бюджетных средствах и средствах федеральной программы социально-экономического и этнокультурного развития российских немцев.

МКС НКА (а их создание предусмотрено федеральным законом как структур межрегиональной координации) будут планировать межрегиональные мероприятия и средства на их финансирование, координировать деятельность региональных автономий, представлять их интересы на федеральном уровне. Видимо, процесс такой консолидации займёт не один год. Понимание значимости НКА в регионах, да и на федеральном уровне ещё не осознано, так как определённая законом государственная поддержка автономий на всех уровнях до сих пор не имеет своего механизма. А создание автономии и её регистрация требуют больше усилий и затрат, чем создание просто общественной организации.

Поэтому ФНКА и МСНК в настоящее время активно участвуют в разработке дополнений и изменений в закон о НКА с целью повышения значимости и роли автономии в национальной политике государства и финансировании деятельности НКА соответственно из местных, региональных и федерального бюджетов.

Проблема развития самоорганизации активно обсуждалась и в Уральском регионе. Дискуссии были связаны с боязнью ряда грантополучателей конкуренции со стороны региональных автономий, нежеланием включаться в деятельность автономий, привычкой работать не в команде, а сами по себе. Но большинством идея формирования самоорганизации на основе МКС и региональных НКА, как ресурсных центров, была поддержана и утверждена на заседании МКС немцев Урала в Челябинске 8 января 2011 г. Это значит, что самоорганизация немцев Урала имеет перспективу и будет развиваться в этом направлении.

Самоорганизация российских немцев – это способ народа самому создавать и добиваться условий для сохранения, ощущения себя единым народом, стремящимся не потерять свои корни, сохранить свою идентичность, культуру и традиции.

**АРАКЧЕЕВСКИЙ РЕЖИМ В КОМИ ФИЛИАЛЕ АН СССР
В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.**

А.В. Самарин (Сыктывкар, Россия)

Репрессии – меры принуждения, наказания, применяемые государством исходя из политических мотивов. В тоталитарном государстве складывается такая система, в которой репрессии в том или ином виде существуют на всех ступенях иерархической лестницы. В своем сообщении мне хотелось бы заострить ваше внимание на том, как существовавшая репрессивная система повлияла на деятельность Академии наук СССР. Мы намерено оставим в стороне основной аспект проблемы – репрессии ученых со стороны государства. И хотя каждая из этих историй была трагедией для всей советской науки, но логику государства хотя бы можно было понять. Оно боролось со свободомыслием ученых, доказывало мощь своей власти во всех сферах жизни страны, поддерживало своих сторонников, идеологов новой «советской науки» (Т.Д. Лысенко и Н.Я. Марр), которые в свою очередь не гнушались использовать репрессивный аппарат советской машины для того, чтобы убирать сильнейших оппонентов (Н.И. Вавилов).

Вместо этого основное внимание будет уделено сравнительно спокойной работе рядовых научных учреждений, где на фоне масштабных общегосударственных репрессий на локальном уровне разыгрывались трагедии, повторившие судьбу Академии наук и всей страны. Важно подчеркнуть, что в основе трагических событий не было какого-либо принуждения со стороны государственного аппарата. Инициатива исходила снизу от самих ученых. Причем беспредел, принуждение и подавление чужого мнения в научных коллективах приняли столь массовые и извращенные формы, что в итоге на них был вынужден указать И.В. Сталин. В статье «Марксизм и вопросы языкознания» он назвал ситуацию, сложившуюся в управлении наукой аракчеевским режимом [1]. Статья Сталина и столь жесткие оценки, прозвучавшие в ней, были вызваны ситуацией, сложившейся в языкознании в связи с Новым учением о языке Н.Я. Марра.

Как Михаил Николаевич Покровский в истории, так Н.Я. Марр в языкознании, создал новую, марксистскую классовую теорию языка, которая раскрывала происхождение и теорию языка в соответствии со стадиями развития общества. Новое учение Марра с конца 1920-х гг. до 1950 г. поддерживалось государством и несмотря на многочисленные нестыковки и противоречия насильно насаждалось, а любая критика подавлялась.

В 1950 г. в самый разгар очередного марровского наступления И.В. Сталин опубликовал в газете «Правда» статью «Марксизм и вопросы языкознания», в которой подверг «Новое учение о языке» жесткой критике, указал на антинаучность его положений и на чисто механическую связь его с марксизмом. Помимо самой научной теории И.В. Сталин раскритиковал методы, которыми она насаждалась, назвав их аракчеевскими: «Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н.Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н.Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н.Я. Марра» [1].

Аракчеевский режим в Коми филиале АН СССР тесно связан с именем Николая Ивановича Шишкина, уроженцем с. Вильгорт, который жил и работал в Москве и в короткие сроки защитил кандидатскую диссертацию по географии, за относительно небольшой промежуток времени (1943–1946 гг.) написал около 40 работ, начал подготовку докторской диссертации. Шишкин зарекомендовал себя активным, целеустремленным, многообещающим специалистом, проявил себя хорошим организатором научного процесса.

Вероятно, сильные организаторские способности Н.И. Шишкина и то, что он был местным уроженцем, сыграли ключевую роль для Президиума Академии наук СССР при выборе в 1948 г. кандидата на должность заместителя директора Базы АН СССР в Коми АССР (с 1949 г. – Коми филиал АН СССР). Дело в том, что директор Базы академик В.Н. Образцов руководил научным учреждением из Москвы, исполнителем его воли на месте и фактическим руководителем учреждения был его заместитель. С 1943 по 1948 г. эту должность занимал Иван Ильич Оплеснин. Бывший партийный работник, он прошел вместе с учреждением войну и сложный процесс эвакуации Кольской базы АН СССР, но в последующий период руководство республики было недовольно замедлением темпов научных исследований и пробуксовкой в решении первоочередных задач региона. В связи с этим Президиуму АН СССР было предложено подобрать другую кандидатуру на должность заместителя директора Базы.

Н.И. Шишкин занял этот пост в сравнительно молодом возрасте – 33 года. Перед ним были поставлены задачи улучшить руководство секторами, наладить взаимосвязи между отделами, усилить координацию научно-

исследовательских работ, проводимых НКВД (МВД), разными министерствами и опытными станциями на территории Коми АССР, и, наконец, добиться издания научных трудов.

Н.И. Шишкин оправдал многие связанные с ним надежды. В короткие сроки была разработана концепция развития научных исследований в Коми АССР на ближайшие годы. Началась подготовка крупного обобщающего труда «Производительные силы Коми АССР». В 1949 г. была разработана Генеральная схема использования местных энергетических ресурсов для сельской электрификации Коми АССР, которая легла в основу развития энергетики республики.

Приезд Н.И. Шишкина в Коми (1948 г.) совпал с повсеместным наступлением марризма, которое началось в рамках борьбы с космополитизмом. В Сыктывкаре Н.И. Шишкин оказался в числе немногих теоретически подготовленных марристов. Вероятно, он был единственным, кто пришел к этой научной теории самостоятельно и осознано. Шишкин использовал концепцию Марра с самого начала своих научных исследований. В 1944 г., основываясь на методологию Марра, Шишкин написал географический очерк о коми-пермяцком народе, часть выводов он сделал на основе топонимики, в том числе и из области, исследованной самим Марром в его работах. Работа получила положительные оценки во многих инстанциях.

В 1948 г. в Базе АН СССР в Коми АССР работал сектор языка, письменности, литературы и истории, который был сильно ослаблен. Незадолго до описываемых событий ведущие ученые сектора Алексей Семенович Сидоров и Нина Андреевна Колегова подверглись серьезной критике за буржуазный национализм. Поэтому Шишкин, пользуясь своим положением – фактического руководителя Базы и знанием методологии Марра, принял активное участие в формировании приоритетов в работе сектора. Сотрудников сектора вынуждали проводить ревизию своих работ и подводить их под методологические основы марризма. Более того, Шишкин начал административными методами пропагандировать учение Марра среди других специалистов академического учреждения.

Усилению позиций Шишкина способствовала серия научных заседаний, на которых представители одних научных направлений, используя не только научные, но и административные средства, боролись со своими оппонентами.

Первой в этой серии была IV сессия ВАСХНИЛ, которая состоялась 31 июля 1948 г. Т.Д. Лысенко выступил с докладом, в котором охарактеризовал исследования и методы генетики как чуждые советскому народу. После сессии ВАСХНИЛ в стране прошли расширенные собрания, на которых ученые-биологи отчитывались о проделанной работе и признавали ошибки, открывшиеся в свете решений сессии ВАСХНИЛ, после чего последовали многочисленные увольнения, была проведена реорганизация вузовской и научной работы в сторону укрепления мичуринского направления в науке.

В Базе АН СССР в Коми АССР собрание, посвященное сессии ВАСХНИЛ, собрало всех научных сотрудников, представителей учебных заведений и производств биологического профиля. Конъюнктура тех лет требовала найти конкретных людей, с которых следовало «спросить» за ошибки в научной деятельности. И хотя для ученых из Коми это заседание прошло «бескровно», не было сделано оргвыводов, никто не был уволен, но страх присутствовал, поскольку было известно о ситуации с биологами в других научных учреждениях страны. В 1949–1960-х гг. в Коми филиале переждал гонения крупный ученый генетик П.Ф. Рокицкий.

В следующем 1949 г. в Коми филиале, как и в других научных учреждениях страны, была проведено другое показательное заседание: Ученый совет по вопросу о некоторых космополитических извращениях сталинского учения о нации. Это мероприятие было направленно против Дмитрия Владимировича Бубриха, (одного из основоположников финно-угроведения, тесно работавшего с учеными Коми филиала и последовательно боровшегося с идеями Марра). Заседание прошло по той же схеме, что и сессия ВАСХНИЛ. Ученые сектора языка и литературы выступали перед сотрудниками филиала и приглашенными лицами, признавали свои ошибки и говорили, как будут их исправлять. Ошибки, как требовала ситуация, была в работах всех без исключения филологов.

На этом заседании Н.И. Шишкин воспользовался ситуацией: он поставил себя над остальными учеными, позиционируя себя истинным марристом, в работе которого нет и не может быть ошибок, что дает ему право судить языковедов. В заключительном слове Н.И. Шишкин ударил по своим самым сильным конкурентам. Он подверг сомнению степень раскаяния ведущих специалистов базы А.С. Сидорова и Н.А. Колеговой. «Не ясно поняли или нет эти товарищи имевшую здесь место критику: они восприняли ее не так, как подобает советским ученым... На словах они все говорят, что они материалисты, а в своих трудах даже не упоминают Марра».

Позднее одна из участниц мероприятия охарактеризовала его следующим образом: «Все как один выступали как сознательные и последовательные марристы, никто не говорил, что его заставляют... Во главе этой плеяды стоял зам. председателя президиума Н.И.Шишкин... Казалось, Сидоров и Шишкин соревнуются, кто из них больший маррист. Первенство досталось Шишкину. Его больше всех поминали» [3].

Заседание проходило в общем русле научных дискуссий того времени, однако были и исключения. А.С. Быстровозов, заведующий сектором сельскохозяйственной биологии и экономики, выступил с речью, в ко-

торой призвал коллег учиться у Шишкина. Основная канва его выступления содержала мысль о том, что работы Шишкина написаны на высоком материалистическом уровне, что в них Шишкин развивает учение Марра на недостижимой для ученых Коми филиала методологической высоте, и что все ученые должны равняться на заместителя Председателя Президиума. Таким образом, выступление Быстрозорова было призвано сформировать вокруг Шишкина ареол непогрешимости и возвести его на недосыгаемую для остальных ученых высоту.

Столь откровенный панегирик вызвал возмущение Павла Григорьевича Доронина, историка и литератора, получившего всеобщее уважение и признание помимо прочего за сбор уникальных материалов по истории и фольклору Коми народа в XVI–XVIII вв. Доронин выступил на заседании, указав на то, что в работах самого Н.И. Шишкина есть многочисленные фактические ошибки. Это выступление несколько смазало общий итог апофеоза Марра и Шишкина, поэтому ответ Доронину был дан сокрушительный.

Через три дня Н.И. Шишкин собрал специальное, хорошо спланированное заседание Ученого совета Коми филиала АН СССР, на котором на Доронина была обрушена вся мощь административного ресурса. Историк было дано 30 минут для обоснования своей позиции, из которых ему позволили говорить не больше 15. Сам Шишкин говорил около трех часов. В вину Доронину вменили то, что, не имея достаточной научной подготовки (у Доронина не было высшего образования), он запутался в методологии и неверно истолковал выводы Шишкина, а его выступление было спланировано таким образом, чтобы отвести удар от Д.В. Бубриха. С такой постановкой вопроса Доронину могли предъявить серьезные обвинения вплоть до вредительства. Ученого предупредили, что его увольнение уже согласовано, и если он не напишет заявление по собственному желанию, то не сможет больше работать по специальности. По результатам заседания Доронин написал заявление на увольнение. Никто из сотрудников филиала не посмел возразить, за что впоследствии они критиковали друг друга.

После антибубриховской сессии аракчеевский режим Шишкина в Коми филиале АН СССР достиг своего пика. Наилучшую характеристику сложившейся ситуации мы находим в статье Сталина: «Никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать» [1].

За свое выступление Быстрозоров пошел к вершинам руководства. Любые проявления своеволия со стороны сотрудников жестко пресекались. Ф.В. Плесовский обучался в аспирантуре по востребованному в секторе направлению – фольклору. Шишкин был заинтересован в его работе и всячески поддерживал молодого специалиста. После того как кандидатская диссертация Плесовского была принята Ученым советом «Пушкинского дома» к защите, Шишкин попросил Плесовского предъявить работу для проверки. Получив отказ, он уволил перспективного научного сотрудника. Та же судьба постигла и другого аспиранта сектора Вассу Ивановну Цивунину за отказ работать над научной темой Шишкина. Третий молодой специалист Виктория Вячеславовна Гудкова обучалась у Д.В. Бубриха. Принимая ее на работу, Шишкин говорил, что он воспитает ее под себя, а если не получится, то от нее не трудно будет избавиться [5. Л. 69–70].

Влияние Шишкина на коллектив было велико. Под его руководством Коми филиал АН СССР начал подготовку фундаментальной работы «Производительные силы Коми АССР». Зам. Председателя Президиума навязал свою концепцию проекта, против которой выступали многие сотрудники филиала, и которую с большим трудом удалось скорректировать. Напомню, Н.И. Шишкин был кандидатом географических наук, при этом он был руководителем темы по фольклору. В филиале сложилась ситуация, когда ученым сектора языка, письменности, литературы и истории было проще опубликоваться за пределами республики. Скопилось много неопубликованных работ. Разработки А.С. Сидорова по грамматике коми языка (около 100 п.л.) лежали мертвым грузом, поскольку Шишкин назвал их «неактуальными», «малоценными», «формальными».

Все изменилось летом 1950 г., когда в газете «Правда» вышла статья И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой были показаны ошибочность и бесперспективность как марризма вообще, так и попыток построить особое «марксистское языкознание». Ситуация в стране поменялась на 180 градусов. Последовательные противники марризма были признаны правыми, а сам марризм был окончательно развенчан и сошел со сцены.

В Коми филиале АН СССР свободную дискуссию по языкознанию ждали с нетерпением, и она прошла очень бурно. Заседание прошло по схеме, отработанной предыдущими годами. Все сотрудники гуманитарного сектора признавали свои ошибки, свою недалекость. Говорили о том, каким образом должна быть исправлена их работа. Руководитель сектора Александр Михайлович Мишарин тщательно старался обойти перегибы в управлении. Говорил, что виноваты все и в филиале были только элементы аракчеевского режима. Н.И. Шишкин построил свое выступление в том ключе, что да, в его работах есть ошибки, но они обычные и не принципиальные. Методологию Марра использовал, но по-своему, не так, как ее понимал Марр [6. Л. 69–78].

Ученые (прежде всего уволенные Шишкиным) остались недовольны подобным раскаянием. Они выступали с примерами аракчеевского режима в Коми филиале. На заседании жесткой критике подвергся и Коми

обком ВКП(б), чьи представители принимали участие в заседании. Ученые утверждали, что партийные органы прощали Шишкину очень много, и непонятно почему дали ему неограниченные права. Даже на этом заседании в защиту Шишкина выступил представитель Обкома, который подтвердил, что лица, уволенные Шишкиным, были уволены правильно. По поводу насаждения марризма собравшимся напомнили, что Н.И. Шишкин как руководитель обязан был исполнять постановление Президиума АН СССР, в котором подчеркивалась и необходимость проводить пропаганду учения Марра. Признание ошибок, которое не удовлетворило собравшихся ученых, представители Областного комитета сочли достаточным [7. Л. 96].

Прошедшее собрание хоть и нанесло ощутимый удар по аракчеевскому режиму Шишкина в Коми филиале, но не сломило его окончательно. Точно также, как биологи Коми филиала АН СССР после сессии ВАСХНИЛ продолжили свои исследования (назвав их мичуринскими), так и Шишкин, ощущая за своими плечами поддержку представителей Обкома, попытался продолжить работу в прежнем русле. Но в газетах «За новый Север» и «Вёрлэдзысь» вышли критические статьи в адрес Заместителя Председателя Президиума, в которых его обвинили в «возрождении старой панфинистской расистской теории и в популяризаторстве взглядов буржуазного финноведения». Н.И. Шишкин крайне болезненно реагировал на критические статьи в республиканской печати и на выступления научных работников с критикой ошибок и недостатков, допущенных в работе филиала и в его научных трудах. Он обратился за поддержкой в Обком. Обком признал всех виновными, а партком филиала обязал наладить работу по критике и самокритике [3].

Сложившееся противостояние уже ни от кого не скрывалось. Комиссия Президиума Академии наук СССР по обследованию деятельности Коми филиала АН СССР в заключении подчеркнула недопустимую ситуацию, которая сложилась во взаимоотношениях между заместителем Председателя Президиума Н.И. Шишкиным и сотрудниками филиала [4]. В сложившейся ситуации предлагалось скорее найти кандидата на должность Председателя Коми филиала АН СССР, чей пост пустовал с тех пор, как к власти пришел Н.И. Шишкин.

В 1952 г. Коми филиал АН СССР возглавил Николай Андреевич Сирин, который видел свою задачу в укреплении филиала и «наведении в нем порядка» как в материально-технической, так и научной сфере [5]. И хотя Н.А. Сирин жил в Москве и приезжал в Сыктывкар только два раза в год, влияние Н.И. Шишкина стало падать, а критика со стороны рядовых сотрудников наоборот усиливалась. Прозвучали обвинения в плагиате. Вероятно, исходя из желания сохранить власть, разом покончить с оппонентами, Н.И. Шишкин написал заявление в ЦК КПСС о том, что в Коми филиале сложилась националистическая группа, в которую, якобы, входили П.Д. Калинин, Ф.В. Плесовский, П.Г. Доронин, Лютюев, Максимов, Улитин и др., а также имело место «неправильное толкование творчества коми поэта И.А. Куратова». Контрольно-партийная комиссия ЦК КПСС, рассмотрев дело, объявила Н.И. Шишкину строгий выговор [6].

Во время работы в Коми филиале Н.И. Шишкин занимался подготовкой докторской диссертации, которую планировал завершить без отрыва от основной деятельности. Однако ему предложили уйти в докторантуру. 1952–1954 гг. Шишкин провел в Москве, а когда вернулся – на прежней должности его не восстановили (этот пост занял бывший ученый секретарь филиала Петр Петрович Вавилов). В 1957 г. состоялся первый конкурс на научные должности, по результатам которого Н.И. Шишкин не прошел по конкурсу на должность старшего научного сотрудника, после чего он был вынужден устроиться внештатным лектором Сыктывкарского горкома КПСС, а через полгода выехал за пределы республики [7].

Главный вопрос, который возникает в результате описанных событий – кто виноват в том, что во многих научных учреждениях страны стал возможен аракчеевский режим, схожий с тем, какой был в Коми филиале АН СССР? Безусловно, дух репрессий, который витал по всей стране, наполнил людей страхом. Ситуацию усугубляло то, что даже у рядовых руководителей была возможность использовать элементы репрессивного аппарата для решения своих задач. От простого сотрудника требовались изрядная смелость и доля безрассудства для того, чтобы высказать собственную точку зрения, отличную от общепринятой. Любое, даже голословное обвинение во вредительстве могло иметь для вольнодумца далеко идущие последствия. Именно такое положение вещей стало почвой для формирования аракчеевских режимов в науке. Но решающим фактором были люди. Невозможно представить, чтобы руководители, работавшие до или после Шишкина, могли запятнать себя подобной историей. П.П. Вавилов, который был в филиале вторым человеком после Шишкина, не вошел в ближний круг своего руководителя и оказался в стороне от всей этой истории. До сих пор ветераны Коми НЦ вспоминают Вавилова с исключительной благодарностью, называя его работу Золотым веком Коми филиала. А.С. Сидоров был учеником Н.Я. Марра и обязан был насаждать учение о языке среди сотрудников сектора, и конечно же делал это, но иначе, не перегибая палку и не используя ситуацию в личных целях.

Возможно, существенную роль в поведении Шишкина как руководителя играли его личные качества, но до приезда в Сыктывкар он характеризовался исключительно с положительной стороны. Вероятно, существенную роль в девальвации нравственных ориентиров играла окружающая обстановка. Шишкин, регулярно выезжая в Москву, наблюдал перегибы со стороны других руководителей, и складывалось впечатление, что такое проис-

ходит повсеместно и что это правильно. В результате Шишкин скорректировал свои нравственные ориентиры, ставя цели и выбирая средства их достижения исходя из известной ему практики. Безусловно, аракчеевский режим в Коми филиале имеет свою специфику. Шишкин не был лингвистом, и довольно быстро проблема марризма вышла за рамки научной дисциплины, превратившись в удобный и популярный инструмент для решения личных задач.

Источники и литература

1. Сталин И.В. Марризм и вопросы языкознания // Правда. 1950. 20 июня.
2. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 89; Л. 69-70; Л. 69-78; Л. 96.
3. ГУ РК «НА РК». Архивохранилище 2. Ф. п.-1. Оп. 1. Д. 635. Л. 21.
4. Архив РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.
5. Архив РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 18 а. Л.222-272.
6. ГУ РК «НА РК». Архивохранилище 2. Ф. п.-395. Оп. 1. Д. 22. Л. 121.
7. Документальная история Коми научного центра УрО РАН: Коми филиал АН СССР в 1944–1964 гг. С. 413.

«КАРА, ПОДВИГ И НАГРАДА» (СУДЬБЫ УЧЕНЫХ-ЛАУРЕАТОВ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ)

Е.И. Морозова (Сыктывкар, Россия)

...Кара и награда. Эти социальные явления всегда присутствовали в обществе. Известный философ, социолог с мировым именем Питирим Александрович Сорокин в своем труде «Преступление и кара, подвиг и награда» проанализировал не только функции наград и кары, но и их влияние на жизнь людей. В схеме преступление-кара, награда-подвиг, считал он, встречается множество различных комбинаций: за преступлением может последовать и награда, а за подвигом – кара. Все зависит от того, как общество встретит и оценит действия индивида, совершившего преступление или подвиг [1]. А опыт показывает, что варианты бывают разные... Порой кара и награда стояли рядом, лишь сменяя друг друга.

Награда. П.А. Сорокин считал, что в условиях искусственного «замирения» общества, функция наград может сыграть значительную роль, позволяя человеку выделиться из общего фона «дозволенных» типов и шаблонов поведения [2]. В советском обществе 1930–1950-х гг. существовало немало способов выделиться из общего числа граждан: грамоты и благодарности, занесение на Доску Почета, занесение в Книгу Почета, награждение нагрудными знаками, награждение орденами и медалями. Однако существовало и материальное поощрение в виде премий: производственных и государственных.

Одной из самых высоких государственных наград в СССР 1930–1950-х гг. стала Сталинская премия, учрежденная 20 декабря 1939 г. в ознаменование 60-летия И.В. Сталина. С 1941 по 1952 г. число отмеченных этой наградой в СССР превысило 847 чел. [3]. Сталинские премии присуждались ежегодно и являлись знаком признания высокого научного, культурного, инженерно-технического или организационно-технического вклада лауреата.

В разные годы существования Сталинской премии ее лауреатами в Коми АССР стали: драматург Николай Михайлович Дьяконов (1951); горный инженер, начальник Воркутинской шахты № 6 Георгий Дормидонтович Горбунков (1949); директор Кажимского леспромхоза Семен Николаевич Некрасов (1950); бригадир буровой бригады Верхне-Ижемского газоконденсатного месторождения Георгий Семенович Кочергин (1951); химик Михаил Алексеевич Налимов (1950). Трижды лауреатом Сталинской премии стал наш земляк, уроженец д. Онежье Княжпогостского района Василий Михайлович Сенокосов (1941, 1946, 1952).

Однако наибольшее число лауреатов Сталинской премии из нашей республики пришлось на ту часть интеллигенции, которая в те годы работала в системе ГУЛАГ. Именно с помощью лагерей на протяжении нескольких десятилетий руководство страны решало важную стратегическую задачу – колонизацию и освоение природных богатств Севера и Сибири. Особое место в планах государства занимало развитие топливной промышленности. Близость нефтяных районов Коми АССР к центрам потребления ставила этот регион в число наиболее перспективных районов. В Коми АССР, начиная с 1936 г., складывалось три центра размещения энерго-, научно- и трудоемких производств. Один – по добыче угля в поселках Рудник и Верхняя Инта, другой – по добыче легкой нефти в Ухте и тяжелой нефти шахтным способом (единственной в мире) на Ярегском месторождении; третий – переработка радиоактивной воды для получения радия на Водном промысле.

Вместе с тем, малая численность населения Коми АССР (на 1937 г. она составляла 263 781 чел.) [4] не позволяла в полной мере решить поставленные задачи. Выход был найден в «творческом» усвоении опыта царской России, где для освоения отдаленных окраин использовался каторжный труд. Уже во второй половине 1930-х гг. здесь создается целая структура специализированных по производственному принципу лагерей, крупнейшим из которых являлся Ухтижемлаг (46460 чел.) [5]. Но здесь государство столкнулось с другой важной проблемой – нехваткой квалифицированных кадров. Специалистов, желающих приехать на Север по доброй воле, было недостаточно. Вопрос решили несколькими способами: мобилизация ЦК ВКП(б) 1939 г. (вольнонаемные) и многочисленные аресты специалистов (аресты «под заказ»). Именно так в лагерях Коми АССР оказались геологи Андрей Яковлевич Кремс и Альберт Ефимович Бернштейн, инженер-электрик Дмитрий Михайлович Крашенинников. Вольнонаемными, «по мобилизации», прибыли в край Андрей Иванович Адамов, Иван Васильевич Носаков, Александр Макарович Сиротко, Владимир Сергеевич Паничев и др.

В 1947 г. одиннадцать специалистов из Коми АССР: геологи, горные инженеры, химики – первыми в Коми АССР были удостоены Сталинской премии II степени. Это были инженеры-геологи, получившие премию за открытие Верхнеижемского – Вой-Вожского, Нибельского нефтегазового месторождений: М.А. Бернштейн, А.Я. Кремс, И.В. Носаков, А.М. Сиротко, В.С. Паничев; разработчики шахтного способа добычи нефти (впервые в СССР): П.М. Звягин, С.Ф. Здоров, А.И. Адамов, С.М. Бондаренко, Е.Я. Юдин, М.М. Зоткин; за разработку нового метода получения химического продукта: Ф.А. Торопов и М.Д. Крашенинников. Все они были сотрудниками одного из крупнейших лагерей Коми АССР – Ухтижемлага. В целом же, Сталинскими лауреатами только из Ухтинского района стало около 40 человек. В качестве заключенных прибыли на радиевый промысел Ухтинского района Федор Александрович Торопов и Михаил Дмитриевич Крашенинников. Федор Александрович

Торопов, в 1929 г. осужденный военной коллегией ОГПУ на 10 лет по статье 58-10 и попавший на радиевый промысел Ухтижемлага, впоследствии стал одним из авторов уникальной технологии извлечения радия из минерализованных вод, автором проекта завода полного цикла. Под его руководством был совершен переход на новый вид радиесодержащего сырья (отходы урановой промышленности), сделан ряд важных изобретений и рационализаторских предложений. Ф.А. Торопов подавал в год до 20 рационализаторских предложений, из которых внедрялось 15. Выгода от внедрения порой составляла до 500 000 руб. в год [6].

В 1933–1936 гг. отбывал наказание в Ухто-Печорском лагере Михаил Дмитриевич Крашенинников, осужденный Специальным присутствием Верховного Суда СССР по статье 58 (п. 7, 11) на пять лет с последующим поражением в правах на пять лет. После освобождения он остался работать по вольному найму на Водном промысле. С 1936 г. исполнял обязанности начальника энерго-механической колонны Водного промысла Ухто-Ижемского исправительно-трудового лагеря НКВД, начальника энерго-механического отделения этого же лагеря. С июня 1938 г. М.Д. Крашенинников – главный инженер Водного промысла.

В характеристике М.Д. Крашенинникова этого периода говорится: «тов. М.Д. Крашенинников является высококвалифицированным инженером с широким кругозором и большими организаторскими способностями. За время работы на Промысле под его руководством построены, а затем и расширены дизельные станции, освоено крупное компрессорное хозяйство промысла для добычи воды, что обеспечило быстрое развитие производства Промысла (с 1936 по 1942 г. почти в три раза)...» [7].

Кара. Порой отношения лауреатов с властью приобретали драматическую окраску. Так, в августе 1951 г. дважды лауреат Сталинской премии В.М. Сенюков был снят с должности директора Московского филиала ВНИГРИ, а в 1952 г. арестован и приговорен к расстрелу. Людская молва подтверждает, лишь вмешательство И.В. Сталина, заявившего Берии: «Дважды лауреата Сталинской премии я тебе не отдам. Освободи его» [8], спасло В.М. Сенюкова от расстрела.

Дважды лауреат Сталинской премии главный геолог Ухтижемлага А.Я. Кремс к началу 1950-х гг. был награжден множеством орденов и медалей. Уже будучи заслуженным деятелем науки и техники Коми АССР (1944) и РСФСР (1946), он не решился покинуть Коми АССР и переехать в Москву, получив письмо от друга – члена АН СССР Г.А. Хельквиста. В письме был совет: «Андрюша, тебе не следует переезжать из Ухты в Москву и баллотироваться на должность профессора в нефтяной институт: здесь завистников ой как много, а в Ухте ты первый человек, и тебе там лучше всего, а не то здесь еще вспомнят твои биографические данные и упекут куда-нибудь подальше: живи и здравствуй там» [9]. После этого А.Я. Кремс никогда не просился в Москву, даже в служебные командировки, и в отпуск старался ездить как можно реже.

Сталинская премия присуждалась до 1953 г. Смерть И.В. Сталина и последующая за этим кампания по искоренению культа личности Сталина привели к тому, что в 1962 г. дипломы и знаки лауреата Сталинских премий 1-й, 2-й и 3-й степеней были изъяты и заменены на дипломы и почетные знаки лауреатов Государственной премии СССР соответствующих степеней.

Что давала им Сталинская премия – людям, прошедшим через лагерь? Моральное удовлетворение, признание их производственных заслуг? Безусловно. Феномен самозабвенного творческого труда подневольных специалистов еще предстоит изучить. Ясно одно: несмотря на все унижения, которые им довелось пережить, они внесли весомый вклад в экономическое развитие страны и республики. Однако восхищаться людьми, совершающими научные и творческие открытия вопреки сложившимся условиям, можно уже и в настоящее время.

П.А. Сорокин считал: «...Одна и та же награда или кара при прочих равных условиях произведет тем большее влияние на поведение различных людей или одного и того же человека в различные периоды его жизни, чем больше данный человек нуждается в этой награде для удовлетворения соответствующей потребности, или чем большее «благо» отнимает у него кара. Таков второй закон мотивационного действия кар и наград...» [10].

Источники и литература

1. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006. С. 179.
 2. Там же. С. 189.
 3. Постановление СНК СССР об учреждении премии и стипендии им. Сталина // Правда. 1939. № 351 (21 дек.).
 4. Кустышев А.Н. Ухтижемлаг. 1938–1955. Ухта, 2010. С. 218.
 5. Там же. С. 219.
 6. ГУ НАРК. Ф. 1668. Д. 968. Оп. I. С. 10.
 7. Крашенинникова Ю.А. Водный промысел в лицах: Михаил Дмитриевич Крашенинников (1898–1953 гг.); Мартиролог. Покаяние. Т. IX. Ч. II. С. 19.
 8. Сборник документов, материалов, воспоминаний. Ученый-геолог профессор Василий Михайлович Сенюков (1907–1975). Сыктывкар, 2003. С. 103.
 9. Сивкова А.Н. Андрею Кремсу посвящается // Республика. 2009. 25 июля.
 10. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006. С. 241.
- «В общем и главном, – признавал В.М. Чернов, – автор стоит на правильном пути, а при его работоспособ

ГЕОРГИЙ СТАЦЕНКО – «ПРЕДАТЕЛЬ» «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Н.Ж. Беляева (Сыктывкар, Россия)

Долгое время о некоем Стаценко, выставлявшемся на первых выставках в Инте, было практически ничего не известно. Благодаря сайту, посвященному «Молодой гвардии» и архиву, хранящемуся в семье Стаценко, а именно его рукописным воспоминаниям «Длинная жизнь и долгая смерть» стало возможным осветить некоторые страницы его жизни, в том числе годы, проведенные им в заключении в Инте.

Георгий Васильевич Стаценко родился 26 декабря 1922 г. Он учился в школе имени М. Горького, единственной в то время десятилетке Краснодона, и хорошо знал многих будущих молодогвардейцев: И. Земнухова, Г. Арутюнянца, О. Кошевого, В. Левашова. С начала войны ряд комсомольцев, в числе которых был и Георгий, выполнял поручения райкома комсомола – дежурили в райкоме, ездили по предприятиям района, помогали готовить документы и архивы к уничтожению.

Когда немцы вошли в Краснодон, отец Георгия Василий Илларионович (1899 г.р.) был назначен бургомистром, ведавшим городским хозяйством (у него было инженерное образование, а большинство населения Краснодона было эвакуировано и мобилизовано). Это назначение стало роковым для всей семьи Стаценко.

Георгий вначале не знал о подпольных организациях, развернувших свою деятельность в тылу врага, но не отказывал молодогвардейцам в просьбах: доставал через отца справки, разрешения на поездки, передачи. Василий Илларионович способствовал тому, что ребят освободили от угона в Германию. Молодогвардейцы относились к Георгию Стаценко доверительно: Василий Левашов звал его в партизанский отряд, Иван Земнухов показывал антифашистские листовки и читал написанные им стихи против немцев.

Юные подпольщики (большинству было по 16-18 лет) воевали рискованно, по-партизански, несли большие потери. Против них работала слаженная система немецкой жандармерии. Всё это, в конечном счете, и привело к провалу организации.

После жестокой расправы над молодогвардейцами Стаценко, как он писал в своих воспоминаниях, «глупо попал в руки немцев. Тяжелые скитания под дулами немецких карабинов привели меня осенью 1943 г. в Германию – в город Швеннинген на Неккаре в Шварцвальде». Георгий очутился на мелкой кустарной фабрике, единственный русский из десяти рабочих. Обстановка на фабрике отличалась относительной свободой, отношения – семейственностью и патриархальностью, и Стаценко вспоминал хозяина Иоганна Майера с теплотой, как строгого, но справедливого человека.

В апреле 1945 г., незадолго до окончания войны, город освободили французские войска и советских репатриантов отправили на несколько месяцев в окрестности города Роттвайль, затем в Майсен, где разместили в казармах немецкого военного городка. Именно там Стаценко стал много рисовать, в основном, портреты солагерников – немцев, голландцев, чехов, латышей, – и отточил свое искусство владения карандашом и пером.

В лагере работала комиссия по вербовке рабочей силы на строительство заводов в Минске, Киеве и Москве. Стаценко выбрал Москву – в Краснодон возвращаться было опасно, тень отца-бургомистра довлела над ним, а в Москве жила его родная тетя, на помощь которой он очень рассчитывал. Георгий отправился вместе с другими репатриантами в Советский Союз через Германию и Польшу, где их железнодорожный состав чуть не пустила под откос воинственно настроенная Армия Крайова.

Уже накануне ноябрьских праздников Стаценко прибыл в Москву и попал в Мытищенский вагоностроительный завод. В отделе кадров его долго расспрашивали об отце, о Краснодоне, но все-таки выдали справку, наподобие удостоверения личности. Георгий поселился в общежитии, поступил в машиностроительный техникум и даже стал задумываться о женитьбе. Он писал в воспоминаниях: «Тревога мной не владела, я даже держал письма отца под матрасом своей кровати. Словом, совсем потерял осторожность и бдительность, чем впоследствии причинил много горя себе и своим близким».

Арест грянул неожиданно. 22 сентября 1946 г. Стаценко арестовали и отправили на Лубянку. «Дело о молодогвардейцах» настигло Георгия. В это же время был арестован его отец и мать, а младший брат отправлен в детдом, где он надолго затерялся и нашелся только спустя много лет.

С первого же допроса Георгия обвинили в выдаче «Молодой гвардии». В своей жалобе Генеральному прокурору СССР в 1961 г. он писал: «Долго я не сопротивлялся следователям: голод, бессонница, издевательства, рассказы о том, что судят и без признаний, заставили меня взять на себя это черное дело... И действительно, следователи ко мне переменились..., стали просто все друзья: и кормили, и паек повышенный выписали, и курить давали, величали меня чуть ли не «Георгием Васильевичем». Правды в протоколах было не более 10%. Ряд событий был ими извращен или совсем придуман. Я всё это подписывал. И когда я заявил, что я всё это признал, желая облегчить свою участь, но не совершив в действительности, меня бросили в одиночку и долго держали в ней, допросы прекратились» [1]. В феврале 1948 г. он был осужден Особым Совещанием на 15 лет лишения свободы.

Годы своего заключения Стаценко провел в Коми АССР: сначала в Устьвымлаге, а затем в Особом лагере № 1, носившем имя «Минеральный», в Инте. Особые лагеря организовали в конце сороковых годов специально для политических заключенных, осужденных по пятьдесят восьмой статье. Условия содержания в них были более жесткими. Охрану несли конвойные войска госбезопасности («краснопогонники»), а не военизированная охрана, как в других лагерях. В жилых зонах вводился режим, близкий к тюремному: с решетками на окнах, запретом покидать барак вне рабочего времени и перемещаться по лагерю без сопровождения. На работу, на обед ходили только под конвоем. Заключенным особых лагерей разрешалось отправлять всего два письма в год – родственникам или близким. Переписка с другими лагерями запрещалась. Алексей Каплер, отбывавший свой срок в этом же лагере, выдавая посылки и письма с воли, которых можно было получать сколько угодно, придумал «уведомления» на типографском бланке: «Посылку выдал... Посылку получил...». Туда нельзя было вписать ни слова – но зато были подпись и дата. И пославший посылку получал весточку – родной человек жив. За это Каплера прозвали «посылочным богом» [2]. Позднее, всякий раз, когда Каплер открывал популярнейшую в советские годы телепередачу «Кинопанорама», Стаценко вспоминал, что сидели они в одном лагере.

Сбор в одном месте политических заключенных способствовал плотной концентрации интеллигентов. Заключенные в Минлаге Юлий Дунский и Валерий Фрид, знаменитые впоследствии сценаристы, шутя выводили отсюда название города – Инта. Здесь работал клуб-театр, где выступали столичные (в прошлом) артисты, была богатая библиотека, стадион.

В лагере Стаценко, как и другие художники, писал лозунги с призывами, а также в больших количествах выполнял копии с известных картин для лагерного начальства. За хорошо выполненные копии картин русских классиков и миниатюрные портреты «заказчиков», Георгий Васильевич был расконвоирован еще до своего освобождения и перешел жить в барак за зоной, совсем близко от лагеря (фото 1).

Фото 1. Г. Стаценко в лагере перед освобождением. ОЛП-4 Минлага МВД СССР, Инта. Август 1955 г. Источники: Фотоархив семьи Стаценко.

После прихода к власти Н. Хрущева, дело «предателей Молодой гвардии» было пересмотрено Прокуратурой СССР. Приговор всем оставили в силе, кроме Г. Стаценко, поскольку не нашли доказательств его предательства. Но все-таки решили, что сын разделял «антисоветские взгляды отца», а потому виновен в «измене Родине». Поэтому наказание не отменили, а снизили срок на 5 лет. Еще год «сэкономили» по зачетам – художникам, как работникам хозяйственной obsługi, зачитывался день за два при условии примерного поведения.

21 сентября 1955 г. Георгий Васильевич был освобожден и оставлен в Инте на вечную ссылку. В случае нарушения режима ссылки ему грозил новый срок – 25 лет заключения в лагерях. А уже в ноябре с него сняли поселение по хрущевской амнистии к десятилетию окончания войны, выдали паспорт, военный билет.

После освобождения Стаценко устроился в общежитии шахты 11/12 в комнате с Херманом Хейнла и Брониславом Рыхликом. Последнего он знал по работе в культурно-воспитательной части лагеря. Херман Георгиевич Хейнла родился в Эстонии в 1921 г., после ареста в 1944 г. отбывал срок в Минлаге, потом до освобождения проживал в Инте и Ухте, затем уехал в Прибалтику. О Брониславе Францевиче Рыхлике известно только то, что он родился в 1919 г. и участвовал в Коми республиканской художественной выставке в 1955 г. Там же

выставлялись, как художники Инты, бывшие заключенные Хейнла, Стасис Саулюс, Павел Почиталин, Грант Аветисян [3]. Кстати, именно место Аветисяна, уехавшего на родину в Грузию, занял в общежитии Стаценко. Аветисян окончил перед самой войной Тбилисскую Академию художеств, ушел добровольцем на фронт, попал в немецкий плен, а после войны – в сталинские лагеря. Его отец – известный армянский литератор Маргар Аветисян – был расстрелян в 1937 г. На уникальной фотографии из семейного архива Стаценко запечатлены четверо из вышеупомянутых репрессированных художников (фото 2).

Хейнла и Рыхлик были известными людьми в Инте, они помогли Георгию сразу же после освобождения устроиться художником в Дом культуры поселка Западный. Стаценко занимался афишами и рекламой для кино, стендами, оформлением сцены к праздникам, продолжал писать портреты с фотографий. Вскоре он стал довольно известным художником и получал заказы от лагерного начальства и интинской интеллигенции из бывших заключенных.

Художников в Инте пятидесятых годов было много. В августе 1955 г. даже состоялась первая выставка картин, на которой экспонировались 103 работы, представленные пятнадцатью интинскими художниками [4]. Через полгода, в марте 1956 г., в Доме культуры прошла вторая выставка творческого объединения художников Инты. Она была посвящена XX съезду КПСС, тому самому, на котором был развенчан культ Сталина. По иронии судьбы на этой выставке выставлялись политические заключенные Хейнла, Рыхлик, Саулюс, Почиталин, Аве-

Фото 2. Осень 1955 г. Инта, около Дома культуры. Слева направо: С. Саулюс, Б. Рыхлик, Х. Хейнла, Г. Стаценко, Г. Аветисян. Источники: Фотоархив семьи Стаценко.

этой цели кушетка, батареи водяного отопления работали исправно, было тепло, играл приемник», – вспоминал Георгий Васильевич.

Внезапно, из-за неурядиц личного характера, 34-летний Стаценко решил покинуть Инту. Друзья не одобряли скоропалительный отъезд, но эмоции молодого художника взяли верх над рассудком. Он решил разрубить гордиев узел, порвать с прошлым. Стаценко отправился к своей матери, которая жила в Красноярском крае. Он навестил ее, но не нашел работы в каторжном краю. Совершенно случайно один из пассажиров посоветовал Георгию Васильевичу отправиться в Кузбасс, а именно в Прокопьевск.

Здесь, в шахтерском городке, Стаценко прожил до конца своих дней. Здесь ежедневно ходил отмечаться в милицию – до реабилитации в 1976 г. Работал художником на шахте, оформил городской краеведческий музей, участвовал в создании стелы «Землякам, павшим за Родину в 1941–1945 годах». Закончил Народный Университет искусств, много писал с натуры. Женился, вырастил сына. Собрал большую домашнюю библиотеку, в несколько тысяч томов (к литературе питал страсть с детства – еще учась в школе, выпускал с друзьями стенную «Литературную газету»). Стаценко написал множество рецензий о творчестве своих братьев-художников. А уже на излете своих дней перенес на бумагу мозаику своих воспоминаний, пропустив через себя еще раз перипетии нелегкой и неоднозначной судьбы. Георгий Васильевич ушел из жизни в апреле 2003 г., оставив самые теплые впечатления о себе в сердцах людей, встретившихся ему на жизненном пути.

Источники и литература

1. Из жалобы Г.Стаценко Генеральному прокурору СССР от 30.10.1961. Выписки из архивного дела. URL: <http://www.molodguard.ru/doc122.htm>. Дата обращения: 1.02.2011.
2. Фрид В.С. 58 ½: Записки лагерного придурка. М.: Издат. дом Русанова, 1996. С. 256.
3. Одиннадцатая выставка работ художников Коми АССР: Каталог. Сыктывкар, 1955.
4. Художественная выставка в Инте // Красное знамя. 1955. 2 сент.
5. Петренко Д. Вторая выставка работ художников шахтерского города // Красное знамя. 1956. 30 марта.

тисян, Стаценко. За десять дней выставку посетили свыше 6 тыс. посетителей. Десять художников представили 70 произведений живописи и скульптуры, в большинстве своем северные пейзажи и портреты знатных людей Инты. В прессе особо отмечались овеванные проникновенной лирикой работы Стаценко, «в особенности гуашь «У 66-й параллели» и акварель «Мостик», а также «Голова мальчика» – за характерность и пластичность [5] (фото 3).

Все складывалось успешно. «Работа – есть, причем любимая, по специальности, крыша над головой – тоже есть, причем общежитие со сравнительно привилегированными условиями жилья (три человека в комнате вместо 4-5 человек). ...Много работал я и самостоятельно, без заказа, по вдохновению и внутренней потребности. Работал до 2-3 часов ночи (а летом там, в Инте, солнце почти не заходит, день круглые сутки), потом спал до 10-11 часов, ночевать оставался в своей мастерской, там стояла для

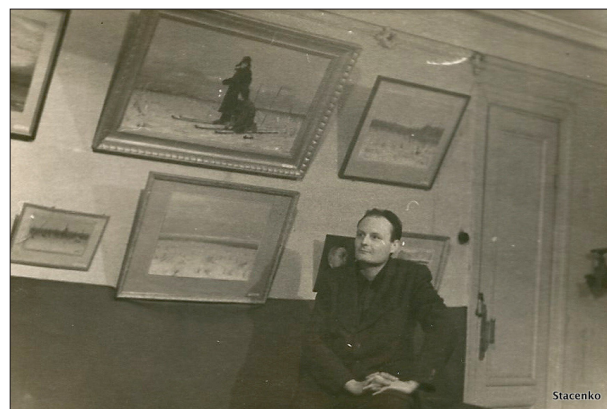

Фото 3. Г. Стаценко у своих работ на выставке в клубе им. С.М. Кирова. Инта, 1956 г. Источники: Фотоархив семьи Стаценко.

ВОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ЛИЦАХ: МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ КРАШЕНИННИКОВ (К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ)*

Ю.А. Крашенинникова (Сыктывкар, Россия)

С Водным промыслом и радиевым производством, организованным на территории нынешнего поселка Водный Ухтинского района, были связаны судьбы многих неординарных, эрудированных личностей, профессионалов высочайшей квалификации, многих из которых упоминаются в современных исследованиях**.

Настоящая заметка посвящена Михаилу Дмитриевичу Крашенинникову, главному инженеру Водного промысла. Основана она на корпусе документов, касающихся как московского (до ареста), так и «водненского» периодов жизнедеятельности Михаила Дмитриевича и его жены, Клавдии Ивановны, который хранится в домашнем архиве семьи Крашенинниковых. Большая часть архива собиралась женой и сыном, в нее вошли документы, которые касались М.Д. и К.И. Крашенинниковых, публикации о радиевом производстве, организованном на Водном промысле***, фотоархив, личная переписка. Вторая часть архива начала формироваться в середине 1990-х гг. нами****. Материалы различны по своей информативности и направленности. Самая многочисленная и репрезентативная – группа официальных документов (справки, обвинительное заключение, многочисленные анкеты, характеристики арестованного и сотрудника предприятия и проч.). В личных письмах, воспоминаниях, дневниковых записках можно обнаружить сведения об условиях жизни, имущественном положении, состоянии здоровья, круге общения, предпочтениях и проч. Записанные на аудионосители устные рассказы распределяются по степени приближенности к интересующим нас персонажам (ближний круг – семья, родственники, дальний круг – знакомые, коллеги, соседи и проч.). Весьма объемный фотографический фонд, ранняя граница которого приходится на 1890-е гг. На основе имеющихся материалов 1930–1960-х гг. и современных записей мы попытались составить «портрет» интересующего нас персонажа и уловить «контекст» эпохи, в которую он жил.

Крашенинников Михаил Дмитриевич родился 7 февраля 1898 г. в с. Новое Боголюбской волости Владимирского уезда Владимирской губернии в крестьянской семье. Отец – Дмитрий Яковлевич (1870–1940 гг.), строительный десятник, мать – Евдокия Васильевна (1868–1938 гг.). В семье, кроме старшего Михаила, было пятеро младших братьев и сестер (Анна, Александр, Мария, Клавдия, Петр). С 1907 г. после приглашения отца на строительство 1 Московской электростанции семья переезжает жить в Москву и проживает там до 1933 г. В 1909 г. оканчивает начальное училище, в 1913 г. – высшее начальное училище, и поступает в среднее техническое училище, по окончании которого в 1918 г. получает квалификацию техника. В 1915 г. – практикант на 1 Московской электростанции, с 1918 г. – техник по постройке линий электропередач на этой же электростанции. В 1919 г. направлен в Рязанскую область на строительство линии электропередачи Орехово-Шатура и временной Шатурской электростанции. В период с 1920 по 1925 гг. учится в Московском высшем техническом училище,

* Вариант настоящей статьи и некоторые документы из личного архива семьи Крашенинниковых были опубликованы (Крашенинникова Ю.А. Водный промысел в лицах: Михаил Дмитриевич Крашенинников // Покаяние. Мартиролог. Т. IX. Ч. 2. Сыктывкар, 2010. С. 17–35).

** В частности, академик Г.А. Разуваев, работавший на промысле с 1942 г., автор технологии получения радиевых концентратов из радиоактивных вод д.т.н. И.Я. Башилов, главный технолог Водного промысла и заведующий химической лабораторией д.х.н. Ф.А. Торопов, врачи А.А. Титаев, Л.Н. Давыдов и многие другие (Евсеева Т.И., Таскаев А.И., Кичигин А.И. Водный промысел. Сыктывкар, 2000; Таскаев А.И., Кичигин А.И. Водный промысел: производство радия в Республике Коми. Сыктывкар, 2002 (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 452); Кичигин А.И., Таскаев А.И. «Водный промысел»: история производства радия в Республике Коми (1931–1956 гг.) // <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/NORD/RADIUM.HTM>; Кустышев А.Н. Ученые-химики Водного (Радиового) промысла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сыктывкар, 1995. С. 123–126; Малкова Т.А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века. Сыктывкар, 2008. С. 110–112; Рощевская Л.П. Радиевая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах пос. Водный Ухтинского района Коми АССР) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола». Сыктывкар, 2004. С. 130–143 и др.).

*** Например, личное дело сотрудника промысла, справки, выписки из метрических книг, грамоты, документы о наградах, ходатайства о реабилитации (1957–1961 гг.), личная переписка, публикации, касающиеся радиевого производства (в частности, статья Ф.А. Торопова (Торопов Ф.А. Геохимия Ухтинских радиоактивных вод // Недра Советского Севера. № 1. 1933. С. 15–26) и отдельный оттиск статьи О.Е. Звягинцева и М.Г. Валяшко о нем в «Журнале прикладной химии» (Т. 28. М.; Л., 1955) с дарственной надписью вдовы, В. Тороповой, от 15.01.1956 г.: «Дорогой Клавдии Ивановне [Крашенинниковой] на память о Ф.А. Торопове»), официальный стенографический отчет Специального присутствия Верховного Суда СССР о «Деле о вредительстве на электрических станциях в СССР» (М., 1933), журнал «Огонек» от 3.08.1947 г. со списком и фотографиями лауреатов Сталинской премии за 1947 г.) и др.

**** Личное дело заключенного, копии документов из центрального архива ФСБ, публикации 2000–2006 гг. о Водном промысле, рассказы о членах семьи и др.

по совместительству работает в качестве техника-инструктора по добыче торфа гидравлическим способом в организации «Гидроторф» и электромонтером. После окончания МВТУ работает в должностях инженера, зав. турбинным отделом, начальника ремонтно-монтажного цеха на 1 Московской государственной электростанции им. Г. Смидовича.

Арестован 12 марта 1933 г. и осужден Специальным присутствием Верховного Суда СССР по статье 58 (п. 7, 11) на пять лет с последующим поражением в правах на пять лет. В 1933–1936 гг. отбывает наказание в Ухто-Печорском лагере, в рабочем поселке Ухта. Освобожден досрочно 1 сентября 1936 г. После освобождения остается работать по вольному найму на Водном промысле. С 1936 г. исполняет обязанности начальника энерго-механической колонны Водного промысла Ухто-Ижемского исправительно-трудового лагеря НКВД (1936–1937 гг.), начальника энерго-механического отделения этого же лагеря, с июня 1938 г. – главный инженер Водного промысла. Судимость была снята решением Президиума Верховного Совета СССР 14 апреля 1944 г. В период с 1944 по 1946 г. исполняет обязанности начальника и по совместительству главного инженера Водного промысла. С февраля 1946 г. по октябрь 1953 г. – главный инженер Отдельного лагерного пункта (ОЛП) № 10.

Неоднократно награждается грамотами, правительственными наградами, денежными премиями по приказам Управления Комбината. Из наиболее значимых правительственных наград отметим следующие: в 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за освоение Печорского угольного бассейна награжден Орденом «Знак Почета», в 1946 г. – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». 6 июня 1947 г. Постановлением Совета Министров Союза ССР Михаилу Дмитриевичу Крашенинникову вместе с Федором Александровичем Тороповым присуждена Сталинская премия II степени «за разработку нового метода получения химического продукта».

Имел двух сыновей – Вячеслава, 1928 г.р., Андрея, 1947 г.р.

Умер 11 октября 1953 г., похоронен в поселке Водный Коми АССР. Реабилитирован 18 октября 1991 г.

В многочисленных характеристиках, хранящихся в личном деле, говорится о профессиональных качествах М.Д. Крашенинникова – инициативного, смелого в принятии профессиональных решений специалиста, обладающего разносторонними инженерными знаниями и применяющего их на практике. Приведем фрагмент из характеристики, составленной в 1943 г. и подписанной начальником Управления Ухтижемлага НКВД, комиссаром госбезопасности С.Н. Бурдаковым: тов. М.Д. Крашенинников «является высококвалифицированным инженером с широким кругозором и большими организаторскими способностями. За время работы на Промысле под его руководством построены, а затем и расширены дизельные станции, освоено крупное компрессорное хозяйство промысла для добычи воды, что обеспечило быстрое развитие производства Промысла (с 1936 по 1942 г. почти в три раза).

Обладая глубокими техническими знаниями, обеспечил освоение глубокого вращательного бурения, постройку нового завода концентратов, 2-х больших компрессорных станций, воздухо- и водопроводов и электросети в несколько десятков километров. В этой работе проявил инициативу и смелость инженера и внес многочисленные рационализаторские предложения. В работе является примером работоспособности. Под его руководством на Промысле начато бурение на газ, что дало возможность сэкономить значительное количество нефтяного топлива.

За время работы значительно улучшены техникоэкономические показатели работы Промысла, что привело к снижению себестоимости на 30% по сравнению с 1936 годом.

Принимает активное участие в общественной жизни Промысла.

Является председателем БРИЗа».

Некоторые сведения, позволяющие дополнить «портрет» Михаила Дмитриевича, обнаруживаются в официальных документах, которые были написаны самими участниками событий и их родственниками: автобиографии, заявления, ходатайства и проч. Так, в ходатайствах о реабилитации, написанных в период с 1957–1961 гг. женой М.Д. Крашенинникова, Клавдией Ивановной, и женой брата, Любовью Александровной Крашенинниковой*, упомянутое в официальных документах одно из важных событий жизни семьи – арест и «спровоцировавшее» его событие (посещение ресторана вместе с английским инженером Джоллеем) – описывается детально, получает оценку «изнутри». В этих документах настойчиво проговаривается просьба о снятии обвинения с Михаила Дмитриевича как врага народа, приводятся факты в пользу его невиновности, которые были получены обеими женщинами из личных бесед с ним и коллегами, работавшими вместе с ним до ареста на 1 Московской государственной электростанции.

Одним из центральных мотивов этих ходатайств является мотив принуждения к признанию во вредительстве «в интересах Родины»: «...в процессе следствия пугали тем, что если не будет поддерживать навязан-

* Таких ходатайств было несколько, они были адресованы в Военную прокуратуру СССР, секретарю ЦК КПСС А.Н. Шелепину, Генеральную прокуратуру, на все были получены отказы в реабилитации Михаила Дмитриевича. Последнее, лаконичное, заявление датируется ноябрем 1961 г., после этого Клавдия Ивановна прекратила свои попытки.

ную ему версию, то ему будет хуже» (заявление К.И. Крашенинниковой в Генеральную прокуратуру СССР от 12.06.1959 г.); «В 1934 г. во время свидания в лагере он (М.Д. – Ю.К.) подтвердил, что «Вышинский уговаривал и ссылался на необходимость таких показаний (признаний во вредительстве – Ю.К.) в интересах Родины» (заявление К.И. Крашенинниковой в Военную прокуратуру СССР от 16.02.1961 г., машинопись); «... из его (М.Д. – Ю.К.) отрывочных высказываний вырисовывалась картина допросов с заранее заготовленными протоколами и длительными уговорами о необходимости принести себя «в жертву на благо Родины». Особое давление и инструктаж перед процессом производил прокурор Вышинский» (заявление К.И. Крашенинниковой секретарю ЦК КПСС А.Н. Шелепину от 18.11.1961 г., машинопись). Жена брата М.Д., Любовь Александровна Крашенинникова, отмечает, что в августе 1953 г., когда Михаил Дмитриевич был в отпуске в Москве, он рассказал о событиях, связанных с арестом: «...несмотря на буквально круглосуточные допросы, он не соглашался признаться в несуществующих поступках. И только после того, как к нему в место заключения приехал прокурор Вышинский и в течение буквально двух недель ежедневно настаивал и требовал, чтобы он взял на себя роль вредителя... Говорил, что это нужно, что и он, и следственные органы знают о его (М.Д.) невиновности...» (заявление в Военную прокуратуру СССР от 7.03.1961 г., рукопись).

В текстах ходатайств выделяется несколько устойчивых констант изложения: эпизод свидания с женой в Бутырской тюрьме и ответная реплика Михаила Дмитриевича «так было нужно, никогда больше не спрашивай об этом» на вопрос чем были вызваны признания. Эта реплика настойчиво повторяется во всех заявлениях, написанных в период с 1957 по 1961 гг. Эпизод посещения в 1929 г. ресторана вместе с английским инженером, приглашенным на электростанцию для наладки оборудования (как следует из материалов, этот случай явился поводом для ареста), описывают обе женщины, причем Любовь Александровна более фактографична, рассказывает о событии менее эмоционально, передавая факты, полученные от М.Д. Крашенинникова, и выстраивая хронологию событий, повлекших за собой арест. Жена, напротив, будучи непосредственным участником событий, эмоциональна; описывая этот эпизод, говорит о «предчувствии испорченной жизни». Этот случай по истечении почти 30 лет в ее интерпретации и изложении приобретает экспрессивную окраску, высвечивает детали, которые не были известны тем, кто не принимал в нем участие (нежелание Михаила Дмитриевича принять приглашение в ресторан и несколько звонков жене с просьбой сопровождать его, пролитый на платье соус). Так на первый план выступает мотив «сбывшегося недоброго предчувствия». Устойчив мотив «личных и профессиональных качеств», обе женщины говорят о честности, преданности Родине, полной отдаче на работе, порядочности, принципиальности. Выделяется одна цитата Любви Александровны, в которой Михаил Дмитриевич наделен «домашними» характеристиками, которые, как нам кажется, не свойственны подобного рода документам: «Михаил Дмитриевич был очень ценен на своей работе, он всегда ходил с высоко поднятой головой, только недавно получил замечательную двухкомнатную квартиру ниже нас этажом <...> Он был чист перед своей совестью, он и в жизни был самым собой, очень тверд, совершенно не материалист*, очень добрый, всем родным всегда помогал, так что вся прожитая им жизнь говорит о безусловной его невиновности» (заявление в Военную прокуратуру СССР от 8.03.1961 г.). Еще одной «общей» точкой изложения, по сути самой трагичной, является мотив «разрушения семьи», «замалчивания трагического опыта семьи»: «После осуждения Михаила Дмитриевича в апреле месяце 1933 года в семье Крашенинниковых (а я жила в то время в семье мужа на территории станции 1-й ГЭС) был объявлен неписанный закон, введенный главой семьи Дмитрием Яковлевичем Крашенинниковым, который обязывал никогда ничего не говорить о процессе и об осуждении старшего сына. Этот закон не нарушался в течение 20 лет. И только в 1953 году в конце августа месяца, когда приехал в Москву в отпуск, несколько вечеров, что он у нас прожил, он рассказывал своему брату А[лександр] Д[митриевичу] и мне о всем пережитом им, связанном с арестом. Он как бы снял тяжесть со своей души... <...> Трагический случай с Мих[аилом] Дм[итриевичем] по существу загубил всю семью. Мать разбил паралич, и через три года в 1936 году она умерла. Отец вынужден был после процесса уйти на пенсию и, проболев в бездействии, умер в 1940 году. В 1947 году умерли скоропостижно брат и сестра, в 1953 г. – М.Д., 1958 г. – Александр Дмитриевич (брат – Ю.К.) и семьи не стало» (там же).

* В этом плане показательны воспоминания племянника, Дмитрия Васильевича Несмеянова: «Что Несмеяновский клан, что Крашенинниковы, они ничего в финансах не понимали, хотя всегда занимали очень большие посты. Вот ничего не получалось! Дядя Миша я не могу сказать, что бедный был человек, но у него кроме зарплаты ничего не было. Я хорошо помню обстановку. Когда мы [Д.В. и мать, Анна Ивановна Несмеянова – Ю.К.] приехали, мы у них жили. <...> Да ничего не было, в квартире ничего не было!...» (зап. 24.05.2008 г. Крашенинниковой Ю.А., г. Москва). Дмитрий Васильевич Несмеянов, 1930 г.р., ур. г. Москва, мать которого, Анна Ивановна Несмеянова (урожд. Мяздрикова) была сестрой Клавдии Ивановны Крашенинниковой; отец, Василий Николаевич Несмеянов – геодезист, заместитель начальника Управления аэрофотосъемки СССР, в 1940 г. арестован и в 1941 г. расстрелян, брат химика-органика, академика Александра Николаевича Несмеянова, возглавлявшего Академию наук СССР с 1951 по 1961 гг. Пребывание Д.В. Несмеянова в поселке Водный с июля 1941 г. по июнь 1944 г. вместе с Анной Ивановной было связано с эвакуацией из Москвы во время войны.

Документов личного характера сохранилось совсем немного: письма, адресованные жене, датированы декабрем 1951 – декабрем 1952 гг. (2 письма с Водного промысла, одно из Котласа, 4 письма из Кисловодска). Непосредственность в изложении отдельных событий, подчеркнуто домашняя, искренняя тональность придадут этим свидетельствам особую ценность.

Темы и обсуждаемые сюжеты разнообразны: обеспечение промысла продуктами и промышленными товарами, самочувствие, отношение к сыну и жене, взаимоотношения с родственниками, быт семей промысла, настроение, привязанности, стремления, дружеские и служебные связи, театральные и литературные предпочтения, материальное положение, состояние железнодорожного транспорта и др. Приведем ряд любопытных выдержек, в которых репрезентируются и обсуждаются факты социальной, культурной жизни промысла в 1950-е гг. Затрагивается тема снабжения поселка: Михаил Дмитриевич из Кисловодска пишет, что отправил на Водный посылку с 14 кг муки, чугунные сковороды, шоколад, печенье, елочные игрушки, книги, рыбные консервы, ткань (письмо от 11.01.1952 г.). Обращается к жене с просьбой привезти из Москвы на Водный продукты, лекарства: «Привези с собой или организуй посылку с ванильными сухарями, сушкой, печеньем. Здесь этого ничего нет. Сахар бывает. <...> Посылаю рецепт, если можно, то достань это лекарство, по возможности порции 3-4. <...> Привези также лекарство, которое присылала Б., его очень все хвалят – многие спаслись от дизентерии. Привези также хвойных лепешек для ванн, термометр для ванн (в деревянной оправе), горчичники готовые, термометр комнатный» (письмо от 29.09.1952 г.). Описывает заготовительный сезон 1952 г.: «Заготовки ягод здесь мы провели. Заготовлено: две бутылки 3-х литровые со специальным маринадом брусники, 1 бутылка, кажется, 13 литровая брусники, залитую в специально приготовленной воде, большую бутылку клюквы. Сделали по несколько бутылочек сладкого пюре из голубики, черники, брусники. Сделали маленький пакетик сушеной брусники и сварили несколько литров (каждого сорта по 1 литру) варенья из земляники, малины, жимолости – получилось горьковатое, черники и голубики. Черной смородины найти не могли. Нашли и высушили штук 25 белых хороших грибов. Заготовили соленых огурцов. Капусту еще не солили. Картошку собрали. Вот наш творческий хозяйственный отчет» (письмо от 29.09.1952 г.). Активное участие в театральных постановках принимали не только профессиональные актеры, музыканты, но и сотрудники промысла и их дети, члены семей колонизированных вольнонаемных*.

В письмах 1951–1952 гг. прослеживается наступление болезни. Михаила Дмитриевича направляют на лечение в санаторий ВЦСПС №15 в Кисловодск, в одном из писем он описывает процесс лечения и консультации с врачами: «Все время нахожусь на положении «кролика», у которого берут кровь, делают неоднократные снимки кардиограмм, рентгена, консультируют, обещают, что вот-вот, скоро будем принимать нарзанные ванны, но ... воз и ныне там, ванн я не принимаю, а остается здесь быть всего лишь 15 дней» (от 4.01.1952 г. из Кисловодска). В письмах жалуется на сильнейшие боли в области сердца, в груди и правой руке. В Кисловодске переживает несколько острейших приступов удушья, об одном из которых пишет Клавдии Ивановне: «...За ночь, когда мне не хватало воздуха, весь мир мне казался не милым. В мыслях мелькало и хорошее, и плохое и даже хотелось конца. Теперь нет – напротив – хочется видеть вас скорей» (от 26.12.1951 г. из Кисловодска). Ухудшение физического состояния отражается и на настроении: «Скучаю я ужасно, чувствую полное одиночество. Нигде не бываю, в кино бываю редко. Много читаю и рано засыпаю. Все ужасно надоело. Радости не ощущаю (от 16.09.1952 г. с Водного жене), «У нас все время льют дожди, холодно. Березы желтеют. Скучно» (там же), «Мне кажется, что в Кисловодске я нахожусь уже целую вечность и страшно скучаю [находился на лечении с 21.12.1951 г. по 30.01.1952 г. – Ю.К.]. Читаю письма Чехова и газеты. День девать некуда. Хочется побродить по городу, но не пускают. Хочется в театр – нельзя, далеко...» (от 28.12.1951 г. из Кисловодска жене).

Из этих же писем узнаем, что Михаил Дмитриевич был нежным, любящим мужем и отцом, беспокоился о состоянии жены, сына и проживающей с ними матери жены: «Как здоровье твое и мамино? Много ли тебе приходится волноваться и выходить из себя? Вот я вернусь на Водный, ты можешь недельки на 2-3 поехать в Москву проветриться...» (от 28.12. 1951 г. из Кисловодска жене), «Озорной Андрюша, дорогой и любимый мальчик» (там же, обращение к сыну), «Андрюшенька, ты ведешь себя хорошо? Ты слушаешься маму и бабу? Ты хорошо кушаешь? Ты не обижаешь никого на улице, когда гуляешь? Мальчик, будь послушен. Не обижай маму и бабу. Целую тебя крепко, крепко и обнимаю, моего любимого озорного парнишку» (от 13.12.1951 г. из Кисловодска сыну).

Пожалуй, стоит отметить одну страсть Михаила Дмитриевича – страсть к охоте. В документах сохранился охотничий билет и несколько фотографий. Племянник, Д.В. Несмеянов, отмечает, что у М.Д. Крашениникова

* Деятельности самодеятельного театра пос. Водный (репертуар, режиссеры, состав театральной труппы) посвящены воспоминания К.И. Крашенинниковой, опубликованы см.: Крашенинникова Ю.А. Незвестные страницы истории самодеятельного театра пос. Водный (из воспоминаний К.И. Крашенинниковой) // III Савинские чтения. Материалы республиканской конференции. Сыктывкар, 2005. С. 94-101. Некоторые сведения о театральной деятельности, работе балетной школы, духового оркестра мы записали от Д.В. Несмеянова, Г.Н. Панина (1923 г.р., пос. Водный Ухтинский р-н Республики Коми).

были разные марки охотничьих ружей: «Во время войны у него [М.Д. – Ю.К.] было ружье, зависть всех, французское ружье, 16 калибр. И бой у него был хороший. Ружье было невероятно ценное, дядя Миша его страшно ценил. Когда я приехал [в 1947 г. – Ю.К.], уже было не это ружье, а было бельгийское ружье, тоже очень хорошее. А разница была вот в чем: это было курковое, французское, это было бескурковое. <...>. И, по-моему, у дяди Миши была винтовка английская «Гека»*, маленькая такая. Мне очень нравилась, у нее был резиновый приклад. <...> Винтовка однозарядная была, но стрелять из нее было быстро, одно удовольствие. <...> И куда она делась – неизвестно. Кажется мне, что Славка [старший сын – Ю.К.] пошел на охоту и потерял от нее затвор. Даже теперь я вспоминаю, что сделали на заводе в мастерских, мастерские очень хорошие были, просто великолепные мастерские, сделали к ней затвор, но он уже потерял качество все и поэтому ее обменяли что ли, не знаю...» (зап. 24.05.2008 г. Крашенинниковой Ю.А., г. Москва). Собственно с охотой связан и самый трагический момент в истории семьи: Михаил Дмитриевич умер во время охоты, не успев в момент приступа принять лекарство.

Некоторые путевые зарисовки (описание меблировки номеров в гостинице «Астория», репертуар театров в городах Ленинград и Кисловодск, работа железнодорожного транспорта, работа медицинского персонала в санатории; любопытны и вскользь брошенные замечания о распроданных билетах на спектакль «Медный всадник», который был представлен в одном из ленинградских театров в декабре 1951 г., о сложности покупки железнодорожных билетов и отъезда из Москвы во время работы XIX партсъезда, состоявшегося в октябре 1952 г., о гастролях в Кисловодске певицы Тамары Церетели и проч.) несут в себе «дух» эпохи, демонстрируют хороший эпистолярный стиль автора писем.

Корпус устных рассказов о М.Д. Крашенинникове невелик, и вряд ли он может значительно увеличиться, поскольку круг родственников и знавших его людей существенно сузился. Серьезную роль сыграли наложение запрета на обсуждение темы ареста и ссылки, ослабление родственных связей. Вероятно, поэтому от старшего поколения практически не фиксируются рассказы о предках, содержащие этиологические мотивы (откуда род, указание топографических и исторических координат родины предков и проч.**). Ограничение сведений о «первопредках» стало причиной того, что «отправным» населенным пунктом в устных рассказах старших родственников «откуда семья М.Д.», является Москва, маркируется и время (конец 1920-х – 1930-е гг.); вероятно, этим можно объяснить практически отсутствие сведений о «той», до ареста, «прежней» жизни, сведений о его семье. Дефицит этих текстов компенсируется кругом рассказов о Клавдии Ивановне, ее детских годах, жизни в девичестве и первых годах замужества (устойчивые мотивы – «семья с хорошим достатком», «собственный дом в центре Москвы», «получение хорошего образования» и проч.). Эти тексты резко отличаются по тональности от тех, которые описывают годы жизни семьи на Водном промысле в 1940-1960-е гг., особенно после смерти Михаила Дмитриевича (безденежье, безнадежность возвращения к прежней жизни, болезненное состояние К.И.), однако ярко высвечивают поступок жены, оставившей устроенный быт и поехавшей вслед за мужем. Тот факт, что невестка, Нина Ивановна Крашенинникова, не застала Михаила Дмитриевича в живых, а более плотно общалась со свекровью, сыграл существенную роль при «реконструкции» образов предков: младшие родственники мало говорят о Михаиле Дмитриевиче, зато образ Клавдии Ивановны в семейных рассказах яркий (рассказывают о стиле одежды и общения, участии в постановках местного театра, хорошем образовании, знании языков, умении играть на фортепьяно, детских годах и мн. др.), многие ее изречения превратились в семейные цитаты, прагматика рассказов и лаконичных свидетельств о ней обширна (информативная, познавательная, ностальгическая, воспитательная, поучительная и проч.).

Тот небольшой круг текстов о Михаиле Дмитриевиче, который попал в поле нашего зрения, условно разделяется на две группы: одни связаны с каким-то конкретным, чаще «кризисным» событием в жизни семьи (арест, получение Сталинской премии, смерть), другие объединяются эмоциональными переживаниями, вызванными воспоминаниями об эпизодах одного порядка (например, несколько лаконичных текстов, в которых реализуется мотив трепетного отношения Михаила Дмитриевича к сыну и жене и др.). Наблюдается ситуация, при которой информация нарратива «возвращается» из дальнего круга в ближний (к родственникам), при этом само событие, о котором идет речь, мифологизируется. Таким, например, является описание дня смерти Михаила Дмитриевича, наступившей во время охоты, которое в отдельных записях (не участников событий) приобретает трагически-загадочный оттенок.

В настоящей заметке мы представили малую часть имеющихся материалов, пытаясь по ним составить «портрет» Михаила Дмитриевича Крашенинникова не только как специалиста, применявшего свои знания, навыки и внесшего скромный вклад в развитие радиового производства. Важной для нас была попытка почувствовать его внутреннее состояние, отношение к событиям, через которые он прошел. При этом некоторые факторы – качество и характер родственных связей, трансляция семейного опыта и непрерывность этого про-

* Вероятно, речь идет о германской малокалиберной винтовке «Геко».

** Об этих маркерах семейно-биографических повествований см.: Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. М., 2001. С. 188-190.

цесса, открытость или «замалчивание» фактов жизни, установка семейного коллектива на закрепление в памяти случившихся событий, мотивации представителей семейного коллектива при сохранении тех или иных событий* – оказали влияние при составлении семейного портрета. В нашем случае запрет на обсуждение фактов биографии М.Д. Крашенинникова, событий, связанных с арестом и секретным производством, ослабление родственных контактов сыграли отрицательную роль при конструировании семейного хрониката. Положительной мотивацией для «знакомства», «узнавания» младшими родственниками своего предка явилось чувство гордости за него, подкрепленное, в частности, фактом получения государственной награды (Сталинской премии), а также желание обозначить его роль в истории радиевого промысла.

* О некоторых факторах, влияющих на сохранение семейных хроник, см.: Алексеев А.Н. Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъяснение себя (заметки об «эстафете памяти») // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. Сборник докладов Пятых чтений памяти В. Иофе (16-18 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 198-200.

О ЗАПРЕЩЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ В. САВИНА*

Т.Л. Кузнецова (Сыктывкар, Россия)

Пьеса В. Савина «Рытъя» (Вечерняя, 1930) исследователями коми литературы упоминается в ряду таких произведений, как рассказ В.Т. Чисталева «Трипан Вась» (1929) и поэма В.И. Лыткина «Мунёны» (Идут, 1927). Как известно, данные произведения были подвергнуты жесткой критике и запрещены. Если о вышеуказанных произведениях В. Чисталева и В.И. Лыткина исследователи писали достаточно много и подробно, о пьесе В. Савина «Рытъя» почти ничего не известно. В «Истории коми литературы» [1] упомянуто, что в первой половине 1930-х гг. Савиным опубликована пьеса «Рытъя». В фондах Национального архива Республики Коми хранится договор В. Савина с издательством о публикации пьесы «Рытъя», подписанный 21 апреля 1930 г. [2]. Однако она не была опубликована. 19 апреля 1930 г. на сцене Сыктывкарского Дома культуры был поставлен спектакль по пьесе Савина «Рытъя». Далее события развивались по разработанному заранее сценарию. 26 апреля 1930 г. в газете «Югд туй» появилась рецензия писателя И. Пыстина на спектакль. И. Пыстин утверждает, что пьеса призывает к примирению с кулачеством, произведение пропитано кулацкой идеологией. На страницах журнала «Ордым» были опубликованы статьи писателя Ивана Изьюрова и критика, журналиста Ивана Оботурова, авторы дают однозначно-отрицательную оценку произведению Савина. «Смотришь спектакль по пьесе Савина и думаешь: бедные они (кулаки), как их притесняют. ... Классовый враг в пьесе должен оставаться классовым врагом, чтобы он вызывал у читателя ненависть, отвращение», – пишет Иван Изьюров [3]. «Небдинса Виттор вторит национал-шовинистам: кулак бессилён, не надо с ним бороться», – находит нужным подчеркнуть И. Оботуров [4]. 27 апреля 1930 г. было созвано собрание членов КАПП (Коми ассоциации пролетарских писателей) для обсуждения пьесы. Пьеса была запрещена к постановке. Произведение Савина «Рытъя» было обсуждено на заседании секретариата Коми ОК ВКП(б) 23 мая 1930 г., охарактеризовано как идеологически невыдержанное, антипартийное и оппортунистическое. Партколлекцией было решено не издавать водеvil, запретить ставить на сцене. В выписке из протокола заседания партколлекции Коми ОК ВКП(б) отмечено: «Рецензию и критику, направленную против оппортунистических извращений в водевиле, считать правильным. Предложить Областной периодической печати до конца разоблачить оппортунистическую антипартийную сущность произведения» [5]. В журнале «Культура фронт» была опубликована Резолюция секретариата Коми ОК ВКП(б) о коми художественной литературе, где упоминается и «Рытъя» Савина: «...В последних произведениях («Рытъя» Савина) кулак показывается как присмиривший, примирившийся, что является установкой правого оппортунизма» [6]. 3-5 октября 1930 г. в Сыктывкаре состоялась 3-я конференция КАПП. На конференции в центре внимания были произведения В. Савина «Рытъя», В. Чисталева «Трипан Вась», В.И. Лыткина «Мунёны», признанные идеологически невыдержанными. В. Чисталев был исключен из числа членов КАПП, как не пролетарский писатель, попутчик. Вновь избранному правлению было предложено произвести чистку рядов КАПП [7]. Как известно, позднее В.А. Савин, В.Т. Чисталев, В.И. Лыткин – одаренные, крупные художники слова – были репрессированы.

Итак, пьеса Савина не была опубликована, постановку ее на сцене также запретили. Текст произведения не сохранился. Но, опираясь на так называемые критические статьи, мы можем воссоздать некоторые штрихи, характеризующие сюжет произведения. «Рытъя» Савина – это водеvil в шести картинах. В пьесе изображен процесс коллективизации. У героев пьесы, пожилых людей, – так называемых раскулаченных – отобрали имущество, и они в слезах бродят по улицам села. В слезах они приговаривают:

Шонди банёй олёмой да
Важ олёмой, важ гажой да,
Кулак кад колялёмой...
...Миян олём дзугсьома да
Последной кад колялёмой!»

В селе две церкви, одна из них закрыта. Раскулаченные заходят в дом священника, в это время закрывают и вторую церковь. Раскулаченные и священники парятся, моются в бане, расстаются с прошлым – грязью – и вступают в колхоз.

Пьеса «Рытъя» была рождена в очень непростой период, когда эстетика Савина переживает новый этап развития; сам он очень категорично характеризовал творчество этого периода: «Сэксянь (1931 восянь) драматической уджой менам дзикодз торксис, дзикодз сувтис» (И вот с тех пор (с 1931 г.) был полный застой в моей драматической работе) [8]. Действительно, в эти годы им было написано гораздо меньше. Все более отчетливо прослеживается социальная направленность его творчества, именно она определяет художественную структуру произведений (пьесы «Моль» – Молевой сплав, 1931; «Арт» – Итог, 1931; «Вөр фронт» – Лесной фронт, 1937;

* Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

стихотворения «Ударнӧй удж» – Ударная работа, 1937; «Бригада», 1929; оратория «Вӧр вӧсна» – За лес, 1931 и др.). Эстетические аспекты произведений становятся все более однородными; нивелируется лирическое начало, все менее ощутимы тенденции, связанные с традициями народной смеховой культуры. Английский исследователь коми литературы Джон Гордон Коутс в своей диссертации «Аспекты современной коми-зырянской литературы» (1968), характеризуя творчество В.Савина, писал: «Настоящий юморист во всем видит элемент юмора. Только железная дисциплина может заставить юмориста сойти с этого пути. И если он так делает, то перестает смеяться над самим собой, его талант увядает. Это, по-видимому, случилось и с Савиным, когда он увидел, что означает для его родной страны и для коми народа революция, которую привел в действие Сталин. Он был слишком хорошим коммунистом, чтобы уклоняться от того, что он видел. Он осознал эту необходимость, но поэт в нем, его душа – погибла» (перевод Г. Чумаченко). Романтический пафос, во многом определяющий поэтику творчества Савина 1920-х гг., сохраняет лишь внешнюю атрибутику в произведениях 1930-х гг.; художественная структура произведений все более уверенно принимает социальную окраску. Идеологическая, тенденциозная направленность подавляет эстетические, художественные качества произведений; в них становятся доминирующими такие свойства, как риторичность, описательность, декларативность. Так, ритмическая организация поэтических произведений подчинена тенденциозным установкам; маршевый строй органично передает декларативные заявления, лозунги, призывы. Упрощается образная структура произведений.

Творческая история пьесы «Рытъя» и особенности произведений Савина 1930-х гг. характеризуют атмосферу, что царила в советском обществе в данный период.

Источники и литература

1. История коми литературы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Т. 2. С. 262.
2. Национальный архив Республики Коми. Личный фонд Савина Р-958. О. 1. Ед. хр. 54.
3. Изъюров И. «Рытъя» идеология боксянь абу шогмана («Рытъя» со стороны идеологии негодная) // Ордым.1930. № 9. С. 29.
4. Оботуров И. Нёбдинса Витторлӧн пьеса «Рытъя» – веськыдыв кежысьяслӧн пьеса (Пьеса Нёбдинса Виттора «Рытъя» – пьеса правых) // Ордым.1930. № 9. С. 27.
5. НАРК. Личный фонд Савина Р-958. О. 1. Ед. хр. 57.
6. Культура фронт. 1930. № 2. С. 22-23.
7. Об этом: Ордым. 1930. № 19. С. 36-43.
8. Нёбдинса Витторлӧн йӧздлытӧм письмӧ (Неопубликованное письмо В.Савина) // Войвыв кодзув. 1972. № 4. С. 63.

**КОМИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ 1920-х гг. – ДОРОГА К ГУЛАГУ
(СУДЬБА В. САВИНА)**

Г.К. Лисовская (Сыктывкар, Россия)

В последние годы реконструируются судьбы выдающихся партийных и государственных деятелей, известных диссидентов и рядовых фигур политических и культурных процессов XX века. Становится все более очевидным, что страна потеряла во всех катаклизмах прошлого века, в том числе и в репрессиях 1930-х гг., самых ярких, талантливых своих граждан. И если необратимое истончение духовного, нравственного потенциала ощущается даже в больших народах, то духовные потери малочисленных народов являются просто катастрофическими. Ибо такого многоцветья талантов, какое появилось среди народов России после 1917 г. уже никогда больше не было.

После гражданской войны в России наступил короткий период (где-то до середины 1920-х гг.) культурного обновления, разложения прежних этико-социальных норм и появления новых. Это было время больших надежд и утопических идеалов. В этот промежуточный период зарождающийся строй еще не проявил своих острых противоречий и пороков, с одной стороны, и не успел сакрализироваться, с другой. В национальных окраинах это было время не только социально-политического, революционного перелома, но и национального возрождения.

Эпоха перемен породила главное – бурную духовную деятельность. Появилась национальная интеллигенция. Имеется ввиду не социологическое понимание интеллигенции как социального слоя, выделяемого по профессионально-образовательному критерию, а интеллигенция в философско-культурном смысле слова как плеяда единомышленников, духовная общность людей, вовлеченных в социальную деятельность. Благодаря им новое время заговорило на языках национальных культур. Среди тех, кто закладывал основы национальной культуры в теории и на практике, мордовские деятели культуры М. Евсеев, З. Дорофеев, Ф. Чесноков, марийцы С. Чавайн, М. Шкетан, О. Шабдар, удмурты Кедра Митрей, Кузедубай Герд, Ашальчи Оки, коми В. Лыткин (Илля Вась), В. Чисталев (Тима Вень), В. Савин (Нёбдинса Виттор) и другие представители финно-угорской интеллигенции, увидевшие в себе, в своем времени возможность полной человеческой и национальной реализации. Они стали авторами первых учебников, основоположниками национальной науки, литературы, театра.

Особая роль в культурном возрождении коми народа принадлежит В.Савину. Это та личность, к которой приложимо известное высказывание о деятелях эпохи Ренессанса: «Эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учёности» [1]. Поэт, писатель, драматург, основоположник коми театра, композитор, журналист, актер и политический деятель В. Савин – величайшее проявление народного гения, порожденное эпохой национального энтузиазма, грандиозного революционного слома старой жизни и строительства новой.

Это время имело совершенно особый стиль жизни, стиль мышления, который и определил творческую стилистику зарождающейся новой литературы. В эту историко-культурную ситуацию перехода от старого к новому, когда эпоха прощается со своим прошлым и строит утопические идеалы, рождается специфическое восприятие жизни, связанное с духом времени, ветром перемен.

И как ранний гуманизм европейского Возрождения был теснейшим образом связан с комплексом прикладных этико-политических, социально-педагогических задач, так и гуманизм первых строителей новой жизни, писателей национального возрождения в 1920-е гг. был связан с решением комплекса задач, прежде всего просветительских, отражением их стала новая жанровая форма, в которой все переплетено – ликование, увенчание нового мира и развенчание старого, а более всего – это искрящаяся радость, теплый юмор во взгляде на национальную жизнь во всех её красях.

Его произведения – это настоящий народный карнавал. Так, в стихотворении «Тутуруту Семё» (Тутуруту Семён, 1926), живописующим деревенскую свадьбу, присутствует такая карнавальная стихия. В народном праздничном застолье, которое рисует В. Савин, – радость, веселье, крик, скандалы, визг; здесь кто-то кого-то целует, кого-то тошнит... Этот пир – настоящий ренессансный, раблезианский.

А стихотворение В. Савина «Вен» (Спор, 1922) – это смесь народного хулиганства с революционной патетикой. В нем поэт моделирует абсурдную ситуацию присутствия на генуэзской конференции 1922 г. коми делегата, его спора с «важными» персонами большой политики. Савинский персонаж ведет себя здраво, рассудительно. Его оппоненты – Ллойд Джордж, Пуанкаре, Барту – или грубы и необузданны, или простоваты. Кроме осмеяния буржуазного мира в стихотворении присутствуют высокий пафос принадлежности к своему народу / «Тэ пö русский ёд сеньёр? А ме шуа: «Коми морт» – «Ты русский ведь сеньер?». А я отвечаю: «Я коми морт!»

Искрометным юмором пронизана диалогия В.Савина – его пьесы «Райын» (В раю, 1921) и «Инасьтём лов» (Неприкаянная душа, 1926) о скитаниях в раю и аду души новопреставленного крестьянина Сюзь Матвея.

Если в советском литературоведении подчеркивался антирелигиозный пафос пьес, [2] то в исследованиях последнего времени он или подвергается сомнению, или объявляется второстепенным [3]. Тогда как, с одной стороны, невозможно отрицать, что как проникающая в средневековый мир идея о человеческом величии, потеснившая бога – философия гуманизма, определила эпоху Возрождения, так и ренессанс нового времени основывался также на философии, магистральной мыслью которой, в ее истоках, была вера в человека, убеждение в необходимости освободить его прежде всего от религиозных оков*. И развенчание церковной риторики служителей культа – попа, дьякона с их жадностью, обжорством, равнодушием к горю семьи, потерявшей кормильца, было одной из задач, которые ставил В.Савин, как носитель идей нового – революционного гуманизма. В то же время гротескно-смеховое изображение служителей религиозного культа и обитателей потустороннего мира показывает, что эти пьесы стилистически и тематически родственны народному карнавалу. Их следует рассматривать в связи с многовековой традицией народной культуры. В раю не радостно, в аду не страшно, ангел-хранитель труслив, и везде скучно, только земная жизнь ценна, – об этом пьесы В.Савина. Символом радости бытия в них является образ Сюзь Матвея. Хотя это самый автобиографический персонаж В.Савина, сквозь него просвечивает стихия фольклорная, языческая. Скитающийся по тому свету озорник и балагур Сюзь Матвей, веселящий обитателей рая и ада игрой на сгудке, напоминает и европейских, и древнерусских скоморохов, развлекающих народ на площадях и улицах еще дохристианских средневековых городов. Сюзь Матвей является воплощением крестьянского «двоеверия». Его бунтарство направлено не на саму христианскую символику и церковную риторику, а на скуку, безжизненность официального православия, противопоставленного красочности, сочности, здоровому духу народной жизни.

Карнавализованный жанровый дискурс, особенно проявившийся в драматургии и поэзии В.Савина, характерен и для его прозы. Это рассказ «Луча» (1926 г.). Здесь мы видим, что карнавальная стихия вторглась во все сферы жизни – как в общественные, так и в частные, семейные. Герой рассказа – коми крестьянин из деревни Джиян на Вишере. Он первым не то что в деревне, а в волости отказался от крещения своего новорожденного сына и устроил октябрины. Вся партячейка выбирала его имя, чтобы оно было «крепким» и «красного цвета». Остановился он на имени Новолучинский-Чумбаров, в честь погибшего героя гражданской войны Чумбарова-Лучинского, которое в конце концов превратилось просто в Лучу.

Писатель показал противоречивое мироощущение личности послереволюционной поры. Тист Иван, меняя крестины на октябрины, иконы на портреты вождей, с одной стороны, стремится к новой жизни, с другой стороны, меняет одну религию на другую. В то же время такие, как Тист Иван, искали в революции не материальные блага и возможности, а новые духовные основы для жизни. Крестьянин полон энтузиазма, радостного стремления к новой жизни, и в сочетании со стихийным, своенравным характером это приводит к комическим ситуациям.

В. Савин жил в эпоху, пронизанную утопическими идеями, великими ожиданиями. Социальная утопия как характерная черта возрожденческого мировоззрения свойственна его творческому мышлению. Культурное возрождение 1920-х гг. было уникальной попыткой синтеза народной культуры с идеями времени. Лидер коми возрождения В. Савин увидел в человеке, в своем времени возможность полной человеческой и национальной реализации. Его творчество позволило увидеть духовный потенциал народа через его жажду перемен, движение вперед. В текстах В. Савина живая народная стихия, выплеснувшаяся энергия масс, еще не зажатая в жесткие идеологические рамки.

Однако как в свое время оптимизм раннего возрождения сменился мрачным пуританизмом католического незуитизма, так на смену национально-революционному идеализму 1920-х гг. пришел жесткий кровавый идеологизм 1930-х. Эпоха коми возрождения закончилась в 1937 г., когда были арестованы практически все члены коми писательской организации. В. Савин был обвинен в контр- революционной деятельности и приговорен к заключению в исправительный лагерь сроком на 5 лет. Символичен эпизод из воспоминаний писателя И. Изъюрова о том, как партия осужденных, среди которых был и В. Савин, отправлялась из Сыктывкара в Котлас на пароходе. «На пароходе плыли медленно. Молодой гармонист пел савинские песни... [4]. И ещё. Из рассекреченных материалов КГБ стало известно о достойном поведении писателя на допросах, он «не вовлек в орбиту следствия ни одного человека, своим безукоризненным поведением ни на него не бросил и тень какого-либо подозрения, которым могли бы воспользоваться органы НКВД» [5]. Он умер 11 августа 1943 г. в Прикульском отдельном лагерном пункте Новосибирской области. Эпоха 1920-х гг. для национальной интеллигенции – это экстремальное духовное состояние, и люди, которые творили в то время, жили на пределе физических и духов-

* «Человек должен лишь познать самого себя, сделать себя мерилом всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности, устроить мир истинно по-человечески... Собственная сущность человека много величественнее и возвышеннее, чем воображаемая сущность всех возможных «богов». Энгельс Ф. Положение Англии / Томас Карлейль. Прошлое и настоящее // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 593.

ных сил. ГУЛАГ стал смертельным для В. Савина, в течение 20 лет работавшего практически без сна и отдыха во имя своего народа. Реабилитирован писатель в 1955 г.

Новое время вновь стало вносить коррективы в оценку жизни и творчества великого сына коми народа. Теперь уже стали подвергаться «репрессиям» и его искренняя, вдохновленная новым временем поэзия, и его драмы и огромная просветительская работа [6]. Все это стало считаться «данью» времени. Дань отдают слабые. В.А. Савин сам творил время.

Старания перестроенных деятелей по принижению личности Виктора Савина как слуги или идеолога тоталитарного государства не увенчались успехом, так как он до сих пор пользуется ошеломляющей народной любовью. Даже несмотря на то, что диалогия В. Савина не ставилась в постсоветское время ни разу в столичных театрах, в народных легендах он давно ассоциируется с образом Сюзь Матвея, и его душа также незримо присутствует на коми земле через песни, еще при его жизни ставшие народными и через образ балагура-балалаечника, радетеля за коми людей, и мученика, пострадавшего за любовь к родной земле, который передается из поколения в поколение.

Источники и литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 346.
2. История коми литературы: В 3-х т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Т. 2. С. 144-145.
3. См. об этом: III Савинские чтения. Материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20-21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005.
4. Полещиков В.М. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. С. 183.
5. Там же. С. 166-167.
6. См.: III Савинские чтения. Материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20-21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005. С. 87-88.

ПИСАТЕЛИ КОМИ И ЭПОХА ГУЛАГА

О.С. Зиявадинова (Сыктывкар, Россия)

Доктор филологических наук В.Н. Демин писал, что в годы культа личности Сталина были репрессированы почти все выдающиеся коми поэты. Во второй половине 50-х гг. XX в. реабилитированы такие крупнейшие из них, как В.А.Савин (1888–1943), В.Т. Чисталев (1890–1939), В.И. Лыткин (1888–1981).

Василий Ильич Лыткин (1859–1981) – один из крупнейших коми поэтов и ученых XX в., общественный деятель, исследователь коми литературы, вместе со своими коллегами и учителями В.А. Молодцовым, И.Т. Чисталевым и другими В.И. Лыткин принимал активное участие в подготовке к изданию первых учебных книг на коми языке; прошел путь от школьного учителя до ученого и поэта, получившего международную известность. Большое внимание он уделял пропаганде творчества видных деятелей коми культуры XIX – начала XX в. И.А. Куратова, Г.С. Лыткина, К.Ф. Жакова. В.Н. Демин отмечает, что в его судьбе отразились особенности времени и личности того поколения коми писателей, которые были призваны к жизни революционными и национальными движениями и познали радость творчества и тяжесть репрессий [1].

В 1920-е гг. Лыткин создает одно из лучших произведений того времени поэму «Мунёны» (Идут), воспевающую творчество народа разбуженного революционными событиями.

В 1926 г. В.И. Лыткин уезжает в командировку за границу, стажировается у известных исследователей финно-угорских языков в Финляндии, Германии и Венгрии. По возвращении из зарубежной командировки перед Лыткиным открылись широкие научные перспективы, он работал над историей коми литературы, планировал исследовать всю коми диалектную лексику, подготовить академический словарь, но его планам не удалось осуществиться. В 1931 г. ОГПУ Нижегородского края сфальсифицировало «Дело СОФИН (Союз освобождения финских народностей)», согласно которой эта организация состояла из национал-шовинистической части удмуртской интеллигенции, созданной буржуазным писателем Кузебаем Гердом по заданию финских и эстонских деятелей, целью которой являлось отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийской, Карельской, Коми-Зырянской) от СССР и создание Единой финно-угорской федерации с демократической формой правления под протекторатом Финляндии. Затем были произведены аресты среди интеллигенции финно-угорских народов; среди арестованных по делу оказались два выдающихся представителя коми народа – профессор В.И. Лыткин и В.П. Налимов [2]. В.Лыткин был арестован 21 января 1933 г., обвинен в национализме и осужден за контрреволюционную деятельность, его провозгласили агентом финских фашистов. Его поэма «Мунёны» была объявлена националистическим произведением; В. Лыткина приговорили к 5 годам в исправтрудлагерь, срок был сокращен на два года, до 1935 г. он находился в Хабаровском крае, в ноябре 1956 г. Лыткин был реабилитирован, дело на него прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

В 1959 г. он вернулся к научной и преподавательской деятельности, ему было запрещено проживать в Москве, Ленинграде и Сыктывкаре. Долгое время Лыткин жил в Оренбурге, являясь доцентом, а затем профессором, заведующим кафедрой общего языкознания Оренбургского пединститута, защитил кандидатскую, затем докторскую; в 1959 г. переезжает в Москву, начинает работать в секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР. Период с 1959 г. до середины 1970-х гг. – один из самых ярких периодов в деятельности В.И.Лыткина, им были созданы исследования по финно-угорским языкам, вновь выходят его поэтические произведения на родине, он создает свою научную школу, включающую десятки учеников.

Основоположник, выдающийся коми писатель и общественный деятель В.Т. Чисталев (1890–1939), связанный с плеядой коми культуры (Савин, Лыткин, М. Лебедев), заложивший основы коми литературы XX в. был арестован в 1937 г. После Октябрьской революции Тима Вень возвращается в родное село и включается в культурно-просветительскую работу. Вместе с Аф. Маеговым, Ионой Чисталевым, Ник. Шаховым составляет программу работы среди коми народа для обновления его жизни, переводит на коми язык повести Гоголя «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством», собирает фольклор, играет в пьесах, выпускает рукописный журнал «Молодая поросль». В 1930-е гг. Чисталев становится признанным мастером коми литературы, его произведения переводят на русский язык, участвует в Первом съезде советских писателей (1934), на съезде северных писателей в Архангельске (1936), переводит на коми язык роман «Мать» М. Горького. В ночь ареста у писателя изъяли 24 папки с рукописями, 17 общих тетрадей, пять пачек писем, большое количество дореволюционной литературы, журналов, фотографий. Приговором Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Коми АССР 25 января 1939 г. Чисталев Вениамин Тимофеевич по статье 58 п. 10, ч. 1, п.11 УК РСФСР был осужден к 3 годам лишения свободы с последующими поражениями в правах на срок 3 года. 13 октября 1939 г. он умер в тюрьме от декомпенсированного порока сердца, место захоронения не известно [3].

Рассказ «Трипан Вась» (Василий, сын Трифона, 1929) В. Чисталева, который является одним из лучших произведений коми прозы, был неоднозначно воспринят критикой. С одной стороны, он был признан лучшим

в конкурсе художественных произведений, с другой, в ходе дискуссии были взяты под сомнение общественно-политические взгляды автора. В 1930 г. В. Чисталев за свой «идейно невыдержанный рассказ» был исключен из числа членов Коми Ассоциации пролетарских писателей (КАПП) как мелкобуржуазный «попутчик». В 1931 г. в его защиту выступила центральная печать: газеты «Социалистический Север», «Литературная газета», журнал «На литературном посту». В. Чисталев был восстановлен в рядах коми писательской организации, а рассказ напечатан в сборнике произведений коми писателей «В Парме», изданном в Москве в издательстве «Художественная литература». В 1937 г. автор был репрессирован, и следующее издание этого рассказа было осуществлено лишь в 1957 г. после его реабилитации. Однако вплоть до 1980-х гг. он толковался не с эстетических, а с социологических позиций, считалось, что в произведении «раскрывается психология крестьянина-единоличника» [4]. Г.К. Лисовская, анализируя данный рассказ, отметила, что нельзя постичь всю его глубину, невозможно понять героя, рассматривая его с классовых позиций: «Рассказ писал гуманист, размышляющий о ценности человеческой личности, и писатель-философ, размышляющий о трагической судьбе своего народа на примере жизни крестьянина».

Данное произведение представляет собой описание нескольких дней из жизни крестьянина, автор обращается к человеку, которого можно назвать естественным, сохранившему родовую привязанность и доверие к миру природы. В рассказе повествуется о жизни героя в голодный 1919 год. Трипан Вась на лодке отправляется на лесную речку, чтобы вырубить подсеку, расчистить ее и засеять там сбереженное зерно, полпуда ржи. Образ ржи принципиально содержателен – это основа бытия, которая складывается из пользы, тишины, счастья, достатка. Истинную цель своей поездки он скрывает: уходя из дома, он говорит жене и домашним, что хочет до начала посадки урожая поставить сено. Добравшись до места, больной, обессиленный, голодный Трипан Вась расчищает новую подсеку и засеивает ее рожью, по дороге домой умирает под большой елью. Принципиальное значение в связи с этим имеет молитва героя. Он обращается не к богу, а в духе обрядовой народной поэзии, рожденной языческой эпохой, к земле-кормилице и солнцу: «Чужты да быдты, му-мамой!.. Югид шондйой, шонты да видз!..» (Роди и расти, земля-матушка! Яркое солнце, согрей и сохрани!). Писатель вводит читателя в национальный мир коми крестьянина, особенностью которого является погруженность человека в мир природы, привязанность к родному дому, родным полям, реке и лесу, единство ритма человеческой жизни с жизнью природы, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни. В текст рассказа включено стихотворение о тихой прелести июньских ночей, которое придает лирический, взволнованный тон повествованию: В. Чисталев сравнивает природу с молодой женщиной, ощущающей в себе первого ребенка.

Крестьянин и природа у писателя находятся в постоянном родственном созидающем взаимодействии. Автор изображает созидательное, миролюбивое отношение героя к земле, такое чувство к земле героев-крестьян связывается с архаическими представлениями о природе как «браке» – единении мужского и женского начал, с календарными и космогоническими мифами. Рассказ заканчивается прославлением труда коми человека, неутомимого труженика-земледельца, это своего рода гимн добрым и трудолюбивым рукам, которые засеяли, по сути, пустое место, возродив тем самым жизнь на мертвом, безжизненном поле. Герой рассказа погибает, но дело его, исполненное сокровенного смысла, живет в выросших колосьях. Полны драматизма слова автора, обращенные к умершему крестьянину, жизнь которого исполнена простым и мудрым смыслом: «Узь жё, удж бертысьёй. Вёлишти шойчас тэнад мудзём ки-кокыд, уджалысь мортёй. Коз улын чужтыліс тэно тыла регтігён мамыд, коз улын жё и кувсин...» (Спи же, вечный труженик. Наконец-то отдохнут твои усталые руки-ноги, трудовой человек. Под елью родила тебя мать во время расчистки новины, под елью же ты и умер...перевод подстрочный наш – О.З.).

По мнению В.Э.Шарапова, «образ ели в традиционном мировоззрении коми ассоциируется с наступлением осенне-зимнего периода и движением в нижний мир, связывается с представлениями о нижнем мире» [5]. Ветви ели являются обязательными атрибутами погребальной обрядности коми. В контексте рассматриваемой нами темы особый смысл приобретают рождение и смерть героя под елью. Эти действия могут быть интерпретированы как замыкание круга. Свершился вечный нескончаемый круговорот жизни: жизненный ритм природы и преходящий конечный ритм человека. Таким образом, Трипан Вась вошел в непрерывный вечный поток Времени.

Писатель вводит читателя в национальный мир коми крестьянина, особенностью которого является погруженность человека в мир природы, привязанность к родному дому, родным полям, реке и лесу, единство ритма человеческой жизни с жизнью природы, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни. В текст рассказа включено стихотворение о тихой прелести июньских ночей, которое придает лирический, взволнованный тон повествованию: В.Чисталев сравнивает природу с молодой женщиной, ощущающей в себе первого ребенка.

Герой повествования воспринимается в естественном единстве с миром природы. Он введен в общее течение жизни, в общий хор голосов первозданной природы – кукования кукушки, эха, которое разносит по лесу звуки, пения соловья, свиста рябчика, шелеста листьев могучих деревьев. Трипан Вась плывет по реке на лодке

и приобщается к таинственной и загадочной красоте мира. Он останавливает свой взгляд на лиственницах-великанах, обращает внимание на сочную траву, растущую по берегам. Герой В. Чисталева показан не просто на фоне природы, а как ее часть, он «растворен» в окружающем мире, поэтому жизнь его гармонична и естественна. Тема природы, поэтическое восприятие героем окружающего мира способствует философскому, эпическому постижению жизни. Несмотря на трагический финал, рассказ приобретает оптимистическую направленность: рожь, посаженная героем, колосится, возвращаются домой с войны сыновья Василия Трифоновича.

В.А.Савин – виднейший коми писатель XX в., композитор, театральный и общественный деятель, основатель коми народного театра. Им написано более 20 оригинальных пьес, переведены на коми язык пьесы А. Островского, Н. Гоголя, М. Горького и др. русских и западно-европейских классиков. 8 октября 1937 г. Савин был арестован как «буржуазный националист, враг народа». В этот день также были арестованы писатели И. Изъюров и М. Доронин. Литература, изъятая при обыске у Савина («В коми- пермяцком округе», «Куда идти, зачем идти», копия протокола совещания при Коми Обоно по вопросам о реформе русской орфографии и латинизации алфавита, «Записки общества изучения Коми края»), была приобщена к делу как вещественное доказательство, которое «изобличает писателя в контрреволюционной деятельности». Особое совещание при НКВД СССР 7 июля 1938 г. постановило заключить писателя в лагерь. Савин отбывал срок в Воркутлаге, по истечении пятилетнего срока заключения его отправили на поселение в нынешнюю Томскую область, где он скончался 11 августа 1943 г. Постановлением Президиума Верховного суда Коми АССР от 4 ноября 1955 г. В. Савин реабилитирован, дело на него прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления [6].

Доронин Михаил Павлович (1902 г.р), окончил советско-партийную школу, был членом-секретарем волисполкома, в начале 1930-х гг. обучался на курсах редакторов и газетных работников. Член Союза писателей с 1934 г., в 1935 г. возглавил коми писательскую организацию, в 1934 г. был делегатом Первого Всероссийского съезда советских писателей, умер 13 декабря 1939 г. в лагерной больнице Магадана, ложно обвиненный, как и многие писатели тех лет, в «буржуазном национализме» и «сепаратизме», реабилитирован 3 августа 1956 г. [7].

Оботуров Иван Иванович родился в 1903 г. в г.Соколов Седлецкой губернии (Польша), на родину в Объячево отец приехал с семьей в 1904 г., в 1927 г. закончил институт журналистики в Москве, работал в газетах «Югд туй» и «Коми сикт», в издательстве, затем был заместителем директора Коми пединститута. Преподавал литературу, был аспирантом в Москве, с 1934 г. научный сотрудник Коми научно-исследовательского института, с 1936 – его директор. 27 сентября 1937 г. уехал в Карелию и был там арестован, в 1938 г. покончил жизнь самоубийством [8].

Преследованиям были подвергнуты и русские писатели Республики Коми – Николай Володарский, Александр Клейн, Андрей Евстуничев.

Николай Абрамович Володарский (1914–1992), уроженец Украины, приоткрыл страницы своей драматической судьбы в сборнике стихов «Предзимье» (1991).

Когда-то, еще при Сталине,
В неволю я угодил...

Учился в литературном институте им. Горького, репрессирован, 40 лет сидел, жил и работал в нашей республике [9].

Александр Соломонович Клейн (1922 г.р.) родился в Киеве в семье врачей. Рано осиротел, воспитывался в семье дяди, профессора АН УССР Клейна Бориса Ильича. Ушел добровольцем на фронт. В боях под Ленинградом, при выходе из окружения, больной и контуженный, попал в плен. Пять раз бежал, в 1944 г. после успешного побега из плена был приговорен к расстрелу, 14.05. 1944 г. расстрел заменен 20-ю годами каторжных работ. Отбывал срок в режимных тюрьмах и лагерях Сибири и Воркуты. В конце 1955 г. освобожден по амнистии, в 1966 г. – полностью реабилитирован, после освобождения остался в Воркуте. Начал печататься с конца 1955 г. в газете «Заполярье». С 1964 г. живет в Сыктывкаре, преподавал сценическую речь и историю мировой художественной культуры в колледже культуры, кандидат искусствоведения. Известен как автор нескольких поэтических сборников, биографических романов «Дитя смерти» (1993), «Клейменные, или Один среди одиноких» (1995).

Его произведения богаты материалом, отражающим события пребывания в плену и в заключении. Здесь много фактов, сцен, заметок, портретов, разных людей и различных свидетельств, передающих обстановку фашистского плена и советских лагерей [10].

Андрей Петрович Евстуничев, родился 15 мая 1923 г. в Вологодской области. С юности писал стихи. Его арестовали по ложному навету 3 мая 1940 г., был осужден, отбывал наказание в штрафном батальоне, снова был осужден, отбывал наказание в северных лагерях. После освобождения работал в народном хозяйстве республики, автор многочисленных правозащитных публицистических статей о репрессиях 1930–1950-х гг., книги «Уничтожение России» (1999), сборника стихов и рассказов «И жизнь, и слезы, и любовь» (1999), документальной повести «Наказание без преступления» (1995) [11].

А. Клейн, Н. Володарский, А. Евстуничев писали свои произведения об эпохе ГУЛАГА, пережив эти страшные времена в качестве заключенных. Таким образом, многие писатели коми прошли дорогами ГУЛАГА, но участь у каждого из них своя, неповторимая.

Литература и источники

1. Демин В.Н. На небе звезда... Сыктывкар, 1995. С. 152-162.
2. Полещиков В.М. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995. С. 128-129.
3. Там же. С. 179.
4. Лисовская Г.К. «Репрессированный» рассказ («Трипан Вась» В.Т. Чисталева в критике 30-х г.) // От краеведения к науке. Материалы республиканской научной конференции. Сыктывкар, 2003. С. 174-178.
5. Шарапов В.Э. Ель, сосна и береза в традиционном мировоззрении коми // Эволюция и взаимодействие культур народов Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 127.
6. Полещиков В.М. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995. С. 181.
7. Мартынов В.И. Литераторы земли Коми. Биобиблиографический словарь-справочник. Сыктывкар, 2000. С. 40.
8. Там же. С. 40.
9. Писатели Коми: Биобиблиографический словарь в 2. т. Сыктывкар, 1995. Т. 1. С. 107.
10. Там же. С. 220-223.
11. Канев А.В. Художественное воплощение темы ГУЛАГА в русской литературе Республики Коми второй половины XX века. Сыктывкар, 2002. С. 40.

АКТРИСА И ПЕДАГОГ З.М. СКАРСКАЯ-ГОЛОВИНА

Д.Т. Козлова (Сыктывкар, Россия)

Заметный след в истории культуры Республики Коми оставила З.М. Скарская-Головина, руководитель театра «Юность» Сыктывкарского Дворца пионеров и школьников, игравшего важную роль в нравственном и эстетическом воспитании подрастающего поколения 60–70-х гг. прошлого века.

Многие ребята, сделавшие первые шаги на сцене Дворца пионеров, связали свою дальнейшую жизнь с театром. Получив профессиональное образование в ГИТИСе (Государственный институт театрального искусства им. Луначарского в Москве) и Ярославском театральном училище им. Волкова, выпускники вернулись в Сыктывкар и до настоящего времени некоторые из них занимают ведущее положение в Академическом театре драмы им. В. Савина. Среди них – заслуженная артистка Российской Федерации, лауреат Государственной премии им. В. Савина Г. Микова, которая будучи студенткой снялась в кинофильмах «Офицеры» и «Карусель»; заслуженная артистка Российской Федерации, лауреат премии Коми комсомола Л. Цивилева; главный режиссер академического театра драмы им. В. Савина О. Нагорничных. Много лет работали в театре заслуженный деятель культуры Российской Федерации, актриса Коми республиканского театра Л. Мальцева и художник Н. Арихин. Ушедшая из жизни заслуженная артистка Республики Коми Т. Плихта (Латкина) также была активной участницей театра «Юность».

Здесь в юношеские годы к театральному искусству приобщались известные в республике люди: директор Лесного института, доктор экономических наук, профессор В. Жиделева; кандидат физико-математических наук преподаватель СГУ В.М. Юркин; в прошлом Глава администрации муниципального образования «Город Сыктывкар» С.М. Катунин; экс-министр культуры Республики Коми, известная телеведущая Н.А. Боброва; топ-менеджер Центробанка Республики Коми В.П. Подоров, преподаватель СГУ И.Н. Шарипкова и др. [1]. Всем им пригодились в жизни такие качества, как уверенно держаться перед аудиторией, привлекать и удерживать внимание людей, работать в большом коллективе.

Руководитель театра «Юность» Зинаида Михайловна Скарская-Головина родилась 6 февраля 1901 г. в Харьковской губернии Украины. В годы гражданской войны по окончании театральных курсов служила в театре при Политотделе в 6-й и 11-й дивизиях Конной армии С. Буденного. С установлением Советской власти З.М. Скарская-Головина работала в драматических театрах Саратова, Острогжска и Пятигорска. Сталинские репрессии не обошли стороной талантливую актрису: в предвоенные и военные годы она работала в театрах Сибири. Однако судьба продолжала испытывать З.М. Скарскую. Пережив смерть мужа, позже – и 17-летнего сына, – она осталась в одиночестве [2]. С 1947 г. З.М. Скарская жила в Сыктывкаре, играла на сцене Коми республиканского драматического театра, где создала яркие образы в спектаклях «Мещане», «Гроза» А. Островского, «Блудный сын» и др.

Отдав 52 года жизни сцене, на которой было сыграно более ста ролей, З.М. Скарская после выхода на пенсию в 1959 г. богатый актерский опыт решила передать подрастающему поколению. В 1962 г. по ее инициативе при Сыктывкарском Дворце пионеров и школьников был создан театр «Юность», получивший вскоре статус народного театра. В 1970 г. Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР за заслуги в развитии детского самодеятельного творчества режиссеру З.М. Скарской-Головиной было присвоено почетное звание заслуженного работника культуры Коми АССР. Похоронена З.М. Скарская-Головина в Сыктывкаре (1971 г.) [3].

Первоначально театр, который скорее был кружком, объединял детей актеров, преимущественно девочек. Активной участницей драматического кружка в этот период была Люда Мальцева, которая привлекла к занятиям не только своих подружек, но и мальчиков – Колю Арихина и Валеру Юркина. В 1963 г. постановкой спектакля «Два капитана» по повести А. Каверина в школе № 14 состоялся дебют театра «Юность». В главных ролях были заняты: Коля Арихин, Валера Юркин и Люда Мальцева. После первого удачного выступления труппа театра стала заметно пополняться, и в скором времени коллектив театра был разделен на старшую и младшую группы. Руководителем старшей группы была З.М. Скарская, младшей – актриса Коми республиканского драматического театра А.В. Рыжкова. Отсутствие строгих возрастных ограничений для участников театра способствовало расширению межличностных связей и успешной социализации. Следует отметить, что коллектив театра преимущественно состоял из школьников 14-й школы. Перед зачислением в театр претенденты в актеры проходили своеобразный кастинг у З.М. Скарской, которая умела выявить у детей природные актерские дарования. В 1970-е гг., в период творческого расцвета, труппа театра, учитывая текучесть, состояла из 50-60 человек.

Второй постановкой театра «Юность» была «Снежная королева» Шварца. В постановке 1971 г. роль Снежной королевы исполняла Лена Кулагина, в спектакле участвовали также Ю. Урнышев, В. Вайкум, В. Разманов, Н. Сажина (Боброва), С. Горбунов, Л. Хабибуллина, В. Медведев, А. Канов, Т. Нестерова, В. Моисеев, С. Верховцев, В. Эйчус, Г. Шарипков и др. [4].

В среднем в год ставилось 3-4 спектакля. Реквизит, декорации, костюмы ребята делали сами. Перед премьерой оформлялись афиши, печатались программки. С целью формирования творческих способностей З.М. Скарская обучала ребят актерскому мастерству: сценическому движению, технике речи, ритмике, работе над этюдом. Художественным руководителем сначала проводилась кропотливая работа над текстом с юными артистами, затем – часовые репетиции, – все как у взрослых. В творческом процессе З.М. Скарская прививала детям любовь к искусству и уважение к нелегкому труду актера.

В начальный период деятельности в репертуаре театра были сказки, пионерские саги, пьесы для детей такие, как «Тимур и его команда» А. Гайдара, «Сомбреро» С. Михалкова, «Трубили горны по утру» П. Антокольского, которые пользовались большим успехом у детей. Юные артисты играли своих сверстников, поэтому зрительный зал всегда был переполнен.

В 1967 г. театр «Юность» принимал участие в фестивале самодеятельного искусства в г. Одессе, где успешно выступил со спектаклем «Пузырьки» по произведению Хмелина. В следующем году этот спектакль в порядке творческого обмена был показан в театре «Ровесник» Ухтинского Дома пионеров и школьников [5].

В 1967 г. по итогам пяти лет творческой деятельности, театру «Юность» было присвоено звание народного, что являлось, с одной стороны, свидетельством популярности и востребованности театра у подрастающего поколения, с другой – признания возросшего мастерства юных артистов. С этого времени театр обратился к более зрелой драматургии, и в течение двух лет творческий коллектив под руководством З.М. Скарской осуществил постановку таких спектаклей, как «Московские каникулы» А. Кузнецова, «Как закалялась сталь» по роману А. Островского, «Королевство кривых зеркал» Губарева и Успенского, «Золушка» Габбе, «Камень жизни» А. Клейна, «Будьте готовы, Ваше высочество» Л. Кассиля и др. В 1968 г. была осуществлена постановка спектакля «Они и мы» Долининой, который был сыгран 49 раз, что для народного театра является существенным показателем. Роль Костоедова в этом спектакле талантливо исполнил С. Катунин. В 1968 г. за творческие успехи театр был награжден поездкой в Ленинград, где успешно выступил с этим же спектаклем. Спектакль «Они и мы» Долининой был также показан по республиканскому телевидению, а отрывки из спектаклей «Как закалялась сталь» Н.Островского, «Задание» Владимирского и «Трое на острове» Губарева передавали по республиканскому радиовещанию [6].

У юных артистов, как и у взрослых, были свои поклонники, гастролеры. Спектакли «Два клена» Шварца, «До свидания, мальчики», «Сказка о правде» М. Алигер смотрели школьники и взрослые в клубах Койгородского, Княжпогостского и близлежащих районов республики.

Талант и режиссерская смелость З.М. Скарской позволили осуществить постановку популярного в 1970-е гг. спектакля «Валентин и Валентина» В. Рощина, посвященный нравственным проблемам молодежи. В 1970 г. театр «Юность» становится победителем Всероссийского смотра детского творчества, посвященного 100-летию со дня рождения В. Ленина. Это был большой успех юных артистов и режиссера З.М. Скарской.

В том же году театром «Юность» был поставлен спектакль «Баллада о второгоднике» А. Корины, актерский коллектив которого во главе с З.М. Скарской был поощрен руководством Сыктывкарского Дворца пионеров. Роль Калерии Александровны в этом спектакле исполняла Валя Жиделева, в настоящее время профессор В.В. Жиделева. Она же в «Московских каникулах» успешно выступила в роли Софьи Платоновны [7].

Ребята в театре не только играли, но и сами участвовали в постановке спектаклей. В 1969 г. Людой Мальцевой на сцене Дворца пионеров был поставлен спектакль «Снежная королева». В 1971 г. помощником режиссера З.М. Скарской был С. Верховцев, а художником-постановщиком – Н. Арихин.

Театр Сыктывкарского Дворца пионеров неоднократно являлся победителем смотров школьных театральных коллективов. В 1967 и 1968 гг. в Парке культуры и отдыха им. Кирова проходили творческие отчеты театра «Юность» перед городскими зрителями. В 1969 г. театр юных артистов принимал участие в республиканском смотре народных театров, который проходил в Коми драматическом театре. Ставилась пьеса «Задание» Губарева. Игра на большой сцене вдохновляла юных артистов и накладывала большую ответственность. В эти годы активное участие в работе театра принимали В. Кызродева, С. Ремизов, О. Ячменева, В. Пупышев, В. Прохоров, И. Викулова, Е. Елизарова, О. Лазарев, Т. Холопова, С. Терентьева, В. Багин, А. Ладыгин и др. [8].

З.М. Скарская была не только талантливой актрисой, но и талантливым педагогом, стимулирующим развитие творческих способностей учеников. Она сумела создать в коллективе такую атмосферу, при которой школьников влекло в театр, он стал для них центром притяжения. Ребята после школы по 5-6 часов проводили в театре. По воспоминаниям С.М. Катунина, который в течение шести лет занимался в театре «Юность», «Зинаида Михайловна была проста в общении, всю душу нам отдавала. Она научила нас уважать себя, всегда доказывала, что мы достойные люди, что на нас смотрят другие. На репетициях была требовательна, даже строга. Мы очень ее любили!» [8]. Здесь С.М. Катунин нашел лучших друзей и свою Аленушку из «Аленького цветочка», которая стала его судьбой. Театр поистине был школой воспитания чувств – здесь сложились четыре семейные пары [9].

Личный фонд З.М. Скарской-Головиной, находящийся в Национальном архиве Республики Коми, наряду с другими материалами, содержит обширную переписку с выпускниками студии, которая, кроме характеристики межличностных отношений, дает эмоционально-информационный срез времени. Преимущественно это письма солдат срочной службы и студентов, которые с большой благодарностью и теплотой вспоминают свой театр, делятся своими планами, сомневаются в выбранной профессии (будущий врач), анализируют просмотренные спектакли. З.М. Скарская, человек общительный, энергичный и инициативный, продолжала принимать активное участие в жизни своих учеников: она интересовалась их судьбами, писала сама, если вдруг обрывалась переписка. Тоска по театру пронизывает все письма выпускников. Многие мечтали «хоть одним глазком» взглянуть на сцену из нового спектакля, все без исключения просили прислать программку нового спектакля. Желание играть стимулировало выпускников студии к участию в художественной самодеятельности, организации драматических кружков на новом месте, в частности, А. Васильев в воинской части среди солдат проводил уроки актерского мастерства, ставил одноактные спектакли. Активную переписку с З.М. Скарской вел матрос Дальневосточного флота Катунин, который, вспоминая годы, проведенные в театре, пишет об уроках этики и доброты Зинаиды Михайловны, дает наставления вновь пришедшим в театр слушаться и беречь руководителя театра. В июне 1971 г. он писал З.М. Скарской: «...Наверное, в летние гастроли готовитесь? Куда? С чем? Насколько? Смотрите, не болейте. Не расстраивайтесь по мелочам. Себя берегите. Нас дождитесь» [10]. «Вы привили нам любовь к искусству, научили красиво говорить, владеть своими жестами, мимикой, держаться не только на сцене, но и в повседневной жизни. Вы научили нас понимать и любить прекрасное. И за все это, за любовь к нам, за Вашу доброту, за то, что много сил и терпения отдавали нам – большое Вам спасибо», – писала в 1970 г. Т. Соколова, бывшая ученица З.М. Скарской [11].

В театр приходили не только дети из благополучных семей, встречались и трудные подростки, многие из которых, благодаря урокам доброты и красоты З.М. Скарской, пошли по правильному пути. Однако некоторые, все-таки, попадали в места лишения свободы или следственный изолятор (СИЗО), откуда писали своей наставнице трогательные письма, просили взять на поруки, в чем она, сопереживая, не отказывала оступившимся подросткам. Один из них писал: «Дорогая Зинаида Михайловна! Я попал в большую беду, совершил преступление. ...Очень прошу присутствовать на моем суде, если, конечно, вы мне еще верите. Я опозорил ваш коллектив, но этот позор сотру своим хорошим поведением. Прошу выручить из этой большой беды» [12].

В 1971 г. во Дворце пионеров состоялся праздничный вечер, посвященный 70-летию З.М. Скарской. В приветственном адресе юбиляру директор сыктывкарского Дворца пионеров, народный учитель СССР А.А. Католиков писал: «Ваша работа по эстетическому воспитанию юного поколения заслуживает самой высокой похвалы и является примером служения советскому искусству. Весь коллектив восхищается Вашей работоспособностью, энергией и прекрасным успехом» [13]. Со временем театр «Юность» перерос себя, в связи с чем встал вопрос о создании на базе театра Сыктывкарского Дворца пионеров Театра юного зрителя. Однако внезапная смерть З.М. Скарской не позволила претворить в жизнь задуманные планы.

В 2001 г. артисты театра «Юность» организовали вечер памяти, посвященный 100-летию со дня рождения З.М. Скарской-Головиной. Почтить талантливую актрису и прекрасного педагога пришли более 50 чел. С большим уважением, благодарностью и теплотой вспоминали З.М. Скарскую ее ученики – Г. Микова, Л. Цивилева, Л. Мальцева – те, кому она дала путевку в жизнь, и те, кто не связал свою жизнь со сценой, но познал нелегкий труд актера и полюбил театр [14].

Театр «Юность» Сыктывкарского Дворца пионеров и школьников внес существенный вклад в формирование духовной культуры 60–70-х гг. XX в., способствовал развитию театрального искусства в республике.

Литература и источники

1. Козлова Д.Т. История театральной и музыкальной культуры Республики Коми. XX век. Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2007. С. 114.
2. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Воспоминания заслуженной артистки РФ Г.А. Миковой.
3. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
4. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп. 1. Д. 22. Л. 2; Воспоминания заслуженного работника культуры РФ Л.А. Мальцевой.
5. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.
6. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.
7. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
8. Воспоминания заслуженного работника культуры РФ Л.А. Мальцевой; ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп.1. Д. 12. Л. 11.
9. Воспоминания С.М. Катунина.
10. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп.1. Д. 23. Л. 7.
11. Там же.
12. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп.1. Д. 23. Л. 8.
13. ГУРК «НАРК». Ф-1364. Оп.1. Д. 19. Л.4.
14. Воспоминания заслуженной артистки РФ Г.А. Миковой.

**ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ
«ЛЮДИ ИНТЫ В ГОДЫ СОЗИДАНИЯ И РЕПРЕССИЙ 1931–1956»**

Н.А. Морозов (Сыктывкар, Россия)

Данная публикация является частью авторского научного исследования истории массовых политических репрессий 30–50-х гг. XX в., в том числе и на территории Республики Коми. Мы исходим из того, что опыт введения в научный оборот письменных и устных воспоминаний в качестве исторических источников является давней традицией отечественной исторической науки. В годы репрессий этому комплексу источников не дано было сформироваться. Только после принятия Федерального закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. из разрозненных воспоминаний репрессированных и воспоминаний о них, членах их семей – усилиями общественных и государственных организаций стал формироваться этот обширный и разнообразный нарратив нашей социальной истории, т.е. исторически и культурно обоснованная интерпретация некоторого аспекта мира с определенной позиции. По мнению Ганса Гадамера, истинная свобода реализует себя именно через всё многообразие нарративов: «всё, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать» [1].

И хотя некогда доминировавшая в историографии нарративистская парадигма и переживает кризис в историко-теоретических дискуссиях последних лет, опыт и история оставались во многом под влиянием нарратологических концепций [2]. В этой связи Карл Шлэгель совершенно справедливо указывает на существенную роль нарушений пространственно-временных ориентиров в мемуарах 1930–1950-х гг., когда многие вещи происходили одновременно в разных местах – в Германии, СССР, Москве и провинции, в результате чего возникало многогранное, полифоническое и вместе с тем примерно одинаковое представление одного года в истории [3].

Собранные автором воспоминания относятся к особому (третьему типу воспоминаний по Франклину Анкерсмит), которые представляют собой отражение таких событий социальной истории, которые были настолько зловещими и мучительными как для пострадавших, так и для преступников (а иной раз и для сторонних очевидцев), что долгое время такой опыт был недоступен для сознательной памяти. Результатом этого стало вытеснение и, как следствие, любопытный парадокс одновременно забытого и сохраняющегося в памяти травматического опыта. О нем забывают, поскольку его могут успешно вытеснить из сознательной памяти; и о нем помнят, поскольку субъект травматического опыта серьезно деформирован им [4].

В аннотированной библиографии собраны все известные на данный момент воспоминания самых разных людей – по происхождению, этнической принадлежности и т.д., о периоде 1931–1956 гг., событиях и участниках Великого сталинского перелома, отразившегося как в капле воды на территории Коми края вообще, Инты и Интинского района в частности. Учтены публикации на русском, украинском, белорусском, литовском, польском, английском, немецком и французском языках. Аннотированный указатель мемуаров составлен на основе биограмм, представленных на диске Международного Мемориала «Жертвы политического террора в СССР», воспоминаний и мемуаров Библиотеки Международного Мемориала (941 публикация), рукописного фонда воспоминаний Мемориала (в том числе Сыктывкарского и Ухто-Печорского), базы данных Сахаровского центра (1429 авторов воспоминаний), публикаций воспоминаний Мартиролога жертв политических репрессий Республики Коми, региональных сборников воспоминаний РФ, Украины, Беларуси, Польши, Литвы, Латвии [5]. По территориальному признаку представлены воспоминания о населенных пунктах Большая Инта, Верхняя Инта, Абезь, Адак, Адзъвавом, Кочмес, Кожим, Косью и Косьювом.

Неоценим вклад профессора Зигфрида Йенкера, бывшего политзаключенного Воркутлага, в оформление обширной библиографии воспоминаний немцев-узников Воркуты, Абези и Инты 1930–1950-х гг. Интересные публикации появились недавно и в других странах, в частности, в Польше, Литве и Венгрии [6].

Собирая разрозненные воспоминания бывших политзаключенных, автор попытался привязать их к конкретным точкам территории Интинского региона. Прежде всего, это воспоминания собственно конкретных людей, осваивавших угольные месторождения Инты, Кожима и Еджыд Кырты. Во-вторых, это воспоминания или упоминания о самих репрессированных (их, кстати, гораздо больше, чем собственно авторских мемуаров). В хронологическом плане автором выделены следующие периоды, отраженные в опубликованных мемуарах:

1931–1942 – время разведки месторождения, возникновения первых рудников, проектирования и начала строительства первых шахт, объектов инфраструктуры;

1942–1945 – время интенсивного строительства и максимальной эксплуатации рабской рабочей силы заключенных, время ужасающих страданий, мучений и безвременной кончины многих тысяч «первостроителей»;

1945–1948 – годы «натурные и налитые», вступление в строй действующих многочисленных угольных шахт, изменения этнического и социального состава политзаключенных;

1948–1956 – годы разрастания и упадка Особого лагеря № 1-Минерального, окончательного складывания Интинского лагерно-производственного территориального комплекса. Максимальное количество воспоминаний по всем точкам Минлага – от Кожвы до Абези, от Кожима до Адака.

По мнению автора, наиболее полными и достоверными являются воспоминания об Инте Б. Рутковского (1990), П.О. Бурсиана (1994) и В.С. Фрида (1996), Ларисы Гениуш (1991), Эммы Гольдакер (2005) и М.В. Малиновской (2009), об Абези – А.А. Ванеева (1990) и А.П. Арцыбушева (2001), об Адаке – П.Х. Котова (1998), о Кожиме – Я. Завадской (1991), о Кочмесе – Сьюзанн Леонард (1956), Айно Куусинен (1972) и А.Л. Войтоловской (1991). Некоторое время в состав Минлага входил п.Лемью (лесогаготовки). Единственным упоминанием об этом лагпункте являются воспоминания Евгении Врублевской (2001). Указание на полноту и достоверность данных мемуаров несколько не умаляет познавательной ценности воспоминаний других политзаключенных, в которых можно найти детали, очень ценные для воссоздания достаточной полной картины того, какой ценой было достигнуто пресловутое «освоение» и «вклад» в это мучеников и мучителей.

Работа по составлению Интинского биобиблиографического указателя была бы невозможна без участия наших интинских и ухтинских коллег – Л.Н. Малафеевской, О.А. Молене, В.А. Адуевой, Н.А. Баранова, В.В. Ложкина, Н. Григоровой, А.Н. Каневой, А.Н. Кустышева, Е.А. Зеленской и многих других историков-краеведов [7].

Считаю необходимым выразить глубокую благодарность за содействие в подготовке данной публикации докторам исторических наук Г.Ф. Доброноженко (Сыктывкарский гос. ун-т), А.А. Попову (ИЯЛИ Коми научного центра Уральского отделения РАН), в творческом содружестве с которыми была проведена первая региональная научная конференция по истории массовых политических репрессий [8] на базе Сыктывкарского университета (1993), а также директору Библиотеки международного Мемориала в Москве Б. Беленкину, директору музея истории УГТУ Е.А. Зеленской, ветеранам Инты – Г.Т. Денисову, Л.П. Бушмановой, А.А. Попову за бесценные советы и сведения, которыми они так щедро делились с автором.

Источники и литература

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 44.
2. Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42; Олейников А. Исторический опыт – новый предмет теоретических исследований // Nomohistoricus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. М.: Наука, 2003. Кн. 1. С. 299–312.
3. Шлёмель К. Террор и мечта. Москва 1937 / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М.: РОССПЭН, 2011.
4. Анкерсмит, Франклин Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. С. 440; Голоса ГУЛАГа / Gulag Voices. Edited by Anne Applebaum, Yale University Press, 2011. 195 p.
5. Поживши в ГУЛАГе: Сб. воспоминаний / Сост. А.И. Солженицын. М.: Рус. путь, 2001. (Всероссийская мемуарная библиотека. Наше недавнее. Вып. 7); Сахаров-центр (1429 авторов мемуаров бывших политзаключенных) // URL www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/author.xml; Библиотека Московского Мемориала – СССР, История, 1917–1991 – Концлагеря и тюрьмы в СССР – Воспоминания и мемуары. В этой рубрике 941 запись URL: <http://lib.memo.ru/biblio/rubrlist/id/931>; <http://www.memo.ru/library/memoirs/Chapter2.htm>; Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве общества «Мемориал»: аннотированный каталог / Сост. С.А. Ларьков. М.: Мемориал: Звенья, 2007.
6. Jenkner Siegfried. Erinnerungen politischer Häftlinge an den GULAG. Eine kommentiert eine Bibliographie (Воспоминания о политических заключенных в ГУЛАГе. Комментированная библиография). URL http://www.gulag.memorial.de/pdf/jenkner_bibliographie.pdf; Sybiracy (bibliografia w wyborze) / Wybór: Małgorzata Górka CDN PBP. Piła, październik 2009 r.; Ojczyzna kochana poszukaj swych dzieci...: wspomnienia i dokumenty (Отчизна любимая, отыщи своих детей: воспоминания и документы) / [red.Krystyna Marszałek ; współpr. Piotr Kościński, Janina Russocka-Stoch]. Warszawa: Fundacja «Rodact-Rodakom»: «Bis Press», 1996; Vorkutos politinių kalinių atsiminimai (Воспоминания политзаключенных Воркутских лагерея) / sudar. Krakauskas Juozas. -Vilnius: Lietuvos Gyventojų Genocido ir Rezistencijos Centras, 1998. URL <http://www.genocid.lt/centras/lt/613/a/>; Vardy Bela–Vardy Huszar Ágnes: Magyarok a Gulag rabszolgatáborában (Венгры в рабских лагерях ГУЛАГа). Budapest: Kairosz Kiadó, 2007; Krausz Tamas: A Szovjet Oroszország (Советская Россия). In: Oroszország története. Szerk.: Szvak Gyula. 2. jav. kiadás. Bp., Pannonica Kiadó, 2001. 557; Petrák Katalin: Magyarok a Szovjetunióban (1922–1945) (Венгры в Советском Союзе). Budapest: Napvilág Kiadó, 2000; Szilágyi Ákos: Számbeszéd (Слух). In: GULAG – a szovjet táborrendszer története (ГУЛАГ – советская история лагерной системы). Szerk.: Krausz Tamás, Budapest, Pannonica, 2001. 181.
7. В недрах Ухтпечлага. Сб. Ухта: Мемориал, 1989. 24 с.; В недрах Ухтпечлага. Сб. Вып. 2. Ухта: Ухто-Печорское общество «Мемориал», 1994. 48 с.; Зеленская Е.А. Лагерное прошлое Коми края (1929–1955 гг.) в судьбах и воспоминаниях современников. Киров: КОГУП «Кировская обл. типография», 2004; Печальная пристань: Сб. воспоминаний, документов и стихов [репрессированных]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 5–17; Кузванова О.Ю. Это место для лагеря наилучшее (документы к истории ГУЛАГа на территории Республики Коми) // Родники Пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. Вып. 5. С. 77–82.
8. Морозов Н.А. Воспоминания иностранцев-узников ГУЛАГа как источник по истории Коми АССР // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.А. Морозов. Сыктывкар: СыктГУ. 1993. С. 48–51.

С.И. ПОКРОВСКИЙ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР ЯРЕНСКОГО УЕЗДА

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев (Сыктывкар, Россия)

Один из первых большевистских руководителей Ярэнского уезда и организаторов красного террора в крае, Степан Иванович Покровский родился в с.Пезмог Усть-Сысольского уезда 22 ноября 1898 г. в семье священника. Его родители, Иван Степанович и Елизавета Павловна, приехали сюда из Устюга в начале 1890-х гг. со своим старшим сыном Николаем. Они выучили коми язык; отец преподавал в церковно-приходской школе, мать исполняла обязанности фельдшера. Всего у Покровских было шестеро детей: еще один сын Павел и дочери Екатерина, Елизавета и Александра. Родители научили их не только русскому, но и коми языку.

На рубеже XIX–XX столетий семья Покровских переехала из Усть-Сысольского уезда в Ярэнский – в с. Гам, где 1901 г. построили новое просторное здание для второклассной школы. Руководил школой Иван Степанович. У него было много дел, но находилось время и для того, чтобы позаботиться о своих дальних родственниках, сыновьях «мастера золотых, серебряных и чеканных работ» А.П. Сорокина, которые занимались реставрацией церковной утвари, росписью и ремонтом церквей, и И.С. Покровский порой помогал им получать заказы. В 1901 г. в Гаме работали (вероятно, по приглашению И.С. Покровского) два брата Сорокиных, и один из них, Питирим, благодаря поддержке Ивана Степановича смог поступить в местную школу. Много позже Питирим Сорокин, ставший всемирно известным ученым, с благодарностью вспоминал И.С.Покровского и его коллег по школе: «Сделав этот шаг, я вступил на путь получения образования, который со временем привел меня к карьере университетского профессора. Пять учителей в школе, возглавляемые маститым священником, были хорошими людьми и отличными педагогами... Общая атмосфера в школе стимулировала развитие интеллекта, рождала ощущение счастья и была философски идеалистической». Пожалуй, немного нашлось бы в Коми крае, да и не только в нем, других школ, достойных столь лестной оценки. Во время учебы в школе Питирим Сорокин сблизился с семьей Покровских, вероятно, довольно тесно общался с сыновьями Ивана Степановича.

И.С. Покровский скончался в 1903 или 1904 г. Жить семье стало труднее. Елизавета Петровна работала библиотечаршей, подрабатывала швеей. Одна из дочерей, Екатерина, учительствовала. Степан и Павел учились в школе. В 1912 г. Е.П. Покровская, благодаря выделенной ярэнским земством стипендии, закончила акушерские курсы и в последующие годы работала в Тохте, Черве, Жешарте, в Усть-Вымской больнице; вместе с матерью кочевала по уезду и вся семья.

Степан Покровский закончил Усть-Сысольское духовное училище, Вологодскую духовную семинарию. Во время учебы в Вологде его взгляды на свое будущее изменились: он раздумал становиться священником, решил учиться в университете, дополнительно занимался химией и др. предметами. В 1916 г. поступил на медицинский факультет университета в г. Юрьеве (ныне – г. Тарту в Эстонии); в том же университете уже учился его старший брат Павел, попавший под влияние большевиков. Он оказал воздействие и на выработку пробольшевистских взглядов у Степана Покровского. С.И. Покровский участвовал в деятельности студенческих кружков, где изучалась и распространялась поставляемая большевиками литература.

По окончании первого курса университета С.И. Покровский приехал в Ярэнский уезд, провел здесь лето, а осенью уехал в Вологду, где занимался канцелярской работой. В январе 1918 г. он вместе со старшим братом вернулся в Юрьев, сотрудничал в газете Юрьевского Совета рабочих, солдатских и батрацких депутатов «Молот», набирался опыта журналистской работы. После захвата немцами Юрьева в феврале 1918 г. оба брата Покровские уехали в Вологду. Там Степан Покровский активно занялся журналистикой, писал статьи в различные газеты, большевистские и эсеровские.

В июле 1918 г. С.И.Покровский приехал в Ярэнск. Как опытный, умелый журналист, он возглавил местную газету «Известия Ярэнского уездного Совета крестьянских депутатов». Номер газеты, в котором он впервые указан редактором, вышел 20 июля 1918 г. «Известия...» являлись органом уездного исполнительного комитета, среди членов которого в то время не было ни одного большевика, да и в уезде в целом коммунисты тогда влиянием не пользовались. С.И. Покровский не являлся членом РКП(б), но придерживался пробольшевистских взглядов, что находило выражение в публиковавшихся в газете его статьях. Позиции уездного исполкома в отношении комитетов бедноты (создание которых уездные власти считали ненужным и даже вредным) и по некоторым другим вопросам расходились с позицией С.И. Покровского, с его публикациями. После опубликования одной из статей С.И. Покровского, в которой содержался призыв к обострению классовой борьбы в деревне между различными слоями крестьянства, его вызвали в исполком и предложили изменить тональность выступлений в печати. Был назначен соредактор газеты (С. Епов, редактировавший «Известия...» до приезда С. Покровского).

1 сентября 1918 г. прибывшие из Котласа большевистские агитаторы во главе с С.А. Жавнером провели в Ярэнске собрание и организовали ячейку РКП(б), в которую вступил и С.И. Покровский. Перед большевистской организацией была поставлена цель: захватить власть в Ярэнском уезде. Возможность компромисса, коалиции,

налаживания диалога с демократическими, небольшевистскими слоями населения решительно отвергалась: «Рано ли, поздно ли жизнь должна была сделать нас или коммунистами, или решительными противокommунистами... Кретины и провокаторы говорят о возможности соглашения, компромисса. Нет! Средних позиций не найти...» – заявил в местной газете в связи с созданием коммунистической организации С.И. Покровский (4 сентября 1918 г.).

Особенно непримиримую позицию занимал С.И. Покровский и другие яренские большевики по отношению к интеллигенции, представители которой составляли значительную часть членов уездных органов власти. Степан Покровский называл интеллигентов «недоноском капитализма» – именно так он озаглавил посвященную им статью в местных «Известиях...» (7 сентября 1918 г.). С.И. Покровский писал: «Нет ничего печальнее и жалче той роли, которую суждено было сыграть в русской революции нашей интеллигенции, Чиновники, адвокаты, врачи, журналисты, писатели, учителя и т.д. – это та самая... «интеллигенция», которая ...была тормозом на пути революции и заслоном на пути развития подлинно-классового «народного» сознания... Здесь речь идет не об отдельных представителях интеллигенции, а о всей массе интеллигентных работников...» Эта «ничтожная экономически, маленькая, бессильная группка приспособилась... к капиталистическому строю... и ее идеология не выходит существенно за рамки этого строя». «Если даже в массе своей она была исканием социальной правды, то дальше этой боли, переживаний тонких, щекочущих ее нос и слезящих глаза, он не шла. Проститутка может только мечтать о хорошей жизни», – заключал Степан Покровский, самым недвусмысленным образом характеризую так российскую и коми интеллигенцию и свое и своих товарищей отношение к интеллигенции.

9 сентября 1918 г. С.И. Покровский участвовал в объединенном заседании уездного исполкома и комитета яренской ячейки РКП(б), где было решено созвать в начале октября уездный съезд Советов. 13 сентября он присутствовал на собрании коммунистов и яренской ЧК, на котором разработали план большевистского переворота в Яренске, осуществленный следующим утром. Места арестованных уездных руководителей по предложению ЧК заняли коммунистические руководители («комитету местной группы коммунистов чрезвычайная комиссия предложила выделить из своей среды заместителей на места арестованных», – информировали вышестоящие органы местные большевики). Степан Покровский стал заведующим отделом народного образования, его брат возглавил исполком. В начале октября 1918 г. на V чрезвычайном съезде Советов Яренского уезда С.И. Покровский также стал членом уездного исполкома и возглавил агитационно-просветительский отдел. В конце 1918 г. он стал председателем уездного исполкома взамен переведенного в Устюг П.И. Покровского. Примерно в это время из Усть-Выми в Яренск переехали мать, тетя и сестры Степана Покровского Екатерина и Александра.

После прихода большевиков к власти в уезде начался красный террор. В октябре 1918 г. по приговору яренской ЧК были расстреляны бывший член Яренской Земской управы Ф.И. Мартюшев и купец А.Е. Вурдов, обвиненные в противодействии советской власти. Обстановка в Яренском уезде зимой 1918–1919 гг. была крайне тяжелая. В условиях гражданской войны усилилась нехватка продовольствия и различных предметов первой необходимости. Комбеды и коммунистические ячейки в деревнях и селах усиливали нажим на зажиточных и средних крестьян, облагая их различными налогами и контрибуциями, проводя конфискации продовольственных «излишков», «лишних» вещей. Доходило до острых конфликтов.

В декабре 1918 г. во время подавления восстания Л.П. Маркова были совершены первые казни на Удоре. 6 декабря 1918 г. в д.Разгорт красными было убито в бою и расстреляно позднее 17 человек, среди них бывший красный разведчик Ф.С. Селиванов вместе с отцом, переметнувшийся к «марковцам» незадолго до боя. В Кослане по приказу комиссара Е.А. Воробьева было расстреляно четыре «марковца». (Надо заметить, что «марковцы» арестовали в Кослане всех работников волисполкома, но не расстреляли ни одного человека). По данным краеведа Н.С. Калинина, красные на Удоре расстреляли В.А. Митина и Р.А. Попова, причем последний каким-то образом выжил. Н.С. Калинин называет фамилии еще двух жертв красного террора на Удоре – А.А. Козлова и В.М. Ширяева, расстрелянных на Вашке «за шпионаж». Фамилии остальных казненных неизвестны. Помимо расстрела широко применялись конфискации, взятие заложников (в Важгорте были взяты заложники во время отступления красных весной 1919 г., в частности, семья священника Ф. Клепикова). Яренский летучий отряд ЧК конфисковал хлеб (в том же Важгорте). В Чернутьево, по воспоминаниям К.И. Попова красные забирали все, начиная от спичек и кончая поношенным женским бельем.

В феврале 1919 г. о массовых издевательствах красных над удорским населением сообщал на митинге рабочих в Соломбале (Архангельск) крестьянин с. Важгорт А.Е. Зотиков: «... большевики зачастую перед расстрелом намеренных жертв еще порют. Издеваясь над крестьянами некоторых деревень за то, что они зажиточные, работают в поте лица, а не занимаясь мотовством, – порят их плетьюми, не считаясь ни с возрастом, ни с положением. Например, в одной из деревенок был выпорот плетьюми 70-летний крестьянин Б. Порят не только мужское население, но и женщин. Порят так, что, как только появятся раны, посыпают их солью и снова стегают плетьюми». При отступлении красных с Удоры весной 1919 г. происходили массовые реквизиции и конфискации подвод, лодок, продовольствия. По приказу штаба Вашко-Мезенского полка в Буткане расстреляли группу дезертиров-красноармейцев.

Об одном из наиболее ярких эпизодов провинциальной политической жизни сообщила даже центральная пресса. «Петроградская правда» 5 марта 1919 г. опубликовала статью И.А. Шергина «Коквицкие “коммунисты”». 15 января 1919 г. в деревню Нижние Коквицы приехала комиссия по раскладке чрезвычайного налога. Совместно с местным комбедом она обложила налогом зажиточных крестьян и середняков (эти категории составляли абсолютное большинство жителей деревни; бедноты в Нижних Коквицах было «ничтожное меньшинство»). Возмущенные крестьяне отказались платить новый налог. Вспыхнул конфликт со взаимными угрозами, дошло до драки. Об этом известили находившийся в с. Коквицы волостной Совет. В ночь на 16 января около 140 коммунистов «при полном вооружении» прибыли в деревню и арестовали пятерых крестьян (И.Е. Першукова, который только за семь дней до расстрела возвратился в родное село из немецкого плена, П. Полугрудова, С. Полугрудова, Г. Ганова и В. Порсьюрова из числа наиболее активно выступавших против чрезвычайного налога. «Петроградская правда» писала: «В дом десятского были согнаны пять человек. Началось истязание. В 200 саженьях от деревни... есть озеро. Туда и погнали “коммунисты” после истязаний несчастных”, которых там и расстреляли. «... – Один не умер! – прорычал Окулов. – Давайте еще патроны! – Пока Окулов ходил за патронами, “коммунисты” добились Паршукова штыками...». Красноармейцы стреляли в воздух, но участвовавшие в расстреле коммунисты выполнили их функцию. После расстрела в доме одного из убитых участники акции «потребовали хлеба, масла, молока, ... весело пировали. Окончив “поминки”, коквицкие “коммунисты” принялись за обыски», забрали продукты, деньги, шерсть, кожу, гимнастерку, шинель... Не было проведено коммунистами ни следствия, ни суда, не существовало обвинительного акта или приговора. Однако именно на подобные действия нацеливали коммунистов и комбедовцев Степан Покровский и другие руководители Яренского уезда: в постановлении военно-революционного совета при штабе Яренского фронта (декабрь 1918 г.) говорилось, что «всякие попытки выступления с целью погрома будут подавляться силою оружия, и виновные будут расстреливаться на месте без суда и следствия».

Однако «коквицкое дело» получило широкий резонанс, и шестеро организаторов расстрела в деревне были арестованы. Но в заключении они пробыли недолго, а после освобождения заняли ответственные должности. Яренский уездный комитет РКП(б), одним из влиятельнейших членов которого являлся С.И. Покровский, отметив «революционную прямолинейность тактики Коквицкой организации», заявил: «К коквицким коммунистам, действовавшим всегда и во всем так, как подсказывало им их революционное чувство, отнюдь не может быть предъявлено обвинение в уголовном преступлении... Дело... должно быть изъято из ведения уголовно-следственных властей и передано на усмотрение уездного комитета партии». То, что события в Коквицах – не исключение, признавали и С.И. Покровский, и другие большевистские руководители уезда. В докладе Яренского уездного комитета РКП(б) 19 марта 1919 г. говорилось: «Коммунисты нередко «зарывались», делали ошибки... У нас еще не кончен деревенский Октябрь. То, чем разрядилась раскаленная борьбой атмосфера деревни в Коквицах, могло случиться почти в любом другом месте уезда, в любой волости. Атмосфера везде напряженная».

Все более усиливавшиеся трудности с продовольствием и предметами первой необходимости, жесткая по отношению к крестьянству политика уездной власти во главе со Степаном Покровским привели к тому, что влияние коммунистов в Яренском уезде к лету 1919 г. заметно ослабло. «Деревня следила за каждым шагом коммунистов, распускала небывлицы о них, словом, травила как инородное тело», – докладывал Яренский уездный комитет РКП(б) в марте 1919 г. «На деревенских коммунистов население смотрит враждебно», – говорилось в отчете большевистского руководства уезда за май 1919 г. В июне 1919 г. яренские руководители информировали губком РКП(б): «Население относится к коммунистам очень враждебно за то, что коммунисты принимают деятельное участие в реквизициях и взыскании чрезвычайного налога и в отчуждении хлеба... Местным коммунистам стало совершенно невозможно подойти к крестьянским массам, и (коммунисты – Авт.) остаются одиноки. При выборах волостных Советов бедноты проходят беспартийные, вновь выбранных в волостные Советы нет ни одного коммуниста». «В настоящее время в Яренском уезде партийная работа значительно ослабла... Большинство ячеек работает очень слабо». Июль 1919 г.: «Большинство ячеек состоят из людей малограмотных, которые не могут вести ни культурно-просветительскую, ни агитационную (работу – Авт.), а в настоящее время совершенно загнаны в подполье середняками и кулаками, которые их ненавидят из-за прошлых реквизиций и конфискаций».

Большую роль в падении авторитета руководимых С.И. Покровским органов власти сыграли военные действия на входившей в Яренский уезд Удоре. С.И. Покровский, выступая на VII съезде Советов Яренского уезда, отметил, что «фронт на территории уезда усугублял тяжесть положения»; Удорский фронт потребовал массовых реквизиций, создал повинность, а это разрушило «крестьянское хозяйство настолько, что перед исполнительным комитетом стал вопрос о допустимости или недопустимости таких методов гражданской войны, какие практиковало местное командование, главным образом в ликвидации Удорского фронта и реквизициях в связи с ней». По словам С.И. Покровского, он и весь уездный исполком «принимал все меры к сглаживанию отдельных недоразумений между населением и командованием и облегчению общего положения», но без особого успеха.

«Эти меры, – признавал С.И. Покровский, – больших чувствительных и немедленных результатов дать не могли, потому что военные власти определенно ставили нужды Удорского фронта и отряда на первый план», не забываясь о жителях уезда.

Этой обстановкой удачно воспользовался белый отряд под руководством Н.П. Орлова, в конце октября 1919 г. появившийся на нижней Вычегде. 30 октября в Яренске создали Военно-революционный комитет, председателем которого стал С.И. Покровский. Уезд был объявлен на осадном положении, стали формироваться вооруженные отряды, но попытка выбить белых с Вычегды оказалась неудачной. 6 ноября белые взяли Яренск. С.И. Покровский до последнего момента находился в городе и при неясных обстоятельствах получил тяжелое ранение в голову. (Существуют три версии случившегося: в письме его сестры старшему брату П.И. Покровскому говорится, что Степана Покровского застрелил белогвардеец; по другой версии, в С.И. Покровского выстрелил кто-то из красных; согласно третьему мнению, он застрелился). Его доставили в больницу, где за С.И. Покровским ухаживали его мать и сестра. Через два дня он умер и был похоронен на городском кладбище. Позднее, в декабре 1919 г., после возвращения красных, тело С.И. Покровского было перезахоронено в братскую могилу жертв белогвардейцев на яренской площади.

В конце 1919 г. красный террор был развернут на всей территории, попадавшей под власть белых во время орловского похода. Только в Яренске ЧК арестовала 35 человек, часть были расстреляны в Лене и Слободчиково (в том числе председатель управы при белых Н.В.Изюмов, агент охраны В.А.Булатов, В.П.Берников и др.). 21 ноября представитель губчека Делягин доносил в Великий Устюг о «работе» в Яренске: «Арестовано мною 35 человек... На вопрос, как встретило население (красных – Авт.), ничего не скажу, потому что все залезли в избы». При вторичном оставлении красными города (22 ноября 1919 г.) среди горожан распространился ужасный слух, что ЧК заживо сожгла арестованных в воинских казармах (во время боя с белыми казармы дотла сгорели). «Известия Яренского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» были вынуждены 6 декабря 1919 г. специально выступить с заявлением, что «поджог ЧК арестованных – это не так. Белые подожгли казармы. Арестованные все были увезены...» Возможно, что так оно и было, но яренский политик – большевик Ф.С.Коковкин – позднее на судебном процессе над С.О. Латкиным говорил, что поджог казарм с арестованными осуществили красные (на что ему сделали замечание: «Зачем это?»). К слову, сам Ф.С. Коковкин, по некоторым данным, в ноябре 1919 г. вообще хотел сжечь весь Яренск, лишь бы он не достался врагу...

25 июля 1920 г. Яренский уездный комитет РКП(б) постановил увековечить память братьев Степана и Павла (он погиб в мае 1920 г.) Покровских и назвать их именем улицу и площадь в Яренске. В честь братьев Покровских названа также улица в Устюге.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

ЗНАМЕНИТЫЕ ПОЛЯРНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В СЫКТЫВКАРЕ

В.И. Силин, Н.В. Лезликова (Сыктывкар, Россия)

Очерк посвящен исследователям Севера, блестящим геологам и географам – Павлу Владимировичу (Пауль-Людвиг) Виттенбургу (1884–1968) и Михаилу Михайловичу Ермолаеву (1905–1991). Оба исследователя имеют самое непосредственное отношение к нашей республике и изучению ее сырьевого потенциала.

П.В. Виттенбург (1884–1968).

Изучение Европейского Севера П.В. Виттенбург начал еще до революции с исследований в Олонецкой губернии (1910 г.), в 1913 г. он провел исследования на Шпицбергене. В 1920 г. была организована Северная научно-промысловая экспедиция, в работе которой он принимал самое активное участие. Возглавил экспедицию Р.Л. Самойлович, муж сестры М.М. Ермолаева, известный исследователь, который привлек к изучению Севера и своего молодого родственника. В 1921 г. П.В. Виттенбург участвовал в исследованиях Новой Земли. Современным геологам П.В. Виттенбург известен по нестареющему «Практическому руководству для техников-геологов», выдержавшему несколько изданий, географы знают его по великолепной монографии «Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля», но все эти книги были написаны уже после войны.

В 1920–1930-е гг. П.В. Виттенбург был одним из авторитетнейших исследователей Севера, Дальнего Востока, Якутии, одним из первых организаторов географического образования и краеведческой работы в стране. Неоценима его организационная деятельность в работе Комиссии по комплексному изучению Якутской республики (КЯР). В 1926 г. П.В. Виттенбург командировался в Швецию, Норвегию, Германию. В 1930 г. было сформировано так называемое «Академическое дело», и известного геолога арестовали и приговорили к расстрелу, который впоследствии заменили 10 годами лишения свободы. После кратковременной работы на Беломорско-Балтийском канале П.В. Виттенбурга отправляют на о. Вайгач, и здесь он несколько лет работал начальником геологической части. В 1940 г. вышла его известная монография «Рудные месторождения о. Вайгача и Амдермы», которая затем была оформлена как докторская диссертация.

В 1936 г. судимость с П.В. Виттенбурга была снята, так как день пребывания на Вайгаче засчитывался за два. В 1942 г. Павел Владимирович вместе с Северным геологическим управлением эвакуировался в Сыктывкар. Сразу по прибытию в Сыктывкар его командировали в Ухту и Воркуту. В 1942 г. он принимал участие в первой геологической конференции, где сделал доклад «Полиметаллы западного склона Северного Урала, Пай-Хоя и Вайгача», в котором выступил с идеей генетического единства рудных месторождений Вайгача, п-ова Югорский Шар и Шантым-Прилуцкого месторождения. Преподавал в Карело-Финском университете во время эвакуации, выезжая со студентами на полевые практики в с. Иб и другие места. В 1943–1944 учебном году он читал лекции студентам КГПИ. В 1944 г. П.В. Виттенбург выступил с рецензией на диссертацию Г.А. Чернова «Геологические исследования в восточной части Большеземельской тундры и перспективы ее нефтеносности», в которой активно поддержал соискателя. В конце войны под руководством П.В. Виттенбурга в геолуправлении был создан геологический музей, в оформлении которого принимали участие художники В.Г. Постников и Н.Л. Жилин. В январе 1946 г. музей и литотека были открыты.

В Сыктывкаре вместе с П.В. Виттенбургом проживала его семья. Жена работала врачом.

Е. Виттенбург пишет (4): «Папину полярную библиотеку разместить оказалось негде. Он подумал, что книги могут принести пользу научному фонду РК, и предложил их в дар. Но у научного фонда то ли не было интереса, то ли места, и в результате библиотека осталась лежать в ящиках на складе Севгеоуправления».

В Национальном музее РК хранятся документы, позволяющие осветить подробнее это событие.

Первое письмо от и. о. ректора ЛГУ, известного географа, впоследствии академика С.В. Калесника, датированное 5 августа 1947 г. и адресованное Председателю Совета Министров Коми АССР «Лен. гос. ун-т получил в дар от профессора П.В. Виттенбурга весьма ценную личную библиотеку последнего, содержащую более 5000 книг по географии полярных стран и исследованию Арктики (на голландском, английском, шведском, французском, немецком, русском и др. языках). Библиотека, которую проф. Виттенбург вывез с собою в свое время из Ленинграда в связи с эвакуацией, находится ныне в Сыктывкаре, в помещении Республиканского музея. Университет просит Вас оказать представителю Ленуниверситета проф. П.В. Виттенбургу содействие в отправке этой библиотеки из г. Сыктывкар в г. Ленинград». По данным Акта по проверке книжного фонда библиотеки музея от 19 февраля 1947 г., библиотека Виттенбурга насчитывала 3800 книг (без папок с бумагами и рукописями). Сохранилось заявление Павла Владимировича, проливающее свет на судьбу библиотеки: «2-го августа 1942 г. я обратился с письмом на имя Сергея Дмитриевича Турышева, в котором я выразил желание передать мою специальную библиотеку по Полярным странам Коми АССР. Ввиду того, что в бытность мою в г. Сыктывкаре до 16 января 1946 г., т. е. в течение 3,5 лет я не получил ответа на свое предложение и книги не были от меня приняты, в настоящее время я от своего предложения отказываюсь и передаю все свое специальное собрание книг Ленинградскому университету, о чем ставлю Вас в известность. Одновременно передаю Вам отношение от Ленуниверситета. 11 августа 1947 г.». С.Д. Турышев дал распоряжение директору музея М.Е. Калинин у упаковать книги и передать по назначению в ЛГУ.

Автору этой публикации в бытность студентом географического факультета ЛГУ приходилось не раз пользоваться книгами из этой библиотеки. К сожалению, за три года хранения книг в Сыктывкаре к ним не было привлечено внимание читателей и уникальная библиотека покинула наш город.

Е. Виттенбург, заканчивая описание жизни семьи в Сыктывкаре, отмечает: «В июле в качестве ссыльного поселенца прибыл в Сыктывкар папин старинный знакомый геолог-географ Михаил Михайлович Ермолаев. В 1921 г., еще молодым ученым, он принимал участие в папиной экспедиции на Новую Землю. Приезд М.М. был радостью и для мамы. Она писала, что он большой знаток серьезной музыки, и они до его отъезда в экспедицию отводили душу в разговорах».

М.М. Ермолаев принадлежал к плеяде первых исследователей Арктики, составивших гордость русской географической науки – это Р.Л. Самойлович, И.В. Папанин и др.

Деятельность Михаила Михайловича имеет непосредственное отношение и к территории Европейского Северо-Востока.

В 1925 г. М.М. Ермолаев отправился в свое первое путешествие на Новую Землю на судне «Эльдинг». С этого времени его судьба была неразрывно связана с Севером. В 1926–1927 гг. по просьбе Ф.Ю. Лессинга он провел геологические исследования и съемку на Северном Тимане. Эти его первые самостоятельные работы были продолжением исследований Ф.Н. Чернышева, что говорит о преемственности геологических исследований на Европейском Севере. Ермолаев провел геологическую и топографическую съемку, указал на существование нефелина и позднедевонских углей на Тимане [3].

В 1931 г. М.М. Ермолаев возглавил экспедицию на Новую Землю. Была проведена геологическая съемка, впервые на Новой Земле выделены средне-верхнекембрийские отложения, изучена тектоника, обследованы ледники и др. Во время проведения 2-го Международного полярного года (1932 г.) М.М. Ермолаев возглавил экспедицию на Новую Землю. Помимо стандартных гидрометеорологических исследований (в частности, наблюдения за уникальным ветром – борой), были составлены геологические разрезы, охватившие отложения палеозоя, проводились пионерные работы по изучению строения стратосферы, измерения мощности ледникового щита с помощью сейсмического зондирования, она оказалась 400–500 метров, а не 200–250, как предполагалось ранее.

Экспедицией были сделаны выводы о деградации ледникового покрова. В течение многолетних работ на Новой Земле М.М. Ермолаевым была подготовлена докторская диссертация, пропавшая во время ареста.

В 1938 г. Михаил Михайлович был арестован и после долгих мытарств в 1941 г. оказался в лагере в Коми АССР: сначала в Усть-Вымском лагере, затем в поселке Железнодорожный, где исполнял обязанности инженера, начальника отдела стройматериалов. За заслуги в строительстве железнодорожной магистрали М.М. Ермолаеву срок был сокращен на два года.

На 2-й геологической конференции в 1944 г. М.М. Ермолаев выступил с докладом «Железнодорожное строительство и задачи геоморфологического изучения Коми АССР», в котором обобщил свои наблюдения и опыт по проведению проектных и изыскательских работ на строительстве Северной железной дороги. В докладе он указал, какие магистрали в перспективе могут быть построены на территории республики, все варианты он связывал с перспективой освоения полезных ископаемых и наиболее оптимальной доставкой их к производственным центрам. В принципе их проведение согласуется с основными вариантами, намеченными еще до революции.

«Во-первых, напрашивается железная дорога, отделяющаяся от Северо-Печорской близ станции Ухта, идущая далее через Крутую и выходящая в конечном счете в Соликамск. Во-вторых, возможно и другое решение, более сложное, но гораздо более интересное для промышленности Союза, – выход воркутинского угля вдоль Урала к Ивделю...» [1, с. 305]. Третий вариант он предполагал от Воркутинских углей до северного побережья к Северному морскому пути. «Представляется весьма вероятным, что впоследствии будет строиться ж/д трасса примерно по следующему маршруту: примыкая к С.-П ж/д близ станции Тобысь, проходя по междуречью Рысь Кедва – Белая Кедва, она повернет по ижемско-мезенскому водоразделу и выйдет к морю либо в устье реки Индига, либо в устье Мезени» [1, с. 305]. В докладе также рассмотрены задачи геоморфолога при строительстве ж/д трассы, особенности геоморфологических районов республики, особенности изучения залегания грунтов и современные геоморфологические процессы, оказывающие на строительство и функционирование дороги важное влияние. Проблемы, рассматриваемые в докладе, чрезвычайно актуальны и в наше время.

Во время войны в Сыктывкаре размещалось эвакуированное из Архангельска Северное геологическое управление, и сюда, по решению Обкома ВКП(б) Коми АССР, после окончания срока заключения был командирован М.М. Ермолаев и как опытный геолог и руководитель назначен на должность главного геолога. Летом 1946 г. управление было переведено в Архангельск, и Михаил Михайлович, будучи главным геологом управления, также был вынужден уехать в Архангельск.

История Института геологии в Коми научном центре многим хорошо известна, поэтому хотелось бы привести малоизвестный факт, который мог бы коренным образом изменить направление исследований, кадровую политику Института, если бы все вышло так, как планировалось участниками событий. Во время войны в структуре Базы АН СССР в Сыктывкаре существовал сектор геологии, который возглавлял А.А. Чернов, в то время которому было (1944 г.) уже шестьдесят семь лет. Задачи по изучению Коми края перед геологами стояли колоссальные, но в секторе работали совсем молодые и малоопытные геологи.

В 1944 г. М.М. Ермолаев присылает телеграмму-заявление на имя И.И. Оплеснина, фактического руководителя Базы АН СССР в Сыктывкаре (формальным руководителем был академик, видный специалист по транспорту Владимир Николаевич Образцов): «Прошу оказать содействие в моем переходе на работу в системе Академии наук, на базе ее в г. Сыктывкаре. Ермолаев». По ходатайству президента АН СССР академика В.Л. Комарова в 1945 г. М.М. Ермолаев был откомандирован на Базу АН СССР (сохранился приказ по Севжелдорстрою от 6 июня 1945 г.). Но до указанного места работы он так и не доехал.

В военные-послевоенные годы шли интенсивные поиски железных руд для создания на Европейском Северо-Востоке металлургической базы. Понятно, что М.М. Ермолаев как главный геолог Северного геологического управления не мог остаться в стороне от важной государственной задачи, и на III конференции 1948 г. он выступил с результирующим докладом «Железные руды Полярного Урала и прилегающей к нему части Печорской низменности» [2]. В докладе он подробно дал сведения о состоянии исследования руд на то время. М.М. Ермолаев и после войны уделял много внимания изучению полезных ископаемых территории Европейского Северо-Востока [6; 7].

Надо отметить, что производственная работа не удовлетворяла М.М. Ермолаева, к тому же он писал докторскую диссертацию на тему «Вулканические циклы и металлогения Полярного Урала» (часть работы была опубликована в материалах III геологической конференции Коми АССР). Докторская диссертация по теме «Формирование и развитие кор выветривания и бокситоносных отложений района Ветреного пояса на восточном склоне Балтийского щита» была защищена М.М. Ермолаевым в 1964 г.

Начиная с 1945 г. и по 1949 г. М.М. Ермолаев предпринимал решительные меры по устройству в качестве геолога на Базу АН СССР в Сыктывкаре.

О важности поступления Ермолаева на должность заведующего сектором геологии говорят письма, подготовленные администрацией Базы от имени секретарей обкома А.Г. Тараненко, Г.И. Осипова и председателя правительства Коми АССР С.Д. Турышева и адресованные министру геологии СССР И.И. Малышеву и секретарю ЦК ВКП(б) П.К. Понаморенко.

Переписка велась до 1949 г., т. е. в течение четырех лет. Это говорит о высокой степени значимости перевода в Сыктывкар профессора Ермолаева.

В своем письме администрации Базы от 26 февраля 1945 г. Ермолаев писал: «...Меня смущает только одно, и я прошу Вас поэтому показать это письмо А.А. Чернову, если он у Вас: я до сих пор не знаю, остается ли он на заведовании сектором, а это очень важно, так как я могу это принять на себя только в случае разрешения с его стороны. Однако я не настаиваю на заведовании сектором и с удовольствием возьму геохимическую лабораторию, так как работа эта также важна и условия, насколько мне известно, те же». Приехать в Сыктывкар М.М. Ермолаев собирался со всей семьей из шести человек. Жена М.М. Ермолаева, Мария Эммануиловна, работала в Радиевом институте и специализировалась на изучении редких элементов. Ее работы были хорошо известны ухтинским специалистам, так что если бы переезд осуществился, она могла бы возглавить геохимические работы на Базе АН СССР.

В записке Н.И. Шишкина (одного из руководителей Базы АН СССР) от 1 ноября 1948 г. отмечается: «Сейчас перед базой поставлена весьма ответственная задача – найти железную руду для Печорского угля, чтобы создать в Коми АССР металлургию (эта проблема была записана в пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР). Геологи же наши молодые, в научном отношении малоопытные. Зав. сектором геологии профессор А.А. Чернов большую часть времени года живет в Москве. Кроме того, в силу своих преклонных лет проф. А.А. Чернов уже не может руководить большими работами. Для пользы общего дела мы предлагаем пригласить М.М. Ермолаева на должность зав. сектором, а проф. А.А. Чернова на должность ст. научного сотрудника, на которой он сам настаивает. А.А. Чернов сам просит передать руководство именно М.М. Ермолаеву, как молодому, энергичному, талантливому геологу».

Поскольку планировался приезд М.М. Ермолаева в Сыктывкар, была договоренность и о его работе в Коми пединституте. Так, в планах работы кафедры географии, которую возглавлял проф. Г.Г. Шенберг, отмечалось: «Преподавание геологии пока еще не начато, т. к. назначенный преподаватель т. Ермолаев еще не вернулся из экспедиции, нагрузка его небольшая (всего 2 уч. часа на оба семестра), а потому ее выполнение не вызывает опасений».

Конечно, сейчас можно только размышлять, что бы изменилось, если бы Ермолаев возглавил геологический сектор. Если учесть то, что проф. М.М. Ермолаев пользовался большим уважением в научном мире, об этом говорят многочисленные отзывы на его работы, рекомендации известных ученых, к тому же он был в дружеских отношениях со многими известными исследователями Коми края, например, с К.Г. Войновским-Кригером и другими, он мог бы содействовать успешному развитию геологической науки.

В дальнейшем судьба уготовила Михаилу Михайловичу возвращение в Ленинград, преподавание в ЛГУ, в Калининградском университете. Он – автор концепции существования географической среды, классической географической работы «Введение в географию», организатор первой в России кафедры географии океанов, подготовивший множество учеников. В течение многих лет разрабатывал концепцию географического пространства. М.М. Ермолаев – автор более 500 статей и книг.

Литература

1. Ермолаев М.М. Железнодорожное строительство и задачи геоморфологического изучения Коми АССР // Материалы второй геологической конференции Коми АССР. Сыктывкар, 1947. С. 300–328.
2. Ермолаев М.М. Железные руды Полярного Урала и прилегающей к нему части Печорской низменности // Материалы третьей геологической конференции Коми АССР. Сыктывкар, 1948. С. 541–567.
3. Ермолаев А.М., Дибнер В.Д. М.М.Ермолаев – жизнь исследователя и ученого. СПб.: Эпиграф, 2005. 599 с.
4. Виттенбург Е. Время полярных стран. СПб.: Норд-вест, 2002. 319 с.
5. Виттенбург П.В. Перспективы нефтеносности Большеземельской тундры // За новый Север. 1944. 14 мая.
6. Ермолаев М.М., Харитонов Л.Я. Достижения и задачи в геологическом изучении Севера европейской части СССР. Архангельск: СЗГУ, 1954. 42 с.
7. Ермолаев М.М. Железные руды и хромиты Полярного Урала и прилегающей к нему части Печорской низменности. Сыктывкар, 1955. 25 с.

ПОСЕЛОК МАДМАС. ВОСПОМИНАНИЯ Б.Л. ВАЛИОН

Г.Б. Трошкина (Мадмас, Россия)

Долгие годы тема репрессированных была закрыта. Но сегодня мы можем сказать многое. Судьба человека – целая эпоха. Проследив судьбу человека, можно узнать время и события в стране.

Мой отец, Валион Богдан, родился 22 июля 1930 г. в с. Магдаливка Скалатского района Тернопольской области в Польше (сегодня Украина, Подволочийский район). Его отец – Валион Лука Васильевич, был очень грамотным человеком с красивым почерком. В годы I Мировой войны он работал писарем при штабе в Австро-Венгерской армии. Нам, детям, он рассказывал, какая была страшная война. Но нам очень сильно запомнилось то, что даже во время войны у одного из офицеров была обезьянка. Мать Валион Богдана – Бондарчук Анна Федоровна (в девичестве). В семье Валион было четверо сыновей: самый старший – Василий, 1920 г.р., братьев помладше звали Федор и Роман, Богдан. У семьи был свой дом с большим садом, в котором росли яблоня, вишня, а особенно много было груш. Также в хозяйстве были лошади, корова и домашняя птица. До 30-х гг. XX в. братья отца – Роман и Федор – уехали на заработки в США, там они и женились и присылали им письма. Валион Богдан вспоминает: «В 1937 г. я пошел в школу в Польше, а уже в 1939 году в сентябре объявили, что будем изучать в школе украинский язык (тем временем в доме все говорили на украинском)».

В 1939 г. Западная Украина отошла от Польши и присоединилась к Украине. 1941 год – Великая Отечественная война. Фашисты продвигались уже вглубь страны. Из воспоминаний Б. Валиона: «В селе сразу взяли несколько семей евреев и вывели. То были семьи Янкель, Гель, Мошка. До сих пор о них ничего неизвестно. В 1944 г. фашисты стали отступать и уходить из села, но забирали с собой всю живность или убивали кур и коров. Затем пришли советские войска и остановились в нашем доме. И вот случилась такая история, которую я не забуду всю жизнь и часто о ней вспоминаю. В охране советских войск возле нашего дома стояла девушка и ей было очень плохо, она мучилась болью в животе. Старший брат Федор спросил, что с ней случилось. А она ответила, что поела груши, которых никогда раньше в жизни не пробовала, и сейчас ей стало плохо. И конечно же брат заинтересовался у девушки, откуда же она родом, что даже никогда не видела груши. Она рассказала брату, что приехала с севера, из Коми АССР. Ну а мы тогда и подумать не могли, что через несколько месяцев попадем именно на Север в Коми АССР.

А произошло все так: в 1944 г. Скалатский суд осудил старшего брата и дали ему 15 лет лагерей за то, что он, работая на маслозаводе, не отравил масло немцам, аргументируя тем, что масло и мирные люди едят. Отправили в Магадан. Потом он вернулся на родину. Затем всю нашу семью высылают в сборочный пункт Збараж, как членов семей ОУНовцев. Там мы ждали несколько месяцев отправки в Сибирь. Мать тогда не забрали, потому что она очень сильно болела и вскоре после нашей высылки на Север умерла.

В 1945 г. нас погрузили в столыпинские вагоны и очень долго везли, потому что мы очень часто останавливались на полустанках и пропускали другие поезда. Ведь шла Великая Отечественная война. В вагоне тогда ехало приблизительно около сорока человек. У нас была одежда, мука и крупа. Многие умирали в вагонах, не доезжая до места. Помню Антонюк Василия из Тернопольской области, его мать умерла прямо в вагоне и ее вынесли на полустанке. И ничего неизвестно о захоронении матери Василия. Когда мы приехали на место, на улице был апрель и еще лежал снег. Потом нам сказали, что это именно Коми АССР, из которой была та девушка с грушами. Мы сразу все ее вспомнили и воочию увидели, что груши здесь и на самом деле не растут...

Привезли нас в Княжпогост и продержали здесь сутки, затем повезли в Микунь. Но мы были не на станции «Микунь», а в деревне Микунь, где были раньше лагеря. Поселили нас в бараки, в которых были крысы и очень холодно. Спали мы на нарах. В бараках была железная бочка с керосином, дым, грязь, копоть. Тогда многие сразу заболели тифом и умирали. Медицинской помощи и лекарств совсем не было. Многие тогда умирали от голода. Детям и неработающим в то время давали 250 грамм хлеба, а взрослым – 400-500 г.

Помню семью Братасюк с Равенской области – родители и все четверо детей умерли на наших глазах. Многие семьи исчезали бесследно. Из Ровенской области семьи – Черный, Музыка умирали. История государства складывается из истории семьи. Это страшная страничка миллионов семей при сталинизме. Ведь мы все знаем: чем крепче семья, тем крепче государство. Самых близких мне людей – отца и мать, я потерял в период сталинских репрессий. Мать умерла на Украине от одиночества и тоски, от боли за нас. В ноябре 1945 г. умер отец. Было ему 56 лет. Похоронили его в специально отведенном месте. Гроб разрешили сделать из старых барачных досок. Вырыли могилу, а там вода. Так и положили. А теперь даже негде поклониться могиле отца. Теперь там не найти того кладбища, все сравняли с землей.

В 15 лет я пошел работать: пилил дрова поперечкой для топки паровозов и получал уже взрослый паек. В 1946 г. нас с братьями отправили на станцию Межог Усть-Вымьского района на лесоразработки. Позже мы готовили рудостойки для шахт Кемеровской области все той же поперечкой.

Мы были бесправные, паспортов у нас не было до 1956 г. Но были случаи когда спецпереселенцы и без паспорта бежали от таких условий. Одна из них – Лидия Стебельская из Скалота Тернопольской области. Ее отец имел свою аптеку, был взят НКВД еще в 1940 г. Брат младший пропал без вести. Летом молоденькая девушка решила бежать на Украину. В Котласе ее поймали и дали пять лет лагерей. Некоторых беженцев не могли найти. С нами еще работали немцы из Поволжья, с Житомирской области, Одесской обл. Также были и евреи Шабашов, Финкель из Ленинграда. До 1947 г. было очень тяжело по карточной системе, но когда отменили карточки, мы могли купить уже сахар, желтый маргарин (американский), 1,2 кг трески».

В 1950 г. Валион Богдана отправили учиться на шофера и после окончания учебы отправили в Гамский лесопункт Усть-Вымского района. Работал на участке Нюмлод возле красивого села Семуково. Он работал на МАЗе, ЗИС-5, ЗИС-21. ЗИС-5 работал на бензине, а ЗИС-21 (газогенератор на дровах (березовые чурки). С ним работали немцы. Один из них – Бенгарт Иосиф Адамович, позже он работал в Усть-Вымском леспромхозе снабженцем. Был и участник Великой Отечественной войны Анатолий Васильевич Мартынец, который приехал к своим родителям-спецпереселенцам вольнонаемным рабочим. Позже он был главным механиком вышеупомянутого леспромхоза. Некоторые коменданты говорили спецпереселенцам в лицо, что их привезли сюда умирать. Эти слова до сих пор остались в памяти Валион Богдана. Однажды он вез директора леспромхоза и увидел голосующего бывшего коменданта, который говорил эти слова. Но боль в душе от этих страшных слов не дала оставить мне машину и взять его в такую плохую погоду.

В 1957 г. Валион Богдан приехал в лесной поселок Мадмас. Руководил тогда лесопунктом Герой Социалистического Труда – Сидоров Иван Федорович. Это был ветеран Великой Отечественной войны, хороший организатор. Мадмасский лесопункт был известен в те годы как один из лучших лесопунктов в Республике Коми. Теперь работали на МАЗ – 501, 509. На МАЗе уже можно было вывезти 20-22 кубаметров леса. За пятилетку Богдан Лукич вывез 60 тыс. кубометров леса. Об этом писал главный бухгалтер Комилеспрома Говоров Николай Васильевич. В поселке было много немцев, белорусов, поляков, украинцев. Работали рука об руку, были очень дружными, в поселковом клубе устраивали концерты своими силами. На концерте могли услышать и увидеть и немецкие, и украинские, и коми песни и танцы. Был и веселый юмор. Богдан Валион вспоминал случай: «Впервые в Мадмase был создан экспериментальный цех по производству хвойной витаминной муки для животных. Муку отправляли в Россию в бумажных мешках. Наш механик – Шамшуро (тоже из репрессированных, раскулаченных из Белоруссии) накормил с избытком свою корову витаминной мукой – и получил результат: корова облысела». Долго потом с юмором рассказывали эту правдивую историю.

После 1956 г. из поселка многие уехали на свою Родину. В 1990-е гг. немцы выехали в Германию. Но Богдан Лукич поддерживает связь с бывшими спецпереселенцами – Сковоронскими, Вильгаук, Грамс. Вспоминает с теплотой бывшего директора Усть-Вымского леспромхоза – Рождественского Бориса Владимировича, родители которого были тоже репрессированными.

В 1962 г. Валион Богдану присвоили звание заслуженного шофера Коми АССР, он проработал в лесной промышленности 48 лет. Республика стала для него родной и даже в теплые и красивые места ему не хочется уезжать. Построен своими руками дом. В свой 81 год он держит корову, сажает 40 ведер картофеля и любит свой поселок. Его приглашают в среднюю школу п. Мадмас рассказать о тех страшных сталинских репрессиях, о которых нельзя забывать, потому что нынешнее поколение должно знать свои страшные странички прошлого.

МИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1958 гг.) (НА МАТЕРИАЛАХ КОМИ АССР)

Д.В. Милохин (Сыктывкар, Россия)

Наиболее открытой формой социального протеста колхозного крестьянства против тяжелых условий жизни в колхозах после Великой Отечественной войны была критика колхозного и политического строя СССР, иногда облекавшаяся в религиозную, мистическую форму. Данное явление весьма характерно для традиционного массового сознания, в котором рациональная картина мира зачастую уступает место интуитивно-эмоциональному восприятию действительности. По некоторым данным, в рассматриваемый период, уровень религиозности взрослого сельского населения Коми АССР был в три раза выше, чем городского [1].

По понятным причинам данная форма протеста не носила массового и демонстративного характера, оставаясь предметом частных доверительных бесед в кругу знакомых односельчан. Инициатива такого рода разговоров принадлежала людям, обладавшим, как правило, высокой общественной активностью – религиозным активистам. Такого рода представители общественности всегда были в советском обществе, несмотря на длительное время существовавшее отрицательное отношение официальной власти к институтам церкви.

В послевоенное время органам государственной безопасности удавалось установить содержание таких бесед. Выявление религиозных активистов и надзор за колхозниками из числа спецпереселенцев и прочих неблагонадежных категорий проводился с особой тщательностью.

Представление о характере подобных настроений дают документы органов госбезопасности, предоставляемые в Коми обком КПСС с грифом «для сведения».

В информационном сообщении органов МГБ в Областной комитет партии отмечалось, что в 1947 г. наблюдалась «активизация деятельности церковников» в Коми АССР, а особенно, в Устькуломском, Сыктывдинском, Ижемском, и частично Сысольском районах, которая выражалась в «широкой организации нелегальных богослужений». В большинстве случаев эти «сборища являются прикрытием активной враждебной деятельности, на которых антисоветский элемент из числа церковников и сектантов, распространяет провокационные слухи, дискредитирует мероприятия, проводимые в деревне, колхозный строй и в отдельных случаях склоняет верующих на саботаж колхозных работ» [2].

Так, в одном из разговоров с верующими «авторитет церковного подполья» в селе Ыб, член колхоза «Сталинец» И.Д. Демин говорил, касаясь вопроса о работе в колхозе: «От этой жизни нас могут освободить только Англия и Америка, которые заставят распустить колхозы. Нам к этому нужно готовиться и захватить колхозный скот и инвентарь, т.к. при роспуске колхозов все будут давать колхозникам и после чего опять пойдет единоличная жизнь. Хотя я и работаю в колхозе, внутри у меня совершенно другое, я не на колхозную жизнь смотрю, а на единоличную. У нас сейчас не жизнь, а просто мучение, все от нас берут, всякие поставки, а если не дашь, то судят» [3].

В 1948 г. «авторитет сектантского движения» гр. Портнягина из села Мыелдино говорила верующим, что «Скоро будет новая война. Здесь, по Вичкошору (название ручья около церкви в с. Мыелдино – Авт.) будет течь кровавой ручей – это будет кровь коммунистов. Потом придут двенадцать следователей из Америки и будут спрашивать всех от трех лет и выше как коммунисты издевались над народом. Потом коммунистов будут расстреливать также, как расстреливали их раньше белые на реке Печоре» [4].

Рост религиозных настроений в послевоенное время на территории Коми АССР проявлялся и в том, что в 1950-е гг. православные верующие добились от властей открытия церкви в селе Ыб и двух молитвенных домов в селе Айкино и городе Ухте. Было возбуждено множество ходатайств об открытии церквей в ряде других мест.

В Совете по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР за 1948 г. были зарегистрированы пять ходов из Коми АССР с вопросом об открытии и восстановлении храмов [5]. Под предлогом «отсутствия законных оснований» все прошения были отклонены.

Большую активность в послевоенное время проявляли различные религиозные секты: баптистов, «бурсь-лысь», «истинно-православных христиан странствующих», «свидетелей иеговы» и др. [6].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. среди верующих различных конфессий Коми АССР оживилось паломничество к «святым местам» – озерам, родникам, «кельям». Например, в Усть-Цилемском районе традиционными местами паломничества верующих были крест у святого озера близ деревни Кривонаволоцкая, могила скитских старцев и Иванова могила [7]. Влияние религии усилилось настолько, что власть была вынуждена форсированно внедрять т.н. «советскую обрядность», например, усилить пышность гражданского бракосочетания, праздновать «день оленевода», «проводы русской зимы» и т.д. [8].

Несмотря на то, что Русская Православная Церковь в то время отличалась высокой лояльностью к Советскому строю, о чем говорит хотя бы тот факт, что смерть И.В. Сталина получила официальную оценку со сто-

роны иерархов как общенациональная трагедия. В храмах шли траурные службы – панихиды: патриарх Алексей [9] призывал верующих христиан молиться за усопшего лидера государства [10]. Но даже несмотря на это обстоятельство власть была крайне озабочена ростом влияния РПЦ в народе.

В октябре 1956 г. республиканская газета «Красное Знамя» отмечала, что в колхозах Сыктывдинского, Усть-Куломского, Корткеросского, Сысольского районов широкое распространение получили «массовые прогулы» по причине православных праздников. По этой же причине нарушались сроки проведения полевых работ, что нередко приводило к потере урожая. Например, в самый разгар сеноуборки колхозники по 2-3 дня не выходили в поле, отмечая Петров день, Ильин день и другие праздники [11].

Сообщалось, что церковные праздники «наносят огромный вред экономической и культурной жизни трудящихся» [12]. В селе Покча Троицко-Печорского района Коми АССР верующие были убеждены, что смерч сорвал в 1956 г. крыши с 17 домов, в качестве наказания за «грех», – выход колхозников на работу в один из отмечаемых в данном селе религиозных праздников – Прокопьев день [13].

Необходимо добавить, в качестве элемента сравнения, что умонастроения такой социальной категории, как заключенные, в отличие от колхозного крестьянства характеризовались гораздо большим радикализмом.

В качестве примера можно привести следующие данные. Лишенный свободы за сотрудничество с немецкими оккупационными властями гражданин Г.М. Асеев, отбывавший срок в г. Воркуте в 1949 г. отправил в Москву, в редакцию центральной газеты «Правда» свое стихотворение под названием «Ко дню одного 70-летия», посвященное юбилею И.В. Сталина, которые начинались такими словами:

Ты ступил и как тень за тобою
Протянулся кровавый ковер
От Кавказа до льда мирового
От Берлина к Востоку в простор
Ты взглянул и народные слезы
Океаном разлились вокруг... [14] и т.д.

Совершенно очевидна, в данном случае, персонифицированная ответственность за неблагополучное положение в СССР и в мире, возлагаемая на политического лидера Советского государства, что свидетельствует уже о качественно ином уровне выражения политического протеста, основанном на более радикальной идейной платформе.

Тем не менее на открытую критику советского строя, облеченную в религиозную форму государство обращало особое внимание и стремилось решительно пресекать.

Источники и литература

1. Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1971. С. 189.
2. ГУРК НА РК Ф. 1. Оп. 4. Д. 181. Л. 41.
3. ГУРК НА РК Ф. 1. Оп. 4. Д. 181. Л. 45.
4. ГУРК НА РК Ф. 1. Оп. 4. Д. 181. Л. 43.
5. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 94.
6. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа Коми. М., 1978. С. 290.
7. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 95.
8. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа Коми. М., 1978. С. 293.
9. Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 651.
10. Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 396.
11. Красное Знамя. 1956. 14 окт.
12. Красное Знамя. 1957. 4 июня.
13. Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1971. С. 175.
14. ГУРК НА РК Ф. 1307. Оп. 1. Д. 315. Л. 68.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

УПРАВЛЕНЦЫ В ГУЛАГЕ. 1945–1955 гг.

А.А. Мелихов (Сыктывкар, Россия)

Статья посвящена Генриху Альтшуллеру, чья судьба так была связана с Севером России. Генрих Саулович Альтшуллер родился 15 октября 1926 г. в г. Ташкент. В 1946–1956 гг. главной целью жизни стала разработка теории решения изобретательских задач (далее – ТРИЗ). Эта технология творчества, основанная на идее о том, что «изобретательское творчество связано с изменением техники, развивающейся по определённым законам» и что «создание новых средств труда должно, независимо от субъективного к этому отношения, подчиняться объективным закономерностям». Появление ТРИЗ было вызвано потребностью ускорить изобретательский процесс, исключив из него элементы случайности: внезапное и непредсказуемое озарение, слепой перебор и отбрасывание вариантов, зависимость от настроения и т. п. Кроме того, целью ТРИЗ является улучшение качества и увеличение уровня изобретений за счёт снятия психологической инерции и усиления творческого воображения. Созданию и совершенствованию ТРИЗ, а, в конечном счёте, созданию теории сильного мышления, Г.С. Альтшуллер посвятил свою жизнь – около 50 лет [4].

В 1948 г. Альтшуллер написал письмо Сталину с критикой о том, что советское правительство согласилось отдать Америке трофейную патентную библиотеку Германии в обмен на трофейное металлообрабатывающее, полиграфическое и какое-то ещё оборудование. Альтшуллер резко осуждал это, и 28 июля 1950 г. был арестован МГБ СССР (Министерство госбезопасности), и без суда приговорён Особым Совещанием при МГБ к 25 годам лишения свободы.

Впервые я услышал о Генрихе Альтшуллере, читая учебное пособие профессора «Коми Республиканской Академии Государственной Службы и Управления» Морозова Николая Алексеевича, там он описывает свое знакомство с Альтшуллером. После этого я заинтересовался судьбой этого человека, и мне наудачу попала в руки книга коми историка Вениамина Полещикова «От Воркуты до Сыктывкара», в ней подробно описывалась судьба Альтшуллера, уже не как успешного управленца и ученого, а как человека, который прошел Воркутинский ГУЛАГ (Лагерный номер: 1-Ч-502).

После ареста Генриха Сауловича обвинили по пяти статьям. Первая статья обвинения касалась продажи государственных секретов за границу. Вторая статья обвиняла его в попытке перехода границы под водой Каспийского моря. Третья статья была за антисоветскую пропаганду. Четвертая статья обвиняла его в создании антисоветской организации. Пятая статья – незаконное хранение оружия. Здесь Альтшуллер признал себя виновным. Это был трофейный пистолет, который остался на память от его друга.

На Воркуте Генрих Саулович хотел работать в соответствии со своим образованием, и поэтому постоянно протестовал и за это постоянно сидел в карцере. Так продолжалось пока ему не поручили изобрести вращающуюся сцену для театра Воркутлага. Так он попал в производственный отдел шахтоуправления [1].

Одно время Альтшуллер занялся высшей математикой. Он считал, что когда-нибудь он сможет закончить институт. Вначале все шло хорошо, но, дойдя до интегрального исчисления, он бросил заниматься. Условия жизни в лагере не способствовали занятиям по математике.

В условиях широкого применения ручного труда у Альтшуллера не было возможности проявить свои изобретательские способности, о чем он сильно жалел. Ведь для Альтшуллера как для управленца, управление было элементом функционирования организационных систем различной природы. Будь то технические, социально-экономические системы, которым он сильно уделял внимание и посвятил в дальнейшем всю свою жизнь, изучая теорию решения изобретательских задач [2].

Генрих Саулович бывал на технических совещаниях, на которых, как правило, обсуждались сиюминутные проблемы, связанные с дефицитом материалов и инструментов. Альтшуллер вспоминал, что главный инженер, старый зэк, открывал совещание словами: «Первое предложение обсуждать не будем, сразу переходим ко второму». Старый меньшевик Абрамович пояснил Альтшуллеру, что под первым предложением понимается ликвидация Советской Власти. Вторые и последующие предложения сводились к хозяйственным вопросам. Ни новая техника, ни механизация и автоматизация, ни тем более изобретательство на таких совещаниях никогда не рассматривались. Тем не менее в лагере Генрих Саулович сделал несколько изобретений. Например, вращающуюся сцену для театра Воркутлага, о которой говорилось раньше [8].

Жил Генрих Саулович в общем бараке, где размещалось больше сотни человек. Когда после работы в барак приходили все зэки, то поднимался сильный шум, и обстановка была совсем не творческая. Прошло немало времени, прежде чем Альтшуллер сумел приучить себя размышлять и работать в таком «бедламе». Ведь находясь в Воркутинском ГУЛАГе, у Генриха Сауловича зарождалось много идей по поводу теории решения изобретательских задач, которая впервые была опубликована в 1956 г., спустя два года после его освобождения с Воркутлага.

Можно сказать, что пребывание Генриха Сауловича на Воркуте научило его концентрироваться на деталях, что помогло ему в дальнейшем провести исследование более 40 тыс. авторских свидетельств и патентов на основе выявленных закономерностей развития технических систем и приёмов изобретательства, без которых бы не появилась в полной мере такая теория как ТРИЗ, которая в настоящее время используется во многих науках.

5 марта 1953 г. умер Сталин, была объявлена амнистия пятилетникам. В это время отец товарища Альтшуллер Р. Шапиро, с которым они отбывали срок по одному делу, обратился с просьбой к Ворошилову, председателю Президиума Верховного Совета СССР, о помиловании его сына, и была дана команда о пересмотре дела.

В 1954 г. началась процедура пересмотра дела самого Альтшуллера. Ему дали понять, что возможна замена его 25-летнего срока на 5 лет, но Генрих Саулович был намерен добиться досрочного освобождения. В первых четырех статьях обвинения комиссия не нашла никаких доказательств преступления. Оставалась статья о незаконном хранении оружия. Были приняты во внимание доводы Альтшуллера, что пистолет, подаренный боевым товарищем, не имел патронов и поэтому не представлял никакой опасности, и что прошло уже 5 лет – максимальный срок наказания за такое преступление. Комиссия сняла 22 октября 1954 г. также и это обвинение.

Таким образом, все пять статей обвинения были сняты ввиду отсутствия улик. Альтшуллер был не реабилитирован, как пишут о нем теперь, а именно освобожден, как незаслуженно арестованный. Таким же образом и был освобожден и Р. Шапиро.

Так закончился один из сложных этапов жизни Генриха Сауловича Альтшуллера. Его жизненный путь и опыт преподавания ТРИЗ убеждают нас в том, что человек, преданный науке и своему призванию, не теряет присутствия духа даже в самых тяжелых ситуациях, и это – достойный уважения пример для подражания.

Источники и литература

1. Альтшуллер Г.С. Алгоритм изобретения. 2-е изд. М.: Московский рабочий, 1973.
2. Альтшуллер Г.С. Как научиться изобретать. Тамбов: Тамбовское кн. изд-во, 1961.
3. Альтшуллер Г.С., Шапиро Р.Б. «О психологии изобретательского творчества» // Вопросы психологии. 1956. № 6. С. 32–40.
4. Альтшуллер Г.С. Основы изобретательства. Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1964.
5. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М.: Советское радио, 1979.
6. Морозов Н.А. Воркутлаг Историко-культурный атлас // Республика Коми. М.: Дрофа, 1997. С. 132–133.
7. Морозов Н.А. ГУЛАГ В КОМИ КРАЕ 1929–1956. Сыктывкар, 1997. С. 49–55.
8. Полещиков В. От Воркуты до Сыктывкара: Судьбы евреев в РК. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 52–57.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КОМИ

В.Н. Шехонин (Сыктывкар, Россия)

Человек в истории репрессий – фигура центральная, вокруг неё и во имя неё строится решение проблем, связанных с этой историей. Человеческие взаимоотношения – одна из таких проблем.

Под понятием «взаимоотношения» предполагаются связи между людьми, их взаимонаправленность, наличие ответного отношения друг к другу, основанное на определенных побуждениях (интерес, понимание необходимости взаимодействия, сотрудничества, общения и т.д.), совместной деятельности, сопровождающееся тем или иными эмоциями и чувствами, а также определенным поведением.

Проблема взаимоотношений встаёт особо остро, если рассматривать не просто людей, а людей, разделённых по каким-то критериям, особенностям. Одним из таких критериев является, по сути, свобода и воля человека, а точнее, его положение относительно колючей проволоки: с одной стороны – заключенные, пребывающие в лагере, с другой – местное население. Под термином «местное население» подразумеваются не только коренные жители, но все люди, проживающие на данной территории в определенный период времени, не находящиеся в заключении.

При изучении проблемы среди особенностей взаимоотношений чаще других прослеживается их эмоциональная, психологическая составляющая. В первую очередь, это касается отношения местного населения к заключенным. В интервью журналисту Финно-угорского Интернет-портала кандидат исторических наук, главный редактор Коми республиканского мартиролога жертв политических репрессий «Покаяние» М.Б. Рогачев высказал мнение, что «во времена ГУЛАГа местные с лагерниками вообще не общались, у них было резко отрицательное отношение к сидевшим в лагерях. Это понятно: кто за решеткой, тот представляет опасность» [1].

Как подтверждение, так и опровержение этим словам можно обнаружить в воспоминаниях, так как именно в данном виде источников наиболее ярко присутствует эмоциональная составляющая. В воспоминаниях Т.В. Петкевич «Жизнь – сапожок непарный» присутствуют факты как негативного, так и сочувственного отношения местного населения к заключенным. Т.В. Петкевич пишет, что, когда они разъезжали по лагерям и населенным пунктам Коми АССР с организованным в Княжпогостском лагере Театрально-эстрадным коллективом, то в Яренске распорядились селить коллектив в гостиницу. Но заселявшие ее командировочные возмутились: «Жить вместе с преступниками? Безобразие! Нас обворуют! Пристукнут! Ах, они не воры и не убийцы? Ну так тем более, с контриками-сволочами рядом быть не желаем!» [2]. Кроме жёсткой отрицательной эмоциональной составляющей со стороны местного населения, здесь сразу же прослеживается разделение отношения к уголовникам и политическим.

Абсолютно противоположным по характеру является запечатленный в воспоминаниях Т.В. Петкевич случай: «Одно яренское впечатление по сию пору теснит мне душу. Днем нас, хоть и беспорядочным строем, но все-таки под конвоем, водили в столовую. <...> На одном из домов вывеска: «Детдом № 7». На крыльце его гомонила группа чем-то чрезвычайно озабоченных детей пяти-шести лет. Две воспитательницы им что-то наказывали, объясняли. Дети нетерпеливо толкались, оглядывались, и едва мы поравнялись с их приютом, как они оттуда, словно горох, посыпались на нас, торопливо рассыпав нам в руки небольшие кулечки. Толчая, неразбериха детских голосов: «Возьмите! Это – вам! Вам!» Ничего еще не поняв, в растерянности, мы пытались взять кого-нибудь из них на руки, но они опрометью бросились назад. В кулечках из исписанных тетрадных листов лежало по морковке и паре кусочков сахара» [3].

Помимо эмоциональной стороны взаимоотношений между местными и заключенными немаловажными являются их культурные особенности. Уже упомянутые театры, сформированные в лагерях, выступали не только для эков, но давали концерты и для вольных. Александр Соломонович Клейн писал о Воркутинском театре: «Искусство театра активно влияло на всю атмосферу жизни заполярного города...» [4]. В области медицины также возникали свои взаимоотношения. Местные врачи имели возможность получать широкие знания от заключенных врачей-профессоров, обмениваться опытом. Как пишет врач-патологоанатом, преподаватель Виктор Александрович Самсонов в своих воспоминаниях: в Ухтижемский ИТЛ «доставлялась в грузовой машине под конвоем и группа ветлосянских медиков-заключенных – это было настоящим праздником: выбравшиеся из зоны медработники имели возможность широкого человеческого и профессионального общения, обмена опытом» [5]. Ученые-специалисты других областей, являясь заключенными, также часто работали совместно с вольными в научно-производственных организациях. Случалось, что заключенные ставились во главе групп состоящих из вольных. Инженер-металлург Башилов Иван Яковлевич руководил лабораторией на Ухтинском радиовом заводе, в его подчинении находилось несколько добровольно приехавших на Север химиков [6].

Взаимоотношения культурного плана в данном случае тесно связаны с бытовыми. Занимаясь тяжелым трудом, заключенные часто пересекались с вольнонаемными работниками. Как пишет тот же Самсонов: «Приехав в Воркуту по вольному найму, получив инструктаж о том, с какими врагами народа им придется работать <...> вольнонаемные быстро убеждались в лживости инструктажа и видели в нас таких же людей, как они сами» [7].

Еще одна сторона бытовых взаимоотношений, которую необходимо описать отдельным пунктом, это организация местным населением помощи заключенным в установлении связи с родными. Елена Владимировна Маркова в своих воспоминаниях «Жили-были в XX веке» пишет, что многие документы, письма, фотографии она смогла сохранить именно при помощи вольных, пересылая через них документы маме: «Нас, каторжан, строго регламентированных в переписке, окружали ссыльные, вольные (в прошлом чаще всего – политзаключенные) и декабристки, которые помогали нам поддерживать связь с родными.<...> Также лекарства порой удавалось доставать через вольных» [8].

Помимо эмоциональных, культурных, бытовых нужно также рассмотреть взаимоотношения гендерные. Половых взаимоотношений между группами людей, находящимися по разные стороны колючей проволоки, в лагерях Коми АССР избежать не удалось.

В системе каторжных лагерей, по словам Е.В. Марковой, лагерей матери и ребёнка не было, мужчины и женщины находились в изолированных зонах. «Вольные мужчины строго наказывались за связь с каторжанками. Казалось, все было предусмотрено, все продумано. И вдруг – появились дети!» [9].

В воспоминаниях Т.В. Петкевич взаимоотношения между полами тоже нашли своё отражение: «Вместе с такими же заморенными женщинами я теперь старательно выполняла задания агронома Зайцева. В обеденный перерыв бригада грелась у костра. К Зайцеву прибегала вольнонаемная девушка-агроном, приехавшая работать на Север. Опытные женщины говорили, что они друг друга любят, и ворчали: «Чего на рожон лезут? Ведь при конвое! Прятались бы хоть как-то!». Указанные факты происходили в Северном-Железнодорожном лагере. Окончилась история этой девушки печально, от заключённого она и забеременела, и чтобы не подставить его, сама сделала себе аборт, после чего умерла в Урдомском лазарете, когда Петкевич работала там медсестрой [10].

На основании исследования воспоминаний было выявлено несколько особенностей взаимоотношений между заключенными и местным населением Коми АССР в 1940–1950-е гг.: 1) эмоционально-психологические; 2) культурные; 3) бытовые; 4) гендерные взаимоотношения.

Таким образом, на территории Коми АССР в 1940–1950-е гг. взаимоотношения между заключенными и местным населением проявлялись в различных формах, представляющих собой целые комплексы разнообразных взаимодействий.

Источники и литература

1. Михаил Рогачев: ГУЛАГ – судьба Республики Коми [Электронный ресурс] / FINNOUGR.RU – Режим доступа: http://www.finnougr.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=4861&commentId=6339 (Дата обращения 26.10.2010).
2. Петкевич Т.В. Жизнь – сапожок непарный: Воспоминания. СПб., 1993. С. 283.
3. Там же. С. 284.
4. Клейн А.С. Улыбки неволи. Сыктывкар, 2007. С. 200.
5. Самсонов В. А. Жизнь продолжится: Записки лагерного лекпома. Петрозаводск, 1990. С. 148.
6. Башилов И. «Добывает радий по моему способу» // Ухта. 1991. 28 марта.
7. Самсонов В. А. Жизнь продолжится: Записки лагерного лекпома. Петрозаводск, 1990. С. 148.
8. Маркова Е.В. Жили-были в XX веке. Сыктывкар, 2006. С. 14.
9. Там же. С. 17.
10. Петкевич Т.В. Жизнь – сапожок непарный: Воспоминания. СПб., 1993. С. 212.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИДЕОЛОГИИ ГУЛАГА

В.П. Гладышев (Вильгорт, Россия)

Во взаимоотношениях российских людей власть всегда была сакрализована. Еще больше была сакрализована Сила как аспект власти. Сила должна быть персонифицированной, воплощенной в ком-то одном, иначе она не убеждает [1]. Это должен быть человек, вожак, вождь, от кого можно ожидать, что его железная рука наведет наконец порядок. Большая масса людей и сегодня убеждена, что «Сталин» и «порядок» – синонимы. Что на самом деле это не так, свидетельствуют множественные факты. Вот лишь некоторые.

В сентябре 1935 г. И. Сталин в письме членам Политбюро писал из Сочи: «Неразбериха и дурацкая специализация дают возможность органам Наркомздрава валить ответственность друг на друга, на бога, на чёрта и не знаю ещё на кого» [2].

Завод № 80 г. Дзержинска Горьковской области в годы Второй мировой войны является основным поставщиком боеприпасов для Красной армии, но дисциплина и порядок не были налажены должным образом даже на военном заводе: «В течение 1942 г. из завода № 80 были уволены или сбежали 12 600 человек» [3]. «В феврале 1942 г. из запланированных 316 вагонов боеприпасов из Саратова на фронт не поступило ни одного (!)» [4].

Поклонение Силе есть способ ощутить собственную силу через идентификацию с ней. Одно из самых нежелательных и болезненных переживаний – ощущение собственного бессилия, постоянно присутствующее в подсознании как фон. Сила как наркотик, и он заполняет пустоту от ощущения собственной ничтожности, обещает утоление тоски по своей полноценности, величию и свободе. Отсюда проистекает стремление тоталитарных режимов для придания чувства полноценности массам к монументальности и пышности военных и физкультурных парадов, демонстраций, слётов, съездов, конференций, собраний и т.п.

Кризис идентичности в нестабильных социальных системах создает психологическое напряжение и желание снять это напряжение. Чаще всего это самосознание себя создает из демонстрации собственного могущества и непобедимости. В лексиконе И. Сталина и его окружения не редки слова вроде «слабых бьют», «дать в морду» и т.п.

Вся страна в 1930–1940-е гг. пела:

«И добили – в песня в том порука – всех врагов в атаке огневой»;

«В ответ дивчина гордая...! –

«Когда вернёшься с орденом – тогда поговорим»;

«Не страшна нам бомбёжка любая»,

«С той поры по всей округе потеряли злодеи покой...» [5].

Взрослый человек по определению экзистенциально одинок. Он самостоятельно принимает решения и несет за них ответственность, сам выбирает жизненный путь и формирует своё будущее. Другое дело ребенок. Он полагается на родителей, которые опытнее, осведомленнее и способны держать событие под контролем. Детская зависимая позиция весьма привлекательна – она дает возможность «почувствовать себя под отеческой заботой и не беспокоиться о принятии решений» [6].

Ответственность несет сильный смысл – если что-то пойдет не так, то позиция «ребенка» «дает возможность положиться на призыв, приказ, воззвание «Родины – Матери», Партии, Вождя («Родина помнит, Родина знает»). Не случайно одним словом «Хозяин» называли и Верховного и начальника лагеря.

Власть возникает как взаимодействие воли к ней у других и подчинением добровольному рабству у других. Как считает З. Фрейд, в психике человека меняются структуры, делающие его предпочтение рабству свободе ради личной защищённости и успокоения» [7]. В мемуарной литературе много фактов, когда даже боевые заслуженные генералы терпели унижение от вышестоящих начальников. Например, артист Б. Сичкин свидетельствует: «В резиденции маршала (Г.К. Жукова) обслуживающий персонал состоял из лиц мужского пола не ниже генерал-майора; они чистили сапоги маршалу, накрывали на стол, убирали со стола, когда они выслушивали распоряжения маршала, то сгибались до пола» [8]. Ещё один аспект, который делает Власть и Силу привлекательными, – использование положения сильного, словно он не подчиняется правилам, единым для всех остальных. Сила сильных заключается в возможности эксплуатировать слабых. Не случайно в годы ГУЛАГа расцвели многочисленные спецназы, спецотделы, спецстроительства, спецпаyki. И не даром слово «беспредел» из тюремного сленга. Его смысловые родственники – беззаконие, бесправие, притеснение, произвол – слишком литературны, и они не в состоянии отразить дикость нравов и понятий, по которым живет не только зона, но и всё общество. Вспоминает М.И. Сукнёв, бывший командир штрафного батальона: «Как назло, рядом в лесу встал из резерва батальон связисток. Одесситы сразу ко мне, просят разрешить им пригласить в гости девчат-связисток».

«Вам, товарищ комбат, приведём самую красивую!» Знаю, если отказать – в бою первая же пуля моя! Что делать? Придётся разрешить. И ночь прошла на половину весело, и даже СМЕРШ прозевал, а комиссар промолчал» [9].

Ощущение того, что мы кому-то нужны и небезразличны, – одна из наших потребностей. Работник Великоустюжского музея Е.В. Куканова в 1937 г. попала под необоснованное подозрение партийного руководства и была на грани отчаяния. Кто же мог вывести её из этого состояния? Конечно же Иосиф Виссарионович! Вот что она пишет в своём дневнике: «Только имя Сталина поддерживает меня, чтобы не покончить с собой. Сталин сказал бы: «Не большевик, если так сделал». Да, это не большевикovsky выход. Буду тверда в воле и буду до конца большевиком» [10].

Сильный лидер – источник сильных эмоций: он и накажет, и шубой с барского плеча наградит, ты с ним не чувствуешь себя одиноким. Достаточно вспомнить судьбы тысяч офицеров, генералов, партийных деятелей, которые, пройдя тюрьмы и лагеря, впоследствии были награждены высокими наградами. Выражение «искупить вину кровью» – далеко не простые слова. На декабрь 1943 г. количество штрафников в Красной Армии составило 177 694 чел. [11] – практически 15-17 дивизий.

«Бьёт – значит любит!», «Бойтся – значит уважает!», «Бей своих, чтоб чужие боялись!» – этому принципу следовали не только вожди тоталитарного режима, но и многие другие, на мизинец приподнявшиеся в государственной системе, – партийные функционеры, десятники, бригадиры, надзиратели, сержанты, вахтеры, не говоря уже о директорах, министрах, секретарях обкомов.

Бесстрашие, отчаянность и бесшабашность – признаки иммунитета против страха – есть логическое продолжение страха, сидящего глубоко в подсознании. Страх, как психическая энергия, ищет пути канализации, и выброс агрессии в адрес определенного объекта является одним из таких каналов [12].

В обществе эта цепочка «страх – агрессия» характеризуется тревожностью от нестабильности и непредсказуемости ситуации. В обстановке, когда страна перманентно имеет дело с разнообразными «врагами», страх и агрессия воспроизводятся легко. Но как справедливо заметил Э. Берн: «Люди думают, что они стремятся к безопасности, но в действительности они стремятся к ощущениям безопасности» [13]. А эти ощущения, прививку против страха, с одной стороны, давала вера в Отца, Вождя, Хозяина, Партию, которую он же и олицетворял. А с другой стороны – культ массового героизма и ударного труда на всевозможных «фронтах», бесконечное укрепление обороноспособности и поиски «врага».

Даже в учебнике по истории СССР для III – IV классов, изданном в 1937 г., содержались такие пассажи: «Шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и сёла. Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выловить фашистских агентов».

И всё же сформировавшаяся тоталитарная система, где ГУЛАГ, по сути, – вся страна, сохраняла в себе своеобразные ниши, где функционировали элементы иной, объективно антисталинской формации. Репрессии и чистки так и не искоренили до конца инакомыслия, критику «генеральной линии».

Источники и литература

1. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл – Бук, К.: Ванклер, 2000. С. 81.
2. Борисенко Ю.А., Кошелева Л.В. Сочи строится дорого, но хорошо // Родина. 2009. № 1. С. 96.
3. Зефилов М.В., Дегтев Д.М. Как на самом деле ковалась Победа. М.: АСТ, 2009. С. 407.
4. Зефилов М.В., Дегтев Д.М. Как на самом деле ковалась Победа. М.: АСТ, 2009. С. 316.
5. Песенник / Под ред. Н.И. Созонова. Йошкар-Ола, 2000. С. 79, 88, 97, 99.
6. Берн Э. Игры, в которые играют люди. СПб.: Лениздат, 1992. С. 44.
7. Фрейд З. Психопсихология. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С. 286.
8. Бешанов В.В. 1945. Год ПОБЕДЫ. М.: Яуза-пресс, 2011. С. 29.
9. Сукнёв М.И. Записки командира штрафбата. 1941–1945. М.: ЗАО Центрпротометраф, 2007. С. 153.
10. Бысть на Устюге / Под ред. А.В. Быкова. Вологда: ЛИС, 1993. С. 250.
11. Дайнес В.О. Штрафбаты и затракторы Красной Армии. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 435.
12. Берон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. С. 134.
13. Берн Э. Введение в психиатрию и психиатрический анализ для непосвящённых. СПб.: МФИН, 1992. С. 65.
14. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и Советское общество. М.: Республика, 1991. С. 171.

3. НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ РОССИЙСКИЕ НА СЕВЕРЕ: МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, БЫВШИЕ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ИЛИ ССЫЛКЕ В КОМИ КРАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ БАЗЫ ДАННЫХ ПСТГУ «ЗА ХРИСТА ПОСТРАДАВШИЕ»)

О.И. Хайлова (Москва, Россия)

В этом году исполняется 40 лет со дня кончины выдающегося историка периода гонений на Русскую Церковь, или как он сам себя называл, «каталогизатора» Михаила Ефимовича Губонина. Двадцатилетним юношей иподиаконом Святейшего Патриарха Тихона он начал сбор документов о современной ему церковной жизни и, претерпев ссылку, не оставил этого опасного в те времена вида деятельности до конца своих дней [1].

Сбор сведений о пострадавших был благословлен Поместным Собором 1917–1918 гг., а властями преследовался как проявление клеветы на советский строй [2]. Различные списки репрессированных попадали по налаженным каналам за границу, где уже в 1920-е гг. началось издание книг о гонениях на Церковь. Автор вышедшей в 1940–1950-е гг. книги «Новые мученики российские» протопресвитер Михаил Польский был в заключении в Коми, откуда в 1930 г. совершил побег за границу. В нашем Университете скоро выйдет книга об источниках тех лет, отражавших гонения на Церковь, под названием «Голоса из России» [3].

Для нас важным источником является разработанная в нашем Университете ныне покойным профессором Николаем Евгеньевичем Емельяновым база данных «За Христа пострадавшие». В настоящее время в ней около 34 тыс. имен.

В нашей Базе данных оказалось около восьмиста человек, пострадавших в Зырянском крае (Коми области) за православную веру. Часть из них внесена из нескольких томов книг памяти «Покаяние», но есть имена и из других источников. О пострадавших в Коми наиболее известных деятелях Русской Православной Церкви – Ее епископах рассказывается в статье М.Б. Рогачева «Кровью истину соблюдшая» [4]. О некоторых из них вышли отдельные книги, например, о священномученике Кирилле (Смирнове), священномученике Серафиме (Звездинском), священноисповеднике Афанасии (Сахарове), священномученике Фаддее (Успенском) [5]. К каждой биографической справке Базы данных прилагается список источников о каждом пострадавшем. Сегодня хотелось бы рассказать, используя материалы Базы данных ПСТГУ, об именах, быть может, не так хорошо известных здесь в Коми, но значимых для Русской Церкви. База данных позволила нам получить с учетом истории репрессивных органов в СССР один из приемлемых вариантов периодизации гонений. Почти каждый из полученных восьми периодов имеет деление на два-три временных отрезка. С помощью этой схемы с определенными поправками, учитывающими особенности местной истории, можно исследовать гонения на Церковь в каждом регионе страны.

Первый период. 1917–1921 годы. За гонения на Церковь, пока еще спорадические, отвечают VIII «ликвидационный» отдел Наркомюста и ЧК. Период делится на два временных отрезка **датой объявления красного террора – сентябрем 1918 года**. В первом временном отрезке происходит стихийная расправа со служителями Церкви и захват церковного имущества, закрытие некоторых храмов и монастырей. А во втором временном отрезке объявляется красный террор, начинается «могучая эпопея», происходит превращение монастырей в трудовые коммуны.

В Коми среди жертв красного террора пострадало в основном местное духовенство: священник села Усть-Нем Димитрий Спасский, священник Владимир Юшков из церкви Рождества Богородицы с. Локчим, православный миссионер Степан Клочков и др.

Второй период. 1921–1927 годы. Гонения на Церковь, с этого времени планомерные, осуществляет ВЧК, реорганизованное позднее в ГПУ и ОГПУ. Непосредственным начальством этого органа являются Политбюро и специально созданная Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б). Внутри второго периода три временных отрезка: Первый – с **1921 по 1923 годы** охватывает такие события как изъятие церковных ценностей и обновленческий раскол. Обновленцы, образовавшие по мысли Троцкого «сменовеховское» советское крыло Церкви, создают параллельные структуры церковной власти, захватывают храмы и монастыри. Репрессии в этот отрезок направлены против контрреволюционного, по выражению того же Троцкого крыла Церкви – «тихоновцев», замышляется открытый процесс против Патриарха Тихона. Второй временной отрезок второго периода – с **1923**

по 1925 годы характерен усиливающимся давлением на Патриарха Тихона с целью отстранения его от власти после провала идеи об открытом процессе над ним. Третий временной отрезок второго периода – **с 1925 по 1927 годы** – время после кончины Святейшего Патриарха Тихона, в которое осуществляется преследование назначенных им преемников Высшей Церковной власти в Русской Церкви – митрополитов Кирилла, Агафангела и Петра. Власти создают новую параллельную структуру в Церкви – происходит т. н. григорианский раскол. Неудача и этого начинания толкает власти на дальнейший поиск путей разделения Церкви.

В этот второй период в Коми прибывают партии сосланных по церковным делам. В январе 1923 г. в Усть-Сысольск прибыл в составе первой большой партии митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) – указанный первым кандидатом на Местоблюстительство Патриаршего престола в завещательном распоряжении Святейшего Патриарха Тихона. Священномученик Кирилл был расстрелян в 1937 г., близ г. Чимкента. Его святыми братьями по Зырянской ссылке 1923 г. были епископ Звенигородский Николай (Добронравов), принявший в 1937 г. мученическую кончину в Бутове под Москвой, архиепископ Фаддей (Успенский), расстрелянный в 1937 г. в г. Тверь, епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), расстрелянный в г. Омск в 1937 г., архиепископ Кинешемский Василий (Преображенский), умерший в 1945 г. в ссылке в Красноярском крае. Все они были прославлены позднее в лике новомучеников и исповедников Российских. До конца открытых гонений на Церковь дожили из Зырянских ссыльных этой партии священноисповедник епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) и митрополит Николай (Ярушевич). Большая часть партии жила в Усть-Сысольске.

С 1925 по 1927 г. в Коль-еле в ссылке находился будущий митрополит Алма-Атинский Иосиф (Чернов), пока не прославленный. В более позднюю партию ссыльных 1926 г. входили архиепископ Евгений (Зернов), отправленный в Зырянский край прямо с Соловков за подготовку обращения соловецких епископов к советскому правительству, епископ Парфений (Брянских), арестованный в 1925 г. в Москве по делу митрополита Петра (Полянского). Их имена включены в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Из малоизвестных зырянских страдальцев этого периода хотелось бы рассказать о двоих – секретаре Святейшего Патриарха Тихона преподобномученике Неофите (Осипове) и мученице Татьяне Гримблит.

Архимандрит Неофит был студентом Холмской семинарии в годы инспекторства и ректорства там Святейшего Патриарха Тихона, который с тех пор из самых дальних уголков земли отеческим взором следил за становлением своего воспитанника, а в 1918 г. пригласил его на должность своего секретаря. В 1923 г. о. Неофиту было 48 лет, но единомышленники звали его Аввой, так как он, по-видимому, отличался особой духовной мудростью, по крайней мере, достоверно известно от епископа Афанасия (Сахарова), что о. Неофит знал наизусть Псалтирь с номерами стихов и очень хорошо знал Священное Писание, которое стало для него руководством во всех жизненных ситуациях. Посредством Священного Писания он проверял различные богословские понятия: «Имя Божие», «святой страх и святой стыд», «правда Божия» и другие. Библейские толкования и размышления на церковные темы о. Неофита передавались и позднее в конце 1920-х и в 1930-е гг. из рук в руки в среде единомышленников, и, по словам митрополита Кирилла, помогали ему в оценке создавшейся в Церкви ситуации в 1927 г. Отец Неофит был четырежды арестован, прошел тюремное заключение, ссылки, лагерь. Его сподвижник архиепископ Серафим (Самойлович) писал: «Какие трудности пришлось пережить Авве, какое томление духа, от которого я содрогаюсь. Не нам нужно утешать его, но от него ждать утешения» [6]. Люди, знавшие о. Неофита, называли его труды «чудными произведениями», а его жизнь «дивным житием» [7]. Здесь в Коми области с именем прославленного в лике святых от Московской епархии преподобномученика Неофита связано село Усть-Вымь, где он находился в ссылке с 1923 по 1925 г. Архимандрит Неофит был расстрелян в 1937 г. в Мариинских лагерях [8].

Мученица Татьяна Гримблит была в ссылке в Коми с 1926 по 1927 г. Она повторила подвиг великомученицы Анастасии Узорешительницы и праведного Филарета Милостивого. С необычайной энергией она заботилась о собирании и отправлении посылок для узников, ухаживала за больными. Один из узников, также прошедший через ссылку в Зырянский край – епископ Иоанн (Пашин) незадолго до мученической кончины Татьяны на Бутовском полигоне в 1937 г. писал ей из лагеря: «Родная, дорогая Татьяна Николаевна! Письмо Ваше получил... Оно дышит такой теплотой, любовью и бодростью, что день, когда я получил его, был для меня один из счастливых, и я прочитал его раза три подряд, а затем еще друзьям прочитывал: владыке Николаю и отцу Сергию – своему духовному отцу... Вы – по милости Божией – поняли, что высшее счастье здесь – на земле – это любить людей и помогать им» [9].

Третий период. 1929–1936 годы. В это время власти используют тактику борьбы с Церковью руками ее служителей. Продолжает действовать и Антираелигиозная комиссия, но в 1929 г. управление репрессиями переходит непосредственно в руки Политбюро ЦК. Здесь можно отметить три временных отрезка. Первый – **с июля 1927 года до декабря 1929 года**, когда выходит Декларация митрополита Сергия и начинаются репрессии против ее противников, а Е.А. Тучков планомерно проводит через митрополита Сергия политику разделения Церкви. Второй временной отрезок – **с декабря 1929 года до 1932 года** охватывает коллективизацию и репрес-

сии в отношении сельского духовенства, усиление экономического давления на служителей Церкви и репрессии против «непоминающих». В это время сотни тысяч крестьян, попавших в разряд «спецпереселенцев» гибнут в степях Казахстана и болотах тайги. Проходит первая «Безбожная пятилетка». Третий временной отрезок с **1932 по 1936 годы** содержит такие печальные события, как повсеместное закрытие и уничтожение храмов, укрепление системы ГУЛАГА, построенной на человеческих костях.

В Коми области в это время появляются раскулаченные спецпереселенцы и начинаются строительство и заселение многочисленных лагерей. 1930-е гг. – это время групповых дел так называемых «контрреволюционных организаций», во главе которых значились епископы. Так, некоторые проходившие по делам «группировок» епископа Дамаскина (Цедрика), епископа Стефана (Беха), епископа Иерофея (Афонины) (последнего уже не было даже в живых) священники и миряне были сосланы в Коми, причем сами епископы при этом получали более строгое наказание – расстрел или лагерь.

В начале 1930-х гг. в Коми из высшего духовенства находился в лагере архиепископ Агапит (Борзаковский), а в ссылке – прославленные в лике святых епископ Герман (Ряшенцев) и епископ Виктор (Островидов).

Скученность спецпереселенцев была такая, что в один дом набивалось по двадцать человек – ночью весь пол занимали спящие. Свиристествовал голодный тиф, посылки из дома задерживались, так как почта плохо работала. Пайок для нетрудоспособных был ничтожным, были случаи, когда ссыльных выселяли из домов, выгоняя на мороз. Об ужасах переселенческой и лагерной жизни в суровых здешних климатических условиях остались воспоминания страдальцев, их письма [10].

Четвертый период. 1937–1938 гг. Осуществляется планомерное истребление народа, в том числе служителей Церкви, под руководством Сталина и Политбюро с помощью НКВД СССР и УНКВД по областям и регионам, Особого совещания при НКВД СССР и других репрессивных органов.

В Коми в это время были расстреляны епископ Герман (Ряшенцев), епископ Серапион (Шевалеевский), архиепископ Феодор (Поздеевский), целый ряд священников. В больнице Ухтпечлага скончался в 1938 г. митрополит Анатолий (Грисюк), прославленный от Одесской епархии.

Из малоизвестных имен хотелось бы назвать имя архимандрита Ардалиона (в миру священника Александра Пономарева), принявшего постриг в 1933 г. после смерти жены. Еще в 1905 г. он и его семья в Екатеринбурге сподобились принять в свой дом святого праведного Иоанна Кронштадтского во время поездки всероссийского пастыря по Уралу. Отец Ардалион служил в Свердловской и Челябинской епархиях. Он был настоятелем Вознесенской церкви Каслинского завода, а так как епископы в Челябинской епархии один за другим арестовывались, священноначалие предполагало о. Ардалиона как бы наградить саном епископа, чтобы он потом добивался регистрации. Но план не удалось осуществить. В январе 1937 г. о. Ардалион был арестован и проходил по групповому делу священнослужителей Челябинской области. Отец Ардалион попал в Ухтпечлаг в г. Чибью, а затем был переведен в Воркутлаг, где в июле 1938 г. скончался от истощения в стационаре «Адак». Его похоронили в отдельной могиле. Имя о. Ардалиона включено в Собор Новомучеников и исповедников Российских от Екатеринбургской епархии. За преступные методы работы в 1941 г. были расстреляны следователи, сфабриковавшие дело о. Ардалиона [11].

Пятый период. 1939–1943 годы. В это время происходит ослабление давления на Церковь в связи с изменением политического курса СССР в условиях Второй мировой войны. Можно выделить два временных отрезка: **1939–1940** – присоединение к СССР западных областей; бериевская реабилитация. **1941–1943**, сентябрь – разрешение Церкви патриотической деятельности во время Великой Отечественной войны; репрессии против «непоминающих»; ужесточение содержания заключенных в ИТЛ.

В Коми снова оказываются сосланные по групповым делам. Например, в Севпечлаг НКВД Коми АССР были направлены осужденные из г. Архангельск по делу схиепископа Петра (Федосихина) 1940–1941 гг.

Шестой период. 1943–1953 годы. Начинается курс на использование Церкви во внешнеполитических целях под контролем Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР. Здесь наблюдается два временных отрезка: **1943, сентябрь – 1948, лето** – возвышение Московской Патриархии, навязывание ей действий, выгодных властям; репрессии против духовенства, служившего на оккупированных территориях. **1948, лето–1953** – ослабление надежд Сталина на использование Церкви в политических целях; усиление репрессий против духовенства, служившего на оккупированных территориях; особый режим в ИТЛ; ссылки «навечно».

В 1945 г. в Воркуто-Печорский лагерь (Воркутлаг) был доставлен офицер, воевавший на фронтах Великой Отечественной войны и затем арестованный в Москве, где проходил лечение после ранения. Это был иеромонах Пимен (Извеков) – будущий Патриарх Московский и всея Руси. В 1930-е гг. он прошел Дмитлаг, но условия Воркутлага показались ему более суровыми [12].

В 1953 г. оканчивался десятилетний срок пребывания в лагере протоиерея из Ленинграда Михаила Рождественского, но он получил еще один десятилетний срок, который едва ли смог выдержать, если бы в 1955 г. не был освобожден на поруки.

Среди малоизвестных имен, пострадавших в Коми в эти годы, хотелось сказать несколько слов о протоиерее Петре Чельцове, который служил в Смоленске и Гусь-Хрустальном Владимирской области. Один из самых молодых участников Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. он прошел три лагеря и ссылку. После ареста в 1949 г. он попал по этапу в ИТЛ в пос. Инта Коми АССР, работал в лагере на лесоповале. В 1954 г. он обратился с заявлением к Генеральному Прокурору СССР, в котором говорилось: «Я три раза в лагерях, и ни разу меня не судили. В 1927 г. с физическим воздействием заставили подписать чистый лист бумаги. Когда я протестовал, почему должен подписывать чистый лист? Мне говорили: «А Вам не все равно, вы пишете: «предъявленное обвинение не признаю» и я подписал, а что на этом листу писалось потом, я ничуть не знаю... «Как мы Вас пропустили в 1937 г., когда мы всех зачищали?» Так говорил мне следователь в 1949 г. «Так в чем же я виноват и за что вы будете меня судить?», – спрашиваю я следователя Чугина и получаю ответ: «Вы сами понимаете: в случае войны на вас надеяться нельзя, и мы вас должны изолировать!» [13]. Освобождению о. Петра помогла не эта жалоба, а указ Президиума ВС от 3 октября 1955 г., которым престарелые инвалиды освобождались из лагерей под надзор МГБ. Отец Петр стал служить в Пятницкой церкви с. Великодворье Гусь-Хрустальнинского района, где его почитали как старца, было на службе огромное количество причастников. По молитвам о. Петра совершались исцеления. Одна из исцеленных им от рака монахиня говорила: «Люди к нему крестным ходом шли!» [14].

Показателен случай подписания о. Петром чистого листа бумаги.

Что же мог написать туда следователь? Мы знаем случаи, когда сведения брались из изъятой при обыске у арестованных их переписки. Так было, например, со следственным делом архиепископа Феодора (Поздеевского), расстрелянного в г. Сыктывкаре в 1937 г. Изъятые при аресте письма были использованы таким образом, что имена и адреса следователь внес в протоколы нескольких допрашиваемых, не позаботившись изменить даже стиль изложения. Факт фабрикации данного дела доказала исследователь Т. Петрова в книге «Последнее следственное дело епископа Феодора (Поздеевского)» [15].

Подобные случаи остро ставят вопрос о степени доверия к следственным делам, по которому в нашей Церкви сейчас нет единства: некоторые исследователи полностью доверяют следственным делам, считая, что фальсификация была невозможна, но сами мучители, будучи допрашиваемы в 1940-е гг. признавались, что не только им самим иногда приходилось заниматься сочинительством допросов, но некоторое время даже существовал специальный тип следователей – так называемые «литераторы», которые сочиняли протоколы от имени подследственных, в то время как другие – «забойщики» – выбивали подписи. Существовали и «штатные свидетели», которые вызывались в любое время суток и подписывались под угодными следователям показаниями [16].

Седьмой период охватывает 1953–1964 гг. В это время Политбюро во главе с Н.С. Хрущевым начинает курс на полную ликвидацию религии в СССР. Можно выделить два полупериода: **1953–1958** – Хрущевская «оттепель», разоблачение культа личности Сталина, освобождение и реабилитация части заключенных. **1958–1964** – резкий антирелигиозный настрой окрепшего партаппарата; экономическое давление на Церковь; гонение на монастыри; закрытие храмов.

Некоторые ссыльные оставались жить близ мест заключения по тяжкому состоянию здоровья, скудости средств и по нежеланию подвергнуться новому аресту в другой местности. В Коми одним из них был иеромонах Дамаскин (Жабинский), келейник епископа Афанасия (Сахарова), побывавший в Зырянской ссылке дважды – в 1920-е гг. и в с 1943 по 1948 г. В Сыктывкаре он прожил до своей кончины в 1955 г.

В восьмой период – с 1965 по 1988 гг. была применена тактика постепенного вытеснения Церкви из общественной жизни страны с одновременным использованием ее на международной арене. Антицерковные проявления наблюдались в финансовой политике государства. Власть вмешивалась в формирование церковных кадров и вела борьбу с церковными диссидентами. Последние два периода в Базе данных ПСТГУ отражены мало, так как расстрелы к тому времени прекратились, а число арестов было незначительным. С Церковью боролись по-другому.

База данных «За Христа пострадавшие» позволяет по географическому поиску найти имена отбывавших наказание в той или иной местности, в той или иной тюрьме, выявить имена убиенных за веру в данном месте массовых расстрелов и захоронений. Воспитательное значение Базы данных «За Христа пострадавшие» проявляется в полную меру, когда в ПСТГУ ежегодно проходит Олимпиада для школьников по основам православной культуры. Одно из заданий обычно посвящается новомученикам.

Конечно, собранные справки нуждаются в уточнении каждой отдельно взятой биографии. Мы будем рады сотрудничеству с исследователями из других епархий в целях улучшения качества Базы данных на общецерковную пользу.

Благодарю за помощь при составлении доклада научных сотрудников Отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ В.А. Гончарова и Л.С. Аристову.

Источники и литература

1. В издательстве ПСТГУ вышли следующие его труды: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб. в 2-х ч. / Сост. М.Е. Губонин. М.: ПСТБИ, 1994; Современники о патриархе Тихоне. М.: ПСТГУ, 2007, Т. 1–2; История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года, М.: ПСТГУ, 2006.
2. По обвинению в распространении так называемых клеветнических слухов о гонениях на Церковь были осуждены, например, мученик Иван Попов, А.И. Дросси и др. (См.: 11. База данных «За Христа пострадавшие». <http://pstbi.ru/>).
3. Автор книги – старший научный сотрудник ПСТГУ, к. и. н. Ольга Владимировна Косик.
4. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 7. С. 256–274.
5. Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М.: Сретенский монастырь, 2004; Все вы в сердце моем: Жизнеописание и духовное наследие Священномученика Серафима (Звездинского епископа Дмитровского) / Сост. И.Г. Минькова. 2-е изд. испр. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007; Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и прим. О.В. Косик. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000; Священномученик Фаддей (Успенский; 1872–1937), архиепископ Тверской. Творения. Кн. 1–2. Тверь: «Булат», 2002–2003; Архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский). Воспоминания А.И. Кузнецова // Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 317–364 и другие воспоминания о священномученике Фаддее, опубликованные в этом же издании.
6. Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. М.: ПСТГУ, 2006.
7. Письмо митрополита Кирилла Смирнова архимандриту Неофиту (Осипову) от 15 апреля 1934 г. // Акты. С. 868; Непубликованные письма Татьяны Катуар епископу Афанасию (Сахарову) (исследователь О.В. Косик).
8. О нем см. подробнее: Дамаскин (Орловский), игум. Преподобномученик Неофит (Осипов) // Московские ЕВ. 2009. № 1–2; Хайлова О.И. Преподобномученик Неофит (Осипов) и его богословское наследие // Материалы Ежегодной богословской конференции ПСТГУ 2011 г.
9. Кривонос Ф., свящ., Щеглов Г.Э. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Мозырско-Туровский (1923–1926) и Рыльский (1929–1932). Минск, 2004.
10. «Все, что было нажито в хозяйстве, отобрали в 1931 г., всю семью выселили» // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 4. Ч. 1. С. 693–749; Осипова И.И. Новые материалы о преследованиях за веру в советской России // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 136; Игнатов М.Д. Написано кровью и слезами // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 2. С. 316–338; Малкова Н.А., Малкова Т.А. Зырянская ссылка эсера С.Ф. Рыбина-Луговского // Гулаг на Севере России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Сыктывкар, 2011. С. 20.
11. Пономарева О. «Печаль ваша в радость будет». М.: «Русский Хронограф», 2003. С. 12–27, 231–238.
12. У пещер Богом зданных: Псково-Печерские подвижники благочестия XX века / Сост. Ю.Г. Малков, П.Ю. Малков. М.: Правило веры, 1999. С. 508–518.
13. Евсин И. Крестоношение: жизненный путь священноисповедника Петра Чельцова. М.: ПСТГУ, 2011. С. 93–96.
14. Там же. С. 104.
15. Петрова Т.В. Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). М.: Данилов монастырь: Даниловский благовестник, 2010.
16. Головкова Л.А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских. М.: ПСТБИ, 2000. С. 4, 8.

ССЫЛКА СТАРЦА ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ ГУРЬЯНОВА В ЗЫРЯНСКИЙ КРАЙ

Иерей Димитрий Гераськин (Сыктывкар, Россия)

Причиной ареста и ссылки будущего старца протоиерея Николая Гурьянова (24 мая 1909 г. – 24 августа 2002 г. †) явились его исповедничество и защита Православной веры, Церкви и поруганных святынь. Он стал очевидцем начавшегося в конце 20-х гг. XX в. разрушения храмов в Ленинграде и выступил против закрытия одного из городских храмов, расположенных недалеко от Педагогического института, в котором он учился. За это Николая Гурьянова в 1929 г. исключили из числа учащихся, он покинул город на Неве и некоторое время служил псаломщиком в Никольской церкви с. Ремда Середкинского района Псковской области и одновременно преподавал в школе математику, физику и биологию. Вскоре Николай Гурьянов был арестован, начались его заключение и ссылка [1].

Суд над двадцатилетним Николаем Гурьяновым, состоявшийся в Ленинграде 7 мая 1930 г., постановил: «Николая Алексеевича Гурьянова выслать на два года за контрреволюционную агитацию». Местом ссылки было определено с. Сидоровичи Розважеского района Киевского округа. Местный священник с состраданием отнесся к ссыльному юноше, и Николай Гурьянов стал служить псаломщиком в местном храме. Жил Николай на квартире церковного старосты и председателя церковного совета Архипа Комаренко. Менее чем через год, весной 1931 г., на Николая Гурьянова и некоторых других жителей села поступил донос: «Актив села Сидоровичи доводит до вашего сведения, что в селе Сидоровичи живут некоторые нежелательные элементы и занимаются агитацией против советской власти и против коллективизации, а сами они – куркули [кулаки] ... и разлагают колхозную работу...». Из доноса на Николая Гурьянова: «... В июле месяце 1930 г. прибыл в с. Сидоровичи, взят на должность дьяка, устроился на квартире у председателя церковной общины Комаренко. Используя то, что к взрослым детям Комаренко ходила молодежь, он начал разучивать с ними религиозные песни [имеются в виду церковные песнопения], с ними их пел. Вербовал молодежь в церковный хор, а также советовал ходить им в церковь...». 20 марта 1931 г. Николай Гурьянов был заключен под арест, состоялся новый суд и вместе с еще тремя обвиняемыми по делу «контрреволюционной агитации» он получил срок в три года – в результате нашедшихся местных лжесвидетелей суд был скорым, приговор был подписан 24 марта 1931 г. Николай Гурьянов был арестован по «делу кулаков с. Сидоровичи» и заключен в Киевский ДОПР № 2. Из архивных материалов Особого совещания при коллегии ОГПУ УССР от 20 августа 1931 г.: обвинение – «контрреволюционная деятельность, антисоветская агитация, уговаривал молодежь ходить в церковь, разучивал религиозные песнопения с молодежью, агитация против колхозов, распространение провокационных слухов о войне»; статья – ст. 54-10 УК УССР; приговор – 3 года высылки через ПП ОГПУ в Северный край, считая срок с 24.03.1931 г. [2].

Осенью 1931 г. после тяжелой и долгой дороги ссыльный Николай Гурьянов прибыл в Сыктывкар и был направлен на строительство железной дороги до Ухты и Воркуты.

Об этом страшном времени Николай Гурьянов рассказывал только самым близким людям. Сохранились следующие воспоминания старца: «Люди исчезали и пропадали. Расставаясь, мы не знали, увидимся ли потом. Мои драгоценные духовные друзья! Все прошло! Я долго плакал о них, о самых дорогих, потом слез не стало... Мог только внутренне кричать от боли... Ночью уводили по доносам, кругом неизвестность и темнота... Страх всех опутал, как липкая паутина, страх. Если бы не Господь, человеку невозможно вынести такое... Сколько духовенства умучено, архиереев истинных, которые знали, что такое крест, и шли на крест... Как они плакали, что все не сберегли Царя! На моем пути жизни я имел благодатных друзей... Идешь по снегу, нельзя ни приостановиться, ни упасть... Дорожка такая узкая, ноги в колодках. Повсюду брошенные трупы заключенных лежали непогребенные до весны, потом рыли им всем одну могилу. Кто-то еще жив. «Хлеба, дайте хлеба...» – тянут руки». Батюшка протягивал ладонь, показывая, как это было, приоткрывал ее и говорил: «А хлеба-то нет!» Потом плакал и долго молчал и молился.

Другое воспоминание старца: «Бывало, весь день работаешь, работаешь на холоде, а хлеба дают (и показывает – делит одной ладонью другую пополам) за весь день. И все, знаете, хочется с птичками поделиться».

Николай Гурьянов прошел в лагере через страшные страдания, получил ревматизм, несколько раз он был на грани жизни и смерти. Один раз его придавило вагонеткой, в другой раз уронили на его ноги тяжелый рельс и тяжело их покалечили (с тех пор, как говорил отец Николай, ноги его едва держали). Самым страшным испытанием была пытка – стояние в ледяной воде. Годы спустя батюшка вспоминал ту ночь, когда ему пришлось долгие часы стоять в воде, в ледяном крошечке, вместе с другими заключенными – нескончаемой показалась эта ночь страданий. Эту пытку пережил только будущий старец – все остальные страдальцы скончались. Отец Николай открыл духовным чадам, что его согревала молитва Иисусова и он не чувствовал холода.

Отец Николай Гурьянов не любил прилюдно рассказывать о лагерных испытаниях, мучениях и лишениях – его сердце разрывалось от воспоминаний о человеческих страданиях. Вспоминая страдания множества людей в это тяжелое время, он говорил: «Так было с нашей Святой Русской Православной Церковью – ее распинали».

Из лагеря Николай Гурьянов был освобожден 23 марта 1934 г., но еще на два года был оставлен на поселении. Полное освобождение будущего старца произошло только в 1936 г.

Во время тяжелых испытаний в северной ссылке Николай Гурьянов встретил многих подвижников и светильников Православной веры, пример которых во многом определил путь его дальнейшего служения Богу и Церкви.

Литература и источники

1. Ильюнина Л.А. Старец протоиерей Николай Гурьянов: Жизнеописание. Воспоминания. Письма. СПб., 2011. С. 16-21.
2. Сайт Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: база данных «Новомученики и исповедники»: <http://www.pstbi.ru/bin/code.exe/sbt/guryanov.htm/ans/ans>.

СУДЬБА СЕСТЕР КЫЛТОВСКОГО КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Н.И. Ивасишин, игуменья Стефанида (Сыктывкар, Россия)

История Кылтовского Крестовоздвиженского женского общежительного монастыря не уходит в глубину веков. До своего окончательного закрытия монастырь просуществовал не полных 30 лет. Но за это короткое время сумел оказать огромное влияние на духовную, культурную и социальную жизнь зырянского края.

Официальное открытие монастыря состоялось 22 апреля 1894 г. Указом Святейшего Правительственного Синода было объявлено «Об учреждении...Зырянского женского общежительного монастыря с наименованием его Крестовоздвиженским, с богадельней при нем и таким числом монашествующих, какое обитель по своим средствам может содержать» [1]. Но до этого момента строительство уже шло полным ходом. Стараниями и попечительством архангельского купца 1-й гильдии Афанасия Васильевича Булычева, известного на севере парходчика и владельца Сереговского солеваренного завода, на берегу р. Кылтовка, намоленном месте называемом «Крестовый стан», где в 1826 г. поставил крест и долгие годы молился старец Василий Пестерев [2], были выстроены кельи для сестер, временная деревянная церковь с колокольной в честь святителя Стефана Пермского, богадельня для вдов, кирпичный завод, от села Серегово построена прекрасная дорога. Надо сказать что жертвователями монастыря стали и Великоустюжский мещанин Иван Григорьевич Калашников, а также местные купцы: Камбалов и Микит-Паша (Козлов), был организован сбор пожертвований среди населения [3]. Так что строительство монастыря можно назвать поистине всенародным. А быстрое устройство и процветание всех сторон его жизни свидетельствовало об актуальной его необходимости для коми-зырян и благословении свыше.

В марте 1894 г. для руководства обителью и устройства монастырской жизни прибыли из Троицкого Шенкурского монастыря Архангельской губернии 11 монахинь: 2 мантийных и 9 рясофорных. В клировой ведомости монастыря за 1895 г. значится уже 31 сестра, из них 7 белиц и 13 послушниц поступили в монастырь из окружающих сел и деревень. В 1898 г. прибыла монахиня Филарета (Постникова Александра Даниловна) из Шенкурского же монастыря, которая через год была возведена в сан игуменьи и утверждена в должности настоятельницы Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря [4].

Благодаря пожертвованиям и трудолюбию сестер, к 1910 г. в монастыре значится 42 наименования построек, среди которых Стефановская деревянная двухэтажная церковь со звонницей и богатейшей библиотекой, часовня Креста, строящийся кирпичный Собор во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, настоятельский корпус, гостинный двор, богадельный корпус, странноприимный корпус, дом для священника, избы для рабочих, конюшни, скотный двор, многочисленные подсобные помещения; смоляной, гончарный, кирпичный заводы; иконописная, красильная, портняжная, сапожная, малярная, ткацкая мастерские и др. [5]. В монастыре занимались пчеловодством. Хозяйство увеличилось до 12 лошадей, 24 коров, 3 быков, 7 телушек, 45 овец. С монастырских полей убиралось 480 пудов ржи, 300 пудов ячменя, 150 пудов овса, 25 пудов льна, 3 пуда конопли. 50 десятин земли было разработано под огородничество. Обитель существовала за счет своего хозяйства, на внутреннем обеспечении, но она никогда не отказывала в помощи близлежащим деревням. Монастырь снабжал жителей племенным скотом (коровы-удорки), гончарными изделиями, скипидаром, учил крестьян грамотно сеять и убирать хлеб. Социальное служение обители дополнялось устройством бесплатных обедов (в 1915 г. накормлены 9074 чел.), выделением средств для устройства церковных школ, в пользу раненных на войне, действовала богадельня, приют для девочек-сирот. Велась катехизация, воцерковление зырян, духовное наставничество.

К началу 1918 г. капитал монастыря достиг суммы около 300 тыс. руб., на ежегодные проценты с которых обитель могла содержать двух священников с причтом и оплачивать свои текущие расходы, что свидетельствует о прекрасной организации хозяйственной деятельности, следствием чего явилось экономическое процветание обители. Последняя запись в приходно-расходной книге за 1918 г. свидетельствует о вторжении в монастырь Котласской чрезвычайной следственной комиссии. Началось разорение монастыря [6]. Монастырь был разграблен, закрыт, насельницы подверглись репрессиям и уничтожению. Игуменья Филарета, не выдержав беспредела, скончалась при разграблении бандитами икон и церковной утвари (ей было 85 лет) и была похоронена сестрами у алтаря Собора преподобных Зосимы и Савватия. Об этих событиях вспоминает воспитанница монастыря Ольга Александровна Фатеева (урожденная Кропалева): «Мне уж было лет, может, восемь. Колю я дрова во дворе. Вдруг военные, да с пулеметом в монастырь входят. Топ-топ-топ, маршируют к игуменье в покои. Вдруг пулемет со стены: та-та-та... А игуменья, матушка Филарета, старенькая уже была. Когда они, не спросясь, вошли к ней, да стали хватать все, что ценно, она так сознание и потеряла. Лежит, а эти тащат все из покоев, на подводы грузят. А потом церковь запечатали, кладовую запечатали, мастерские – тоже, и промыслы, и кузню... Что ни день – чрезвычайка едет, штыком грозит. В покоех игуменьи полы вскрыли, стены, кафелем обложенные, взломали, печи ломали – все золото искали. Ходили, выбирали иконы, не церемонясь, понравившуюся срывали

со стены, кидали в общую кучу. Куда их увезли – никто не знает. Умерла матушка Нектария. Трудницы, а с ними и послушницы, побежали из разоренной обители. Ни еды (все склады под пломбой), ни работы (мастерские-то на замке), ни благолепного пения во время службы... Все разваливалось, рушилось. Как мор напал на стариц, вчера еще крепких, истовых богомолок, авторитетных наставниц – одну за другой несли их на кладбище за Каменный ручей. Там в специальной ограде хоронили мантийных монахинь [7].

Игуменией стала матушка Ермогена (Афанасия Андреевна Дьячкова), исполнявшая ранее должность казначеи. В ответ на национализацию 1918 г. умная игуменья пустилась на хитрость – объявила монастырь женской сельскохозяйственной общиной. В марте 1919 г. Яренским уездным земотделом в Кылтово была зарегистрирована трудовая сельскохозяйственная община (закон разрешал преобразование монастырей в такие общины). И благодаря этому монастырь просуществовал еще до 1923 г. без изменения внутреннего уклада, можно сказать, на нелегальном положении, община так и называлась «Крестовоздвиженской». По существу, монастырь сменил только вывеску. Одна из комиссий отмечала, что «община существует в полном смысле слова как монастырь, со всеми монастырскими порядками, уклад жизни нисколько не изменился». Какое-то время власти смотрели на деятельность общины сквозь пальцы [8].

Кылтовская сельскохозяйственная община считалась лучшей в округе, в условиях всеобщей разрухи и беспорядка сестры продолжали получать высокие удои молока и стабильные урожаи. Высказывались предложения оставить сельскохозяйственную общину как образцово-показательную для передачи опыта ведения хозяйства. Но безбожную власть больше всего раздражало то, что монахини продолжают быть примером и в духовной жизни для населения области.

В июле 1923 г. монашеская община была безжалостно разогнана. Монахини пытались жаловаться, протестовать, но бесполезно. Игуменья Ермогена просила не выселять ее, так как ей некуда было идти. Слушать ее не стали. Еще и под суд отдали несколько монахинь за протесты и попытки сокрытия имущества.

Общину разгоняли для того, чтобы организовать в Кылтово детский городок для беспризорников. По заключению председателя Комитета Севера при Президиуме ВЦИК П.Г. Смидовича «монастырь подлежит ликвидации и Кылтовское с/х общество следует превратить в детскую колонию». Сюда были собраны воспитанники восьми детдомов области. На конец 1923 г. в детгородке было 217 воспитанников. Городок представлял из себя трудовую коммуну, которой и перешло все хозяйство монастыря. Небольшая часть сестер была оставлена в качестве работников в мастерских и по обслуживанию детгородка [9].

Но даже в самое трудное для православных коми время, в самый пик гонений, были люди, которые смело и открыто выступили против разорения Кылтовского женского монастыря. Среди них наш земляк – Иван Алексеевич Шергин. В 1925 г. поводом для его четвертого ареста послужило обращение Шергина в защиту униженных, ограбленных и оскорбленных властью. Одно из них адресовано председателю ВЦИК Калинину. В своем очерке о Кылтовской детской колонии Шергин писал, что там процветают пьянство и безобразие. Монахини, оставшиеся на службе в колонии, рассказывали о ночных оргиях, питомцы содержатся в грязи. Спали мальчики и девочки вместе на грязном полу, кроватей для всех не было. Белья и обуви тоже не было. На детях появились коросты и вши, от коих чесались питомцы даже во время учебных занятий. Помещения, содержавшиеся при монастырской жизни в образцовой чистоте, обратились в клоаки грязи и вони, а стены были измазаны... Детям не позволялось делать замечания и наказывать за пакости. Юноши шестнадцати лет крали у прислуги вещи и кидали в прислугу камнями. Летом такие сорванцы разбегались по лесу и творили там кто знает что. Дети страдали истерией, всех нервно-больных в колонии было до 40 человек. Психически болели и учителя. В колонию была послана ревизия ГПУ Тентюков и К*. Навещал колонию инспектор Наркомпроса из Москвы Бойцов, но к лучшему ничего не менялось. Все возмущались... видели в болезнях детей, доведенных до психических заболеваний, кару неба за разорение [10].

По-разному сложилась жизнь сестер обители. Вспоминает Ольга Александровна Фатеева: «Были и такие, что подружились с разорителями обители, военными..., с ними и уехали. Про таких и вспоминать не хочется. Иные обет девства нарушили – замуж вышли, детей нарожали, жили по городам да поселкам Коми, не особенно-то высовываясь, зная, что их монашеское прошлое «где надо – известно» и, при случае, про него могут крепко напомнить. Но так и не нажили они счастья житейского, – если не муж пьяница-гуляка, то дети изверги-уголовники, не хата сгорит, так корова сдохнет. Не было им покоя душевного. А тем, кто держал обет, пришлось претерпеть лишения. Матушку Александру, матушку Елисавету расстреляли, многие прошли через тюрьмы и лагеря» [11].

Саня Вымская (матушка Александра), после разорения обители прошла обычный путь: допросы, камеры, лагерь... А где-то в послевоенные годы приехала на родину в село Турья. Зажила на отшибе, в избушке-развалюхе. Черная одежда, глухой плат на голове, вечно опущенный взор – идет по селу строгая, отрешенная. К такой и обратиться боязно. Но люди, ее знающие подходили без опаски: «День добрый, матушка!». В деревнях по всей Выми от Княжпогоста аж до Ветью хорошо знали ее, приглашали читать Псалтырь по покойникам, приезжали

к ней за советом. И известна она была тем, что изготавливала венчики, разрисовывала погребальные саваны. Она была единственной такой умелицей по всей Коми. Так уж повелось исстари – люди пожилые устанавливали нравственный уровень жизни села. Как бы ни внедряли новые обычаи приезжие горожане, а жители слушали не столько их, сколько своих стариков да старух. Для тех же нравственным камертоном была Олбксандра. Упрека в ее взгляде боялись, слезного сожаления о греховном поступке.

Рясофорной Анне дали 8 лет лагерей. Когда отпустили, то приехала в Серегово, к монахини Августе, та уже слепая была. Жили два инвалида. Августа умерла, Анну отправили в Сыктывкар, в инвалидный дом. Кочпонский священник привез ее к своей прихожанке, погостить. Через три дня ей возвращаться – и она так испугалась этого, что от испуга заболела и умерла. Вот инокиня Евдокия жила в семье Сорвачевых, в Тентюково. Тихо жила, не мешалась в политику, редко вообще выходила из дому. А в 1937 году пришли за ней чекисты. Впутали ее в дело о так называемой «Священной дружине», дали 70-летней женщине 10 лет лагерей. И сгинула раба Божья Евдокия [12].

Группа монахинь во главе с игуменией Ермогеной торговали домик и жили в Половниках скитом. Но именно это-то и не нравилось властям. Чекисты эту монашескую «колоду» тасовали по-всякому и неоднократно. То всех вместе, то поодиночке привозили их в районный отдел НКВД, а оттуда – то в тюрьму, то, после остратки, в ссылку.

Да и на воле им не сладко приходилось. Как служителям культа, им, к примеру, не отпускали в магазине соль и спички. Жили трудами рук своих, старались не мозолить властям глаза, потихоньку молились. Пришло время колхозов. Подали сестры во Христе заявление в колхоз. Но им отказали в приеме. Крошечный огорожок возле избышки, ягоды, грибы – вот чем жили женщины. Да шили стеганные одеяла на продажу. Творили молитву, блюли посты, по первому зову приходили на помощь страждущим... И хвалили Бога за то, что послал им испытания. Про силу молитвы матушки Ермогены чудеса рассказывают. Однажды на реке затор образовался. Льдины вздыбились выше домов, стоящих на высоком берегу, река уже была готова всей силой необузданной стихии стереть их с лица земли. Тогда из своей избышки вышла матушка Ермогена и перекрестила образовавшуюся плотину. На глазах у жителей льдины раздвинулись, и в образовавшуюся расселину с ревом хлынула вода, расчищая ледовый завал [13].

В 1965 г. житель деревни прибуksировал на лодке большой деревянный крест, который плыл по реке Кылтовке. Игуменья, увидев поднятый из воды крест, сказала: «За мной прислали. Умру скоро, а крест этот поставьте на мою могилу». И действительно, умерла вскоре игуменья, дожив до 95 лет. По ее завещанию огромный крест, оказавшийся крестом Василия Пестерева, – одна из святынь монастыря, был водружен на ее могиле [13].

Матушка Клавдия Яркульцева дожила почти до наших дней. Господь сохранил этой, век прожившей женщине, силы и ясную память. Последний десяток лет она прожила в Сыктывкаре в доме для престарелых, до этого 30 лет в Усть-Выми. Вначале после монастыря тоже в Половниках жила, потом в Сыктывкаре Псалтырь по умершим читала, заболела чахоткой..., все лето в лесу под Нижним Човом прожила, питалась ягодами да грибами и вылечилась, потом добрые люди в Кируле приютили. В Казанской церкви в хоре пела. Как-то пришла к блаженному Александру в Тентюково, посоветоваться, как жить дальше, а тот ей: «Иди в Усть-Вымь, там будет весело, запоешь от радости». Она не поверила, но послушалась. И в самом деле: взяли ее псаломщицей в Благовещенскую церковь.

А в 1937 г. счастливая жизнь кончилась. Арестовали последнего в селе священника, увезли псаломщика, некоторых мирян. В это же время только по Выми забрали 20 священников, да троих взяли в Коквицах. Клавдия была готова к аресту. Но миновала ее чаша сия. В Усть-Выми Клавдия Яркульцева (она тоже была без карточек, и без работы сидела) устроилась в инфекционный барак санитаркой, ухаживала за детьми, больными скарлатиной. Врач узнал и выгнал ее: «Она мне всех детей религиозным дурманом испортит» [14].

А вот рясофорную Елизавету Ярыгину – в Кошках она жила после монастыря – расстреляли. И матушку Александру расстреляли. Священником в монастыре был отец Вячеслав Дьяков. Когда прогнали из Кылтово, стал служить в Серегово. Там церковь разбили. Потом в Кошках служил. Когда обновленчество стало, он отказался служить. Его и забрали, забрали надолго. Матушка Елисавета (жена) жила у чужих людей в Айкино. Когда священник вернулся из лагеря, пришел к жене, то его не пустили на квартиру, говорят – тесно. Он в лесу к сосне прислонился, так к утру и умер [15].

И все же, как жили монахини по-своему, так и после тюрем продолжали Бога славить. Ходило тогда по рукам переписанное письмо епископа Феофана духовным чадам: «Господь любит вас, и взял вас в руки: чтобы вытеснить из вас все негодное, как прачка мнет и трет и колотит белье, чтобы убелить его, так Господь мнет, трет и колотит вас, чтобы убелить вас и приготовить к наследию Царствия Своего, куда не войдет ничто нечистое. С радостью принимайте всякую неприятность, как врачевство, подносимое Самим Господом. На окружающих вас смотрите, как на орудие Божие во благо вам, и за ними всегда зрите руку Божию, вам благодетельную».

КИСЛЯКОВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА род.1878 г. в с. Вонгра В-Уст. у. Вол. губ. – русская монахиня Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. в с. Ляли У-Вым. р-на Коми АССР.

Осужд. 10.05.33 г. Ос. Совещ.при ОГПУ по ст-м 58-10, 58-11 УК РСФСР на 3 года ссылки.

Источник: Покаяние: Мартиролог. Т. 1. С. 861.

КОБЕЛЕВА ЕКАТЕРИНА АРИСТАРХОВНА род. 1879 г. в с. Пречешенское Сольвыч. у. – монахиня Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. в с.Шошка У-Вым. р-на Коми АССР.

Осужд. 10.05.33 г. Ос. Совещ.при Коллегии ОГПУпо ст. 5810, 5811 УК РСФСР на 3 г. ссылки.

(Т. 1. С. 865).

КУРАКИНА ЕВФАЛИЯ ФЕДОРОВНА род. 1872 г. в с. Ковшковское Котласск. р-на – рус. мон. Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г.

Осужд.10.05.33 г. Ос. Совещ. при Коллегии ОГПУпо ст. 5810, 5811 УК РСФСР на 3 г. ссылки.

(Т. 1. С. 897).

ЛОБАНЦЕВА АННА АЛЕКСЕЕВНА род.1891 г. в с. Покровское Сольвыч. у. – рус. мон. Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.12.32 г. Осужд. 10.05.33 г. ...на 3 г. ссылки. (Т. 1. С. 910).

ЛОДЫГИНА МАТРЕНА СЕМЕНОВНА род.1871 г.в с. Айкино У-сыс. у., Волог.губ. коми чернораб. Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. Осужд. 10.05.33 г. ...на 3 г. ссыл. (Т. 1. С. 912-913).

МАЛЬЦЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА род.1881 г. в с. Иб У-сыс. у., Волог.губ., коми Мон. Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. Осужд. 10.05.33 г. ...на 3 г. ссылки. (Т. 1. С. 922).

СИЛИНА МАРФА АНДРЕЕВНА род.1878 г. в с. Пажга У-сыс. у., Волог. губ., коми, мон. Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. Осужд. 10.05.33 г. ...к лишению права проживать в 12 населенных пунктах Уральской области в течение 3 лет. (Т. 1. С. 1034).

ШЕРГИНА АННА НИКОЛАЕВНА (м. Александра) род. 1879 г.в с. Серегово Яренск. у., Волог. губ., –русская, переписчица Кылт. Крестов. м-ря. Ар. 22.11.32. Ос. 10.05.33. к лишению права прож. в 12 нас. пункт. Уральск. обл. в течение 3 лет. (Т. 1. С. 1113).

ЯРЫГИНА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА род. 1879 г. в с. Сафроново Ленского р-на Северного края. Рясофорная мон. Кылт. Крестов. м-ря. Проживала с. Вильгорт Сыктывдинского р-на Коми АССР, псаломщица Вильгортской Сретенской церкви. Арестована 04.08.37 г.Осужд. 10.09.37 г. тройкой при УНКВД Коми АССР по ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстреляна в д. Кошки. Причислена к лику святых новомучеников и исповедников Российских 6.10.2001 г. (Т. 1. С. 1131).

БАЙБОРОДИНА АННА ВАСИЛЬЕВНА род.1882 г. в с. Карино Сольвыч. у. Волог. губ. мон. Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. Осужд. 10.05.33 г. ...на 3 г. ссылки. (Т. 1. С. 733).

ДЬЯЧКОВА АННА ЕВГРАФОВНА род. 1892 г. в с. Куло-Покровское Вельского у. Вол. г. мон. Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. Осужд. 10.05.33 г. ...на 3 г. ссылки. (Т. 1. С. 813).

ДЬЯЧКОВА АФАНАСИЯ АНДРЕЕВНА (иг. Ермогена) род. 1870 г. в д. Хорошкевичи Вельского у. Вол. губ., с 1918 г. игуменья Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. Ос. 27.04.33 г. ... на 3 г. ссылки в Сев. край. (Т. 1. С. 733).

ФЕДЮКОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА род.1887 г. в с. Верхне-Лальское В-устюж. у. Вол. г. мон. Кылт. Крестов. м-ря. Арест. 22.11.32 г. Осужд. 10.05.33 г. ...на 3 г. ссылки. (Т. 1. С. 1080).

ДЬЯКОВ ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ род. 18.10.1876 г. в семье свящ. Никулинской Николаевской церкви Вологодского уезда Волог. губ. Анатолия Михайловича Дьякова. 20.01.1913 г. рукоположен в сан свящ. к Кылт. Крестовоздв. ж. м-рю. После 1918 г. служил в с. Серегово потом в с. Кошки. В обновленчестве служить отказался и поселился в с. Шежам У-Вымского р-на, где его арестовали 18.02.1933 г. Осужден 21.05.33 г. тройкой при ПП ОГПУ Северного края по ст. 58-10 УК РСФСР на 3 г. ссылки в Сев. край. (Т. 1, С. 812).

Источники и литература

1. Вологодские Епархиальные Ведомости. 1894. № 11. С. 178.
2. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С. 125.
3. Юлин Л. С чего начинался монастырь // Княжпогостские вести. 1996. 15 фев.
4. Вологодские Епархиальные ведомости. 1911. № 11. Прибавления. С. 69.
5. РГИА (Российский Государственный Исторический Архив). Ф. 799. Оп. 33. Д. 152. Л. 5, 6, 15.
6. НА РК (Национальный Архив Республики Коми). Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 47.
7. Саков А. «О чем скорбеть, о чем крушиться...» // Вера-Эском.1993. № 90-91.

8. Суворов Е.С. История Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря и его влияние на духовную жизнь Европейского Севера // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 258.
9. Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. Т. 2. С. 180.
10. Шергин И.А. В Кылтовской детской колонии // Вера-Эском. 1996. № 214-215.
11. Саков А. О чем скорбеть, о чем крушиться... // Вера-Эском. 1993. № 90-91.
12. Саков А. О чем скорбеть, о чем крушиться... // Вера-Эском. 1993. № 85-86.
13. Суворов Е. Обретение святыни // Вера-Эском. 1995. № 189-190.
14. Суворов Е. Каждую ночь молюсь и плачу // Вера-Эском. 1996. № 239-240.
15. Земля Стефана Пермского: духовная история и святыни Коми края. Сыктывкар: «Эском», 2008. С. 146.

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Т.Е. Вежева (Сыктывкар, Россия)

Моя мама Лиханова (Кузнеченкова) Роза (Раиса) Спиридоновна родилась 17 января 1926 г. в с. Успенское Пореченского р-на Великолукской обл. В Коми республику она попала вместе с матерью, Кузнеченковой Прасковией Давыдовной, крестьянкой (07 января 1885 г., д. Гольцово – 09 января 1948 г., Сыктывкар). Сюда их направили в ссылку на 5 лет как членов семьи осужденного за государственное преступление отца и мужа, согласно Постановления ОС при НКВД СССР от 18.03.1944 г. Арестовали их в административном порядке, с конфискацией имущества 22.06.1946 г. в г. Великие Луки, где они жили (ул. Некрасова, д. 2 и ул. Соломенская, д. 6), направили в тюрьму № 3 г. Торопец. Отец мамы, мой дедушка Кузнеченков Спиридон Нилович (25.04.1891 г. – расстрелян в феврале 1942 г.), был, по словам мамы, очень добрым, работающим и образованным человеком. Детей в их семье было пятеро – мамочка была младшей. Итак, в Сыктывкар мама с бабушкой прибыли на пароходе 23.09.1946 г.

Мама рассказывала, что когда пароход прибыл в Сыктывкар, на берегу стояли люди-чиновники, и один из них спрашивал, кто умеет работать с цифрами? Мама откликнулась, подтвердила, и их сняли с парохода (он еще далее плыл). Вот таким образом они оказались в столице.... С 01.10.1946 г. она стала трудиться на Кожкомбинате в качестве учетчицы (жили у людей сердобольных в Кочпоне и по ул. Лесозаводской, 7-4). В Великих Луках она работала в Облместпроме в качестве плановика. Мама очень хорошо училась в школе, успела закончить восемь классов. Во время войны работала в лесу на заготовке дров, санитаркой в больнице, жила у старшего брата в пос. Демешкино Ленинградской обл. Много им пришлось пережить, перенести горьких трудностей, но, как она сама не раз говорила, помогали вера, и надежда, и молодость! Реабилитировали их в апреле 1993 г.... Помню, как мама неутешно плакала... Дождалась! Умерла мама в Сыктывкаре в 1999 г. Коми республика стала ее второй родиной, здесь устроила свое счастье. Работала в Статуправлении, где ее очень ценили и уважали. Жаль, что я, ее дочь, поздно осознала ее жизнь и мало успела спросить...

Поиск начала с обращения в Информационный Центр (Сыктывкар, Советская, 63б), где попросили предоставить справки о реабилитации бабушки и мамы. Их в деле не оказалось, они посоветовали обратиться в Псков. Я написала запрос в УВД по Псковской обл. (Октябрьский проспект, 48) и в прокуратуру Псковской области (ул. Некрасова, 54) и получила копии этих справок, после чего вновь пришла в Информационный центр Сыктывкара, где мне дали прочитать дело по моим родным – очень лаконичное, но и за это я благодарна. Поиски документов и моих родных я продолжаю. Надеюсь побывать на родине мамы – в Великих Луках.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В КОМИ КРАЕ И РСФСР–СССР В 1918–1923 гг.

Л.А. Кузнецов (Сыктывкар, Россия)

В современных условиях, когда общество проявляет внимание к истории репрессий и истории Русской Православной Церкви, представляется актуальным выявить факторы, определившие репрессии.

Как известно, большевики, как и почти все революционеры, негативно относились к Русской Православной Церкви, и большая часть из них не верила в Бога. «...А призыв Бухарина «Взять религию на штыки», с энтузиазмом подхваченный воинствующими безбожниками, окончательно развязал руки органам ОГПУ – НКВД – МГБ. Взяв на вооружение постулат Маркса, гласящий, что «религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм», воинствующие атеисты принялись приближать свое «светлое будущее...» [1]. Отношение к священнослужителям в Коми крае со стороны местных властей сразу после установления советской власти не носило ярко выраженного враждебного характера, что говорит, на наш взгляд, об отсутствии серьезных разногласий между духовенством и мирянами. Вместе с тем прослеживается некоторое падение авторитета церкви, что было вызвано как объективными причинами (бесчестным поведением отдельных священнослужителей), так и субъективными (усиленная антицерковная пропаганда, которая проводилась определённым количеством людей, получивших высшее образование). Однако гражданская война усилила взаимное ожесточение на территории всей бывшей Российской империи. К числу своих противников большевики относили и священнослужителей – идеологических врагов, которые в будущем могли бы подорвать их авторитет среди населения. Исследователи утверждают, что в РСФСР (а значит, и в Коми крае, поскольку он входил в состав РСФСР) первая волна притеснений священнослужителей приходится на 1917–1920 гг.: «...Захват власти, массовые грабежи церквей, расстрелы священнослужителей...

...1-ая волна гонений унесла в расстрелах более 15000 жизней только в 1918–19 гг. ... Общее число репрессий около 20000 (верхняя линия). Почти все столкновения, аресты заканчивались расстрелами.

...Вторая волна гонений (1921–1923 годы). Изъятие церковных ценностей, под предлогом помощи голодающим Поволжья...

...2-ая волна гонений – около 20000 репрессий, расстреляно около 1000 человек. Большевики изображают справедливость, в отличие от самосудов 1918 года, устраивают показательные суды...» [2].

Как видим, эти волны гонений совпадают с основными этапами в развитии советского государства. Гражданская война приходилась на период 1918–1922 гг., однако последнее крупное сражение гражданской войны – разгром Русской армии в Крыму под командованием П.Н. Врангеля – закончилось в 1920 г. Следовательно, пока судьба советского государства была под угрозой, репрессии против священнослужителей проводились в форме самосудов. После того, как ситуация относительно стабилизировалась, большевики стали создавать видимость законности, репрессируя священнослужителей. Бессудные аресты и тем более расстрелы прекратились.

Фактор № 1 – это внешнеполитическая составляющая нового советского государства. Когда молодое советское государство находилось под угрозой, тогда репрессии были ожесточёнными, когда же угроза отпала, то тогда репрессии смягчились.

Вот как характеризуются репрессии против священнослужителей в РСФСР – СССР в 1917–1950-е гг.: «...Трудно оценить общее количество пострадавших за Христа в годы советской власти. В дореволюционной России было около 100.000 монашествующих и более 110.000 человек белого духовенства. С учетом их семей к сословию духовенства относилось на рубеже веков 630.000 человек (см.: Энциклопедический словарь «Россия» / Брокгауз и Ефрон. С-Пб., 1898. С. 86). Гонениям подверглось подавляющее большинство священников и монахов как служивших в церквях и монастырях России в канун революции, так и посвященных в дальнейшем, вплоть до 1940–1950-х гг. В брошюре «Крестный путь Церкви в России» (изд-во «Посев», 1988) говорится о 320000 пострадавших священнослужителях...» [3]. Репрессии против священнослужителей показывают, что большевики не вполне принимали культуру и традиции родного народа: религия – это система духовных ценностей, что сложилась в веках, а «система духовных ценностей является неотъемлемым элементом духовной культуры» [4].

Фактор № 2 – несходство идеологических моделей большевиков и Русской Православной Церкви. Чем больше несходства, тем ожесточёнее репрессии против священнослужителей.

Большевики считали своими врагами абсолютно всех священнослужителей. Коммунисты обладали неограниченными полномочиями и старались уничтожить доказательства своих противозаконных деяний, поэтому точных данных о репрессированных священнослужителях осталось немного.

Нам представляется, что приведённые цифры можно интерпретировать как сознательное уничтожение определённого социального слоя Российской империи, который, проповедуя идеалы добра и справедливости,

очень часто гасил очаги напряжения и тем самым объединял все социальные слои Российской империи. Священнослужители приносил такую же пользу государству, как рабочие и крестьяне, якобы во благо которых уничтожали священнослужителей.

Считаем необходимым подчеркнуть, что репрессии против священнослужителей в Коми крае составляют органичную часть процесса репрессий против священнослужителей в РСФСР – СССР. М.Б. Рогачёв отмечает, что «первые акты террора против духовенства закономерно совпадают с захватом большевиками власти в Усть-Сысольском и Яренском уездах и началом гражданской войны летом – осенью 1918 года... Весной – летом 1920 года по обвинению в контрреволюции были арестованы и осуждены более 30 приходских священников и монахов Ульяновского Троице-Стефановского монастыря (о. Фёдор Клепиков был расстрелян) (о Фёдоре Клепикове ниже – прим. авт.). Показательно, что прихожане неоднократно обращались к властям с просьбой освободить арестованных пастырей» [5]. А.Г. Малыхина вполне справедливо утверждает: «...Ни одно сословие в России не пострадало так, как духовенство. Оно пострадало не за свои земные блага (у сельских батюшек их никогда не было), а за свои убеждения, за веру Христову...» [6]. М.В. Таскаев и М.Б. Рогачёв дают следующую оценку этим событиям: «...На протяжении всей гражданской войны красные использовали священников в качестве заложников... Репрессиям за поддержку белого движения были подвергнуты и приходские священники...» [7].

Итак, мы можем сделать вывод, что в 1918–1923 гг. характер репрессий в СССР и Коми крае был схож, что говорит о том, что они были вызваны идентичными факторами. В разных местах эти факторы играли различную роль, но они имели место. В списке репрессированных священнослужителей в Коми крае в 1918–1920 гг. фигурируют 29 чел., в 1918–1921 гг. – 34 чел.: в 1921 г. было репрессировано пять человек, а в 1923 г. «всего» один человек – иерей Павел Неволин. Это объясняется тем, что гражданская война заканчивалась, и власть временно переходила к другим формам репрессий против священнослужителей. М.Б. Рогачёв комментирует список следующим образом: «... Неполны сведения и о тех, кто включён в справочник. В частности, пока не удалось установить судьбу большинства из них после вынесения приговора. Не всегда известны монашеские имена осуждённых (в таких случаях они включены в справочник с указанием только светского имени).

Однако есть уверенность, что в справочнике содержатся сведения о большинстве священноцерковнослужителей и монашествующих, репрессированных в Коми АО (Коми АССР)...» [8].

Данное высказывание ещё раз подтверждает тезис о том, что на территории Коми края, как и на всей территории РСФСР – СССР, большевики тщательно скрывали следы своих преступлений, и поэтому в наличии крайне мало точных данных о репрессированных священнослужителях. Очевидно, что в период 1917–1923 гг. основная волна репрессий пришлась на годы гражданской войны. Это демонстрирует список репрессированных священнослужителей, составленный М.Б. Рогачёвым [9].

Исходя из вышеприведённого, мы можем заключить, в чём сходство репрессий против священнослужителей в РСФСР – СССР и Коми крае и их отличие. Сходство заключается в периодизации и характере репрессий. Различие заключается в количестве репрессируемых священнослужителей. Разница между количеством репрессированных священнослужителей в РСФСР и Коми крае в 1918–1920 гг. определяется многими факторами. Нам представляется, что имеет смысл перечислить данные факторы: фактор № 1 – малочисленность населения Коми края по сравнению с другими регионами РСФСР; фактор № 2 – крайне слабые связи между центральными регионами РСФСР и Коми краем; фактор № 3 – отношение местного населения к репрессируемым священнослужителям. Самым значимым из них нам представляется последний из названных факторов.

Рассмотрев данные, приходим к следующему заключению:

1. Репрессии против священнослужителей в Коми крае в 1918–1923 гг. по ряду пунктов были сходны с репрессиями против священнослужителей в РСФСР – СССР в 1918–1923 гг., а по ряду пунктов отличались.

2. Большевики преднамеренно нанесли непоправимый ущерб развитию культуры коми, проводя репрессии против священнослужителей в Коми крае в 1918–1923 гг.

3. Факторы, определившие репрессии против священнослужителей в Коми крае и РСФСР–СССР в 1918–1923 гг., можно разделить на две категории. Факторы первой категории определяют репрессии против священнослужителей в СССР, а факторы второй категории – репрессии в Коми крае. Факторы первой категории это: № 1 – это внешнеполитическая составляющая нового советского государства. Когда молодое советское государство находилось под угрозой, репрессии были ожесточёнными, когда же угроза отпала, репрессии смягчились. Фактор № 2 – несходство идеологических моделей большевиков и Русской Православной Церкви. Чем больше несходства, тем ожесточённее репрессии против священнослужителей. Факторы второй категории это – малочисленность населения Коми края по сравнению с другими регионами РСФСР и крайне слабые связи между центральными регионами РСФСР и Коми краем. К факторам второй категории следует отнести и такие факторы, как отношение местного населения к репрессируемым священнослужителям

4. Репрессии против священнослужителей в Коми крае в 1918–1923 гг. были направлены против отдельного сословия, поэтому, безусловно, были изначально незаконными, так как в этом сословии был очень большой

процент законопослушных граждан, и те, кто проводил репрессии против священнослужителей, осознавали данное обстоятельство.

Источники и литература

1. Осипова И. Репрессии против верующих URL: www.memo.ru/history/religion/Chapter1.htm – 4 КБ (дата обращения: 21.07.2011).
2. Емельянова Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917–1952 годы) (по данным на январь 2004 г.). URL: userroma.narod.ru/goneniya.htm (дата обращения: 21.07.2011).
3. Там же.
4. Методические рекомендации по курсу «Человек и общество». Часть 2. Тема 7. URL: www.prosv.ru/ebooks/Chelovek_i_obshestvo_2/10.html (дата обращения: 21.07.2011).
5. Церковь и государство: православные епархии и приходы, история и современность: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 200-летию христианства и 5-летию Сыктывкарской и Воркутинской епархии, 6 октября 2000 г. Сыктывкар, 2001. С. 65.
6. Малыгина А.Г. Памяти расстрелянных священнослужителей // «Вера»-«Эском». Христианская газета Севера России. 2002. № 419.
7. История Коми с древнейших времён до конца 20-го века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. С. 427-428.
8. Рогачёв М.Б. Репрессированное духовенство и монашество Коми Края. Биографический справочник. Приложение к Мартирологу «Покаяние». Сыктывкар, 2005. Вып. 4. С. 11.
9. Мартиролог «Покаяние». Сыктывкар, 2005. Вып. 4.

МАРИЯ ШАЛАМОВА

А.Г. Малыгина (Сыктывкар, Россия)

Я с детства помню упоминание Шаламовых от мамы. Лидия Шаламова обучалась вместе с моей мамой в Усть-Сысольской женской гимназии, и они до старости сохраняли юношескую дружбу. Уже живя в Ленинграде, Лидия Шаламова приезжала в Сыктывкар и всегда навещала мою маму в Зеленце. Я помню ее приезды, тихая скромная пожилая женщина, она незаметно проходила в комнату и выбирала самый укромный уголок. Меня она всегда гладила по голове и рассказывала тихим голосом сказки об ангелах Девы Марии. Своих детей она не имела.

В дневниковых записях моего отца, которые он вел последние 15 лет своей жизни, есть упоминание о последнем посещении Лидии Шаламовой моей мамы в Зеленце.

Каково же было мое удивление, когда в деле «Священной Дружины», я увидела упоминание Лидии Шаламовой на допросе епископа Германа Ряшенцева, из которого я узнала, что ее приезд к матери, Марии Шаламовой, был расценен «органами», к-р связь. Из этого же Дела я узнала о трагической судьбе Марии Александровны Роговой-Шаламовой.

Судьба Марии Шаламовой просто потрясла меня. Мне захотелось узнать больше о ее семье. И вот что я узнала, собирая сведения о священнослужителях Коми края. Родилась Мария 27 мая 1882 г., была третьим ребенком в многочисленной семье диакона Ибской Вознесенской церкви Александра Рогова. В 4-летнем возрасте семья Марии переехала в с. Чухлом, куда отца назначили священником Крестовоздвиженской церкви. Мать Марии, Екатерина Федоровна, была из семьи священника Спасорубской церкви Федора Белова. Все предки со стороны отца служили в церквях Коми края. Упоминаются далекие предки с конца XVII в., несколько поколений которых служили в Коквицком приходе. Дед Марии, Алексей Рогов, родился еще в Коквицах, а служил священником в с. Вишера. Род Роговых породнился со многими священническими родами. Так, родная тетя Марии, Ольга Рогова, вышла замуж за священника с. Вильгорт Мысова Григория Онисимовича. Родная сестра Марии, Клавдия Рогова, вышла замуж за Вишерского Василия Николаевича, священника с. Глотова.

Сама Мария Рогова, после обучения в Устюжском епархиальном училище, вышла замуж за выпускника Вологодской духовной семинарии Прокопия Шаламова. Мужа назначили священником в с. Вотчу на место служения его отца Николая Шаламова. Здесь они прожили вместе более 30 лет. В Вотче родились восемь детей, как и в семье Марии Роговой.

Но вернемся к делу о Священной Дружине. В нем сохранились два письма Марии Шаламовой, которые она писала епископам Устюжским с просьбой о пострижении ее в монахини. В письме архиепископу Николаю Клементьеву Мария Александровна писала: «Мысль о монашестве, возникшая в моей душе еще накануне брака, все сильнее и сильнее крепла в моей душе, а ныне явилась неотложной потребностью моего сердца». Муж Марии, Прокопий Шаламов был арестован и расстрелян в 1931 г. Мария пишет: «В течение 33 лет я вместе с мужем несла все невзгоды и радости приходской жизни. При последнем, предсмертном свидании, с моим супругом, он укрепил мою волю в прежде избранном мною пути следования за Христом».

После гибели мужа Мария Александровна переехала в Сыктывкар, жила в местечке Кочпон. Ее дети к этому времени все разъехались, и она посвятила свою жизнь помощи ссыльным. «... я дала внутренний обет перед Богом – стала служить всем невольным узникам Христовым, находящимся в нашем крае, от своих имений и от трудов рук своих». Здесь она познакомилась с Владыкой Германом Ряшенцевым и стала частой его собеседницей. К нему же она обращалась за советом о пострижении в монашество, но Владыка Герман не советовал, «потому что в настоящих условиях для монахов нет монастырей, руководства ими и других условий необходимых монахам». В Деле же Мария Шаламова упоминается, что ездила по деревням, собирала теплые вещи и пропитание для ссыльного монашества. В 1936 г. Мария Шаламова ездила в Устюг к родственникам: Владыка Герман посылал с ней два письма к бывшей квартирной хозяйке и Владыке Питириму Крылову, Владыка Николай Клементьев к этому времени был арестован. Мария Шаламова вновь обращается с письменной просьбой уже к Владыке Питириму, в котором она пишет: «Теперь вот уже в течение 5 лет моя жизнь окончательно пошла по руслу иночества. Ежедневное пребывание в храме Божиим, деятельное участие во всех службах, совершающихся в нем, непосредственное соприкосновение со многими инокующими, пребывающими в нашем городе, окончательно пленили мою душу вступить в дружину иноков. Прошу благословить меня на принятие монашеского пострига». Два эти обращения были приложены к Делу и вменены Марии Шаламовой как компрометирующие ее деяния.

Из следственного дела: «Шаламова Мария Александровна достаточно изобличается в том, что проживая в с. Кочпон, нелегально проводила антисоветскую деятельность, посещала нелегальные сборища членов группы, которые устраивались на разных квартирах в с. Кочпон и в г. Сыктывкаре. Ездила в г. Великий Устюг к епископу

Питириму Крылову. Имеет переписку с антисоветскими элементами других городов СССР. По заданию участников к-р группы занималась сбором средств среди населения, распределяла их среди ссыльных и рассылала заключенным в лагерь».

13 сентября 1937 г. Мария Александровна Шаламова была расстреляна в числе 13 осужденных по делу «Священная Дружина». 31 марта 1989 г. Шаламова Мария Александровна была реабилитирована.

Я долгое время пыталась разыскать родственников Марии Шаламовой. В Деле были упомянуты адреса некоторых ее детей, но по ним уже никто сейчас не проживал. В 2004 г. отец Филипп Филиппов в разговоре упомянул, что в Комиссию по канонизации Московской патриархии обратилась родственница Прокопия и Марии Шаламовых. Я попросила о.Филиппа узнать ее адрес и написала письмо, как оказалось внучке Шаламовых. Вот что Соболева Ирина Николаевна написала мне в ответ: «У Прокопия Николаевича и Марии Александровны было 8 детей: сыновья Иван (умер в ранней молодости), Николай, Пантелеймон (немцы расстреляли в госпитале ранеными бойцами), Сергей (умер в немецком плену во время войны). Дочери: Лидия, Лариса, Екатерина, Любовь. У Лидии, Екатерины, Пантелеймона и Ивана детей не было. У Николая была одна дочь Татьяна. У Сергея две дочери Валерия (1930 г.р.) и Любовь (1938 г.р.) живы и живут в Петербурге. У Любви одна дочь Галина (1940 г.р.). У Ларисы 5 детей два сына и три дочери, одна из них я, Ирина. Документы на реабилитацию Прокопия Николаевича и Марии Александровны с 1989 года хранились у дочери Екатерины Прокопьевны почти до самой ее кончины. Она их получила только 1991 году, а затем перед смертью передала внуку Юрию, от которого я забрала только в 2003 году. В 1991 году мы с сестрой Татьяной Николаевной были в Вологде на международной конференции, посвященной юбилею Варлама Шаламова (племянника Прокопия Николаевича). Были в Великом Устюге: откуда идут корни Шаламовых, были в Сыктывкаре, в селе Вотча, где жили Прокопий Николаевич и Мария Александровна, где родились и росли их дети. В основном все дети оказались в Ленинграде, только Николай жил в Москве. Посылаю вам копии фотографий Марии Шаламовой с детьми».

Внуки Прокопия и Марии Шаламовых надеются, что справедливость будет восстановлена. Их предки, пострадавшие за веру, не будут забыты на их родине.

**ТРИЖДЫ РЕПРЕССИРОВАННЫЙ:
О СЯЩЕННИКЕ АРДАЛЬИОНЕ ЕВЛАМПИЕВИЧЕ ПОПОВЕ**

В.Д. Попов (Сыктывкар, Россия)

...Вопрос: Как по вашему, сколько времени должна существовать Сов. власть?

Ответ: Определенно сказать нельзя, ибо всякая власть существует от бога, но Сов.власть как отвергающую самого бога, он т.е. бог допустил ... существование и Сов. власть ... скоро или долго будет существовать нам не известно.

Вопрос: ...говорили ли вы гр-нам, что должен прийти «антихрист» и если данное время какие либо признаки к этому приходу?

Ответ: Я говорил ... исходя из священного писания, что на землю должен прийти «антихрист» и объявить себя царем и Христом. ... признаков пришествия антихриста пока не видно.

Показание свое считаю правильным, в чем и подписуюсь. Священник Ард. Попов.

Я неслучайно начал повествование, приведя часть протокола – «показаний по существу дела». Допрашивал моего дядю Ардалиона Попова, содержавшегося «в У.-С. Домзаке со 2.07.1927 г.», уполномоченный следственного отдела ОГПУ Щебенев.

Обо всем этом я узнал (не столько о допросе, сколько о судьбе старшего брата отца), когда почувствовал, что пора, что просто необходимо «раскопать» свои корни...

В семье из восьми детей я был седьмым, и заветный сундучок с отцовскими документами попал в мои руки довольно поздно. Как-то, перебирая в семейном кругу хранимые в нем бумаги и фотографии, я заинтересовался фотоснимком на картонной подложке – мужчина в рясе рядом с сидящей женщиной. О женщине никто из родных ничего не знал, мужчину же называли Ардалионом Евлампиевичем Поповым. Вспоминали о нем мои тетушки Анна, Мария и Вера с опаской, объяснив лишь, что он был расстрелян.

Не убавило загадок и хранимое родными письмо: дядя писал его двоюродному брату (Почему не родным братьям и сестрам? Оказалось, находясь в ссылке, он не был уверен, что они живы.), в конце письма – «г. Туркестан, «Куспромсоюз», Казахская ССР».

Для решения загадок обратился к опытному в таких делах ученому, исследователю М. Рогачеву. Он и подсказал обратиться в ФСБ. Мои послания в чекистские управления Коми и Вологодской области, на Лубянку помогли найти ответ на некоторые вопросы. Я получил ряд документов, из которых узнал, что мой дядя, «служитель культа, проживал в г. Великий Устюг, был арестован 3.12.1937 г., осужден тройкой при УНКВД по Вологодской области 10.12.1937 г. (быстро это у них, за неделю управились! – В.П.) за контрреволюционную деятельность к 10 (десяти) годам ИТЛ. Срок наказания отбывал в местах лишения свободы Вологодской области, умер 13 мая 1942 года в Новозерской ИТК (Белозерский район), причина смерти – нефрит. Сведений о дате и месте захоронения не имеется».

Не имеется... По крайней мере, имеются документы 37-го года, из которых, помимо ордера № 212 («Турбину ... в течение 2-х суток провести обыск и арест Попова А.Е.»), меня интересовали и анкета арестованного,

и протоколы обыска и допроса. Остановлюсь на списке изъятого: «паспорт за № ... серии ... на имя ..., молитвенник и портрет Ленина». Портрет вождя, даже если он у священника, – зачем его изымать?!

Анкета арестованного объяснила мне, наконец, «казахстанскую» страницу дядиной неволи: «...в 1927 г. особым совещанием ОГПУ судился на 3 года ссылки, срок отбыл». Это подтверждает и протокол допроса от 7.12.37 г.: «...на 3 года ссылки по ст.58-10 в 1927 г.».

Теперь понятны строки упомянутого письма дяди двоюродному брату: из ссылки осужденный священник должен был вернуться в 30-м, а 22 июня 1932 г. он пишет из Казахстана: «...держат уже пятый год... После трех лет ссылки просился перевести в Великий Устюг – не перевели, теперь прошусь в Вятку. Но чтобы домой освободили – и думать нечего».

Не мог знать дядя Ардалион, что еще в августе 1930 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: «По отбытии срока наказания Ветошкина Луку Максимовича и Попова Ардалиона Евлампиевича лишить права проживания в Московской, Ленинградской обл., Киевском, Харьковском окр., Дагестане и Коми-зырянской обл. с прикреплением к определенному местожительству сроком на ТРИ года».

В Великий Устюг, где его ждали жена Мария Вассиановна и сын Алексей, Ардалион Попов все же приехал, судя по дате выдаче паспорта – не позднее середины мая 1936 г. Всего полтора года относительной свободы...

Чего следовало ожидать от ТОЙ власти, еще в мае 27-го впечатавшей рукой уполномоченного ГПУ по Усть-Куломскому району Изъюрова в дело Ардалиона Попова приговорные, без срока давности статьи 58-13, 58-14, 58-18?... И повод, судя по протоколу, священнослужитель оперу дал: «Что вы хотели сказать гражданам, сделав надпись из спичек «Ленин»? – Из 15 списочек получается надпись «Ленин» и цифра «666», а священное писание говорит, что если имя сходится с этой цифрой, то этот человек является отрицающим бога – антихристом, ... этим я доказал присутствующим, что Ленин был ... «антихрист».

Точка зрения? Внутренняя убежденность? Как ни назови, не такой была советская власть, чтоб позволить «сметь свои суждения иметь». Не потому ли и портрет Ленина был спустя десять лет изъят у священника при аресте?...

Как упоминал выше, в 1936-м семья дяди воссоединилась в Великом Устюге. Видимо, не только потому, что в Керос (в ту пору Усть-Куломского, а сейчас Корткеросского района) первому священнику села не позволялось вернуться, но и по иным, отчасти бытовым причинам. Ведь еще в 1927-м, после отправки священника в Казахстан, хозяйство его семьи чуть было не причислили к кулацким. Это губительное во всех смыслах решение не было принято «ввиду слабого проявления кулацких черт хозяйства». Но это не помешало властьюпридержавшим лишить всех взрослых членов семьи избирательного права, вывесить свое решение для всеобщего обозрения, напомнить сельчанам, что отец священника Евлампий Арсеньевич (он после смерти жены жил у старшего сына) был царским урядником и даже... читал прихожанам вслух псалтырь.

На что рассчитывала власть? Подорвать авторитет первого и в ту пору единственного священника села? Веру подорвать? Сломить, сломать его самого? Ну, это власти явно не удалось. Ведь, как удалось мне узнать из присланных материалов, в первый раз дядя попал в поле зрения «органов» еще в 1920 г.: «за распространение ложных слухов против коммунистов и Сов. власти» его «принуждали на 2 года принудительных работ».

Чьи «слухи» были ложными, показало время.

Не согнувшийся и не сломавшийся, Ардалион Евлампиевич Попов лишь 42 из 57 лет своей непростой жизни провел на родной Коми земле, из которых не менее двадцати духовно наставлял земляков.

Его судьба – не судьба ли новомученика?

Этот вопрос, выступая на секционном заседании конференции, я осмелился задать Епископу Сыктывкарскому и Воркутинскому Питириму.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПОСЁЛКА НИЖНИЙ ЧОВ

И.А. Чумакова, А.А. Касаткина, А.Г. Никитенко (Сыктывкар, Россия)

Нижний Чов... Маленькое местечко под Сыктывкаром, посёлок на левом берегу реки Вычегды и правом берегу Човью, как рассказывает хроника, уже с 1968 г. переставший быть самостоятельной административной единицей. Но города и поселки, как люди, неповторимы. У Нижнего Чова есть своя история.

Недалеко от местечка Нижний Чов, на оживленной трассе Сыктывкар–Ухта, в народе называемой «Долине смерти», установлен поклонный крест памяти жертв политических репрессий, который привлекает взор проезжающих мимо сотен людей. Каждый задается вопросом: для чего поставлен этот крест и что он означает. Существует множество мнений и легенд о тех событиях, которые произошли на этом месте в 1920–1930-е гг. – годы репрессий. Интерес к истории посёлка подтолкнул нас к поискам и исследованиям. В ходе исследования были изучены различные источники информации, в том числе видеофильм «Русский крест», проведены беседы с отцом Александром, М.Б. Рогачёвым, А.Г. Малыхиной, со старожилами поселка Нижний Чов.

Спустя почти полвека открылась страшная правда о беззакониях, совершённых в окрестностях посёлков Верхний и Нижний Чов, правда о «Долине смерти». Есть очевидцы тех давних событий, которые поведали нам, потомкам, о неизвестных фактах существования Човской тюрьмы.

Исправительно-трудовая колония (ИТК) была создана в Верхнем Чове в 1925 г. на 500 чел. Проследив хронологию исторических событий того времени, нас удивили многие факты. В первые годы в колонии был «свободный» режим, заключенные свободно передвигались по территории лагеря, каждый честно отбывал положенный срок исправительно-трудовых работ [1].

1 марта 1924 г. «за контрреволюционную агитацию» были осуждены Попов Стефан Михайлович (10.04.1873–08.03.1945) – священник Зеленецкой Богоявленской церкви, приговорён к 3 годам лишения свободы и его жена Людмила Алексеевна – 1,5 годам лишения свободы, которые она отбывала после освобождения мужа. Содержались они в Сыктывкарском домзаке [2].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. по всей стране громили церкви. В Коми край ссылали священников со всей России. Неумолима была судьба к Григорию Алексеевичу Бронникову, уроженцу с. Пыёлдино Усть-Сысольского уезда 27.01.1876 г.р. С 1921 г. он был священником Богоявленской церкви с. Сёлыб Удорского района. 8 августа 1937 г. он был арестован органами НКВД, обвинялся в «проведении среди населения к-революционной агитации против Советской власти», был приговорён к высшей мере наказания – к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 31 августа 1937 г. в окрестностях Сыктывкара [3]. В тот роковой день был расстрелян племянник И.А. Куратова – Куратов Иван Афанасьевич, священнослужитель с. Визинга (из рассказа А.Г. Малыхиной).

Найдены архивные материалы о судьбе вологодского архиепископа Стефана – Знамеровском Николае Ивановиче, который с 1926 г. находился в ссылках и колониях Северного края. С 1939 г. отбывал наказание в Верхне-Човской ИТК НКВД Коми АССР. Расстрелян 18.03.1942 г. (приложение 1).

В 1937 г. политические репрессии в России достигли пика. Именно в этом же году произошёл наплыв осужденных в тюрьмы Нижнего и Верхнего Чова. Только за полтора месяца 1937 г. за небольшой речушкой Човью, что течёт рядом с посёлком, были расстреляны 47 священников, отбывавших сроки в тюрьмах ИТК № 1 и № 2 (приложение 2).

Резко изменились условия содержания ссыльных. Многие узники были больны и физически ослаблены, особенно после допросов в стенах НКВД. Изнемождённые, голодные, больные – они должны были работать.

1942–1943 гг. – самый трагический период существования колонии. ИТК стала пересыльной колонией. Отсюда осуждённых отправляли в северные лагеря НКВД. Только 1000 политссыльных за 1942 год было отправлено в северные лагеря на строительство заводов, а «бытовики» и осуждённые за мелкие преступления освобождены и отправлены на фронт.

В колонии, созданной на 500 чел., к октябрю 1942 г. находилось 2375 заключённых, из которых 900 – женщины. Комиссия по проверке общего состояния колонии отметила крайне плохое физическое состояние осуждённых. Смертность в колонии была выше, чем во всех лагерях Коми АССР [1].

Один из документов о произволе Верхне-Човской лагохраны гласит: «Стрелки ВОХР в апреле 1942 года, этапируя партию заключённых в количестве 500 человек..., обращались грубо, а также избивали заключённых, за это привлечены к уголовной ответственности сроком на 5 лет каждый. Начальник КВЧ в бытность своей работы начальник Нижне-Човского участка способствовал стрелкам ВОХР избивать заключённых. Заставлял больных работать, сажал в изолятор, вследствие чего заключённый умирал» [5].

В лагере продолжали расти заболеваемость и смертность. Начальство колонии придумали уловку: «до-срочно» освободить умирающих заключённых, многие из которых уже не могли самостоятельно уйти из колонии, но зато не портили отчёты о смертности...

К Верхне-Човской колонии относился участок Нижний Чов. В 1943 г. в нём содержалось по списочному составу 165 чел., из них 19 инвалидов. Рассмотрим численность заключённых (см. табл.).

Численность заключённых в колонии [1]

Участок	Списочный состав	Здоровые	Скидочники		Инвалиды
			25%	50%	
Нижний Чов	165	58	44	44	19

Изучая материалы рукописи «Мы помолимся и бог нас вразумит», мы узнали, что жена о.Александра Тюрнина, Клавдия Дмитриевна, рассказала Диане Сергеевне Полевой, старожилу поселка, о судьбе своего мужа. Клавдию Дмитриевну «...забрали в човскую тюрьму только за то, что она была попадѣй. А о. Александра перед ней арестовали, здесь тоже сидел. Она говорила, что его не одного расстреляли. Их там очень много было. За речку Човку увели в лес и около Емвальки всех расстреляли. Колония- то внизу около порта была. Там грузовой речной порт, там заключённые всё грузили» [6].

Мы нашли сведения об о. Александре на сайте в интернете «Православные духовные воины», где подтверждается факт о его содержании в Нижне-Човский ИТЛ и расстреле 15.08.1937 г. в лесу за речкой Човкой.

О послевоенной жизни човской колонии нам поведали старожилы посёлка супруги Торно Ариадна Яковлевна 27.03.1927 г.р. уроженка с. Ыб и Альберт Иванович 16.02.1927 г.р., которые живут в посёлке с 1948 г. Колония находилась в местечке Речной порт. Ариадна Яковлевна вспоминает, как ходила вместе с племянницей Ниной Николаевной в колонию проводить своего дядю Северского Николая Павловича, уроженца с. Ыб. Хорошо помнит заключённую в лагере Сахарову Елизавету Ивановну из Самары. Она работала продавцом в магазине, обвинили в пропаже товара. Была осуждена на 20 лет. До човской колонии Сахарова отбывала срок в северных лагерях. Супруги помнят и начальника колонии Смолина Василия. Елизавета Ивановна была бухгалтером у начальника лагеря. Все документы проходили через её руки. После освобождения она осталась в посёлке, умерла 10 лет назад. Сын работает в Москве на атомной станции. Альберт Иванович рассказал нам о том, что он работал на территории лагеря трактористом, расчищал снег, перевозил грузы. По его словам заключённые жили в большом деревянном бараке за высоким забором, работали в порту, были на свободном режиме.

Из немецкого села Эрдленбах в посёлок Воквад Койгородского района были сосланы родители Есевой Марии Даниловны 02.08.1924 г.р. В семье было 13 человек. В Нижний Чов Мария Даниловна попала в 1948 г. Помнит, как с двумя маленькими детьми с мужем поселились в холодный барак посёлка, в то время он назывался Лесостоянка, Сплавная станция. Знает, что во время войны было расстреляно много человек, особенно сосланных немцев. Помнит, как узников приводили с Верхнего Чова, грузили на баржи, перевозили в другие места. В послевоенные годы в лагере были бывшие пленники концлагерей, бывшие узники северных лагерей Коми края. В 1948 г. они работали на сплаве, отмечались у коменданта, приезжавшего с г. Сыктывкара, не имели права уехать из поселения. В 1950 г. мужчин перевели в Верхний Чов. В Нижнем Чове стала женская колония.

Каменева Александра Михайловна 18.12.21 г.р. приехала в Нижний Чов после войны из с. Читаево Прилузского района. Александра Михайловна росла без матери, отец – фронтовик, воевал на первой мировой войне, был в плену. Сама прошла Вторую мировую войну, работала медсестрой в госпиталях до конца войны. Долгие годы работала паспортисткой. Александра Михайловна рассказала нам о том, что в 1945 г. в Нижнем Чове была женская колония. Заключённые содержались свободно. Вспоминает, как приходила к ней Шучалина Пелагея, родом из с. Читаево, она кормила её, поила чаем.

Выводы: Прошли годы. Тихая речушка Човью всё так же, как и в те давние жестокие времена, несёт свои воды в большую р. Вычегду. Перейдѣшь речку по обветшалому мосту, попадѣшь в лес, где установлен Поклонный крест – памятник тем страшным годам. Сюда, в те роковые дни, приводили на расстрел из нижне-човской тюрьмы ни в чём неповинных мирян и священномучеников. А, спустившись вниз по течению, издали увидишь крест, который установлен на месте бывшего лагеря для репрессированных. Эти освящённые знаки берегут память об ушедших в вечность, рассказывают о них нам, потомкам.

Цель исследовательской работы была достигнута и задачи, поставленные перед нами выполнены. На основании сохранённых источников, свидетельств старожилос посёлка, воспоминаний, устных бесед, рукописных работ, документального фильма мы привели доказательства политических репрессий в посёлках Нижний и Верхний Чов.

Источники и литература

1. Кызыуров Л.А. Колония смертельного режима // Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Покаяние. Сыктывкар, 2000. Т. 3. С. 325-345.

2. Мой дед священник – [рукопись]: из личного архива А.Г. Малыхиной. Сыктывкар, 2003.
3. Малыхина А.Г. Род Бронниковых: четыре века на коми земле. Сыктывкар, 2007.
5. Кызыуров Л. Колония смертельного режима // Дым Отечества. Сыктывкар, 2000. 24 июня.
6. Мы помолимся и господь нас вразумит – [рукопись]: из личного архива отца Александра Никитенко. 2003. С. 39-73.

Приложение 1

СТЕФАН (ЗИАМЕРОВСКИЙ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ), АРХИЕПИСКОП ВОЛОГОДСКИЙ

Родился в 1879 г. в г. Ирбит Пермской губ. в семье чиновника.

В 1904 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В том же году назначен преподавателем Пермской духовной семинарии. В 1908–1916 гг. – инспектор Пермской духовной семинарии. 3.08.1924 г. хиротонисан во епископа и определен епископом Шадринским, викарием Свердловской епархии. В 1925–1926 гг. временно управлял Пермской, затем Свердловской епархией. В 1926 г. был арестован, провел четыре месяца в Свердловской тюрьме. По решению ОСО при Коллегии ОГПУ выслан на три года в Казань. 16.09.1927 г. назначен епископом Калужским, но от управления епархией отказался. С 27.06.1928 года находился на покое с запрещением в священнослужении. После окончания ссылки 24.04.1929 г. определен епископом Вятским.

Вновь арестован в 1930 г. и осужден ОСО при Коллегии ОГПУ по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы. В заключении находился в Красновишерском ИТЛ Пермской области. После освобождения 16.06.1933 г. определен епископом Ульяновским, 5.01.1934 г. – епископом Вологодским. 23.03.1934 возведен в сан архиепископа. В 1935 г. арестован и осужден за КРД на 5 лет ссылки в Северный край.

В ссылке проживал в г. Сыктывкаре Коми АО. Арестован 14.06.1938 г. Обвинялся в создании к.-р. группировки из ссыльного духовенства и мирян, связях с «участниками контрреволюционной группы священников фашистского толка, именуемой «Священная дружина», в т.ч. с епископами **Вязниковским Германом (Ряшенцевым)** и **Арзамасским Серапионом (Шевалеевским)**. Осужден 24.03.1939 г. Верховным Судом Коми АССР по ст. 58 - 10, 11 УК РСФСР на 3 года лишения свободы. Наказание отбывал в Верхне-Човской ИТК НКВД Коми АССР. Освобожден 14.06.1941 г. Однако уже 15.08.1941 г. вновь арестован. Содержался в Верхне-Човской СИЗО. Обвинялся в проведении во время заключения к.-р. агитации, направленной «на поражение существующего строя СССР и восстановление капиталистического строя и религии». По показаниям свидетелей в колонии отправлял требы, совершал молебны. Осужден 17.11.1941 г. Верховным Судом Коми АССР по ст. 58-10, 11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 18.03.1942 г.

Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. Т. 5. Эрланген, 1979–1989. С. 243; Малыхина А. Причастник Христу // Вера-Эском. 1995. № 165–166; Архив УФСБ РФ по РК. На КП-10124; НА РК. Ф. Р-2168. Оп. 2. Д. 8696; Покаяние: Мартиролог. Т. 1. С. 832.

СПИСОК священномучеников, погибших за веру Христову в период репрессий, расстрелянных близ Сыктывкара, предположительно в местечке Човью		
Дата расстрела	Фамилия Имя Отчество	Год рождения
15.08.1937 г.	Тюрнин АЛЕКСАНДР Ильич	1873
-	Колегов ПЕТР Тихонович	1865
-	Лыжов ИВАН Степанович	1868
21.08.1937 г.	Шумков НИКОЛАЙ Николаевич	1886
-	Морозов АМВРОСИЙ Фадеевич	1878
25.08.1937 г.	Веселков ФЕДОР Андреевич	1886
-	Доброумов НИКОЛАЙ Николаевич	1875
-	Земляницын МИХАИЛ Иванович	1872
-	Малиновский НИКОЛАЙ Афанасьевич	1874
-	Малиновский ПАВЕЛ Васильевич	1874
-	Немчинов ИВАН Кесаревич	1899
31.08.1937 г.	Бронников ГРИГОРИЙ Алексеевич	1876
-	Ерегодский МИХАИЛ Петрович	1876
-	Куратов СТЕФАН Афанасьевич	1866
-	Попов ИЛЬЯ Алексеевич	1888
12.09.1937 г.	Порфирьев НИКАНДР Егорович	1878
-	Ярыгина ЕЛИЗАВЕТА Александровна	1879
-	Кириллов НИКОЛАЙ Клеоникиевич	1879
15.09.1937 г.	* Ряшинцев ГЕРМАН Степанович	1876
-	* Тарара ИОНИКИЙ-Лука Дмитриевич	1861
-	* Шаламова МАРИЯ Александровна	1882
-	* Шевалевский СЕРАПИОН Макарович	1873
-	* Штокович АЛЕКСАНДРА Фёдоровна	1874
-	* Амосов РАФАИЛ Николаевич	1877
-	* Ермолин СТЕФАН Васильевич	1891
-	* Трофимов АЛЕКСАНДР Игнатьевич	1872
-	* Смурыгин ИОАНН-Александр Васильевич	1906
-	* Елькин ПАВЕЛ Николаевич	1876
-	* Любимов МИХАИЛ Николаевич	1908
-	* Васильев-Жуков МАРТЕМЬЯН Сергеевич	1875
-	* Варун-Секрет АННА Ивановна	1888
-	Смирнов ФАДЕЙ Дмитриевич	1883
18.09.1937 г.	Кочев ЕФИМ Петрович	1887
-	Павловский ИВАН Петрович	1876
-	Попов Александр Дмитриевич	1883
19.09.1937 г.	Потемницкий Всеволод Иванович	1870
-	Коровина Ольга Петровна	1876
-	Иванова АЛЕКСАНДРА-Евдокия Петровна	1879
-	Иванова-Козлова НАТАЛЬЯ-Акулина Петровна	1879
23.09.1937 г.	Захаров ИОАНН Михайлович	1887
-	Попов ИОАНН Петрович	1863
-	Попов ПАЛАДИЙ Иванович	1879
-	Селиванов НИКОЛАЙ Афанасьевич	1864
-	Федюнов МИХАИЛ Михайлович	1871
31.09.1937 г.	Сахаров АЛЕКСАНДР Александрович	1869
18.03.1942 г.	Знамеровский НИКОЛАЙ Иванович	1878
-	Потапова ПЕЛАГИЯ Александровна	1887
Примечание: * – отмечены лица, проходившие по делу «Священная Дружина».		
06.10.1930 г.	Распутин НИКОЛАЙ Осипович	1896
28.05.1931 г.	Шаламов ПРОКОПИЙ Николаевич	1876
в 24 часа в местечке «Дырнос-Дор» в 1,5 километрах от окраины города.		
14.09.1937 г.	Тюрнин АЛЕКСЕЙ Алексеевич	1881
в Вологде.		

4. МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕМОРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА В ГОРОДЕ ВОРКУТА

О.А. Гудованый (Воркута, Россия)

Мемориальный туризм является составной частью познавательного туризма, который в свою очередь представлен различными видами исторических памятников, мемориальных мест, музеями, зданиями и сооружениями, связанными с историческими событиями. В этом отношении Воркута является уникальным объектом на территории Республики Коми. Через застенки лагерей, располагавшихся в районе Воркуты, прошли сотни тысяч заключенных не только из бескрайних просторов Советского Союза, но и из разных стран мира – от «А» (американца) до «Я» (японца). И всё что мы имеем сегодня в Воркуте – это продукт деятельности подневольного труда. Поэтому наш город обладает поистине неограниченными ресурсами мемориального туризма. И здесь возникает другой вопрос: а как мы используем данный ресурс? Что мы можем показать и о чем можем рассказать потенциальному туристу? К сожалению, в деле реализации познавательного потенциала Воркуты более чем за 20 лет предложить особо нечего.

Во-первых, для продвижения туристического продукта, каким является мемориальный туризм Воркуты, необходимо иметь описание истории Воркуты в виде книг, брошюр, буклетов и т.п. За исключением фрагментарных очерков такого не имеется. Поэтому и возникают различные легенды, связанные особенно с первыми годами существования Воркуты, так как каждый житель нашего города по-своему воспринимает историю, выпячивая либо замалчивая отдельные события, что в свою очередь приводит к разночтениям даже в возрасте Воркуты. В этом году Воркута разменяла уже восьмой десяток лет, а 26 ноября официальные власти будут праздновать 68-летие Воркуты. А ведь вопрос о написании истории города поднимался еще в середине 1960-х гг. Но на сегодняшний день он является открытым. Правда, к 80-летию юбилею была сделана попытка обобщить историю Воркуты во втором издании книги «Воркута – город на угле, город в Арктике». Но не все, что написано, смогло войти в данную книгу.

Во-вторых, даже если потенциальный турист и приехал в Воркуту, что мы можем ему показать? Вначале об исторических памятниках, связанных с периодом политических репрессий, или другими словами о том, как мы сохраняем историческую память.

20 июня 1988 г. Воркутинский Горисполком утвердил комиссию по организации работ по увековечиванию памяти жертв репрессий 1930–1950-х гг. В ее состав вошли 24 воркутинца, для которых историческая память многое значила, из них 16 ветеранов города: Г.К. Баранский, Б.Я. Дембовский, В.Я. Иванов, А.А. Попов, В.И. Усков, И.В. Шварцберг, А.Н. Шулупова, Л.В. Шутова и др. А 15 сентября в составе комиссии была образована группа по возведению памятника жертвам сталинизма. Был объявлен конкурс на лучший проект памятника. 25 декабря 1988 г. на Шахтерской набережной состоялась закладка Памятного знака «Жертвам политических репрессий». В этот день ни сильный мороз, ни тьма полярной ночи не остановили сотни воркутинцев, собравшихся на площадке будущего Мемориала, прямо напротив колыбели Воркуты, – посёлка Рудник. На долгие годы это место стало главным в День памяти жертв политических репрессий – 30 октября. Ежегодно в этот день здесь проходят траурные мероприятия с участием воркутян, не равнодушных к сохранению исторической памяти.

С 1990 г. начинает работу Творческий производственный центр «Мемориал» под руководством В.А. Трошина, одной из задач которого – создание мемориального комплекса. Но только в 2011 г. администрацией города был объявлен конкурс на его создание. Жюри не смогло подвести итоги, так что он не состоялся.

В октябре 1991 г. рабочие шахты «Юршор» изготовили дубовые кресты с номерами могил заключенных, которые были убиты при подавлении забастовки в ЛО-10 шахты № 29 1 августа 1953 г. и на расположенном рядом с шахтой кладбище начали устанавливать их. А первый крест в память о соотечественниках был установлен на этом кладбище группой эстонцев еще в 1956 г. В это же время литовец Александрас Косткявичус, сам переживший эти события, установил знак-символ «Дерево с обрубленными сучьями», обозначающий у литовцев кладбище. Для этого он нашел подходящий обрубок лиственницы, к которому вместо сучьев прикрепил металлические кресты. Вплоть до 2004 г. этот знак воспринимался воркутянами как семейная могила. Оба памятника сохранились до сих пор. В 1990–1992 гг. по инициативе ВО «Мемориал» и поддержке общественных организаций Украины, Литвы, Латвии, Эстонии на кладбище установлены памятные кресты. В 1994 г. – Вильнюсское

общество репрессированных устанавливает Каплицу – «Родина Литва гордится, Родина Литва скорбит». Гранит для ее основания был привезен из Казахстана. Фигура Христа выполнена из металла, литье изготовлено в Литве. В августе 1995 г. на средства бывших заключенных жителей Германии был установлен памятник «Жертвам войны и политических репрессий. Берлин – Воркута. 1 августа 1995 г.».

Эти памятники образовали мемориальный ансамбль, который посвящен всем людям, чьи жизни оборвались в Воркутлаге. Здесь каждый год 1 августа проводятся дни памяти подавления в 1953 г. забастовки заключенных лагерного отделения № 10. Сюда приезжают паломники, не только пожилые, пережившие весь ужас тоталитарного режима, но и молодые люди разных стран, чтобы помянуть соотечественников.

В августе-сентябре 1997 г. Польское общество репрессированных при содействии Администрации и предприятий Воркуты на месте бывших лагерных отделений шахты № 8 на Руднике и шахты № 40 («Воркутинская») устанавливает памятники польским гражданам.

В 2004 г. в Воркуте по приглашению ВО «Мемориал» побывала Ева Мария Варга, сотрудник исторического отдела Венгерского Культурного Центра при посольстве Венгрии в Москве. По её инициативе на кладбище пос. Северный было выбрано место для установки памятника венгерским заключенным. 15 сентября 2007 г. состоялось торжественное открытие Памятника «Венгерским военным и гражданским лицам, погибшим в лагерях ГУЛАГа». Памятник был изготовлен в Воркуте.

В истории Воркуты, в годы сталинского террора в 1938 г. произошла самая ужасная трагедия. Воркутинские лагеря никогда не были лагерями уничтожения людей. Сюда преимущественно направлялись самые молодые и здоровые заключенные. Чтобы покорить Север, здесь нужны были работники. Но в тот год волна бессмысленных расстрелов дошла и до нашего края. В марте 1938 г. (1-го и 30-го числа) в районе старого Кирпичного завода на р. Юнь-Яга, располагавшегося в 20 км по узкоколейке от Рудника, расстрел унес жизнь 543 чел. (447 из них были осуждены по политической – 58-й статье), представителей 20 национальностей.

Поиски самого места расстрелов в районе околотка «Кирпичный» на узкоколейке и около самого Кирпичного завода на р. Юнь-Яга велись много лет, но оно так и не было найдено. «На этом месте когда-нибудь будет установлен памятник», – так говорили и верили в это все, кто знал об этой трагедии. И вот 28 июля 2009 г. воркутинец Виктор Владимирович Мезенов установил поминальный крест с надписью: «Жертвам политического произвола, массово расстрелянным здесь в 1938 году, Воркута, Кирпичный завод». Он не только изготовил крест, но и организовал экспедицию на р. Юнь-Яга для установки памятного знака. Памятный знак мог бы быть установлен раньше. Но переписка администрации города и Министерства национальной политики заслуживает особого разговора.

14 октября 2010 г. на Юршорском кладбище открыт и освящен памятник, построенный на средства Н.М. Бейзака. Он посвятил его всем христианам, погибшим в лагерях ГУЛАГа.

Итак, что мы имеем на данный момент? 11 памятников и памятных знаков, при этом шесть из них на Юршорском кладбище, которое по сей день не имеет официального мемориального статуса. За 23 года не так уже много.

Особо следует сказать о главном мемориальном месте нашего города – бывшем пос. Рудник.

Рудник – это «колыбель» нашего города, поэтому ни в одном другом месте Воркуты нет такого сосредоточения памятников истории, как здесь. Вот их перечень: Могилы исследователей-геологов; кладбище «Яран», в том числе с могилами горняков, погибших на шахте «Воркутинская»; поклонные кресты: один – на Руднике, другой – у шахты «Воркутинская»; два обелиска: один – на месте закладки первой шахты, другой – на месте обнаружения каменного угля; памятник геологу Заполярья. Итого: семь памятников и памятных знаков. В связи с ликвидацией Рудника все они оказались под реальной угрозой уничтожения. И мы воочию видим, как выросшее «неразумное дитя» хранит любовь «к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу».

Процесс уничтожения памятников Рудника уже начался и ныне находится в завершающей стадии. В 2003 г. был разрушен обелиск на месте закладки первой шахты. А спустя два года (в 2005 г.) случился беспрецедентный случай как для Воркуты, так и для Республики Коми. Памятник геологу (скульптор И.В. Пылаев), долгие годы смотревший на студеные воды р. Воркуты, поменял свое место жительства и был перевезен от бывшего здания «Полярноуралгеологии» на Руднике в Сыктывкар, в начало Октябрьского проспекта, к зданию «Миреко». В 2007 г. с обелиска на месте обнаружения каменного угля исчезли обозначающие таблички, а ныне и сам обелиск разрушается.

Подводя итог сказанному, мы вынуждены констатировать, что в Воркуте неприлично мало памятников и памятных знаков, связанных с историей возникновения нашего города, а из мемориальных мест можно отметить только три: Юршорское кладбище, места расстрелов на р. Юнь-Яга и руины пос. Рудник. В свою очередь, благодаря девяти поисковым экспедициям, проведенным на средства республиканского фонда «Покаяние», мы значительно расширили географию мемориальных мест Воркуты. И для потенциального туриста можем предложить следующие маршруты: «Путь первопроходцев» – дорога на Воркуту в первые годы ее развития. «Путешествие

из Европы в Азию» – по железной дороге Чум-Лабытнанги. «Харбей» – бывший поселок в районе разработок молибденитового месторождения в горах Полярного Урала, а также «Стальная подкова Воркуты» – по железной дороге от Воркуты до пос. Хановей, и от него до пос. Мульда.

В-третьих, о музеях, зданиях и сооружениях, связанных с историческими событиями. К сожалению, современные экономические условия таковы, что стационарной экспозиции, посвященной истории Воркуты, городской музейно-выставочный комплекс не имеет. Так что на весь город на сегодняшний день мы имеем только одно место, где гости Воркуты могут не только услышать, но и увидеть историю «Заполярной кочегарки» – это школьный музей в пос. Воргашор. Музей, который не только пополняет свои фонды экспонатами, но и постоянно обновляет экспозиции. Что касается зданий и сооружений, то мы вынуждены опять же, к сожалению, констатировать, что копилка утраченных памятников постоянно пополняется. И для того чтобы они не исчезли из исторической памяти, мы занимаемся исследовательской деятельностью, в том числе и через краеведческие экспедиции.

В заключение о перспективах мемориального туризма в Воркуте. В этой связи следует остановиться на следующих положениях:

1) Развитие туристического бизнеса, я подчеркиваю именно «бизнеса» (деятельности, связанной с извлечением прибыли), весьма проблематично, так как необходима серьезная работа в создании туристического продукта и привлекательного имиджа нашего города. А это несравнимо большие финансовые затраты, чем потенциальная прибыль. К этому следует добавить, что клиентская база весьма ограничена и что современный турист умеет считать деньги.

2) Развитие мемориального туризма возможно только в сочетании с другими видами туризма, в частности, с проектом «Сияние севера». И в этой связи необходимо особое внимание обратить на две дороги: первая железная дорога в Республике Коми – воркутская узкоколейная и сохранившиеся участки Северо-Печорской железной дороги в районе пос. Хановей, той самой, которая была построена к концу 1941 г., дорога, которой в этом году исполняется 70 лет.

3) С целью создания мемориального комплекса наилучшим местом является территория бывшего пос. Рудник, не только по насыщенности исторических событий, но и по территориальной близости от центра современной Воркуты. Чтобы те гости Воркуты, которые в силу тех или иных причин не могут воспользоваться предлагаемыми туристическими маршрутами, предусматривающие активный способ передвижения и жизнь в полевых условиях, смогли бы ощутить жизнь в Заполярье в период сталинских репрессий. Но все это опять же упирается в немалые финансовые затраты.

Итак, подводя итог сказанному, следует отметить, что прежде чем выходить с туристическим продуктом «Мемориальный туризм в Воркуте» на рынок, необходимо серьезно финансово вложиться, и не факт, что этот продукт будет приносить прибыль. Но самым ценным будет то, что мы таким образом, сделаем ещё один шаг, и весьма серьезный, в сохранении исторической памяти. Кроме этого данный продукт будет благодарностью тем людям, которые построили Воркуту, и плодами труда которых мы пользуемся до сих пор.

ЗАХОРОНЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.Л. Кузьминых (Вологда, Россия)

В годы Второй мировой войны Европейский Север стал одним из регионов бывшего Советского Союза, где была сформирована сеть учреждений для содержания обезоруженных неприятельских солдат и офицеров. Для военнопленных противника плен стал расплатой за участие в преступной и захватнической войне. Десятки тысяч из них провели за колючей проволокой лагерей долгие годы и месяцы. Большинство дождалось возвращения на родину. Однако счастливая участь освобождения из неволи ожидала не всех. Свыше восьми тысяч иностранцев навечно остались лежать в северной земле. В данной статье речь пойдет о судьбе захоронений военнопленных и интернированных на территории Архангельской и Вологодской областей.

Женевская конвенция «О содержании военнопленных» от 27 июля 1929 г. предписывала производить погребение лиц, умерших в плену, с честью и достоинством. О необходимости уважительного отношения к могилам скончавшихся солдат неприятеля также говорилось в Положении о военнопленных, принятом Советом народных комиссаров СССР 1 июля 1941 г. Более детально порядок погребения военнопленных разъяснялся директивами, инструкциями и распоряжениями НКВД-МВД. Вводилась унифицированная форма кладбищ: земельный участок, отведенный под захоронение, разбивался на квадраты по 25 могил каждый. Погребение умерших следовало производить в индивидуальных могилах: рядовых хоронить в нижнем белье, офицеров – в белье и верхней одежде. На каждой могиле предлагалось установить опознавательный знак – столбик с прибитой к нему дощечкой. На эту дощечку несмываемой краской должен был наноситься номер могилы [1].

Несмотря на требования инструкций и директив в организации погребений иностранных военнопленных допускались серьезные нарушения. В связи с большой смертностью в 1944–1945 гг. лагерями и спецгоспиталями производились групповые погребения (до 30 чел. в одну могилу). Процедура похорон, по свидетельствам бывших военнопленных и сотрудников лагерей, выглядела следующим образом. К ноге умершего привязывалась деревянная бирка, на которой указывались фамилия, имя, отчество военнопленного, год его рождения и дата смерти [2]. Из числа военнопленных в каждом лагере формировалась похоронная команда, которая работала ночью, а днем отдыхала. Утверждался маршрут движения похоронной процессии, проходивший наиболее малонаселенными местами, отклонение от которого строго запрещалось [3]. Большие трудности возникали с погребением умерших в зимний период. В процессе рытья могилы несколько могильщиков ломом долбили землю, другие откидывали ее лопатами. Иногда производился подрыв мерзлого грунта толком. С наступлением весны такие могилы оседали, образуя провалы, которые заполнялись водой.

Попытки привести захоронения военнопленных в порядок стали предприниматься только после окончания Великой Отечественной войны. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР в декабре 1945 г. обязало территориальные органы провести полный учет и проверку всех существующих кладбищ военнопленных, представить планы захоронений и впредь уделять состоянию кладбищ повышенное внимание [4]. Выехавшие на места дислокации кладбищ проверочные комиссии обнаружили полнейшее нарушение ведомственных инструкций. Так, в акте обследования кладбища лагерного отделения № 5 (ст. Шеломово) лагеря № 158 указывалось: «Кладбищенский участок на квадраты не разбит, находится в болотистой местности. Могилы не имеют опознавательных знаков и расположены в разброс. Участок не огорожен. Захоронения производились по несколько трупов в могилу. Кладбищенской книги нет» [5].

Определенные сложности возникали с выделением земельных участков под кладбища, что утверждалось специальным решением правительства СССР. Незаконное занятие земель под кладбище не раз служило поводом для конфликтов между лагерями и местными властями. Так, осенью 1948 г. командованием Вытегорского лагеря № 211 без разрешения исполкома Вытегорского райсовета депутатов трудящихся у колхоза им. В.М. Молотова под кладбище было отведено полтора гектара земли, чем был нарушен устав сельхозартели. В результате исполком райсовета потребовал от начальника лагеря полковника Г.И. Сырмы снять заграждение, возведенное вокруг занятого участка, захороненные трупы выкопать, а землю возвратить колхозу [6]. Впрочем, подобный казус не был исключением. Весной 1946 г. к эксгумации останков 19 бывших солдат вермахта пришлось прибегнуть сотрудникам спецгоспиталя № 3739 (г. Вологда), которые получили указание о переносе кладбища военнопленных на новое место [7].

В связи с приближением срока окончания репатриации военнопленных МВД СССР 24 мая 1949 г. обязало начальников лагерей и спецгоспиталей привести кладбища в надлежащий порядок и сдать их для дальнейшего надзора местным органам внутренних дел [8]. В обязательном порядке сдаче в архивы подлежали копии решений местных органов власти на занятые под кладбища участки земли, схемы кладбищ, легенды (описание местности, где расположено кладбище), списки умерших военнопленных, акты на закрытие кладбищ. Заняться

обустройством кладбищ погибших неприятельских солдат обязывало международное законодательство, а именно, Женевская конвенция 1949 г. о военнопленных, к ратификации которой готовился СССР. В инструкции Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР № 8/2/3196 от 12 мая 1949 г. говорилось: «В связи с тем, что надлежащее сохранение кладбищ военнопленных предусмотрено действующими международными конвенциями о военнопленных, не исключена возможность разрешения правительственными органами посещения отдельных кладбищ военнопленных представителями иностранных государств» [9].

В течение лета 1949 г. большинство кладбищ военнопленных в Архангельской области было восстановлено руками заключенных областного УИТЛК, в Вологодской области – силами военнопленных лагеря № 437. Заново насыпались могильные холмики, расчищались межмогильные дорожки, на могилах устанавливались столбики с номерами могил и квадратов. Территория кладбищ была обнесена забором из жердей или колючей проволоки, а охрана возложена на сторожей из числа местных жителей [10]. Всего к 1950 г. на учете УМВД Архангельской и Вологодской областей состояло 27 кладбищ военнопленных и интернированных, хотя фактически их существовало не менее 38.

В течение лета 1959 г. была проведена очередная инвентаризация кладбищ, по итогам которой было решено оставить на централизованном учете МВД лишь 11 массовых захоронений. Однако уже через год ввиду ограниченного финансирования были оставлены под надзором только шесть кладбищ, находившихся под Архангельском, Череповцом, Вологдой, Грязовцем и Великим Устюгом. Из них по решению руководства МВД в официальный перечень кладбищ для передачи правительству ГДР были включены некрополи у поселков имени Ворошилова и Новая деревня под Архангельском [11]. За каждым кладбищем закреплялся сторож, который охранял и очищал территорию от мусора, вел текущий ремонт, за что получал зарплату 200 руб. в месяц.

Остальные же кладбища было решено ликвидировать «по причине их несоответствия требованиям международных конвенций» [12]. Ликвидация подразумевала под собой сравнение могильных холмиков, уничтожение опознавательных знаков и ограждений, а также возврат земельных участков местным органам власти. Впрочем, как указывалось в актах проверок, кладбища, предназначенные к ликвидации, «совершенно разрушились от давности, и установить их местонахождение на местности не представляется возможным» [13]. Ведомственные чиновники просто осматривали места дислокации захоронений и констатировали факт их полного разрушения. На территории Архангельской области «принудительно» было ликвидировано только кладбище бывшего лагеря № 224, которое располагалось около ст. Шангалы. Уничтожение могильных холмиков, ограды и опознавательных знаков было поручено сторожу кладбища П.М. Козлову [14].

Маховик уничтожения не миновал и уцелевшие захоронения иностранных военнопленных. В мае 1960 г. в связи со строительством коллектора сточных вод Соломбальского целлюлозного комбината было уничтожено кладбище у пос. Новая деревня. Заместитель начальника Главного управления мест заключения МВД СССР полковник Буланов инструктировал сотрудников: «Работы по ликвидации внешних признаков этого кладбища целесообразно произвести таким образом, чтобы его ликвидация не производилась демонстративно» [15]. Одновременно была снята охрана кладбища у поселка имени Ворошилова. К 1962 г. территория кладбища заросла кустарником, могильные холмики сгладились, ограждения наполовину были разрушены. На ходатайство об окончательной ликвидации кладбища заместитель начальника ГУМЗ Министерства охраны общественного порядка РСФСР отвечал: «кладбище... оставьте в таком состоянии, в каком оно находится в настоящее время. Выделение денег на его содержание или его ликвидация производиться не будут». Формула «оставить в прежнем состоянии» работала безотказно. В мае 1975 г. исполняющий обязанности начальника УВД Архангельского облисполкома В.Н. Вдовин сообщал заместителю начальника Главного управления исправительно-трудовых учреждений МВД СССР генерал-майору внутренней службы Ф.Т. Кузнецову: «...территория кладбища стала труднопроходимой, наполовину залита грунтовыми водами, где растет осока и хвощ. Восстановить кладбище невозможно» [16]. К 1975 г. были сняты с учета кладбища военнопленных под Череповцом, Грязовцем и Вологдой. Если на территории первых двух производились погребения советских граждан, то последнее было засыпано многометровым слоем земли и торфа.

В середине 1980-х гг., в самом начале перестройки, по решению Совета Министров СССР прорабатывался вопрос о передаче ряду государств сведений о кладбищах военнопленных. В связи с предполагаемым разрешением посещения мест захоронений военнопленных делегациями иностранных государств местным органам внутренних дел было поручено обследовать территории кладбищ, произвести их благоустройство и фотографирование, а также завести книги отзывов о посещении кладбищ. На места были высланы «Рекомендации по организации посещения иностранными гражданами кладбищ военнопленных и интернированных лиц». Однако посещение иностранцами захоронений своих соотечественников так и не состоялось: очередное обследование мест погребения военнопленных и интернированных на территории Архангельской и Вологодской областей в августе 1986 г. показало, что они полностью разрушены. Информирование иностранных государств о таком положении было признано нецелесообразным.

Точкой отсчета работы по поиску и благоустройству кладбищ военнопленных стало заключение 16 декабря 1992 г. российско-германского соглашения «Об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии». Стороны обязались «обеспечивать защиту военных могил и вечный покой погибших в войнах каждой из сторон в своем государстве». Согласно достигнутой договоренности финансирование работ по восстановлению немецких кладбищ взяла на себя немецкая сторона. Одновременно были заключены аналогичные соглашения между Россией и Италией, Венгрией, Польшей, Финляндией, Японией. Они предусматривали идентификацию мест захоронений, составление списков погибших, облегченный режим посещения могил родными и близкими.

На основании постановлений Правительства Российской Федерации № 1026 от 23 октября 1995 г., № 33 от 13 января 1996 г., № 1397 от 23 ноября 1996 г., № 16154 от 24 сентября 2010 г. работа по поиску и восстановлению кладбищ возложена на Ассоциацию международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы». Последняя осуществляет поиск, систематизацию и передачу иностранным партнерам данных о судьбе иностранных подданных, погибших в СССР; проводит эксгумацию, перезахоронение и передачу останков для погребения на родине; оказывает помощь родственникам в розыске и посещении мест захоронения. Сотрудниками «Военных мемориалов» выявлена и передана германской стороне информация о судьбе и местах погребения 400 тыс. немецких военнослужащих. На территории 32 субъектов Российской Федерации реконструированы более 100 немецких воинских кладбищ (в том числе 19 сборных) [17]. Значительный объем работ выполнен по соглашению с Правительством Венгерской Республики. В частности, создана база данных на 66 тыс. умерших венгерских военнопленных и интернированных, установлено 370 памятных знаков на местах захоронения в 46 регионах России [18].

Необходимо отметить, что помимо Ассоциации «Военные мемориалы» на территории России осуществляют поисковую деятельность иностранные военно-мемориальные объединения, например, «Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями». В 1999 г. Народный Союз выступил с инициативой восстановления кладбища военнопленных в окрестностях г. Новодвинска. В феврале 2002 г. город посетил представитель организации Э. Петрикевиц [19]. С городской администрацией была достигнута договоренность о создании сборного некрополя для перезахоронения останков военнопленных, умерших в Архангельской области. При этом немецкая сторона заявила о готовности взять на себя все финансовые расходы [20]. Однако никаких практических шагов для реализации этого решения так и не было сделано.

25 августа 1992 г. на кладбище г. Череповца при поддержке городских властей был установлен памятник-мемориал погибшим финским военнопленным. Венки к монументу возложили представители Союза бывших финских военнопленных. С тех пор посещение финскими гражданами могил своих соотечественников на вологодской земле стало традицией [21]. В 2000–2007 гг. по инициативе Правительства Венгерской Республики в окрестностях городов Архангельска, Вологды, Череповца, Сокола, Грязовца, поселков Вожега и Чагода, деревень Талица и Веретье были установлены гранитные плиты с именами умерших венгерских военнопленных. В 2006 г. мемориальный крест памяти немецких военнопленных, умерших на территории Вологодской и Костромской областей, появился на городском кладбище Череповца. Местные власти и ветеранские организации к установлению мемориальных знаков бывшим военнослужащим противника отнеслись с пониманием, исходя из того, что аналогичные мероприятия по уходу за могилами советских воинов проводятся за рубежом [22].

Большая работа по изучению истории мест погребений иностранных военнопленных и интернированных на Европейском Севере России проводится Международным обществом «Русский плен». На настоящий момент на территории Архангельской и Вологодской областей установлено местонахождение 42 массовых и одиночных захоронений военнопленных и интернированных граждан, на которых погребено свыше 8,5 тыс. чел. На территории Архангельской области (в современных границах) захоронения военнопленных расположены в следующих пунктах: г. Архангельск (погребено 662 чел.), г. Новодвинск (369 чел.), д. Усть-Канза Красноборского района (14 чел.), г. Северодвинск (277 чел.), ст. Ломовое Плесецкого района (10 чел.), ст. Шангалы Устьянского района (218 чел.), ст. Реваж Котласского района (39 чел.), г. Вельск (13 чел.), ст. Кизема Устьянского района (34 чел.), г. Няндомы (14 чел.), ст. Кулой Вельского района (5 чел.), г. Котлас (число погребенных не установлено), пос. Березовый Котласского района (число погребенных не установлено), дер. Монастырская Пашня Красноборского района (1 чел.).

Дислокация захоронений и количество погребенных на них военнопленных и интернированных на территории Вологодской области выглядят следующим образом: г. Череповец (4436 чел.), дер. Углы Череповецкого района (464 чел.), пос. Вожега (371 чел.), пос. Печаткино (297 чел.), ст. Сенгос Великоустюгского района (249 чел.), г. Сокол (204 чел.), г. Вологда (155 чел.), пос. Чагода (107 чел.), дер. Корнильево Грязовецкого района (105 чел.), ст. Ломоватка Великоустюгского района (102 чел.), г. Бабаево (32 чел.), дер. Сойволовская Череповецкого района (30 чел.), пос. Монза Грязовецкого района (29 чел.), ст. Шеломово Череповецкого района (29 чел.), пос. Бараново Чагодощенского района (26 чел.), г. Грязовец (19 чел.), дер. Устье Кирилловского района (19 чел.),

пос. Шексна (16 чел.), г. Устюжна (11 чел.), пос. Суда Череповецкого района (11 чел.), дер. Ребово Вытегорского района (4 чел.), ст. Кадниковский разъезд Вожегодского района (3 чел.), ст. Лежа Грязовецкого района (2 чел.), ст. Явенга Вожегодского района (2 чел.), ст. Волонга Харовского района (2 чел.), пос. Кувшиново Вологодского района (2 чел.). Кроме того, 196 военнопленных, содержавшихся в 7-м лаготделении лагеря № 158, погребены на ст. Шарья Костромской области.

Членами общества «Русский плен» и родственниками военнопленных осуществляется уход за могилами узников минувшей войны. В июле 2006 г. на личные средства и по инициативе гражданина ФРГ Р. Хаммершмидта было приведено в порядок кладбище военнопленных в пос. Вожега. В августе 2008 г. произведена расчистка территории кладбища у дер. Сойоловская Череповецкого района. Вся работа осуществляется на добровольных началах. Ежегодно в адрес общества поступают письма и обращения от родственников военнопленных с просьбами помочь в установлении места погребения того или иного лица.

Одним из результатов деятельности общества стала публикация в 2009 г. книги-мемориала «Теперь я прибыл на край света» [23]. В ней содержатся сведения о 6735 военнопленных и интернированных, умерших на территории Вологодской области. В письме на имя координатора общества «Русский плен» А.Б. Сычева посол Федеративной Республики Германии Вальтер Юрген Шмидт отмечал: «История иностранных военнопленных в СССР во время Второй мировой войны не может быть предана забвению. Поэтому Вы как координатор Международного общества «Русский плен» и Ваши соавторы по этой книге проводите историко-просветительскую работу, значение которой невозможно переоценить».

Необходимо отметить, что работа по поиску и восстановлению кладбищ военнопленных на Европейском Севере России находится в начальном этапе. Исследователям еще предстоит создать полный банк данных по военнопленным и интернированным лицам, погибшим в регионе, выявить на основании архивных документов места погребения узников войны, содействовать установлению связей с российскими и зарубежными общественными организациями, занимающимися восстановлением и сохранением воинских захоронений. Уход за кладбищами военнопленных необходимо рассматривать как сохранение памяти о жертвах Второй мировой войны, как напоминание живым о недавнем прошлом, как попытку предотвратить возможность новых вооруженных конфликтов и рост насилия в современном мире.

Источники и литература

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. Документы и материалы. М., 2000. С. 462–463.
2. Архив Управления Министерства внутренних дел РФ по Архангельской области (далее – архив УМВД РФ по АО). Ф. 50. Д. 93а. Л. 18 об.
3. Dehnel R. Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942–1949. Hamburg, 1995. S. 24; Архив Управления Министерства внутренних дел РФ по Вологодской области (далее – архив УМВД России по ВО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 409. Л. 44.
4. Архив УМВД РФ по АО. Ф. 50. Д. 93а. Л. 1–1 об.
5. Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 76. Л. 26.
6. Там же. Л. 276–279.
7. Там же. Д. 405. Л. 2.
8. Там же. Д. 77. Л. 314.
9. Архив УМВД РФ по АО. Ф. 50. Д. 93а. Л. 5; Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.
10. Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 362. Л. 87–88.
11. Архив УМВД РФ по АО. Ф. 50. Документы и переписка по приведению в порядок кладбищ интернированных и военнопленных за 1957–1960 гг. Л. 36–38.
12. Там же. Л. 53, 66.
13. Там же. Л. 52.
14. Там же. Л. 63.
15. Там же. Л. 87–89.
16. Там же. Дело с материалами обследований кладбища военнопленных в пос. Ворошиловское. Л. 18.
17. URL: <http://voennie-memorialy.ru/site/10> (дата обращения – 29.11.2010).
18. URL: <http://voennie-memorialy.ru/site/13> (дата обращения – 29.01.2011).
19. Мы не хотим задевать чувства русских людей // Троицкий проспект. Архангельск, 2002. 19 фев.
20. Фасонов П. Забытый погост // Бумажник. 2002. 6 июля.
21. Голос Череповца. 2002. 3 сент. С. 21; Премьер. 2001. 20–26 июня.
22. Стариков Е. Где поставить памятник? // Вологодские новости. 2002. 12–18 сент. С. 11; Андреев В. «Северсталь» на немецких костях // АиФ-Вологда. 2006. № 19. С. 2.
23. Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...». Т. 2: Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00344а.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ДАТИРОВКИ ОБЪЕКТОВ СЕВЖЕЛДОРЛАГА И УХТИЖЕМЛАГА НЕКАМЕРАЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ

В.Н. Бубличенко (Ухта, Россия)

Методология реконструкции исторического прошлого имеет научно-выверенные и адаптированные к полевым условиям возможности установления датировки полученных артефактов. Наибольшую сложность при проведении таких исследований вызывают события, произошедшие в небольшой временной перспективе, поскольку у ученого возникают сложности с правильной интерпретацией собранных данных и, прежде всего с установлением точной даты появления того или иного источника. В данном контексте, на наш взгляд, не играет существенной роли письменный он или материальный. Однако если в первом случае проблема с его датировкой может не возникнуть, то во втором она может появиться вполне обоснованно. В связи с этим возникает проблема выработки наиболее оптимально правильной методики установления исторических реалий. Причем зачастую такая сложность возникает при проведении исследований некамеральными методами.

На территории современной Республики Коми сохранилось достаточное количество памятников исторического прошлого. Они активно изучаются на протяжении длительного периода. Получены обширные данные, выработаны перспективы дальнейших исследований [1]. В контексте вышесказанного следует отметить, что исследование некамеральными методами и способ датировки объектов пенитенциарных учреждений 1930–1950-х гг. на территории Республики Коми начал активно изучаться относительно недавно. Несмотря на накопленный к настоящему времени опыт таких исследований выработка научной методологии находится в начальной стадии [2]. Более того, проблема датировки объектов уголовно-исполнительной системы непосредственно на таких объектах не ставилась в исследовательской литературе. Однако она является достаточно актуальной, поскольку с течением времени происходит естественное разрушение артефактов данного периода. Использование архивных данных не всегда позволяет локализовать их на местности. На наш взгляд, только сочетание камеральных и некамеральных методов исследования объектов уголовно-исполнительной системы советского времени позволяет получить объективную информацию о них.

Доклад обобщает данные, полученные в результате исследования объектов уголовно-исполнительной системы периода 1930–1950-х гг. на территории нынешнего Сосногорского района Республики Коми при проведении краеведческих экспедиций в начале 2000-х гг. Доклад носит дискуссионный характер и его следует, на наш взгляд, рассматривать как попытку поставить проблему, которая может возникнуть при дальнейшем исследовании пенитенциарных учреждений советского периода.

На территории Сосногорского района нами было выделено два основных территориальных направления, характеризующих его Гулаговское прошлое (они были предложены местным историком-краеведом Л.Л. Тарасовым). Первое из них связано со строительством железнодорожной магистрали Котлас-Воркута и охватывает такие населенные пункты, как Керки, Вис, Малая Пера, Ираель. Организационно они входили в структуру Севжердорлага. С 1950-х гг. в ходе реорганизации они влились в другую лагерную структуру Печорлаг. По отдельным сведениям во второй половине 1940-х гг. контроль над спецпоселенцами в поселке Малая Пера осуществлялся оперуполномоченным из Ухтижемлага. Второе направление связано с зарождением и развитием газовой и нефтяной промышленности, что и послужило причиной к появлению таких населенных пунктов как Вой-Вож, Кирпичный завод, Верхнеижемский, деревня Крутая. Они организационно входили в структуру Ухтижемлага.

Отметим, что наиболее интересным для нашего исследования представляет станция Вис, где во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. располагались три лагпункта с общим числом заключенных 1602 чел.

Некогда процветающий леспромхозовский поселок в наши дни утратил свой престиж. Часть жителей разъехалась, остальные с надеждой ждут, что нефтяники найдут новые месторождения, и тогда их жизнь изменится в лучшую сторону. Пока неизвестно, есть ли нефть в висовской земле, но можно с полной уверенностью говорить, что она обильно усеяна останками зеков-лагерников, сидевших здесь в сталинские времена. Местный житель В.А. Макар, отбывавший здесь свой срок, вспоминал, что когда расчищали дорогу в лес, ковш экскаватора вывернул старую гробовину. Сделанная из лиственницы, она не истлела со временем, а стала синей, как чернила. Установить чье это захоронение не представилось возможным, ведь заключенные имён не имели, им присваивался только номер. С ним они и уходили в мир иной.

После того как зоны в поселке были ликвидированы, туда начали приезжать родственники тех, кто сидел на Висе и умер, не дождавшись освобождения. Ими предпринимались попытки найти могилы своих близких, что было затруднительно. Расспросы местных жителей не всегда приносили желаемого результата. И тогда родственники погибших зеков выбирали холмик с номером и считали, что там покоится близкий им человек.

О существовании некоторых захоронений на старом висовском поселковом кладбище можно догадаться лишь по проваленным участкам земли. Есть здесь и хорошо сохранившиеся могилы, за которыми ухаживают

местные жители. И как на любом кладбище, можно увидеть покосившиеся деревянные памятники и ограды. Сохранилась до наших дней одна металлическая ограда. Местные жители п. Вис указали нам еще два захоронения. Одно находилось в лесу, недалеко от железнодорожного перрона. К моменту нашего посещения его уже не было. На его месте располагалась строительная площадка. По рассказам висовцев, это было польское кладбище, так как на надгробьях можно было прочесть польские фамилии.

Другое кладбище располагалось примерно в пяти километрах от Виса в сторону к поселку Керки, недалеко от железнодорожного пути в лесном массиве. Местное название этого района – «Перегон». Это кладбище лагпункта, номер которого установить было невозможно. Очевидно, это один из тех трех лагерей, которые существовали в конце сороковых годов. Следует отметить, что на отдельных захоронениях встречаются мемориальные металлические таблички с указанием фамилии умершего и даты его смерти. Так, при обследовании захоронения в районе поселка Войвож нами был обнаружен металлический христианский крест с табличкой из металла, на которой читались личные данные захороненного. Им оказался Борис Коженков, умерший в 1947 г. После запроса в архиве нам удалось установить, что это был осужденный по бытовой статье органами внутренних дел Пензенской области молодой человек, умерший в местах лишения свободы (Причину смерти установить не удалось). Мы провели визуальный осмотр и фотографирование лагпункта. Заключенные жили в землянках. Нами было обследовано три из них. Это сооружения прямоугольной формы, размерами примерно 2,5-3 м со стенами, обложенными деревянными бревнами. На дне одной из землянок нами было обнаружено множество железных обручей. Вероятно, это остатки от деревянных бочек, в которых хранили продукты для заключенных. Найденная форма для выпечки хлеба позволяет сделать вывод о том, что на территории лаготделения находилась своя хлебопекарня. Следует отметить, что местные жители также делали аналогичные находки на этом месте.

Примерно в 12 километрах западнее поселка Вис находился еще один лагпункт – колония № 24. Она занимала обширную территорию, на которой располагались бараки для заключенных, землянки, складское помещение и изолятор для нарушителей лагерного режима. Бараки сдвоенные, сделаны из деревянных рубленых бревен, соединенных металлическими скобами и самодельными гвоздями из проволоки. Налево от входа располагались сушилка и раздевалка. Отдельная дверь вела в жилое помещение, которое отапливалось кирпичной печкой, сложенной в центре помещения. Свет проникал через окна, высотой 1,20 м и шириной 80 см. Длина одного барака составляла около 15 метров. В нем, по нашим оценкам, могло проживать до 70 человек.

По краям территории колонии находились вышки наблюдателей треугольной формы. Их легко обнаружить по хорошо сохранившимся колышкам, расположенным на расстоянии 2,5 м друг от друга. Между вышками по периметру зоны вкапывали деревянные столбы, на которые натягивали колючую проволоку. Недалеко от одной из вышек на столбе лагерного ограждения нами была найдена печка-буржуйка с надписью «Завод имени Лазаря Кагановича. 1940 г.». Данная находка, в совокупности с другими, позволяет с полной уверенностью говорить о том, что это лагпункт колонии № 24 уголовно-исполнительного учреждения сталинского периода.

На местах построек бывших лагпунктов часто встречаются самодельные гвозди, сделанные из проволоки. На наш взгляд, именно они позволяют датировать данные объекты 1940-ми и началом 1950-х гг.

Первая находка гвоздей из проволоки была сделана нами в колонии № 24. Они представляли собой кусок металла длиной до 4 см, диаметром несколько миллиметров, без острия и загнутые посередине. Ими скрепляли деревянную обшивку стен бараков лагпункта под шпаклевку. Поскольку объект нами был уже датирован по другим признакам и довольно точно, то мы отнесли находку самодельных гвоздей к особенностям данного объекта. В ходе обследования зданий в поселках Войвож и Кирпичный завод мы также встречали именно такого образца гвозди, отличающиеся друг от друга незначительно. В частности, в пос. Кирпичный завод они были большей длины до 10 см и большего диаметра с заострением на конце. Шляпка загнута и обработана на наковальне. Тем не менее это не меняло общей картины, выявленной нами в лагпункте № 24 особенности. Гвозди были самодельными, а не заводскими, какие мы привыкли видеть. Таким образом, сравнительная характеристика найденных гвоздей позволяет заключить их идентичность на разных объектах уголовно-исполнительной системы периода 1940-х – начала 1950-х гг. На наш взгляд возникает возможность датировки таких объектов по данным артефактам.

Источники и литература

1. См.: Материалы «Круглого стола» по актуальным проблемам развития исторической науки в Республике Коми. Сыктывкар, 2004; Сметанин А.Ф. Историческая наука в Республике Коми: состояние и перспективы; Максимова Л.А. Перспективы развития исторической науки и исторического знания; Турубанов А.Н. Развитие исторических исследований в Республике Коми и др.
2. См.: Кирпичный: поиск продолжается. Из материалов краеведческой поисково-исследовательской экспедиции 12-21 сентября 2006 г. воспитанников краеведческого поискового отряда «Летописец» станции туристов (Воркута) и средней общеобразовательной школы № 35 (Воркута) // Покаяние: Мартиролог. Т. 8. Ч. 2 / Сост. Е.А. Зеленская, М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2006. С. 229-232; Бубличенко В.Н. По пути памяти и скорби (Из ГУЛАГовского прошлого Сосногорского района Республики Коми) // Известия Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 2006. № 3. С. 58-72 и др.

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ПРИЛУЗЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОИСКОВО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ)

В.М. Масальцев (Летка, Россия)

Работая учителем истории средней школы в с. Летка Прилузского района в течение нескольких лет, был руководителем кружка по изучению истории политических репрессий периода сталинизма в Прилузье, который посещали учащиеся старших классов. Согласно программы работы кружка ставились определенные педагогико-воспитательные цели и задачи.

Цели:

- создание благоприятных условий, способствующих формированию личности гражданина России;
- воспитание гражданственности, социальной ответственности, чувства сопричастности к судьбам малой Родины, ее людей.

Задачи:

- формирование у старших школьников негативного отношения к тоталитарному режиму;
- формирование правового сознания;
- расширение знаний об историческом прошлом страны периода сталинского правления;
- развитие умения получать необходимую информацию из разнообразных источников;
- формирование и развитие навыков исследовательской работы.

Работа велась на основе доступного нам круга источников: архивные материалы, помещенные в Коми республиканском мартирологе жертв массовых политических репрессий (т. 5) и записанные нами воспоминания очевидцев и их потомков.

В данном выступлении подводятся некоторые итоги поисково-исследовательской деятельности старших школьников по реконструкции истории польской депортации 1940–1941 гг. в Прилузье.

«Польская тема» возникла после экспедиции учащихся МОУ «Летская СОШ» в 2007 г. в бывшее спецпоселение ссыльных крестьян Чесель. Недалеко от поселения было найдено небольшое захоронение, на одной из могил обнаружен крест с табличкой, на которой сохранилась надпись с фамилией и именем похороненного польского спецпереселенца – Казимеж Горгулинский. Год захоронения – 1940-й, совпадает по времени с депортацией, по архивным данным, переселенец направлялся в спецпоселение Гобшор в Прилузском районе, мог не выдержать тягот долгого пути. Скорее всего, через Чесель проходила дорога, по которой переселенцев этапировали на север района и в другие районы Коми АССР – объекты польской депортации. Она начиналась с Мурашей, куда переселенцев привозили по «железке», затем шла через село Летка, которое служило перевалочным пунктом, и далее через Ловлю и Чесель. Отдельное католическое кладбище в данном поселении могло уже быть к тому времени, так как среди жителей поселка, созданного еще в 1930 г., имелись высланные «кулаки» – граждане СССР с Белоруссии, среди которых могли быть этнические поляки, литовцы католического вероисповедания.

Воспоминания опрошенных нами очевидцев подтверждают и дополняют данные материалов научных статей по польской ссылке, помещенных в республиканском мартирологе «Покаяние».

В общей картине польской депортации в Коми АССР Прилузский район явно выделяется. Среди всех районов Коми, ставших объектами польской ссылки, он принял на себя наибольшее количество спецпереселенцев бывшего Польского государства [1]. В плане отношения местных властей к польским переселенцам и их проблемам, связанным с размещением, трудоустройством, жилищно-бытовыми вопросами этот район был самым неблагополучным, как, впрочем, и Летский район, выделенный в те годы как самостоятельный из Прилузского. Местные власти и руководители лесозаготовительных организаций не создали элементарных условий для нормальной жизни польских граждан. Отсутствовали минимальные условия для работы на заготовке леса [2]. Теплой одеждой: ватниками, рукавицами, валенками – их вообще не снабдили. Работали люди в одежде, которую привезли с собой, но практически сразу они ее продавали местному населению, чтобы купить еды. Торгующие организации лесной отрасли не обеспечивали элементарно нормального снабжения лесных поселков [3].

Не были готовы к моменту первой волны депортации условия для размещения переселенцев. Поэтому сначала их расселяли прямо в селах, в домах местных жителей. Например, по рассказам старожилов, поляков разместили во всех селах Летского района. Обеспечить работой всех прибывших власти не могли, да и не хотели, воспринимая новых жителей района как нежелательные элементы, создающие для начальства лишние заботы. Затем переселенцев расселяли в спешно строившихся или построенных ранее временных лесных поселках в глубинах лесных массивов. Холодные бараки в таких поселениях были совершенно не приспособлены для жизни. Не создавалось элементарных условий для медицинского обслуживания, хотя бы потому, что нормальных са-

нитарных условий в лечебной системе Прилузья просто не было. Среди спецпереселенцев многие болели брюшным тифом, массовыми были желудочно-кишечные заболевания [4].

Отношения с местным населением тоже нельзя назвать идеальными. По рассказам свидетелей тех времен, местные жители в голодное военное время сами испытывали трудности с продовольствием и не могли оказать помощь голодающим пришельцам. Кстати, в глазах жителей прилузских деревень, поляки действительно были пришельцами с другой планеты, отличавшиеся от них и по одежде, и по поведению, манерам.

Проверки вышестоящих инстанций констатировали неспособность местных властей решать проблемы с обустройством спецпереселенцев, но положение не менялось к лучшему. Более того, польские граждане продолжали поступать в Прилузье [5]. Тяжелые условия труда и жизни поляков, постоянный голод, холодный климат, отсутствие теплых вещей, непривычный, тяжелый многочасовой труд в лесу приводили к большой смертности поселенцев. Смертность ссыльных поляков в Прилузье в 1940 и 1941 гг. была самой высокой по сравнению с другими районами, об этом говорят материалы статистики. Все опрошенные очевидцы утверждали, что смертность поляков за несколько лет их пребывания в наших местах была массовой.

Проведенные силами школьников экспедиции в места бывших польских поселений позволили нанести некоторые дополнительные штрихи к истории польской ссылки в Прилузье. В частности, удалось выяснить, что существовала практика приписывания лесных поселений в глубине лесов к близлежащему населенному пункту и они фигурировали в документах по названию данного населенного пункта. Так, по архивным данным числится Мугницкое поселение. На самом деле в с. Мутница никакого польского поселения не было, к нему приписали три поселка в лесу, находившиеся к востоку от Мутницы (самое дальнее – в десяти километрах) по р. Глушица. В ходе двух экспедиций школьников нам удалось установить местонахождение этих поселений. В самом крупном из них находилась комендатура. Зимой все три поселения связывала дорога-«ледянка», по которой вывозили лес на лошадях. Всю дорогу (а это 12 км) поливали водой из бочки. Воду брали из р. Глушица, так как дорога шла вдоль реки. До сих пор в поселениях сохранились остатки барачных построек, хорошо просматриваются места строений, сохранились поля, на которых поселенцы выращивали сельхозкультуры. По свидетельствам, ссыльные выращивали горох. Держали лошадей, очевидцы помнят, что в поселении была конюшня.

Места поселений почти не заросли лесом, либо местами есть лес, но он молодой. В двух поселениях были найдены захоронения. В наиболее крупном поселении было обнаружено огромное количество рассыпавшихся от времени кирпичей. Позднее старожилы села Мутница подтвердили нашу версию о производстве кирпича, налаженного в этом поселении, которым снабжали Летский район. Для этого промысла был предназначен один из больших барачных, в котором сохранились остатки принадлежностей большой печи для обжига. Обнаружено место кирпичного склада с целой горой старых кирпичей, рукотворные ямы, служившие для отбора глины. Как вспомнили очевидцы, ссыльные поляки в летний период занимались еще и производством заготовок для прикладов винтовок и изготовления лыж.

Кроме этих трех поселков, значившихся как один, больше в Летском районе польских поселений не было. Зато в Прилузском районе, судя только по спискам объектов, в которых находились доверенные лица созданной в 1942 г. польской делегатуры, их было 19. Учитывая, что в маленьких поселках таких представителей не было, польских поселений в районе насчитывалось значительно больше.

Летом 2011 г. экспедиция школьников Объячевской средней школы, которую представляю с 2009 г. как директор, была организована на места польских поселений по р. Коржа к западу от одноименного поселка. В ходе экспедиции найдены и обследованы пять спецпоселений депортированных польских граждан, находившихся друг от друга на расстоянии от 5 до 10 километров. В этих поселениях поляки заготавливали лес, сплавляли его по реке от плотины к плотине, зимой вывозили на лошадях. Из местных названий мест поселений в 5-м томе мартиролога «Покаяние» упоминается лишь одно – Давыдково, одно из самых больших. Наиболее крупное поселение носит название Чиног. Именно в нем, по словам очевидцев, находился комендант. Старожилы с. Лойма приводят факт убийства коменданта, его тело спустя некоторое время было найдено в лесу, запрятанное в куче земли. Виновников убийства найти не удалось. Чиног – это огромная площадь примерно 700 на 300 м, расположенная вдоль ручья. В поселениях школьниками обнаружено много развалин жилых барачных, часть из которых провалилась в землю, выделяются места строений, сохранились сельскохозяйственные поля с четкими границами, затопленные водой ямы с остатками срубов (колодцы). Места поселений не заросли лесом. Деревья вокруг поселений молодые, так как весь лес был вырублен тогда поселенцами, который они сплавляли по р. Коржа.

В местечках с местными названиями Нисюль, Керкосюль, Сергиев Чум по воспоминаниям очевидцев были временные поселения с одним-двумя бараками. Сейчас на местах этих поселений никаких объектов не сохранилось.

В Давыдково школьниками обнаружено кладбище, на кресте одной из могил сохранилась вырезанная ножом надпись похороненного – Ян Жинальский с датой захоронения – 1941 год.

Все найденные в ходе экспедиций в разных поселениях места захоронений польских переселенцев имеют некоторые общие характеристики: находятся рядом с поселками, обязательно на берегах рек, причем выбиралось для этого более высокое место, могилы сохранились в виде холмиков, а не впадин. Много детских могил, они всегда рядом с могилами взрослых людей, возможно, в одном месте хоронили семьями. По рассказам местных жителей, лет 30 назад на всех могилах еще сохранялись кресты католического образца с именами захороненных, даже тогда были еще ограды.

После начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР полякам, содержащимся в заключении на территории СССР, объявлялась амнистия. Большая часть амнистированных воспользовалась полученной свободой. Многие из них вступали в польскую армию Андерса, сформированную на территории СССР [6]. Только в сентябре 1941 г. из Летского района в армию Андерса вступили 36 чел. [7].

В 1944 г. вышло постановление Совнаркома СССР о переселении поляков в южные районы страны [8]. В том же году, по воспоминаниям старожилов, из Прилузья были вывезены почти все остававшиеся к этому времени спецпереселенцы – бывшие польские граждане. Единицы по каким-то причинам остались и проживали до своей смерти в некоторых селах Прилузского района.

Источники и литература

1. Страницы польской трагедии: факты и документы // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2002. Т. 5. С. 135.
2. Там же. С. 146-147.
3. Там же. С. 150-151. С. 152.
4. Там же. С. 187, 207-208.
5. Там же. С. 152.
6. Там же. С. 360.
7. Там же. С. 425.
8. Там же. С. 414.

ШКОЛЬНЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ИЗУЧЕНИИ СПЕЦПОСЕЛКОВ И ЛАГУПункТОВ ВЕРХНЕЙ ВЫЧЕГДЫ

Т.М. Митина (Югыдъяг, Россия)

История спецпоселков верхней Вычегды и лагучастков Локчимлага – это история родного края и история малой родины. В 2008 г. в пос. Югыдъяг был создан школьный краеведческий музей, один из залов которого называется «Спецпоселки и лагучастки на территории Югыдъягского сельсовета». Создание музея потребовало полевых исследований. Летние краеведческие экспедиции, проводимые при финансировании Фонда «Покаяние», повысили интерес обучающихся и жителей поселка к трагическим страницам истории родного поселка.

Результаты поисковой работы 2010–2011 гг. Известно, что Локчимлаг имел три отделения – Сторожевское, Мординское и Усть-Немское. В Усть-Немское лаготделение входили Жежимский, Усть-Немский и Мыелдинский участки. В 2010–2011 гг. школьные краеведческие экспедиции изучали Мыелдинский участок. Маршрут экспедиции: Югыдъяг – Усть-Нем – Мыелдино – Тимшер – Лопьювад – Ыба – Лопьювад – Мыелдино – Усть-Нем – Югыдъяг.

Поселок Лопьювад (спецпоселок «Лопью-Вад»). Строительство спецпоселка «Лопью-Вад» началось возле дер. Мыелдино в 1930 г. Строительство шло медленно. Одна из первых поселенцев Попсуева Анастасия Егоровна вспоминала: «Осенью 1930 г. в 150 метрах от р. Лопью стоял один барак, где были медпункт, комендатура и другое начальство. Все остальные должны были до зимы успеть построить землянки, где и перезимовали. Больше всего страдали от нехватки инструментов – нечем было строить землянки». В 1933 г. был создан колхоз им. Молотова, который объединял два колхоза – Мыелдинский и Лопьювадский. Председателем колхоза был спецпереселенец И.П. Гостев, высланный из Украины.

В 1933 г. в Лопью-Ваде умерли 175 чел. Это каждый пятый житель поселка с населением около 800 чел. [4]. Нормы пайков в спецпоселках Усть-Куломского района в 1930–1933 гг. говорят сами за себя: мука в 1930 г. – 300 гр., в 1933 г. – 170 гр., крупа в 1930 г. – 20 гр., в 1933 г. – 16 гр., сахар в 1930 г. – 6 гр., в 1933 г. – 6 гр., рыба в 1930 г. – 75 гр., в 1933 г. – 25 гр., масло растительное в 1932 г. в первом полугодии – 10 гр., мыло в 1930 г. – 50 гр., в 1932 г. – 13 гр. В голодном 1933 г. в Усть-Куломском районе отменили дополнительные пайки для детей, что вызвало массовое истощение и смертность.

Жутко слушать спокойный рассказ старейшей жительницы Лопьювада Ивашневой Евгении Артуровны о том, что живые завидовали мертвым, освободившимся от страшных мучений. Евгения Артуровна вспоминает: «Мы с 1935 по 1941 г. жили в Карелии, в Лопью-Ваде оказались в 1941. Голод 1933 г. я помню на Украине. Страшно опухшие люди уходили умирать в лес, как звери. Наши соседи в Лопьюваде из первых прибывших показали нам несколько длинных невысоких холмов, где в 1933 году в общих ямах каждое утро хоронили людей без гробов нетрудоспособные и инвалиды. За работу в поселке карточек не давали и каждое утро несколько могильщиков сами оказывались в этой общей яме. Руководил похоронами комендант».

Труд переселенцев использовался на лесозаготовках. Лес заготавливали зимой. Вывозили лес только зимой на лошадях, летом через болотистую местность и ручьи – не могли. Не выполнявшие план лишались карточки и через 2–3 дня умирали (об этом рассказали все информанты поселков Лопьювад и Тимшер). Карточек лишались больные, старики и дети, и тоже умирали. По воспоминаниям Е.А. Ивашневой, и в годы войны, когда не вышел на работу умерший отец (весна 1942 г.), домой пришла милиция и устроила обыск, ища отца. Ее мать после этого визита заболела и три дня пролежала дома. За эти три дня «прогула» ее осудили по 58 статье на 10 лет. Сегодня в Лопьюваде пять человек получают пенсии как бывшие репрессированные и дети репрессированных. Наиболее полные воспоминания мы записали у Дик (Генке) Ольги Эдуардовны, Ивашневой Евгении Артуровны, Райнгардта Якова Яковлевича.

Ольга Эдуардовна Дик (Генке) (1924 г.р.) была выслана из Житомирской области в Карелию в 1935 г. А в 1941 г. выслана уже из Карелии в Коми: «От Сторожевска шли пешком 250 км 450 человек (в п. Старый Тимшер), после войны осталось 50». С 1943 г. живет в Лопьюваде. Потомки Генке-Дик сегодня живут в Тимшере, Лопьюваде и Югыдъяге, уважаемые люди в этих поселках. Дик Август (сын О.Э. Генке) 20 лет возглавлял Лопьювадский лесопункт, Генке Виктория Даниловна – подполковник милиции, участковый инспектор Усть-Немского куста уже 30 лет (прживает в п. Югыдъяг), ее отец, Генке Эдуард Данилович, возглавлял ОРС Усть-Немского ЛПХ (п. Югыдъяг).

Ивашнева Евгения Артуровна, 1923 г.р., чья семья была выслана из Житомирской области в 1935 г. в Карелию, в Старом Тимшере также оказалась в 1941 г. С 1941 г. живет в Лопьюваде. Много помнит до мелочей: размер пайка (600 гр.), нормы дневной выработки (5–6 куб.м.), часть пайка, которую лишали за невыполнение плана (200 гр.), премию за перевыполнение дневной нормы (1 блин и 1 чайная ложка растительного масла), премию за

перевыполнение недельной нормы (5 м марли, из которых шили праздничные бордовые платья, прокипятив их с лиственной корой), мешковины на ногах вместо валенок.

Райнгардт Яков Яковлевич, 1924 г.р., вместе с семьей из 30 человек был выслан из Поволжья в 1928 г. в спецпоселок «Вежаю», где стояла одна единственная охотничья избушка. Зимовали в шалашах. До 1939 г. здесь умерли отец, братья и все родственники. Остались в живых он с сестрой и мать. В 1941 г., после неудачной попытки уйти добровольцем на фронт (узнали, что он немец), был выслан в п. Тимшер. В 1952 г. переехал в Лопьювад к жене. До 1963 г. его семья жила на скотном дворе и в старой общей бане. У всех бывших спецпереселенцев большое количество наград за ударный труд. В поселке живут их внуки и правнуки.

Поселок Тимшер (спецпоселок «Тимшер»). Поселок Тимшер расположен в 25 км от с. Мыелдино, население сегодня 1330 чел., в средней школе 140 учеников. Пенсии, как дети репрессированных, получают 14 чел., единственный ныне живущий бывший репрессированный Кирст Арнольд Данилович, 1919 г.р. Он указал место Старого Тимшера, что находится в 7 км от Тимшера. Семья Кирстов была выслана в Тимшер в 1935 г. из Житомирской области. Поселок, основанный в 1931 г., к этому времени заселен был крымскими и поволжскими немцами, белорусскими и украинскими раскулаченными крестьянами до 1000 чел. Арнольд Данилович рассказывал, что работал вальщиком, трактористом, на делянках жили месяцами в охотничьих избушках по 30 человек. С началом войны его брата забрали в трудовую армию в Пермскую область, а его оставили в Тимшере, ценили как хорошего специалиста. В годы войны он работал на заготовке авиапланов для самолетов. Арнольд Данилович долго водил нас по лесу, хотел показать место захоронения своей мамы, которую похоронил 70 лет назад. Он работал на участке в 10 км от поселка, на похороны дали ему два часа, он успел вырыть неглубокую могилу, но не успел сделать холмик над могилой и поставить крест. Прибежал на работу, говорит, паек не потерял, а место могилы не запомнил точно. И с тех пор, бывая здесь, каждый раз безуспешно пытается найти это место. А.Д. Кирст показал, где на участке стояли бараки, где начиналось кладбище. От построек уже ничего не осталось, кроме правильной формы углублений в земле, частей фундаментов и стен. В 2004 г. был установлен памятный крест на пожертвования жителей поселков Лопьювад и Тимшер, освященный отцом Тихоном, настоятелем Мыелдинского храма.

Местечко Ыба (на сегодня не заселено). Об этом участке, в 6 км от Югыдъяга, нам рассказала жительница пос. Югыдъяг Паршукова Евлампия Андреевна, (родилась в с. Мыелдино в 1936 г.). По ее рассказу, в возрасте трех лет родители привезли ее на Ыбу, спасаясь от голодной жизни в с. Мыелдино. На лесозаготовке были постоянная работа и заработок. Жили в землянке, отец был постоянно в лесу. Вместе со свободными рабочими трудились заключенные Локчимлага. С началом войны отца забрали на фронт, семья лишилась кормильца и вернулась в Мыелдино. Экспедиция на Ыбу летом этого года и поиски каких-нибудь остатков участка дали немного. Такие же правильной формы углубления, как на Старом Тимшере да остатки бревен и досок на местах каких-то строений, это все, что осталось от участка. Евлампия Андреевна со своим мужем Игнатовым Максимом Васильевичем до 1976 г. жили и работали в Лопьювадском лесопункте Усть-Немского ЛПХ. В школьном музее в Лопьюваде мы нашли фотографию Максима Васильевича конца 1950-х гг., а фотография Евлампии Андреевны, как ударника соцсоревнований, помещена в учебнике для вузов «История Коми АССР».

Поселок Югыдъяг (42-й участок Усть-Немского лаготделения Локчимлага в 1937–1940 гг., спецпоселок «Центральная База» в 1941–1955 гг., поселок Усть-Нем в 1956–1960 гг., пос. Усть-Нем База в 1960–1971 гг., пос. База в 1971–1975 гг., пос. Югыдъяг с 1975 г.). В изучении начальной истории поселка неоценимую помощь оказала работа историка Н.М. Игнатовой (Югыдъяг: история создания населенного пункта по архивным данным // Известия Общества изучения Коми края. Научно-популярный краеведческий журнал. Сыктывкар, 2008. № 2 (11). С. 84-95), которая была написана к 70-летию юбилею поселка. Эта работа позволила документально подтвердить дату основания поселка и основные периоды его истории поселка.

В летних экспедициях ставилась задача найти следы лагерного периода. Границы зоны нам показала Генке Мария А., 1926 г.р. (ее семья была выслана из Карелии в январе 1941 г.). Когда они приехали в спецпоселок «Центральная База», увидели территорию, окруженную спиленными бревнами, вбитыми глубоко в землю (сегодня это центральная и две параллельные улицы поселка). На сегодня известно, где находились комендатура лагеря, лагерная больница. Сохранился даже колодец, которым пользовалась лагерная обслуга, назывался «царским». Заключенные, кроме зоны, проживали также в деревне Краснояр и на Ыбе, где не было даже охраны.

С 1941 г. поселок заселяется в основном советскими немцами, привезенными сюда из Карелии, где они оказались в начале 1930-х гг. Спецпоселковая школа представляла собой барак из четырех комнат. В 1941 г. в трех комнатах жили переселенцы, а в одной размещалась начальная школа. Учеников до 1948 г. было от трех до семи человек. Первая учительница, которую помнят старожилы – Маркова Мария Степановна. В 1948 г. из семи учеников пять были немцы.

В Базовский Усть-Немский ЛПХ входили: Тимшерский л.п. со своими участками, Немский л.п., сплавбаза Смолянка (с 1940 г.), Лопьювадский л.п. (с 1941 г.), Ындин, Ыбский участок. В 1948 г. было начато строитель-

ство узкоколейки (УЖД). В 1943 г. получили паспорта дети с.переселенцев, выезжавшие на учебу, в 1944 г. паспорта выдали членам семей (но выезжать за пределы поселков все равно запрещалось без особого разрешения). В 1956 г. переселенцы получили паспорта. Позже всех паспорта выдали немцам. Ау Ионард Эмильевич вспоминал, что он получил паспорт в 1963 г.

Сегодня в поселке Югыдъяг получают пенсию, как реабилитированные, 25 чел., из них девять немцев. В поселке проживает 1954 чел. 17 национальностей.

Спецпоселок «Ындин» (1930–1955), (на сегодня не заселен). Ындин был основан в 1930 г. и являлся одним из самых крупных в республике. В 1930 г. в Ындине проживали 1048 чел. С течением времени численность снижалась и составила в 1938 г. 519 чел., в 1949 г. – 40 чел., в 1955 г. – 15 чел. Поселок был расположен на берегу р. Ын, окруженный со всех сторон болотом, тайгой, рекой. В поселке были скотный двор, конюшня, колхозная контора, колхозный амбар, колхозный склад, огромные поля и луга. Были больница и вошебойка. В 1955 г. посёлок прекратил своё существование.

В Ындине краеведческая экспедиция была летом 2010 г. В спецпоселковом колхозе все работы по очистке полей от леса, посев и уборка проводились вручную. Из-за бездорожья не было возможности завершить в срок сенопоставки и хлебопоставки государству. Из-за голода многие занимались попрошайничеством и воровством. Митин Александр Васильевич (1928–1992 гг.) рассказывал, как он просил милостыню в Усть-Неме и Парче. Кусок хлеба давали всегда, но просили сначала помолиться и прочесть «Отче наш». Удивляет, что в таких условиях многим удавалось отправлять письма за границу с просьбой о помощи. Проживающая сейчас в п. Белоборск Я.А. Фриске помнит И.И. Фоленвейдера, который организовал отправку писем ындинцев в 1934 г. в организацию «Помощь голодающим в СССР» и священникам за границу. Оттуда получили деньги, и 42 семьи за сданную инвалюту получили 3600 кг муки. Она же по рассказам родных помнит, что ели в голод: суп из пшена и макарон (макароны делали сами из ячменя и пшеницы с примесью пихтовой коры) для работающих, гнилую картошку и тушеную капусту (6 кг капусты, 6 ведер воды) для всех остальных. Стирали и умывались без мыла, ноги от грязи трескались и многие умирали от гангрены.

Из воспоминаний Беллон (Шоль) Фриды Ивановны, уроженки с. Абакын Джанкойского района Крыма (проживала в с.Усть-Нем до 2009 г., умерла в возрасте 103 года): «Нас забрали 28 марта 1930 г. Отца забрали раньше, чтобы не убежал. Два дня продержали в лагунке в Джанкое. Затем погрузили всех в вагоны и повезли на Север. Ехали долго. Еды и питья почти не давали. В дороге много людей заболело. От голода и отчаяния некоторые пытались покончить с собой. Отца я больше не видела. Выгрузили нас на станции Луза. Там были бараки, крытые ельником и засыпанные песком, 72 барака. Там нас и поселили. В бараках были двухэтажные нары, и всюду сыпался песок. 8 апреля (еще лежал снег) меня и двух братьев вместе с другими отправили пешком в Сыктывкар. Там вместе с русскими из Курска, Оренбурга, погрузили на пароход и повезли вверх по р.Вычегде. Высадили в 37 км. от села Усть – Нем, впадение р.Ын в р.Нем. Там и построили п.Ындин. Мужчины валили лес, строили землянки. Осенью всех погнали на лесозаготовки. Условия работы были страшными, много людей умерло в первые месяцы работы от нечеловеческих нагрузок, голода, болезней. Если не едешь на работу, комендант ставил на пень перед избушкой, где он жил. Упадешь, обливают холодной водой, и снова стой. В 1933 г. начался голод. Ели траву, конский щавель, пихту. Люди быстро слабели и умирали. Умерло больше половины поселка. Не было сил хоронить, люди не плакали. Рыли общую яму и складывали тела умерших, пока она не заполнится. В 1934 г. стало лучше, появился коммерческий хлеб. Организовали артель, сеяли рожь, овес, ячмень, горох, сажали овощи. К 1935 г. от первой партии спецпереселенцев почти никого не осталось. Недолго прожили и родные моего мужа – Андреас и Матильда Беллоны (их могилы сохранились на поселковом кладбище). Их внук, Отто Беллон, проживающий сейчас в Германии, составил родословную французских дворян Беллонов, бежавших в Россию в 16 веке от религиозных войн. На своей родине, в Крыму мы жили в соседних селах. У меня была большая и дружная крестьянская семья. Отец и два брата с утра до вечера работали в поле, чтобы семья жила в достатке. Нашу семью и еще несколько немецких семей из нашего села раскулачили в марте 1930 г. Так уничтожили мою семью. В Ындине я вышла замуж за Александра Беллона, тоже спецпереселенца. В 1939 г. мы переехали жить в с.Усть-Нем».

Из воспоминаний Мишиной Анны Ивановны, 1923 г.р., проживающей в п. Белоборск: «В поселке Ындин я жила с мамой и сестрой с 1930 по 1950 г. Начальником был Гейтнер Андрей Васильевич. Председателем колхоза – Демин. В поселке имела охрана. Вокруг поселка не было колючей проволоки. Комендант вызывал людей и беседовал с ними в случае воровства или какого-нибудь инцидента. Рабочий день начинался с 6 часов и заканчивался в 18.00 часов. Заработную плату не давали, платили зерном. После работы ходили в лес и делали веники. Дети помогали взрослым. Люди разводили коров, коз, выращивали картофель, морковь, турнепс, ячмень, овес, горох. В поселке была мельница, где мололи зерно, получаемое за трудодни. Для заготовки кормов дали луга за 40 км от поселка. Но скотину люди старались держать все равно больше, так как были большие налоги и нужны были деньги. В поселке был магазин, где можно было купить не только продукты, но у боль-

шинства денег не было. Продукты покупали только те, кто держал много скота. Из поселка Немский в наш колхоз приезжали рабочие лесопункта. Им зарплату выдавали деньгами, а не зерном, как нам. И они покупали у населения мясо. Конечно, деньги водились в тех семьях, где было больше мужчин. Во время войны немцев в армию не брали, поэтому немецкие семьи, где имелись мужчины, жили лучше. Кроме того что эти семьи держали больше скотины, они много рыбы ловили в Ыне. Рыба была крупная и ее было очень много. Ловили рыбу ночью, ведь свободного времени у населения не было – с утра до вечера работали, чтобы прокормить семью. Моя семья из трех человек (я, сестра и мама) держали трех коз, так как ежегодно должны были сдать налогов 40 килограммов мяса. Одна коза уходила на налоги. В поселке было очень много немцев, но жили также русские, поляки, украинцы, коми».

Памятный крест невинно пострадавшим от репрессий 1930–1950-х гг. поставлен усть-немскими краеведами и освящен настоятелем храма Святой Троицы в Усть-Неме отцом Александром в 2008 г.

Поселок Немский (1934–1970 гг.). *(на сегодня не заселен).* Немский – самый сохранившийся из мертвых участков. В 1934–1937 гг. – лесоучасток, где работали и жили спецпереселенцы, в 1937–1940 гг. – 6-й участок Усть-Немского отделения Локчимлага, в 1941–1956 гг. также лесоучасток, где работали и жили спецпереселенцы.

Первая экспедиция состоялась в 2002 г., вторая – в 2010 г. Плохая дорога и отсутствие мостов через лесные речушки сохранили этот поселок. Вывозить бревна, кирпичи из поселка на другое место почти невозможно. Кроме охотников здесь редко кто бывает. Поэтому по остаткам этого поселка мы можем представить жизнь других спецпоселков. Здания целиком не сохранились, но можно определить функции этих строений. В гараже пол был сделан из чурбаков для прочности, овощехранилище отличалось от землянки размерами. На кладбище в 1990-е гг. восстановлены несколько упавших крестов родственниками репрессированных из Германии.

Итак, в ходе экспедиции были изучены места бывших спецпоселков, лагучастков Локчимлага на верхней Вычегде, отмечены на карте исследованные участки, составлены планы поселков, уточнены данные о численности населения в разные периоды жизни поселков, составлен фотоархив спецпоселков и лагучастков, собраны артефакты этого периода в музей. Были записаны воспоминания с бывшими репрессированными и их детьми.

Многонациональные поселки Югыдъяг, Тимшер, Лопьювад сегодня переживают не лучшие времена. ЛПХ сокращаются. Но и сегодня потомки бывших репрессированных в центре экономической и культурной жизни поселков, которые они создали своим героическим трудом. Участники экспедиций считают своим долгом воссоздать трагические страницы их жизни, отдавая этим дань памяти.

МЕМОРИАЛЬНАЯ РАБОТА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ Г. СЫКТЫВКАРА

Протоиерей Феодор Федько, В.В. Лифанова (Сыктывкар, Россия)

Весной этого года в городе проходили Дни славянской культуры и письменности. Вспоминая в эти Дни святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, мы каждый год вновь и вновь обращаем свой благодарный взор к истокам богатейшего культурно-исторического наследия славянских народов, неотделимого от современной науки и культуры славян.

День славянской письменности и культуры – это праздник просвещения, праздник родного слова, родной книги, родной литературы, родной культуры. Обучаясь различным наукам на родном языке, мы пожинаем то, что было посеяно древнейшими просветителями Руси, воспринявшими письменность от первых учителей славянских народов – святых Кирилла и Мефодия.

Это им принадлежит мысль о единстве человечества и ответственности каждой страны, каждого народа в общечеловеческом устройении и просвещении, о служении каждой страны человечеству.

В эти же дни по благословению Владыки Питирима православные сыктывкарцы почтили память новомученика Земли Коми священномученика Стефана Ермолина, 120-ю годовщину со дня его рождения. Настоятель Прихода святых апостолов Петра и Павла г.Сыктывкара протоиерей Феодор (Федько) и прихожане храма вместе с центром по духовно нравственному воспитанию института развития г.Сыктывкара 22 мая 2011 г. провели круглый стол, посвященный памяти священномученика Стефана Ермолина. На встрече присутствовали священнослужители, научные сотрудники, педагоги, ученики, родственники Стефана Ермолина, прихожане храма Покрова, в свое время в районе этого храма стояла Нижнеконская Крестовоздвиженская церковь, где и служил сам иерей Стефан Ермолин.

Будущий священник родился 22 мая 1891 г. в крестьянской семье в с. Часово Яренского уезда Вологодской губернии, ныне Сыктывдинский район Республики Коми. Окончил начальную школу. По неподтвержденным данным известно, что Стефан Ермолин участвовал в Первой мировой войне. В 1919–1922 гг. служил в Красной Армии, был командиром взвода, помощником командира роты. После демобилизации вернулся к крестьянскому труду.

Будучи человеком глубоко верующим Стефан решает посвятить себя служению Господу.

В середине 1930-х гг. был священником Нижнеконской Крестовоздвиженской церкви в местечке Нижний Конец Сыктывкара, ранее приписной к Усть-Сысольскому Троицкому собору. В 1936 г. по анонимному доносу был привлечен к ответственности органами НКВД «за спекуляцию церковными ценностями», но вскоре оправдали.

Воспитанники Воскресной школы Прихода св.апп. Петра и Павла г.Сыктывкара, ученики школ № 43, 21 подарили участникам Круглого стола свое торжественное выступление, посвященное Дню славянской культуры и письменности и 120-летию со дня рождения Стефана Ермолина. А закончилась встреча в честь памяти священномученика Стефана Ермолина в храме Покрова при Приходе св. апп. Петра и Павла г. Сыктывкара, где совершил Епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим богослужение с акафистом новомученикам Земли Коми.

Мы думаем, что такие дни памяти наших земляков, посвятивших себя служению Богу и людям надо ввести в традицию.

«Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу» – (А.С.Пушкин).

Слова А.С. Пушкина, написанные им более века назад, как нельзя лучше подходят к нашему времени.

**СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ»
КОМИ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОТЕЧЕСТВО – ЗЕМЛЯ КОМИ»**

В.В. Пальшина, Н.М. Игнатова (Сыктывкар, Россия)

Историческое прошлое, как макроистория, так и микроистория, к которой относится история города, села, семьи, биография «маленького человека», является мощным стимулом для формирования у детей гражданской позиции и воспитания патриотизма. Работа со школьниками, подрастающим поколением, является исключительно важным этапом в воспитательном процессе.

Изучение истории репрессий занимает особое место в поисково-исследовательской работе среди школьников. Специфичность деятельности, т.е. недоступность многих архивных данных, труднопроходимые места бывших лагерных пунктов и спецпоселков, сохранившийся страх перед интервью пострадавших в годы репрессий обуславливают многие трудности в сборе материалов. Но многолетние и активные поиски дают ответы на поставленные вопросы. Работа школьников и их преподавателей в этих тематических рамках позволяет сохранить ускользающую память о печальных событиях нашей истории. Участники такой работы приобретают неоценимый опыт осмысления широкомасштабной трагедии 1930–1950-х гг., затронувшей миллионы человек. Изучение документов в семейных и государственных архивах, интервью с очевидцами событий, экспедиции на места исследуемых событий не только приучают к ответственности, толерантности, стремлению к истине и исследовательскому мышлению, но и формируют равнодушное отношение к происходящему как в прошлом, так и в настоящем. В Республике Коми результаты таких исследований ежегодно озвучиваются на конференции «Отечество – Земля Коми».

В ноябре 2001 г. Коллегией Министерства образования и высшей школы Республики Коми была принята программа туристско-краеведческого движения учащихся «Отечество – Земля Коми», целью которой является создание системы туристско-краеведческой работы на основе изучения родного края, способствующей воспитанию нравственно здоровых, физически сильных молодых людей, любящих свою Родину и ответственных за ее будущее.

Программа ТКД «Отечество – Земля Коми» состоит из четырех основных блоков: «Культурное наследие Коми края», «Историческое наследие Коми края», «Природное наследие Коми края», «К туристскому мастерству». В каждый из блоков входят подпрограммы, намечающие основные направления, тематику и ориентиры краеведческого поиска.

Республиканская программа является составной частью Всероссийского туристско-краеведческого движения «Отечество» и в основном республиканские подпрограммы совпадают по названиям, задачам и содержанию с тематическими программами движения «Отечество». Но, учитывая региональные и национальные особенности Республики Коми, были внесены некоторые изменения. Например, в блок «Историческое наследие Коми края» республиканской программы «Отечество – Земля Коми» включена подпрограмма «Покаяние». В содержание деятельности по этой подпрограмме входит поисковая работа юных краеведов по составлению поименных списков жертв политических репрессий, исследованию мест захоронений, оказание помощи редколлегии мартиролога «Покаяние».

Участниками туристско-краеведческого движения «Отечество – Земля Коми» являются обучающиеся образовательных учреждений всех типов и видов, члены секций и клубов, участники детских и молодежных объединений.

Традиционно на конференции работают четыре секции: «Историческое наследие Коми края», «Культурное наследие Коми края», «Природное наследие Коми края. К туристскому мастерству», «История политических репрессий». Первые конференции «Отечество – Земля Коми» включали только три секции. Секция «История политических репрессий» была выделена с 2004 г. именно потому, что на секцию «Историческое наследие Коми края» было представлено большое количество докладов, посвященных изучению печальных страниц истории нашей республики, связанных с событиями ГУЛАГа. В 2003 г. их было представлено 22 из 44 докладов. Следует отметить, что исследовательские работы по истории политических репрессий поступали на конференцию и в предыдущие годы. Например, в 2002 г. таких докладов было семь из 23, в 2000 г. – 16.

Количество докладов, представляемых на секцию «История политических репрессий», колеблется по годам (диаграмма 1), в среднем на этой секции рассматривается от 12 до 24 работ. Один из важных стимулов к участию в конференции – возможность опубликования в сборниках тезисов, которые издаются по итогам каждой конференции. Всего, начиная с 2004 г., на восьми конференциях на секцию «История политических репрессий» было представлено 150 исследовательских работ учащихся республики.

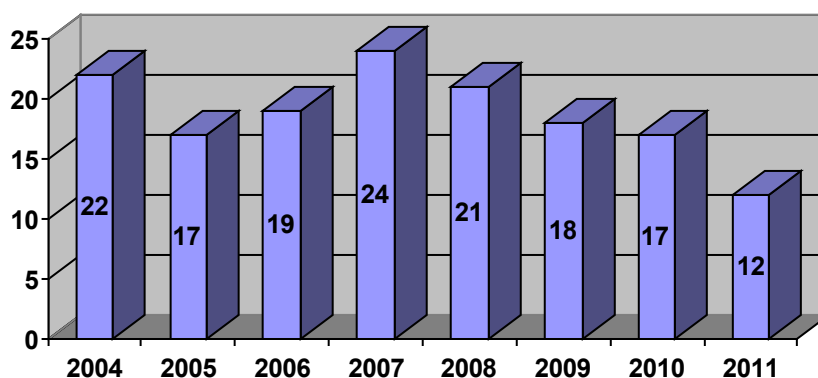

Диаграмма 1. Количество исследовательских работ школьников, представленных на секцию «История политических репрессий» Республиканской конференции «Отечество – Земля Коми».

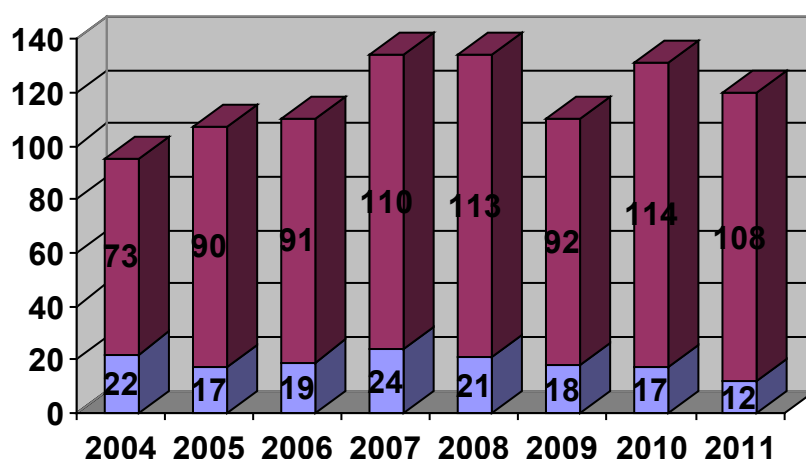

Диаграмма 2. Количество исследовательских работ школьников на секции «История политических репрессий» и общее количество работ, представленных на Республиканскую конференцию «Отечество – Земля Коми».

Доклады, представленные на секцию «История политических репрессий»

2004 год

- 1. Из-за этого «железа» мы чуть все не вымерли (из истории одного большого немецкого семейства Кунов).**
Кун Константин, 11 класс, ЦДЮТ «Интерес», г. Сыктывкар, Эжвинский р-н.
Руководитель: Канева Татьяна Николаевна.
- 2. Ложное обвинение.**
Ермоленко Галина, ДТЮ, пос. Кожва, Печорский р-н.
Руководитель: Луканюк Агриппина Ивановна.
- 3. Цена железки.**
Казанбаев Павел, 11 класс, СОШ № 23, г. Воркута.
Руководитель: Смирнов Сергей Александрович.
- 4. Рассказ «Необитаемая страна».**
Игнатов Иван, 11 класс, Технологический лицей при СЛИ, г. Сыктывкар.
Руководитель: Черновалова Надежда Александровна.

5. История спецпоселения Кузьель.

Бронникова Любовь, ПУ-21, с. Визинга, Сысольский р-н.

Руководитель: Юдин Николай Аркадьевич.

6. Судьба человека в судьбе страны.

Мацакова Надежда, 9 класс, СОШ, с. Усть-Вымь, Усть-Вымский р-н.

Руководитель: Мацакова Галина Алексеевна.

7. Влияние системы ГУЛАГа на развитие Ухтинского р-на.

Чичкина Елена, 10 класс, г. Ухта, пос. Водный.

Руководитель: Ковач Татьяна Васильевна.

8. Двадцатый век в одной судьбе. Автобиография Горчакова И.М. в фотоальбоме.

Капля Ирина, 10 класс, ЦДЮТ «Интерес», Эжвинский р-н, г. Сыктывкар.

Руководитель: Канева Татьяна Николаевна.

9. Дело Петрикаса и «лесных братьев».

Петрикас Виктор, 11 класс, СОШ № 30, Эжвинский р-н, г. Сыктывкар.

Руководитель: Донцов Борис Анатольевич.

10. Трудармия. История в воспоминаниях и документах.

Сварник Максим, 11 класс, СОШ № 15, пос. Ярега, г. Ухта.

Руководитель: Долонина Елена Аркадьевна.

11. Локчимлаг в тридцатые годы XX века.

Лапшина Мария, СОШ, с. Мордино, Корткеросский р-н.

Руководитель: Попова Анна Ивановна.

12. Репрессированные и раскулаченные семьи Сыктывдинского района.

Гусева Екатерина, 11 класс, СОШ № 2, с. Вильгорт, Сыктывдинский р-н.

Руководитель: Полякова Елена Васильевна.

13. Дело крестьянина – единоличника Зебарева С.П.

Зебарева Елена, 11 класс, СОШ № 30, Эжвинский р-н, г. Сыктывкар.

Руководитель: Донцов Борис Анатольевич.

14. Архитекторы от Чибью до Ухты.

Огибин Игорь, 9 класс, Историко-краеведческий клуб «Ермак», ЦДЮТ, г. Ухта.

Руководитель: Федотова Татьяна Александровна.

15. Сохраним для потомков.

Коновалова Кристина, 9 класс, Станция юных туристов, г. Воркута.

Руководитель: Андреева Татьяна Борисовна, ПДО.

16. По гулаговским местам.

Алексеев Алексей, 9 класс, туристско-эколого-краеведческое объединение «Кедр» центр по туризму г. Сосногорска, пос. Нижний Одесс, Сосногорский р-н.

Руководитель: Игнатова Тамара Ивановна.

17. История массового захоронения заключенных вдоль ж/д магистрали в р-не пос. Кожва.

Косенко Артем, ДТЮ «д/о Сталкер», пос. Кожва, Печорский р-н.

Руководитель: Луканюк Агриппина Ивановна.

18. Об истории пос. Водный.

Огаркова Олеся, 11 класс, СОШ № 14, г. Ухта, пос. Водный.

Руководитель: Ковач Татьяна Васильевна.

19. История посёлка Вожаель.

Ковалева Ольга, СОШ, пос. Вожаель, Княжпогостский р-н.

Руководитель: Рассказова Т.Г.

20. Республика Коми в послевоенные времена.

Галиева Ольга, 10 класс, гимназия № 3, г. Воркута.

Руководитель: Киселева Марина Федоровна.

21. По тундре, по железной дороге.

Семенченко Юлия, 10 класс, Станция юных туристов, г. Воркута.

Руководитель: Карпова Ирина Михайловна.

22. Из истории политических репрессий.

Гойда Михаил, Дом детского творчества, г. Емва, Княжпогостский р-н.

Руководитель: Литус Раиса Ивановна.

2005 год

1. **Бытовые условия заключённых строителей нефтешахт на ОЛП № 4 в 1939–1950 гг.**
Ишимова Анастасия, 10 класс, СОШ № 15, г. Ухта.
Руководитель: Долонина Елена Аркадьевна, учитель истории.
2. **Лётчик Лошков Н. С.: подвиг и «перековка» в Воркуталаге.**
Кузнецов Артём, 9 класс, СОШ № 43, г. Сыктывкар.
Руководитель: Таскаев Сергей Викторович, педагог-организатор ОБЖ.
3. **О возможностях организации туристско-краеведческого посещения ГУЛАГовских мест Сосногорского р-на Республики Коми.**
Кошурников Никита, 11 класс, СОШ № 3, г. Сосногорск
Руководитель: Бубличенко Владимир Николаевич, учитель истории.
4. **Тайна спецпосёлка Одью.**
Подорова Любовь, Корткеросский районный ЦДОД.
Руководитель: Смилигин Анатолий Антонович, зав. отделом патриотического воспитания.
5. **Двадцатый век в судьбах моих бабушек.**
Лунина Алина, ЦДОД, г. Усинск.
Руководитель: Лунина Аниса Лукмановна, педагог.
6. **Чтобы помнили.**
Огибин Игорь, Центр детского и юношеского творчества г. Ухта.
Руководитель: Федотова Татьяна Александровна, ПДО.
7. **Родом из Поволжья (родословное древо семьи Косныревых-Кейльман).**
Ердякова Екатерина, 10 класс, СОШ № 1, с. Выльгорт, Сыктывдинский р-н.
Руководители: Эйхман Алексей Фёдорович, учитель истории СОШ № 1, с. Выльгорт, Таскаева Алла Александровна, педагог этнопедагогического центра Гимназии искусств при Главе РК.
8. **Мой посёлок Ярега в 1944 году.**
Синицина Ксения, 10 класс, СОШ № 15, г. Ухта.
Руководитель: Долонина Елена Аркадьевна, учитель истории.
9. **Рождённый железной дорогой (посёлок Абезь сквозь призму времени).**
Савченко Екатерина, Мельнова Мария, 7 класс СОШ № 35, г. Воркута.
Руководители: Пурясова Валентина Васильевна, ПДО Станции юных туристов, Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии СОШ № 35.
10. **К вопросу о трудовом использовании мобилизованных немцев на предприятиях Ухтакомбината (1943–1945 гг.).**
Артюх Ирина, 11 класс, СОШ № 3, г. Сосногорск.
Руководитель: Бубличенко Владимир Николаевич, учитель истории.
11. **Преодолеть и сохранить себя.**
Штоббе Ирина, 11 класс, СОШ № 2, с. Выльгорт, Сыктывдинский р-н.
Руководитель: Евдокимова Юлия.
12. **Усть-Куломский район в годы «большого террора» (спецпосёлок Ындын в 1930–1955 гг.).**
Мордвинков Владимир, 10 класс, СОШ, Югыдъяг, Усть-Куломский р-н.
Руководитель: Митина Татьяна Михайловна, учитель
13. **История памятников в Ушашоре.**
Гольшева Екатерина, 10 класс, СОШ, пос. Первомайский, Сысольский р-н.
Руководитель: Попкова Тамара Александровна, учитель истории.
14. **Мы жизнями своими заплатили (по исследовательской работе «В память о тех, кто лежит по обочинам трактов»).**
Рожнева Анастасия, Молодцова Анастасия, 7 класс, СОШ № 35, г. Воркута.
Руководители: Пурясова Валентина Васильевна, ПДО Станции юных туристов, Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии.
15. **Жертвы политических репрессий во времена сталинского террора. Судьба женщин из пос. Кожва.**
Костенко Артём, Дом детского творчества, пос. Кожва, Печорский р-н.
Руководитель: Луканюк Агриппина Ивановна, ПДО.
16. **Севжелдорлаг. Судьба трёх женщин.**
Обухова Татьяна, 11 класс, СОШ № 42, г. Воркута.
Руководитель: Таранкова Татьяна Серафимовна, учитель истории.

17. История трудпереселенцев в Усть-Куломском районе.

Михайлова Людмила, 10 класс, СОШ, Югыдъяг Усть-Куломский р-н.

Руководитель: Ильина Галина Васильевна, учитель.

2006 год

1. Судьбы немцев пос. Бортом база Сысольского района.

Загородная Нина, 10 класс, МОУ СОШ, с. Пыелдино, Сысольский р-н.

Руководитель: Приймак Любовь Михайловна.

2. Спецпоселки на территории Княжпогостского района.

Зеленина Анна, 9 класс, Гойда Михаил, 10 класс, МОУ «Дом детского творчества МО «Княжпогостский район», г. Емва.

Руководитель: Литус Раиса Ивановна, методист.

3. Посёлок Ярега в 1950–1951 годах.

Ишимова Анастасия, 11 класс, МОУ «СОШ № 15», г. Ухта.

Руководитель: Долонина Елена Аркадьевна, учитель истории.

4. История Абезьского лагеря.

Ищенко Артем, 10 класс, Гуманитарно-педагогический лицей, г. Ухта.

Руководитель: Сорвачев Иван Геннадьевич, учитель истории.

5. «Холмики на берегах Печоры». (Депортации литовцев в Коми АССР в 40-е годы XX века).

Калина Марина, 10 класс, ГОШИ «Коми республиканский физико-математический лицей-интернат», г. Сыктывкар.

Руководитель: Колегов Борис Рудольфович.

6. Вторая Родина Фриды Ивановны Беллон.

Карманов Василий, 8 класс, МОУ «Усть-Немская СОШ», Усть-Куломский р-н.

Руководитель: Бабина Мария Алексеевна, педагог дополнительного образования.

7. «По гулаговским местам».

Карполенко Артем, учащийся ПУ – 32, 3-й курс, пос. Нижний Одес, Сосногорский р-н.

Руководитель: Игнатов Тамара Ивановна, ПДО.

8. Судьба семьи Кольцовых.

Кириллов Николай, 10 класс, СОШ, пос. Ясног, Сыктывдинский р-н.

Руководитель: Крам Татьяна Александровна, учитель истории.

9. Посёлок Ярега в 1952–1955 годах.

Корсакова Олеся, 10 класс, МОУ «СОШ № 15», г. Ухта.

Руководитель: Долонина Елена Аркадьевна, учитель истории.

10. Дети репрессированных в Коми крае: проблема социально-бытовых условий жизни, воспитания и образования.

Лахтионова Екатерина, Лыжурова Ольга, 11 класс, МОУ Русская гимназия, г. Сыктывкар.

Руководитель: Носова Ирина Вениаминовна, учитель истории.

11. Экспедиция учащихся СОШ № 4 г. Сыктывкара по местам массовых политических репрессий в июне – июле 2005 года (Княжпогостский р-н, спецпоселок Усть-Коин).

Максаров Владимир, 11 класс, СОШ № 4, г. Сыктывкар.

Руководитель: Сокерин Михаил Иванович, учитель истории.

12. Оставить добрую память на земле.

Мацакова Надежда, 11 класс, СОШ, с. Усть-Вымь.

Руководитель: Мацакова Галина Алексеевна, учитель коми языка.

13. Судьба Анны Спиридоновны Павловской.

Павловская Анна, 11 класс, МОУ «Гимназия», Эжвинский р-н, г. Сыктывкар.

Руководитель: Тырина Нина Эвировна, учитель истории.

14. XX век в судьбе крестьян с. Чернутьево (1918–1930-е гг.).

Палева Надежда, 9 класс, Чернутьевская СОШ, Удорский р-н.

Руководитель: Аврамова Валентина Платоновна, учитель истории.

15. Борис Александрович Колчин. Три года на севере.

Пендечук Галина, 11 класс, МОУ «Гимназия № 2», г. Инта.

Руководитель: Селезнева. Ольга Михайловна, учитель истории.

16. «Моя семья в молохе репрессий».

Прусакова Анастасия, 11 класс, МОУ «СОШ № 5», г. Инта.
Руководитель: Кузиева Часият Дашдемировна, учитель истории.

17. «Живем, чтобы помнить, помним, чтобы жить!»

Савченко Екатерина, 8 класс, МОУДОД «Станция юных туристов», МОУ «СОШ № 35»
Руководители: Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии МОУ «СОШ № 35», Колыгина Евгения Александровна, педагог дополнительного образования МОУДОД «Станция юных туристов».

18. Парашютный десант на Печоре (5-6 июня 1943 г.): правда и вымысел.

Тропин Михаил, 10 класс, Русская гимназия г. Сыктывкара.
Руководитель: Таскаев Сергей Викторович, преподаватель КРИОиПК.

19. О чем молчит Юршорский погост?

Тюнина Ирина, 11 класс, СОШ № 1, г. Воркута.
Руководитель: Комышева Любовь Леонидовна, учитель географии.

2007 год

1. Во всем виноваты Гитлер и Сталин (немцы-спецпереселенцы в Коми АССР на примере судьбы моей бабушки Э.Г. Криг).

Лебедева Маргарита, 11 класс, Гимназия искусств при Главе РК, г. Сыктывкар.
Руководитель: Таскаева Алла Александровна, учитель истории культуры народа коми.

2. Поселок, которого нет на карте.

Загородняя Нина, 11 класс, «СОШ с. Пыелдино», Сысольский р-н.
Руководитель: Приймак Любовь Михайловна, учитель истории.

3. Ындынская Голгофа.

Карманов Василий, 9 класс, МОУ «Усть-Немская СОШ им. Р.Г. Карманова», Усть-Куломский р-н.
Руководитель: Бабина Мария Алексеевна, ПДО.

4. Село Усть-Нем в жернове репрессий 1930–1935 гг.

Игнатова Валентина, 9 класс, «Усть-Немская СОШ им. Р.Г. Карманова», Усть-Куломский р-н.
Руководитель: Бабина Мария Алексеевна, ПДО.

5. Неоконченная история (Судьба Селибской Богоявленской церкви).

Палева Надежда, 10 класс, Чернутаевская СОШ, Удорский р-н.
Руководитель: Аврамова Валентина Платоновна, учитель истории.

6. Помните их имена.

Напалкова Надежда, 10 класс, МОУДОД «Усть-Куомский Дом школьника», краеведческое объединение «Вот моя деревня».
Руководитель: Напалкова Зоя Степановна, ПДО.

7. Троицко-Печорский островок ГУЛАГА.

Талайко Ольга, 11 класс, МОУ «СОШ № 1», пос. Троицко-Печорск.
Руководитель: Власова Анна Семеновна, учитель истории, обществознания.

8. История семьи польского спецпереселенца.

Ульянова Алена, 9 класс, МОУ «Ношульская СОШ», Прилузский р-н.
Руководитель: Шулепова Валентина Васильевна, учитель истории.

9. История одной фотографии.

Плоскова Светлана, 10 класс, МОУ «Летская СОШ», Прилузский р-н.
Руководитель: Пантелеева Светлана Александровна, учитель истории, обществознания.

10. Летский район и его жители в истории Сталинских репрессий.

Глух Оксана, 11 класс, МОУ «Летская СОШ», Прилузский р-н.
Руководитель: Масальцев Вячеслав Михайлович, учитель истории.

11. Коми, немец, русский-народ прилузский (о судьбах высланных в 1920–1930-е годы в Прилузский р-н).

Сидоров Александр, 9 класс, Объячевская СОШ, Прилузский р-н.
Руководитель: Сидорова Анастасия Александровна, зав. отделом по управлению муниципальным архивом администрации.

12. Чужой среди своих.

Постников Владимир, 11 класс, Вухтымская СОШ, Прилузский р-н.
Руководитель: Шучалина Елена Алексеевна, руководитель краеведческого кружка «Поиск».

13. Моя семья в годы репрессий.

Кузиванова Анастасия, 10 класс, Вильгортская СОШ, Сыктывдинский р-н.
Руководитель: Эйхман Алексей Федорович, учитель истории, обществознания.

14. У каждого человека свой «маршрут».

Терентьева Мария, 11 класс, МОУ «Сосногорская СОШ № 2».
Руководитель: Ольбикова Надежда Лукинична, учитель истории.

15. Кирпичный – кровавый призрак тоталитаризма.

Савченко Екатерина, 9 класс, МОУ «СОШ № 35» г. Воркута, МОУДОД «Станция юных туристов», поисковый отряд «Летописец».
Руководитель: Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии МОУ «СОШ № 35», Колыгина Евгения Александровна, ПДО МОУДОД «СЮТур».

16. Итоги поисковых экспедиций учащихся СОШ № 4 за 2006–2007 гг.

Королев Роман, 10 класс, МОУ «СОШ № 4», г. Сыктывкар.
Руководитель: Сокерин Михаил Иванович, учитель истории, ОБЖ.

17. Структура Усть-Вымлага.

Пономарев Григорий, 10 класс, МОУ «СОШ № 4», г. Сыктывкар.
Руководитель: Сокерин Михаил Иванович, учитель истории, ОБЖ.

18. Джингуй: вымысел и реальность.

Велишаева Мария, 9 класс, МОУДОД «СЮТур», г. Инта.
Руководитель: Киселева Наталья Анатольевна, методист СЮТур.

19. Семья Вибе. Прикосновение к родословному дереву.

Андреев Андрей, Бунина Анна, 11 класс, МОУ «СОШ № 4 с УИОП», г. Сыктывкар.
Руководитель: Чуракова Любовь Алексеевна, учитель истории.
Харюков Сергей Корнеевич, инженер ООО «Лукойл-Информ».

20. История НПЗ: кадровый состав рабочих с 1934 по 1954 год.

Гребенкин Вадим, МОУ «Гуманитарно-педагогический лицей», г. Ухта.
Руководитель: Кипрушева Наталья Сергеевна.

21. Дети Ухты: 1930-е годы.

Куц Владислав, МОУ ДОД « Центр Развития Творчества Детей и Юношества», туристско-краеведческий клуб «Ермак», г. Ухта.
Руководитель: Федотова Татьяна Александровна.

22. Поисково-исследовательская работа на кладбище.

Шафранский Сергей, МОУ ДОД «Центр Развития Творчества Детей и Юношества», туристско-краеведческий клуб «Ермак», г. Ухта.
Руководитель: Федотова Татьяна Александровна.

23. Жертвы безумной веры.

Царук Вероника, 10 класс, СОШ, п.г.т. Войвож, Сосногорский р-н.
Руководитель: Шаронова Тамара Александровна, учитель истории.

24. Название, исчезнувшее с карты.

Гойда Михаил, 11 класс, МОУ «ДДТ МО «Княжпогостский район»».
Руководитель: Литус Раиса Ивановна, методист МОУ «ДДТ МО «Княжпогостский район»».

2008 год

1. Листая пожелтевшие страницы (о судьбе одного репрессированного).

Денисова Валерия, 9 класс, МОУ «СОШ № 1», г. Микунь, Усть-Вымский р-н.
Руководитель: Киселева Елена Петровна, учитель истории.

2. Страницы истории моей Родины в истории моей семьи.

Карпова Мария, 11 класс, МОУ «СОШ с. Усть-Уса», Усинский р-н.
Руководитель: Лобова Анастасия Валентиновна, учитель русского языка и литературы.

3. 1946 год (по материалам прессы Инталага).

Клименюк Дмитрий, 11 класс, МОУ «Гимназия № 1», г. Инта.
Руководитель: Бурлак Наталья Павловна, учитель истории.

4. 1937 год в истории Республики Коми.

Коджаева Екатерина, 10 класс, МОУ «СОШ № 6», г. Усинск.
Руководитель: Белецких Ольга Борисовна, начальник отдела общего и дополнительного образования МУ «Управление образования администрации муниципального образования городского округа «Усинск».

5. Спецпоселок, как место симбиоза этносов и как великая помощь Родине.

Королев Роман, 11 класс, МОУ «СОШ № 4», г. Сыктывкар.

Руководитель: Сокерин Михаил Иванович, учитель истории.

6. Страницы истории спецпоселения Шудог.

Ладанова Наталья, 10 класс, СОШ, с. Сторожевск, Корткеросский р-н.

Руководитель: Тиранова Елена Брониславовна, учитель истории.

7. 1937 год в судьбе Летского крестьянина (о чем рассказали источники).

Пантелеева Мария, 10 класс, МОУ «Летская СОШ», Прилузский р-н.

Руководитель: Масальцев Вячеслав Михайлович, учитель истории.

8. Спецпоселение Чесель глазами очевидцев.

Панфилова Анастасия, 10 класс, МОУ «Летская СОШ», Прилузский р-н.

Руководитель: Масальцев Вячеслав Михайлович, учитель истории.

9. «Они сражались за Родину».

Рыбак Роман, 10 класс, МОУ «Летская СОШ», Прилузский р-н.

Руководитель: Масальцев Вячеслав Михайлович, учитель истории.

10. «Расстрелянные на Кирпичном».

Савченко Екатерина, 10 класс, МОУ «СОШ № 35», г. Воркута, МОУДОД «Станция юных туристов», поисковый отряд «Летописец».

Руководители: Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии МОУ «СОШ № 35», Колыгина Евгения Александровна, ПДО МОУДОД «СЮТур».

11. Люди другой национальности.

Скворцова Ирина, 8 класс, СОШ, пст Якша, Троицко-Печорский р-н.

Руководитель: Филиппова Людмила Юрьевна, учитель истории.

12. Свидетели страшных событий. 1937 год: «большой террор» в истории тоталитарной России.

Осипова Анастасия, 11 класс, СОШ № 3, г. Усинск.

Руководитель: Чудненко Валентина Александровна, учитель истории.

13. Преодоление. Проблемы медицинского обслуживания в Ярегских отдельных лагерных пунктах.

Студенко Лилия, 10 класс, СОШ № 15, г. Ухта.

Руководитель: Долонина Елена Аркадьевна, учитель истории.

14. История Пани Зоси.

Шамбулина Аннабелла, 11 класс, Ухтинский технический лицей имени Г.В. Рассохина.

Руководитель: Вяткина Наталья Викторовна, учитель истории.

15. Насильственная репатриация советских немцев в Германию (на примере истории жизни моей бабушки).

Куликова Людмила, 11 класс, Республиканский Лицей при СыктГУ.

Руководитель: Гончарова Светлана Михайловна, преподаватель истории.

16. Письмо позвало в дорогу.

Хамидулин Анатолий, 8 класс, СОШ № 35, воспитанник МОУ ДОД «Станция юных туристов» г. Воркута.

Руководители: Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии МОУ «СОШ № 35», ПДО; Колыгина Евгения Александровна, ПДО МОУДОД «СЮТур».

17. Театральное творчество за колючей проволокой Интинского лагеря Народного Комиссариата Внутренних Дел – Министерства Внутренних Дел (1943–1956 гг.).

Трошенкова Татьяна, 9 класс, СОШ № 9, г. Инта.

Руководитель: Асютин Сергей Васильевич, заведующий библиотекой.

18. «История Усинского отделения Учтпечлага в годы большого террора».

Шукалович Мария, 11 класс, СОШ № 1, г. Усинск.

Руководитель: Шукалович Ирина Юрьевна, учитель истории.

19. Страницы истории спецпоселения Шудог.

Ладанова Наталья, 10 класс, СОШ, с. Сторожевск, Корткеросский р-н.

Руководитель: Тиранова Елена Брониславовна, учитель истории.

20. Тажные очерки: по местам массовых политрепрессий (экспедиция лето-осень 2007 г.).

Уляшов Денис, Александров Игорь, 9 класс, СОШ № 4, воспитанники МОУ ДОД «Центр патриотического воспитания», г. Сыктывкар.

Руководитель: Сокерин Михаил Иванович, ПДО.

21. Здесь застыло время мерзлотою вечной.

Талызина Лилия, 11 класс, Витман Иван, 7 класс, МОУ «СОШ № 14», г. Воркута.

Руководитель: Витман Ирина Владимировна, ПДО.

2009 год

1. **Экспедиция – паличество к месту гибели и упокоения о. Дмитрия Спасского.**
Сердитова Яна, 10 класс, ГОШИ «Гимназия искусств при Главе РК».
Руководитель: Таскаев Сергей Викторович, педагог дополнительного образования.
2. **Неизвестный Сэрук Иван.**
Битнер Екатерина, 10 класс, «Гимназия искусств при Главе РК».
Руководитель: Зварич Лидия Яковлевна, учитель коми языка и литературы.
3. **Две судьбы.**
Туркина Елена, МОУ «СОШ», д. Туикерес, Усть-Вымский р-н.
Руководитель: Туркина Антонина Михайловна, зав. музеем истории.
4. **Формирование этнической группы Русских немцев в РК (по материалам жителей с. Вильгорт).**
Габб Екатерина, МОУ «Вильгортская СОШ № 1», Сыктывдинский р-н.
Руководитель: Эйхман Алексей Юрьевич, учитель истории.
5. **Цена сталинской коллективизации: трагедия спецпереселенцев на примере семьи Козьяковых.**
Григорьев Михаил, 10 класс, МОУ «СОШ № 3 г. Сосногорск».
Руководитель: Волкова Ирина Николаевна, учитель истории.
6. **Освоение северных территорий Печжелдорлагом.**
Велишаева Мария, 11 класс, Гуманитарная гимназия № 3, воспитанница МОУДОД «Станция юных туристов», г. Инта.
Руководитель: Киселева Наталья Анатольевна, педагог доп. образования.
7. **Все мы родом из детства (Судьба М.Н. Ключкова и его семьи).**
Главинская Алеся, 11 класс, СОШ, пос. Первомайский, Сысольский р-н.
Руководитель: Попкова Тамара Александровна, учитель истории.
8. **Польский след в истории Сысольского района.**
Селькова Римма, 11 класс, СОШ, пос. Первомайский, Сысольский р-н.
Руководитель: Попкова Тамара Александровна, учитель истории.
9. **Польские спецпереселенцы в Летском районе.**
Панфилова Анастасия, 11 класс, МОУ «Летская СОШ», Прилузский р-н.
Руководитель: Масальцев Вячеслав Михайлович, учитель истории.
10. **Там, где кончаются рельсы.**
Тимушев Александр, Тюрнина Светлана, 8 класс, СОШ, пос. Деревянск, Усть-Куломский р-н.
Руководитель: Нестерова Мария Андреевна, учитель географии.
11. **Лодка «пыж», как образ жизни крестьян-вымичей, а также их быт в середине XX в. Краеведческие материалы по среднему течению Выми.**
Игнатов Илья, 10 класс, «СОШ № 4», г. Сыктывкар.
Руководитель: Сокерин Михаил Иванович, учитель истории, ОБЖ.
12. **Крепость семейных уз (на примере семьи А.Я. Бердичевского).**
Савченко Екатерина, 11 класс, «СОШ № 35», г. Воркута.
Руководитель: Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии.
13. **Роль заключенных в освоении нефтяного месторождения и строительстве города Ухты (1930–1950-е гг.).**
Хозяинова Татьяна, СОШ № 1, г. Вуктыл.
Руководитель: Пиженко Валентина Михайловна, методист информационно-методического кабинета УО муниципального района «Вуктыл».
14. **1930-е гг.: интеллигенция и власть (на примере судьбы моего прадедушки Васильева Андрея Васильевича).**
Напалкова Анастасия, 9 класс, ГОУ «Коми республиканский лицей при СыктГУ».
Руководитель: Казакова Карина Ацамазовна, учитель истории.
15. **Культурно-исторический потенциал как дополнительный компонент для развития туризма в бассейне р. Косью.**
Коршук Марина, 11 класс, Гуманитарная гимназия № 3, воспитанница МОУДОД «Станция юных туристов», г. Инта.
Руководитель: Киселева Наталья Анатольевна, педагог дополнительного образования
16. **История метеослужбы Ухты 30–40-е гг. XX в.**
Елфимов Владимир, 9 класс, СОШ № 21, воспитанник МОУДОД «Центр Развития Творчества Детей и Юношества».
Руководитель: Федотова Татьяна Александровна, педагог дополнительного образования.

17. «Гражданин» природы (Судьба Кнорре Евгения Павловича – основателя опытной лосефермы Печоро-Илычского государственного заповедника).

Скворцова Ирина, 9 класс, МОУ «СОШ пст Якша», Троицко-Печорский р-н.

Руководитель: Филиппова Людмила Юрьевна, учитель истории.

18. Дорога к храму...

Ошмакевич Ксения, 8 класс, ГОШИ «Коми республиканский физико-математический лицей-интернат».

Руководитель: Колегов Борис Рудольфович, преподаватель истории.

2010

1. «Все это было, было, было...» (судьба семьи спецпереселенцев из Нижнего Поволжья).

Молчанова Анна, Носкова Анна, 11 класс, МОУ «СОШ п. Первомайский», Сысольский р-н.

Руководитель: Попкова Тамара Александровна, учитель истории.

2. «Человек есть тайна».

Юткина Елизавета, 11 класс, МОУ «Гимназия № 3», г. Инта.

Руководитель: Ляхова Валентина Ивановна, учитель истории.

3. «Поиск исторических артефактов строительства железной дороги Чум–Лабытнанги».

Беляев Евгений, 10 класс, МОУ «СОШ № 35», г. Воркута.

Руководитель: Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии.

4. «Помню, чту и уважаю!»

Киселев Алексей, 9 класс, МОУ «СОШ с. Сторожевск», Корткеросский р-н.

Руководитель: Попова Татьяна Михайловна, заместитель директора по воспитательной работе.

5. Переплетение судеб. Ссылные в Слободском рейде.

Кочанова Диана, 10 класс, воспитанница МОУДОД «Центр детского творчества», Эжвинский р-н, г. Сыктывкар.

Руководитель: Канева Татьяна Николаевна, педагог-организатор.

6. «За царя, за Отечество».

Андранович Ольга, 10 класс, МОУ «Гимназия № 2», г. Воркута.

Руководитель: Белич Татьяна Владимировна, учитель истории.

7. Преподаватели Коми пединститута – жертвы политических репрессий.

Напалкова Анастасия, 10 класс, ГОУ «Коми республиканский лицей при СыктГУ».

Руководитель: Казакова Карина Ацамазовна, преподаватель истории.

Научный консультант: Потолицына Елена Николаевна, старший научный сотрудник Национального музея.

8. Некоторые итоги поисковых экспедиций 2006–2009 годов.

Игнатов Илья, Александров Игорь, 11 класс, МОУ «СОШ № 4», г. Сыктывкар.

Руководитель: Сокерин Михаил Иванович, учитель истории.

9. Воркутинский театр: как все начиналось.

Перетягина Оксана, Устинова Инна, 9 класс, МОУ «Гимназия № 2», г. Воркута.

Руководители: Ярошенко Анжелика Федоровна, учитель биологии, Ефремова Наталья Анатольевна, учитель географии.

10. Геннадий Васильевич Невский – основатель Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние»: строки биографии.

Кучерова Лидия, 11 класс, МОУ «СОШ п. Синдор», Княжпогостский р-н.

Руководитель: Чумакова Елена Леонидовна, учитель истории.

11. «Вожаель... Прошлое... Настоящее... Будущее...»

Остапчук Кристина, 9 класс, МОУ «СОШ пст. Чернореченский», Княжпогостский р-н.

Руководитель: Литус Раиса Ивановна, методист МОУДОД «Дом детского творчества», г. Емва.

12. Юсь – Ныра. Неизвестная страница ГУЛАГА на Интинской земле.

Корнилов Вадим, 8 класс, МОУ «СОШ № 6», г. Инта.

Руководитель: Расковалов Александр Геннадьевич, преподаватель-организатор ОБЖ.

13. Политические репрессии на Удоре: организаторы и жертвы.

Симиш Елена, Клепиковская Дарья, 10 класс, МОУ «СОШ пгт Усогорск», воспитанницы МОУДОД «Дом детского творчества» пгт Усогорск, Удорский р-н.

Руководитель: Чупрова Дина Ивановна, пдо.

14. «Искусственный остров – памятник эпохи».

Ермушина Валерия, Гамм Наталия, 11 класс, МОУ «СОШ № 5», г. Инта.

Руководитель: Ермушина Ирина Анатольевна, учитель географии.

- 15. «Память о них сохраним» (история Вадима и Нины Жаковых. Воспоминания в письмах).**
Каменев Илья, Ложкин Андрей, 9 класс, МОУ «СОШ № 24», г. Сыктывкар.
Руководитель: Есева Антонина Михайловна, учитель коми языка, руководитель музея К. Жакова.
- 16. «Судьба рода и судьба человека в истории страны».**
Нестерук Екатерина, 10 класс, МОУ «СОШ № 2», г. Воркута.
Руководитель: Белич Татьяна Владимировна, учитель истории и обществоведения.
- 17. Малая война на Печоре.**
Сметанина Галина, МОУ «Усть-Усинская СОШ», Усинский р-н.
Руководитель: Лобова Анастасия Валентиновна, учитель русского языка и литературы.

2011

- 1. Я из рода Демешкиных.**
Чупров Илья, 6 класс, МОУ «Короворучейская СОШ», Усть-Цилемский р-н.
Научный руководитель: Чупрова Екатерина Тимофеевна, учитель русского языка и литературы.
- 2. С чего начинается Родина.**
Карманова Марина, 11 класс, ГОШИ «Гимназия искусств при Главе РК».
Научный руководитель: Сироткина Нина Григорьевна, учитель коми языка и литературы.
- 3. Люди и судьбы.**
Беккер Анастасия, 10 класс, МОУ «Короворучейская СОШ», Усть-Цилемский р-н.
Научный руководитель: Чупрова Екатерина Тимофеевна, учитель русского языка и литературы.
- 4. Погибшие в неволе.**
Кочубей Андрей, 10 класс, МОУ «Косланская СОШ», Удорский р-н.
Научный руководитель: Колесникова Галина Юрьевна, учитель коми языка и краеведения.
- 5. Речной транспорт Ухтпечлага (Ухтинский Промышленный район).**
Куц Владислав, 9 класс, МОУ «СОШ № 10», воспитанник клуба «Ермак» МОУДОД «Центр развития творчества детей и юношества», г. Ухта.
Научный руководитель: Федотова Татьяна Александровна, педагог дополнительного образования.
- 6. Люди Харбея (исследовательская работа по итогам многодневной краеведческой поисково-исследовательской экспедиции 19-26 сентября 2010 г.).**
Васильева Дарья, 10 класс, МОУ «СОШ № 14», воспитанница туристско-краеведческого объединения «Горизонт» МОУ «СОШ № 14», г. Воркута.
Научные руководители: Гудованый Олег Алексеевич, учитель географии МОУ «СОШ № 35», Витман Ирина Владимировна, педагог дополнительного образования МОУ «СОШ № 14».
- 7. Без вины виноватые.**
Шомысова Вероника, 10 класс, МОУ «Югыдьягская СОШ», Усть-Куломский р-н.
Научный руководитель: Митина Татьяна Михайловна, педагог дополнительного образования.
- 8. Свои – чужие: другая национальность, другая религия, другие убеждения.**
Остапчук Кристина, 10 класс, МОУ «СОШ» пст. Чернореченский, Княжпогостский р-н.
Научный руководитель: Литус Раиса Ивановна, руководитель Княжпогостского отделения «Мемориал».
- 9. «Высоцкая, знай своё место!» (о судьбе Хозяиновой Лидии Яковлевны и её семьи).**
Сметанина Галина, 9 класс, МОУ «СОШ» с. Усть-Уса МО ГО «Усинск».
Научный руководитель: Лобова Анастасия Валентиновна, учитель русского языка и литературы.
- 10. «Она родилась в ГУЛАГе».**
Дедух Елизавета, 11 класс, участница городского клуба «Поиск» МОУ ДОД ЦДОД г. Усинска МО ГО «Усинск».
Научный руководитель: Ткаченко Ирина Ивановна, методист отдела гражданско-патриотического воспитания.
- 11. Спецпоселок Ындин (1930–1955 гг.).**
Наумова Оксана, 10 класс, МОУ «Югыдьягская СОШ», Усть-Куломский р-н.
Научный руководитель: Митина Татьяна Михайловна, ПДО.
- 12. Советско-финская война 1939–1940 гг.: неизвестные страницы.**
Козлов Алексей, 11 класс, ГОУ «Коми Республиканский Лицей при СыктГУ».
Научный руководитель: Казакова Карина Ацамазовна, к.и.н., преподаватель истории.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОИСКОВО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СОСНОГОРСКОМ РАЙОНЕ***В.А. Панасова (Сосногорск, Россия)***

Сосногорск – город молодой. 1 декабря 2010 г. ему исполнилось 55 лет. Но история с. Усть-Ухта и других деревень нашего района более древняя, насчитывает от 100 до 200 лет. Их основателями стали представители коренного народа коми.

Новая жизнь в наших краях началась ярко и стремительно, с бьющих в небо фонтанов нефти и газа, железных дорог, разбудивших тишину вековой тайги. В победном и наступательном ритме спрессовалось время с его героическими и трагическими страницами, годами взлетов и падений. Однако люди трудились с полной отдачей, наперекор всему. И каждая стройка рождала новых энтузиастов Севера. Для многих он стал судьбой. Это их руками создано все, чем мы сегодня живем. У них питаемся чувством патриотизма, учимся жить с полной отдачей.

Появление городов и поселков на карте Республики Коми связано со строительством железной дороги, освоением нефтяных и газовых месторождений, переработкой газа и лесозаготовкой. Из летописи освоения природных богатств края невозможно вырвать трагические страницы, связанные с ГУЛАГом, который дал десятки и сотни тысяч подневольных работников, с клеймом «враг народа», под конвоем прибывающих к местам народных строек. Самая тяжелая и изнурительная работа ложилась на плечи заключенных и спецпереселенцев. Их силами шло обустройство нефтяных и газовых промыслов, лесоповал, отсыпка железнодорожного полотна. Нехватка техники с лихвой компенсировалась множеством дармовых рук, которые никто не берег: умрет один – пришьют двоих.

В предвоенные и военные годы по всей территории района располагались лагеря и спецпоселения. Главным руководителем и «государевым оком» был НКВД.

История основания г. Сосногорска уходит своими корнями к началу прошлого века. В августе 1939 г. группа изыскателей во главе с инженером Козловым забила первый колышек будущей станции «Ижма» вблизи с. Усть-Ухта на левом берегу р. Ижма. Станция должна была обеспечивать обслуживание железной дороги, которую будут прокладывать до Воркуты. Строили станцию и поселок Ижма заключенные, тысячами погибавшие от мороза, недоедания, кишечных и легочных заболеваний, непосильного труда. Лагерные пункты пос. Ижма направляли заключенных на строительство домов, дорог, на гипсовый рудник (месторождения гипса были обнаружены на правом берегу р. Ижма, прямо напротив поселка), на валку леса и на строительство сажевого завода, эвакуированного в 1941 г. из Майкопа, которому угрожала немецкая оккупация.

В декабре 1955 г. поселок Ижма получает статус города, а через два года переименовывается в г. Сосногорск. Значительной вехой в истории муниципального образования стали отделение от Ухты и образование в 1979 г. Сосногорского района.

Центр детско-юношеского туризма г. Сосногорска был создан в 1996 г. Тогда это была Станция юных туристов, которая образовалась из краеведческого кружка местного училища № 9, организованного преподавателем истории Тарасовым Львом Львовичем. Он же и стал первым директором СЮТур. Наши воспитанники под руководством педагогов изучают историю малой Родины со всеми ее героическими и трагическими страницами, а также судьбы ветеранов-земляков, поэтому все начинается с небольших походов по району, с бесед с первостроителями, старожилками, бывшими репрессированными и спецпереселенцами, проживающими как в городе, так и в поселках района. К сожалению, с каждым годом их остается все меньше и меньше, поэтому записи их воспоминаний нами бережно сохраняются. Наши туристы из поселка Нижний Одес под руководством Т.И. Игнатовой на протяжении нескольких лет занимались сбором материала – встречались с бывшими репрессированными и узниками лагерей, спецпереселенцами и их детьми.

В июне-июле 2005 г. совершена поисково-краеведческая экспедиция со сплавом и посещением мест бывших лагерей, поселков, кладбищ и захоронений. Ребята встречались с жившими в п. Ленавож и работавшими на лесозаготовке и сплаве, (ныне не существующий) – Ангеля Дудар (урожденная Шимкуте), Ющенко Наум Захарович, Курганников Павел Павлович с семьей, Сидорин Илья Демьянович, Кузнецов Филипп и его жена Афросинья (ныне проживают в Ухте), Журавлевы Татьяна и Петр и др.

В августе 2004 г. проведена очередная поисково-краеведческая экспедиция по маршруту Нижний Одес – Мирный – Кодач, где во время личных встреч с Лерке Эвальдом Вильгельмовичем, Шульц Ольгой Эрнстовной, Неклюдовой Марией Степановной, Мустафаевой Гертой Вильгельмовной были собраны фотоматериалы и воспоминания.

В июле 2006 г. проведена поисково краеведческая экспедиция со сплавом до п. Конашьель. Там ребята встретились с детьми бывших репрессированных: Ситниковой Евдокией Тимофеевной, Сойновой Аллой Валентиновной, Паусом Гербертовичем Маром, Смирновой Нелли Владимировной. В следующей экспедиции на

Митрофан-Дикост ребята встречались с Бойко Адольфом Адольфовичем, Югансон Леонтиной Альбертовной, Нечасовой Марией Игнатьевной, Юркалис Юнас сын Станислава. Эти четверо старожилов – бывшие репрессированные, которые были реабилитированы в 1956 г.

Как видно по фамилиям, это люди разных национальностей – на территории нашего района и близлежащих поселков в лагерях находились и немцы, и литовцы, и поляки, и др. В ходе сплавов и турпоходов также отмечались на карте места, где находились кладбища, захоронения, бывшие поселения и землянки. А кладбища среди местных так и называются – польское, немецкое... К сожалению, за ними никто не ухаживает из-за труднодоступности этих мест, места практически зарастают. Только по остаткам железа, колючей проволоки, почти засыпанных землянок да покосившихся и сгнивших вышек можно догадаться о присутствии здесь некогда людей. На кладбищах кое-где еще сохранились ограды, кресты, просто таблички с номерами. А на литовском кладбище, в районе бывшего п. Подгорный на берегу р. Велью, стоят мраморные памятники – значит кто-то помнит своих родственников, приезжают на могилы.

История строительства железнодорожной магистрали Котлас-Воркута неразрывно трагически связана с Сосногорском, изучали эту историю наши воспитанники также в поисково-краеведческих экспедициях от ст. Ираель до Княжпогоста, не ограничиваясь рамками Сосногорского района.

В июне 2001 г. краеведы по руководством педагога В.Н. Бубличенко (ныне преподает историю в Ухтинском техническом государственном университете) прошли пешком от ст. Ираель до г. Сосногорска, попутно встречаясь со старожилами-железнодорожниками, собирали информацию об истории поселков Ираель, Вис, Керки, Малая Пера, где также были расположены лагерные зоны. Продолжил исследование железной дороги Л.Л. Тарасов, в 2002 г. руководивший пешеходной десятидневной экспедицией от Княжпогоста до Сосногорска. Задачи были такие же – сбор краеведческого материала по истории Севжелдорлага, фотографирование сохранившихся объектов, видеосъемка и запись воспоминаний очевидцев тех страшных лет.

Поделюсь личными впечатлениями, так как я принимала участие в этой экспедиции в качестве заместителя руководителя группы.

В двух километрах от пос. Иоссер в местечке Малиновка мы обследовали остатки лагерной зоны. Сохранилась псарня, где содержались сторожевые собаки, полусгнившие бараки развалены, неплохо сохранился БУР – барак усиленного режима, где отбывали наказание провинившиеся ээки. Зловеще скрипели при открывании 20-сантиметровой толщины железные двери на ржавых петлях с окошечками для подачи еды. Нары в двухместных камерах висят на проржавевших цепях, очевидно, заключенным в течение дня нельзя было садиться, и нары поднимались к стене. На небольших окошечках громоздкие решетки, а за окном голубое небо, яркое солнце и кипит цветущая черёмуха. Находясь в БУРе около часа, мы вышли оттуда с тяжелым чувством. Теперь можно представить себе состояние годами находившихся там людей.

По результатам некоторых экспедиций и турпоходов в Центре детско-юношеского туризма смонтированы документальные фильмы. Эти две поисково-краеведческие экспедиции объединены в одну тему «По пунктам Севжелдорлага». В газете «30 октября» № 25 2002 г. опубликована обширная статья по результатам этих двух экспедиций.

Вот уже несколько лет туристы поселка Верхнеижемский под руководством педагога Драгуна Сергея Константиновича осваивают и изучают историю нефте- и газодобычи на территории нашего района. В июне 2006 г. поисково-краеведческая группа сплавила по р. Ижма от п. Верхнеижемский до д. Пожня. По пути следования ребята изучали историю населенных пунктов в верховьях р. Ижма – п. Кирпичный (там заключенные лагерного пункта № 6 усиленного режима работали на кирпичном заводе, выпускавшем кирпич, керамические газовые горелки, черепицу), д. Извайль, д. Лач, п. Кэмдин (бывший Асфальтовый рудник, в первые послевоенные годы здесь было открыто богатейшее месторождение асфальтитов, уникальных по своему составу, с 1946 г. там размещался ОЛП № 6 – «шестерка», в составе заключенных были «власовцы», надзиратели концлагерей, полиция и попавшие в плен к немцам солдаты), п. Иван-Ель, п. Поляна, д. Пожня. В д. Пожня был установлен пост «стрелков». Так называли вооруженных солдат, которые отслеживали и отстреливали беглецов-заключенных, бежавших вниз по реке в одиночку и целыми группами. Большинство из этих поселков ныне не существует.

Основной целью экспедиции было обследование места расположения первых скважин Седьельского газового месторождения, где в 1935 г. пробурили первую скважину. Всего на Седьельском месторождении было пробурено 72 скважины, и данный участок эксплуатировался вплоть до 1974 г. Освоение первой в СССР газовой скважины Седьельского месторождения и далее строительство сажевого завода, эвакуированного из Майкопа, кирпичного завода и магистрального подвесного самонесущего газопровода положили начало первому в СССР газопромыслу с законченным технологическим циклом, когда все стадии – добыча, транспортировка и переработка – выполнялись в одной местности. За всем этим стоит тяжелейший изнурительный труд заключенных ГУЛАГа, невольно ставших нашими земляками.

В июне 2007 г. наши поисковики сплавились с верховьев р. Нибель. Обследовали нибельское месторождение, в освоение которого внес большой вклад Андрей Яковлевич Кремс, репрессированный в 1938 г. и сосланный в лагерь. Будучи геологом по образованию он принимал личное участие в изысканиях и получил два ордена – Красного Знамени и Красной Звезды – за открытие Нибельского и Войвожского месторождений.

В поселке Вис школьники также занимались поисками. Под руководством Н.Ф. Серебряковой был создан поисково-краеведческий клуб «Тропой памяти», где сохранялась память о ГУЛАГовском прошлом поселка. В июле 2005 г. была совершена пешеходная поисковая экспедиция в сторону р. Аюва, ребята нашли старую железнодорожную колею, по которой вывозился лес, заготовленный заключенными. К сожалению, с закрытием школы в поселке клуб «Тропой памяти» прекратил свое существование.

Я рассказала лишь о нескольких краеведческих экспедициях. Всего за время наших изысканий были проведены 23 поисково-краеведческие экспедиции: со сплавом на резиновых лодках, пешеходные и с выездом на транспортных средствах.

Очень важно, что в ходе таких походов ребята имеют возможность расширить личный кругозор, прикоснуться к истории, увидеть своими глазами – это никак не сравнить с сухой информацией, полученной на уроке в рамках школьной программы. И неоспоримо – спортивно-оздоровительный туризм в единстве с краеведческим поиском способствует воспитанию подлинной гражданственности ребенка, а исследование тем, связанных с «Мемориалом», заставляет задуматься о нелегкой исторической судьбе Родины, о трагедии народа и конкретных личностей.

Краеведческая работа сосногорских школьников не ограничивается поисково-краеведческими экспедициями. В Центре детско-юношеского туризма создана музейно-витринная экспозиция, одним из разделов которой является тема ГУЛАГа. Ученики, приходя к нам на экскурсии, узнают историю образования родного города, какими усилиями, жертвами все это достигалось. Кто-то впервые слышит о ГУЛАГе, репрессиях, фамилию «Сталин».

Ежегодно, в конце октября к Дню памяти жертв политических репрессий организуется пешеходная экскурсия к мемориальному комплексу жертвам репрессий, открытому в Сосногорске в 1996 г.

На правом берегу р. Ижма, на месте бывших лагерных захоронений, местной церковью Серафима Саровского установлен деревянный мемориальный крест. Каждый раз, проходя мимо этого места в турпоходах, мы рассказываем детям о предназначении этого креста.

Приглашаются старожилы города, дети репрессированных, которые делятся с ребятами своими воспоминаниями. Нашим другом и постоянным гостем являлся председатель Сосногорского общества «Мемориал» Устиловский Георгий Иванович, ныне покойный. Он до конца своей жизни стоял на защите прав репрессированных жителей города и района, помогая им восстановить доброе имя. Нескольким десяткам человек он помог реабилитироваться.

Центр детско-юношеского туризма г. Сосногорска на протяжении многих лет тесно сотрудничает с Коми республиканским благотворительным общественным Фондом жертв политических репрессий «Покаяние». Фонд в полном объеме финансирует организацию и проведение наших поисково-краеведческих экспедиций, а также выездов для участия в конференциях (Отечество – Земля Коми) как на республиканском, так и на всероссийском уровнях. Материалы, собранные в ходе поисковых экспедиций, хранятся в Центре детско-юношеского туризма г. Сосногорска и в Фонде «Покаяние» в виде отчетов, видеофильмов и фотоматериалов на электронных носителях.

В 2008 г., когда отмечалось десятилетие Фонда «Покаяние», наша поисковая работа была отмечена благодарственными письмами Главы Республики Коми и ценным подарком.

Хочется от имени юных краеведов и педагогов г. Сосногорска, а также от себя лично выразить огромную благодарность руководству Фонда «Покаяние» за помощь и поддержку в нашей работе и лично Рогачеву Михаилу Борисовичу, Бушмановой Надежде Павловне.

Растет и хорошеет город Сосногорск. Строятся объекты соцкультбыта, спортивные комплексы и футбольные поля, ровным полотном стелятся тротуары и дороги. Яркое уличное освещение поднимает настроение в темное время суток. Возникают новые памятники и достопримечательности. Переселяются жители из перспективных поселков в город. Растет и уровень жизни горожан. Но наша задача – сохранить в сердцах и умах последующих поколений историю, трагическую историю земли нашей – города и района.

С легкой руки экс-главы Сосногорска Игоря Викторовича Леонова для каждого жителя города стал девиз «Живу, Люблю, Горжусь!», увековеченный на памятной стеле, установленной к 90-летию республики, но к этим словам я бы добавила – «Помню!».

№ п/п	Дата	Маршрут	Руководитель	Цель
1.	17-26 августа 2001 г.	Краеведческая экспедиция по маршруту: пгт. Нижний Одес – п. Митрофан Дикост – пгт. Нижний Одес со сплавом по рекам Малый Ленавож, Большой Ленавож, Велью.	Игнатова Т.И. 10 участников	Поиск мест бывших поселков ГУЛАГа, захоронений, встречи с бывшими репрессированными, проживающими в п. Подгорный (Сплавбарак), п. Мирный, с. Кодач.
2.	01-13 июня 2001 г.	Пешеходная поисково-краеведческая экспедиция пгт. Княжпогост – г. Сосногорск, 247 км.	Тарасов Л.Л., Панасова В.А. 10 участников	«По пунктам Севжелдорлага». Сбор краеведческого материала по истории Севжелдорлага, фото- и видеосъемка, интервью со старожилами железнодорожных поселков.
3.	26.05-04.06 2001 г.	Поисково-краеведческая экспедиция по маршруту: п. Верхнеижемский – д. Изваиль со сплавом по р. Ижма, 160 км.	Драгун С.К. 10 участников	Сбор краеведческого материала по истории образования некоторых населенных пунктов в верхнем течении р. Ижма.
4.	21-27 июня 2001 г.	Передвижной туристско-краеведческий лагерь Ираель – Сосногорск, 142 км.	Бубличенко В.Н. 17 участников	«По пунктам Севжелдорлага». Сбор краеведческой информации по истории поселков Керки и Малая Пера, встреча и интервьюирование старожилов поселков.
5.	24-30 июня 2002 г.	Пешеходный турпоход Ираель – Сосногорск, 142 км.	Бубличенко В.Н. 8 участников	«По пунктам Севжелдорлага». Сбор краеведческой информации по истории поселков Керки и Малая Пера, встреча и интервьюирование старожилов поселков.
6.	02-09 июля 2002 г.	Поисково-краеведческая экспедиция по маршруту: п. Войвож – п. Верхняя Омра – п. Кирпичный – д. Крутая – п. Верхнеижемский – г. Сосногорск, 117 км.	Бубличенко В.Н. 8 участников	Обследование поселка Войвож, запись воспоминаний старожилов, посещение п. Кирпичный, осмотр и фотографирование краеведческих объектов, обследование д. Крутой и п. Верхнеижемский.
7.	03-12 июня 2002 г.	Краеведческая экспедиция со сплавом по рекам Аюва–Ижма.	Тарасов Л.Л., Поповский В.М. 12 участников, 108 км	
8.	02-09 июля 2003 г.	Пешеходный турпоход п. Верхняя Омра – г. Сосногорск.	Бубличенко В.Н. 8 участников, 117 км	Встреча со старожилами, фото-съемка интересных краеведческих объектов. Сбор материала по истории населенных пунктов.
9.	23-24 июня 2004 г.	Туристско-краеведческая экспедиция Вис – Верховая.	Серебрякова Н.Ф. 13 участников	Клуб «Тропой памяти».
10.	20-27 июня 2004 г.	Поисково-краеведческая экспедиция Троицко-Печорск – Верхняя Омра – Нижняя Омра – Нибель-3 – Войвож.	Бубличенко В.Н. 7 участников	Встреча со старожилами поселков, фотографирование мест бывших лагерей.
11.	23-31 августа 2004 г.	Поисково-краеведческая экспедиция со сплавом по реке Велью по маршруту: пгт. Нижний Одес – п. Митрофан – Дикост – п. Мирный – д. Кодач.	Игнатова Т.И. 8 участников	Продолжение экспедиции от 2001 г. в п. Митрофан-Дикост и на р. Лена-вож.
12.	18-22 июня 2005 г.	Поисково-краеведческая пешеходная экспедиция г. Сосногорск – п. Водный – п. Ярега – г. Сосногорск.	Бубличенко В.Н. 6 участников	Сбор краеведческой информации по истории политических репрессий на территории п. Водный и п. Ярега.

4. Мемориальная деятельность на Севере России

№ п/п	Дата	Маршрут	Руководитель	Цель
13.	10 июля 2005 г.	Поисковая экспедиция Вис – бывшая станция Аюва.	Серебрякова Н.Ф. 14 участников	Исследование железнодорожной колеи, ведущей к р. Аюва, по которой вывозился лес, заготовленный заключенными лагеря, поиск остатков лагеря.
14.	13-14 июля 2005 г.	Поисково-краеведческая экспедиция по маршруту: п. Вис – бывший посёлок Седьвож.	Серебрякова Н.Ф. 16 участников	Исследование места бывшего лагпункта, находящегося на 1639 км Северной железной дороги.
15.	05-12 июня 2005 г.	Поисково-краеведческая экспедиция по маршруту пгт. Нижний Одес – р. Велью – п. Мирный – д. Кодач – немецкое кладбище – бывший поселок «Сплавбарак» – п. Кодач – сплав по р. Печора – переправа п.-пгт. Нижний Одес.	Игнатова Т.И. 8 участников	Исследования в районе с. Кодач, поиск места бывшего немецкого кладбища, бывшего немецкого поселка «Сплавбарак».
16.	03-12 июня 2006 г.	Поисково-краеведческая экспедиция со сплавом по реке Ижма по маршруту п. Кирпичный – д. Извайль – д. Лач – п. Иван-Ель – п. Поляна – д. Пожня – п. Верхнеижемский.	Драгун С.К. 10 участников, 157 км	Сбор краеведческого материала по истории образования населенных пунктов в верховьях р. Ижма.
17.	11-14 июля 2006 г.	Поисково-краеведческая экспедиция пгт. Нижний Одес – п. Конашьель.	Игнатова Т.И. 6 участников	Встреча со старожилами, детьми репрессированных.
18.	06-17 июня 2007 г.	Краеведческая экспедиция со сплавом по рекам Нибель, Велью, Печора, п. Митрофаново – п. Верхнеижемский.	Драгун С.К. 10 участников, 200 км.	Поиск и обследование площадки Нибельского газового месторождения.
19.	01-05 июля 2007 г.	Краеведческая экспедиция со сплавом по р. Аюва п. Вис – 1636 км Северной ж.д. – п. Вис.	Швецов М.А. 7 участников	Поиск места лагеря лесозаготовителей-сплавщиков.
20.	08-12 июня 2008 г.	Поисково-краеведческая экспедиция со сплавом по рекам Джебол – Печора.	Драгун С.К. 10 участников	Поиск местонахождения скважины № 1 Джебольского газоконденсатного месторождения, сбор краеведческого материала по истории месторождения.
21	05-12 июня 2009 г.	Поисково-краеведческая экспедиция со сплавом по р. Ижма, по маршруту: п. Верхнеижемский – п. Кэмдин.	Драгун С.К. 10 участников	Сбор краеведческого материала по истории геологоразведки и добычи асфальтитов в п. Асфальтитовый рудник (ныне п. Кэмдин), посещение места расположения горных выработок.
22	05-14 июня 2010 г.	Поисково-краеведческая экспедиция со сплавом по рекам Верхняя Омра, Сойва, Северная Мылва, Печора.	Драгун С.К. 10 участников	Посещение территорий Верхнеомринского и Нижнеомринского нефтегазового месторождения, сбор краеведческого материала по истории освоения этих мест.
23	05-10 июня 2011 г.	Поисково-краеведческая экспедиция Верхнеижемский – Сосногорск со сплавом по р. Ижма.	Драгун С.К. 10 участников	Посещение территорий Седьельского газового месторождения, поселков в верховьях р. Ижма.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРИЛУЗСКОГО РАЙОНА

А.А. Сидорова (Объячево, Россия)

Тема политических репрессий по-прежнему остается одной из актуальных для Республики Коми, поскольку в этот суровый северный край в 1930–1950 гг. были высланы сотни тысяч граждан. Прилузский район Республики Коми оказался местом, куда были высланы разные категории людей. Это «бывшие кулаки», «немцы», «польские граждане», «оуновцы», «власовцы», «репатрианты-немцы». В районе было пять спецпоселков, три спецкомендатуры. По договору областного отдела ОГПУ и треста «Комилес» спецпереселенцы использовались в течение всего года на лесозаготовительных, сплавных, мелиоративных и других работах. Становление лесозаготовительной отрасли Прилузского района происходило в условиях самоотверженного труда местных крестьян и спецпереселенцев. Люди разных национальностей совместно трудились, преодолевая выпавшие на их долю испытания. История становления и развития леспромхозов «Объячевский», «Ношульский», «Летский» – это история спецпереселенцев. В районе выросли новые поселки с объектами социально-культурного назначения.

Страница истории данного периода получила освещение в сборнике документов «Хотелось бы всех поименно назвать...». Политические репрессии в Прилузском районе Коми АССР. 1930–1950 гг.», автор-составитель А.А. Сидорова. Сборник подготовлен при финансовой поддержке Коми республиканского общественного благотворительного фонда жертв политических репрессий «Покаяние». Это издание является первым научно-популярным изданием по истории политических репрессий Прилузского района Коми АССР.

Кроме того, на территории Прилузского района силами заключенных Северного лагеря ОГПУ велось строительство железной дороги Пинюг–Сыктывкар в 1929–1933 гг.

История сельскохозяйственного предприятия «Льносовхоз «Мутницкий» имени 10-летия Коми Автономной области, ныне открытого акционерного общества «Южное», известного в республике своей сельхозпродукцией, также связана с темой ГУЛАГа, отметившего в 2011 г. 80-летие со дня образования.

К юбилею предприятия вышла книга «Акционерное общество «Южное». Путь к успеху» (автор А.А. Сидорова). В книге есть раздел «Страница островов «ГУЛАГа» в истории совхоза «Мутницкий», в котором описывается работа спецпереселенцев, эвакуированных из оккупированных территорий и заключенных. Первая партия эвакуированных прибыла в 1939 г. после начала советско-финской войны, вторая партия – в 1940 г., в том числе значительная часть польской, еврейской и других национальностей. Все они поступили в распоряжение Мутницкого льносовхоза. Согласно инструкции «осадники» были объявлены «злейшими врагами трудового народа» и переданы «на лесоразработки «Наркомлеса». Прибывшие были размещены в ближайших населенных пунктах и посёлке при совхозе, для них было построено общежитие. Эвакуированные трудились на лесозаготовках, на льнозаводе.

13 марта 1942 г. совхоз был передан Котласскому отделу Главного управления лагерей железнодорожного строительства для усиления снабжения Северо-Печорского ИТЛ. Нехватка рабочей силы в льносовхозе восполнилась заключенными. Трудом подневольных рабочих и местных колхозников было положено начало становлению крепкого и стабильного хозяйства.

На предприятии сегодня работают потомки тех, кто прибыл в эти места в принудительном порядке. Посёлок Гуляшор стал для них родиной.

Таким образом, развитие местной промышленности Прилузского района Республики Коми непосредственно связано с политикой советского государства по принудительному перемещению людей в северные края. Люди самоотверженно трудились в условиях ограниченной свободы.

РОЛЬ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВОРКУТЛАГА В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

И.В. Витман (Воркута, Россия)

Перемены в обществе происходят тогда, когда происходят перемены в детях!

Каждый музей по-своему уникален. Уникален своими коллекциями, историческими зданиями, в которых он располагается, людьми, которые его основали и трудятся в нем на протяжении десятилетий или столетий его истории. Наш музей не может похвастаться ни возрастом, ни историческим зданием, ни многочисленным коллективом. Но, на наш взгляд он уникален вдвойне. Музей такой направленности и идеологии мог появиться только на рубеже веков и только в самом страшном острове «Архипелага ГУЛАГ», которым является Воркута. За свою весьма непродолжительную историю существования (всего 11 лет) он переживал времена, когда был обласкан властью, и годы почти полного забвения. Но никогда он не был обделен вниманием посетителей. За годы его существования его посетили более 10 тыс. человек, проведено 480 экскурсий. Другой уникальной чертой является то, что наш музей создавался не по научным правилам музейного дела, а по зову души и сердца людей, не равнодушных к своей истории, любви и преданности к своему Отечеству и в первую очередь детям.

Музей создавался и пополнялся многими поколениями школьников. Учащиеся проходили школу музея в роли экскурсоводов, оформителей, были участниками поисковых групп.

Музейная образовательная среда выполняет не только воспитательные функции, но и формирует практические навыки поисковой, исследовательской деятельности, развивает инициативу, общественную активность школьников, предоставляет большие возможности для организации самостоятельной и творческой работы учащихся. В современной школе проходят обучение учащиеся с новым миропониманием. Естественно, что обеспечить реализацию их жизненных способностей и устремлений общеобразовательной школе весьма проблематично. Поэтому сегодня очень важно прибегать к методам и средствам, имеющим наибольшее воздействие на подрастающее поколение. Историко-краеведческое воспитание средствами школьного музея имеет огромное значение в становлении личности, является эффективным методом совершенствования образовательной среды. Более чем десятилетний опыт существования школьного музея доказал, что он помогает каждому посетителю приобрести опыт личного соприкосновения с реальностью трагической истории нашей страны. И это соприкосновение помогает выработать свое отношение, понимание и осуждение тоталитарной политики государства.

Идея создания краеведческого музея на базе средней общеобразовательной школы № 14 г. Воркуты возникла в 1999 г. Музей создавался усилиями многих неравнодушных людей и учащихся школы. Основными материалами музея стали документальные и вещественные свидетельства по истории города, политических репрессий, воспоминания очевидцев событий, исторические фотографии прошлых лет. А особая гордость музея – это экспонаты. Год за годом шла кропотливая поисковая работа руководителя со своими воспитанниками. Вначале в музее было всего две небольшие экспозиции: «История города» и коллекция минералов Полярного Урала. Постепенно он расширялся, собирались новые экспонаты. На основе собранных материалов был создан настоящий музей с мультимедийным представлением поиска экспонатов, с подробной музейной документацией, со справочным аппаратом, включающим тематические и иные рубрикаторы, указатели, карточки, с тематическими экспозициями, временными и постоянными выставками, с разработанной экскурсионной системой. Экскурсионная работа занимает важное место в целостной системе историко-краеведческого воспитания. Она предполагает подготовку школьниками и проведение ими экскурсий, помогает использовать музей в общественной жизни школы. Практика показала, что экскурсия дает возможность подрастающему поколению знакомиться с подлинными артефактами истории, известен, что объектом познания всегда бывают средства наглядности, а особая ценность в том, что они собраны сверстниками. И это активизирует познавательную деятельность детей. Юные экскурсоводы школьного музея не только проводят экскурсии на базе музея, но и демонстрируют знание истории города на различных конференциях и форумах, они являются неоднократными участниками Республиканских краеведческих конференций «Отечество – Земля Коми». В прошлом году экскурсоводы Степанова Валерия и Воробьева Аксинья провели экскурсию «Юршорская трагедия» о событиях 1953 г. и массовом расстреле заключенных и победили в этом конкурсе.

Музей имеет паспорт и свидетельство регистрации Министерства образования и науки Российской Федерации, программу развития. В 2007 г. он стал лучшим школьным музеем в городе. В последние годы музей стал широко известен не только в городе, Республике Коми, но и далеко за ее пределами. Частыми посетителями стали иностранные гости, которые ищут следы своих соотечественников, пропавших за колючей проволокой Воркутлага.

Сегодня музей – это своеобразный «храм истории», в котором собрана богатейшая коллекция образцов материальной памяти о легендарных годах освоения «угольной сокровищницы Заполярья», о людях, стоявших у истоков города, о государственном терроре, который осуществлялся в застенках воркутинских лагерей.

На данный момент в музее существуют четыре основных раздела:

1. Историко-документальный;
2. Сюжетно-образные экспозиции;
3. Геологический;
4. Туристско-краеведческий.

В настоящее время музей располагает следующими экспозициями:

1. «Город на Севере России», в которой отражена история Воркуты 1930–1950-х гг.;
2. «С Рудника все начиналось» рассказывающая о первых страницах истории освоения Заполярья;
3. «Воркута – вклад в великую Победу», об истории города в годы Великой Отечественной войны;
4. «Воркутинское кольцо», историческое свидетельство строительства и работы шахт Воркуты.

История Воркутлага представлена следующими экспозициями:

1. «Дорога – жизни, дорога – смерти»;
2. «Кирпичный – кровавый призрак тоталитаризма»;
3. «Юршорская трагедия»;
4. «На берегах четырех рек»;
5. «Путешествие из Европы в Азию в пространстве и во времени».

Все экспозиции созданы в результате поисковых экспедиций по исследованию мест бывших лагерных пунктов и строительства Северо-Печорской железной дороги.

Каждая экспозиция подтверждена документами, фотографическими и картографическими материалами и подлинными экспонатами, которых в музее более четырех тысяч. В музее представлены информационные материалы по истории репрессий и Воркутлага, документы, письменные свидетельства репрессированных, а также экспедиционные находки: орудия труда, предметы быта, лагерная посуда, решетки и двери лагерных барачных, фрагменты обуви и многое другое. Также созданы инсталляции и макеты, в том числе отдельный лагерьный пункт. Эти экспонаты достоверно воспроизводят обстановку той страшной эпохи. Особенно много экспонатов появилось после многочисленных экспедиций по местам Воркутлага, проведенных совместно с единомышленниками – учащимися школы № 35 города Воркуты и их руководителем Олегом Алексеевичем Гудованым. Отлично, что исследовать историю своей малой родины мы можем при постоянной финансовой поддержке Республиканского фонда жертв политических репрессий «Покаяние», возглавляемого М.Б. Рогачевым.

Следует отметить, что наш музей – это не только собирание памятников и создание экспозиций (хотя без них музей немислим), но и многогранная деятельность, направленная на повышение образования, нравственное воспитание и формирование исторического сознания молодежи. Через работу в музее открываются многообразные формы деятельности воспитанников-краеведов: встречи с людьми, запись воспоминаний, проведение дней памяти, уроков, конференций.

Необычен наш школьный музей еще и тем, что в нем не действует музейное правило взрослых – «Руками не трогать!». Каждый экспонат и дети, и взрослые могут потрогать руками, поддержать и рассмотреть.

В мае 2010 г. школьный музей отметил свой десятилетний юбилей, который за годы существования стал особым явлением в жизни школы, города, республики. Ведь он, без сомнения, является отражением исторических событий, человеческой жизни и опыта в пространстве и во времени. Школьники, юные граждане и другие его посетители наследуют этот опыт, чтобы пронести его в будущее. По словам известного в городе краеведа О.А. Гудованого, краеведческий музей МОУ «СОШ № 14» г. Воркуты – «это единственное место в городе, где люди могут прикоснуться к реальной истории Воркуты».

Музей успешно решает задачу восхождения подрастающего поколения по ступеням исторических знаний, только знание ошибок прошлого не допустит возвращения к тоталитарному режиму, сформирует у школьников чувство толерантности, воспитает политическую культуру будущих патриотов Отечества. Мы, взрослые люди, прекрасно понимаем, что перемены в обществе происходят тогда, когда происходят перемены в детях.

В качестве заключения будет уместным привести слова государственного советника ХМАО–Югры, члена Союза писателей РФ Я.А. Яковлева: «меня порадовала ваша гражданская позиция в отношении оценки периода политических репрессий в нашей стране, которую я полностью разделяю. Я посмотрел фотографии вашего музея в отчете, нашёл информацию о музее в Интернете, прочитал рассуждения О.А. Гудованного в прессе, приложенной к отчету... Молодцы! У вас не просто позиция, а – активная позиция! То, что вы делаете, очень важно и крайне нужно. Даже если у десятка ваших учеников сформируется убеждение о неправомерности, преступности использования политических репрессий в качестве механизма общественного устройства, можно будет считать, что ваша педагогическая судьба состоялась. Российские власти, начиная со времён Ивана Грозного и даже ранее, и по сей день очень любят нажимать кнопку «Пуск» на этом механизме, и только степень сопротивления общества может перехватить эту руку. Поэтому, чем больше наших молодых сограждан вырастет с убеждением о необходимости противодействия насилию, тем более спокойными мы можем быть в мыслях о судьбах наших детей и внуков».

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АВТОНОМИЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ: СЛЕД ГУЛАГА И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

П.В. Габов (Сыктывкар, Россия)

В формировании состава населения региона значительную роль сыграла экономическая и политическая миграция в XX в. Большой рост населения за счет неоднократного притока иноязычных людей, прибывших со всех концов СССР и зарубежных стран, в том числе через систему ГУЛАГа, превратил Коми край в многонациональную республику. Многие обратно переехали, а многие местом жительства выбрали Коми край и называют его «второй родиной». В результате Республика Коми в настоящее время является одним из поликультурных северных финно-угорских субъектов Российской Федерации.

Долгое время представители разных национальностей молчали, особенно те, кто подвергся насилию. Только в конце 80-х гг. прошлого столетия начали создаваться общественные объединения по национальному признаку. Цель была одна – сохранить и дать развитие родному языку, культуре, традициям. В этом процессе были едины все национальные диаспоры Республики Коми, да и в стране в целом.

За 20 лет и более к настоящему времени в регионе созданы и действуют двадцать три республиканских и местных национально-культурных автономий и объединений. В их числе: Межрегиональные общественные движения «Коми войтыр», «Изьватас» и «Русь Печорская», Общественное объединение «Особый северный казачий округ»; национально-культурные автономии украинцев, белорусов, немцев, евреев, цыган, азербайджанцев, грузин, узбеков, болгар, мордвин, лизгинов, татар и башкир; объединения армян, чувашей, азербайджанцев и прибалтийских народов «Коми-Балтия». Кроме этого более 80 объединений создано на муниципальном уровне.

Особую группу национально-культурных объединений составляют украинцы, белорусы, латыши, грузины, армяне, азербайджанцы и др., этническая родина которых в результате распада Советского Союза стала в странах ближнего зарубежья. Эти, а также польская, болгарская национально-культурные автономии играют важную роль в строительстве международных отношений нового уровня, поскольку именно они часто выступают важным объектом и активно действующим субъектом контактов Республики Коми и страны – этнических родин.

В рамках сохранения этнокультуры тематика ГУЛАГа в самых различных формах используется в работе национально-культурных автономий. На примере представителей разных национальностей, участвующих в развитии республики, пропагандируется патриотизм среди молодежи. Задачи современности в толерантном воспитании, межкультурном диалоге чрезвычайно важны. Изданы книги о коми, белорусах, евреях, российских немцах, украинцах, героями которых являются жертвы войны, участники боевых действий, дети военного лихолетья, представители разных национальностей, прошедшие через систему ГУЛАГа. Они являются живым примером для нескольких поколений, которые своим упорным трудом наравне со всеми строили экономику и социальную сферу республики. Об этом свидетельствуют исследования ученых-современников: И.Л. Жеребцова, А.Н. Турубанова, Н.А. Морозова, М.Б. Рогачева, О.Ф. Штралера, Н.М. Игнатовой, Т.А. Малковой и др.

Приведу несколько примеров. Волею судеб Коми край в тридцатые-пятидесятые годы стал одним из островов архипелага ГУЛАГ. В ее лагерях томились до 250 тыс. узников. Горькую чашу в них испили многие репрессированные белорусы, что подтверждают многочисленные публикации на документальной основе в мартирологе «Покаяние» и в книге, изданной автономией «След на северной земле» (2006 г.). Из указанных статей явствует, что высланные из Белоруссии в Коми край не пали духом: работали, обзавелись семьями, поднимали экономику. Когда над Отчизной нависли черные тучи – началась Великая Отечественная война, белорусы, как и люди других национальностей, не держа обиды на власть, все отдавали свои силы (в тылу и на фронте) для победы над врагом. Многие мужчины храбро воевали с гитлеровскими захватчиками. Один из них – Давидович Николай Петрович из спецпоселения Коми стал Героем Советского Союза, другой – Бойков Николай Сафронович – на фронт ушел из лагеря, совершив подвиг на Днепре, получил звезду Героя Советского Союза.

Узница ГУЛАГа Мария Ковальчук стала основательницей украинского общества, являясь руководителем семейного ансамбля украинской песни с 1985 г. В настоящее время ее дочь Ольга Леонтьевна Лыткина продолжает начатое ею дело. Она возглавляет Сыктывкарское отделение НКА «Украина» в РК. В 1991 г. были созданы общества украинцев «Славутич» в г. Воркута, «Дружба» в г. Ухта, «Украина» в Сыктывкаре. С 1993 г. проводятся республиканские Дни украинской культуры. В 1995 г. состоялся I Съезд украинцев республики, после которого стала проводиться большая работа по взаимодействию с органами исполнительной власти Украины. В настоящее время это одна из многочисленных НКА, а хор «Украина» по праву носит звание «народный».

Двухтомник «Исповедь. Роман-хроника» (2005, 2010 гг.) Натальи Дубской посвящен нелегкой судьбе дочери репрессированной в 1945 г. Зоси Дубской из Западной Украины. В настоящее время автор и героиня данного романа Напалкова Наталья Васильевна – активистка национально-культурной автономии «Украина», много сил и времени отдает сохранению украинской культуры, создавая краеведческий музей в д. Жежим Усть-Куломского

района. В книге приведены примеры толерантного отношения людей разных национальностей, волею судеб оказавшихся на Севере, особые слова благодарности высказаны автором представителям коренного коми народа, которые приютили и обогрели обездоленных людей в суровые лехолетья.

Ежегодно по инициативе немецкой национально-культурной автономии российские немцы в День памяти и скорби российских немцев 28 августа собираются у часовни жертвам политических репрессий на углу улиц Кирова и Домны Каликовой г. Сыктывкара, проводят поминальную акцию. Они вспоминают о жертвах Указа Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». Российские немцы безосновательно обвинялись в укрывательстве тысяч и десятков тысяч германских шпионов и диверсантов, за что были депортированы в Сибирь, Казахстан и на Север.

Немецкой НКА реализован интересный межрегиональный проект об изучении немецких исследователей (Челябинск, Екатеринбург, Пермский край, Республика Коми), среди которых 181 персоналия, внесшие весомый вклад в развитие Уральского региона с XVII–XX вв. («Немцы Урала»). О них и о многом другом можно найти материал в книге «Российские немцы в истории Коми края: библиографический дайджест» (2007 г.), а также в материалах передвижных выставок по итогам историко-этнографических экспедиций молодежной организации немецкой национально-культурной автономии по местам спецпоселений российских немцев в Корткеросский (2004 г.), Койгородский (2009), Усть-Цилемский (2005), Сосногорский (2006), Сысольский (2010), Сыктывдинский (2011) районы. По итогам молодежных экспедиций выпускаются передвижные выставки.

В рамках нынешней Международной конференции немецкая НКА провела ряд мероприятий, посвященных 70-летию со дня принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». Мероприятия прошли в Национальной библиотеке РК и Национальной галерее РК.

При организационной и финансовой поддержке Министерства в 2011 г. проведено более ста мероприятий, направленных на сохранение межнационального мира и согласия, в том числе более половины – это проекты национальных объединений республики. Говоря о географии поддерживаемых Министерством мероприятий, замечу, что половина реализована в 18 муниципальных образованиях, причем 15 проектов носили статус межрегиональных, четыре – международных. В том числе на территории республики реализовано 11 проектов финно-угорской направленности. Также делегация республики приняла участие в семи мероприятиях, проводимых в финно-угорских регионах и странах, а также в Германии, Болгарии и Белоруссии.

Продолжается процесс самоорганизации представителей разных народов. В 2010 г. в республике образовано Коми республиканское отделение ООО «Всероссийский азербайджанский конгресс» (г. Ухта с отделением в г. Сыктывкаре). Созданы местные национально-культурные автономии болгар (г. Сыктывкар), поляков (г. Ухта), Сыктывкарское и Усинское отделения республиканской немецкой национально-культурной автономии. В 2011 г. созданы местные национально-культурные автономии мордвы (г. Сыктывкар), лезгинов (г. Сыктывкар). Проводится подготовительная работа по созданию венгерской национально-культурной автономии в Ухте.

В нашем регионе большое внимание уделяется развитию молодежных общественных движений (немецкая, белорусская, еврейская, татарская и башкирская НКА). С участием молодежи проходят фестивали и многочисленные встречи, посвященные знаменательным датам, праздникам народов, проживающих в нашей республике. Стало традицией проведение фестивалей: «Венок дружбы», «Мисс содружество», «Многоцветье Севера».

В Сыктывкаре действуют воскресные школы по изучению армянского и немецкого языков. На базе средней школы Сыктывкара функционируют классы с углубленным изучением немецкого языка и культуры, в городах Усинске, Воркуте – татарского и башкирского языков.

С 2010 г. впервые в республике реализуется проект по проведению курсов русского языка для мигрантов (сертификаты получили порядка 50 молодых людей узбекской национальности). К концу года запланирован выпуск справочника для мигрантов «Многоязычная Республика Коми». В его подготовке совместно с Министерством принимают участие представители национально-культурных автономий и Управления Федеральной миграционной службы РФ по Республике Коми.

Ежегодно функционируют молодежные этнокультурные смены «Гёфен», «Киндерланд», «Радлун», летние курсы юных литераторов. При активном участии молодежи в Сыктывкаре проходят Дни культуры разных народов (армянской, польской, финно-угорских), представители которых проживают на территории республики.

В рамках реализации Долгосрочной республиканской целевой программы «Молодежь Республики Коми», в части разработки раздела, направленного на формирование у молодежи культуры межнациональных и межконфессиональных толерантных отношений, 24 июня т.г. в г. Сыктывкаре прошел межрегиональный молодежный форум мастеров и умельцев финно-угорского мира «Наша культура – наше будущее». В работе Форума приняли участие молодые представители финно-угорского мира из Республики Коми, Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Республики Удмуртия, Ханты-Мансийского автономного округа, Коми-Пермяцкого национального округа Пермского края. В рамках Форума прошли следующие мероприятия: ярмарка изделий молодых мастеров

и умельцев «Город мастеров» с проведением творческих мастер-классов, вечер дружбы делегаций, выступление творческих молодежных коллективов финно-угорского мира, практический семинар «Развитие предпринимательского потенциала в деятельности молодых мастеров и умельцев финно-угорского мира». Проведение данного мероприятия позволило охватить около 1000 ребят, в том числе более 150 человек из-за пределов республики.

Совместно с Министерством образования Республики Коми на 16 ноября 2011 г. запланировано проведение Межвузовской научно-практической конференции «Формирование межэтнического согласия, построения толерантных отношений в молодежной среде в условиях многонационального общества и профилактики этнического экстремизма». Заявки на участие в конференции поступают из всех ВУЗов республики, а также из-за пределов региона.

Министерство регулярно ищет новые формы работы в сфере межнациональных отношений, особенно с детьми и молодежью. Объявлен конкурс среди сельских школ, направленный на формирование толерантного сознания детей и молодежи «Дети. Молодежь. Толерантность». Итоги будут подведены в конце года.

В 2011 г. совместно с национально-культурными объединениями проведены мероприятия, посвященные 90-летию образования Республики Коми. В рамках Плана были реализованы такие мероприятия, как проведение юбилейных мероприятий, посвященных 20-летию Первого съезда коми народа; открытие Финно-угорского этнокультурного парка; проведение различных выставок и презентаций, посвященных дружбе народов. По инициативе национально-культурных объединений состоялись Дни культуры разных народов (поляков, армян, финно-угорских народов). 20 августа на Стефановской площади города Сыктывкара состоялся республиканский фестиваль национальных подворий «Отчий дом». Были представлены чум, импровизированная коми изба, юрта, 18 банеров национально-культурных автономий и объединений в виде чума, рассказывающие о деятельности объединений. На праздничной сцене состоялся концерт с участием творческих коллективов НКА «Тебе, моя республика посвящается!».

23 октября в спортзале Республиканского стадиона прошел заключительный этап II турнира по мини-футболу «Мяч дружбы-2011». В спортивных состязаниях приняли участие команды армянской, азербайджанской, узбекской, немецкой, еврейской национально-культурных автономий и межрегионального общественного движения «Коми войтыр». Проведенный турнир показал не только спортивный профессионализм команд, его главной целью являлось – подтвердить дружбу и толерантность среди игроков и болельщиков.

При поддержке Министерства Сыктывкарская и Воркутинская епархия 5-7 октября 2011 г. провела молодежную республиканскую конференцию «Вера, Надежда, Любовь», направленную на сохранение и развитие духовности, ценности взаимопонимания среди людей разных национальностей.

7 апреля 2011 г. в г. Сыктывкаре состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Социальная солидарность и гуманизм в исламе. Мусульмане Республики Коми в диалоге культур», посвященная 20-летию мусульманской общины в Республике Коми. В конференции приняли участие представители органов государственной власти и местного самоуправления Республики Коми, общественных организаций, духовенства, науки из Казани, Уфы, Санкт-Петербурга, Республики Коми.

31 мая в г. Усинске состоялся исламский форум «Мусульманская община Республики Коми. 20 лет созидания», посвященный 20-летию с момента образования первой мусульманской общественной организации в регионе. В мероприятии приняли участие гости из Сыктывкара, Ухты, Воркуты, Инты, Казани, Уфы, а также из республик Чечни и Дагестана, представители разных национальностей.

Вышеперечисленные мероприятия направлены на сохранение этнокультуры народов, подвергшихся репрессиям, посредством деятельности национально-культурных автономий в республике, на воспитание культуры межэтнических и межконфессиональных отношений.

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА ИЖЕМСКОГО РАЙОНА В 1929–1950 гг.

Л.Я. Канева (Сыктывкар, Россия)

В 1929 г. Коми стала одним из первых регионов, где появились исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). В 1930–1950-е гг. сеть лагерей охватила практически все северные и центральные районы Коми.

Советской властью Коми край был выбран как одно из основных мест политической ссылки и высылки на спецпоселение. Первые политссылные советского времени появляются здесь уже в 1923 г. (Коми край был местом политической ссылки и до 1917 г.). В 1930 г. стали прибывать первые этапы со спецпоселенцами-рассулаченными, за ними последовали высланные на спецпоселение польские граждане из Западной Украины и Западной Белоруссии, немцы-репатрианты, литовцы, украинцы – члены семей ОУН (Организация украинских националистов), власовцы [1].

За период Гражданской войны и политических репрессий экономика края пришла в упадок. Улучшить состояние хозяйственной жизни в то время можно было только за счет основного богатства края – лесных ресурсов. Районный Совет ставил задачи: развитие лесной промышленности и увеличение лесозэкспорта, производства замши (в те годы замшу в районе производили 43 «завода»). Для жителей Ижмы этапом стал 1929 г.

В результате реформирования системы административного деления Коми области 15 июня 1929 г. образован Ижмо-Печорский район (с 1930 г. – Ижемский), который включал в себя территории современных Ижемского, Печорского, частично Сосногорского районов и Усинской, Интинской, частично Воркутинской и Ухтинской городских администраций.

Первые колхозы в районе образованы в 1929 г. в с. Брыкаланск и д. Ластва. К концу 1935 г. колхозы района объединили более 70% крестьянских хозяйств. Праздник «Луд» является традиционным праздником ижемцев. Его корни уходят в глубь веков и связаны с язычеством, которое исповедовало абсолютное единение людей и природы, поклонение солнцу и воде. Проведение «Луда» было прервано в 1930-е гг. прошлого столетия и возрождено в 1997 г. В 2006 г. праздник обрел статус республиканского [2].

В сентябре 1930 г. в Ижме начал работу Ижмо-Печорский техникум оленеводства и ветеринарии, который дал народному хозяйству Крайнего Севера 366 специалистов оленеводства. В 1932 г. в Няшабоже была создана судостроительная верфь. На деревянных баржах, построенных здесь, с устья Печоры поднимали оборудование для шахт, трубы для геологоразведчиков, продукты, из воркутинских шахт доставлялся уголь. До войны в основном строили суда с грузоподъемностью до 250 тонн, в начале 1950-х гг. начали строить баржи грузоподъемностью до 600 тонн. В трудных условиях военных лет труженики колхоза меньшими силами выполняли увеличенный объем работ. Старики, женщины и дети трудились в тундре, на лесозаготовках, механизаторами. В Ижемском промкомбинате для фронта изготавливали оленьи нарты и лыжи, шили совики и теплую обувь. И только в 1950-е гг. сельское хозяйство пошло на подъем. В колхозах района развернулось строительство животноводческих помещений, силосных сооружений, колхозных электростанций. В 1954–1955 гг. Ижемский район занимал первое место в Коми АССР по производству мяса и молока, развитию оленеводства.

В 1960–1970 гг. в районе активно шло строительство социальной сферы. В 1990-е гг. в период экономических преобразований из-за многократного повышения цен на промышленную продукцию, колхозы района не смогли сохранить достигнутые объемы производства, поголовья скота.

В настоящее время основная часть населения района занята в производстве лесозаготовительной, деревообрабатывающей, пищевой, сельскохозяйственной продукции. С 2001 г. в районе ведется добыча нефти на Макарьельском месторождении. Сегодня в Ижемском районе добычу нефти осуществляет ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» [3].

Перспективным направлением развития Ижемского района является сельский, экстремальный, рыболовно-охотничий туризм [4].

О своих людях в эти тяжелые годы пишет Н.К. Хатанзейский – один из старейших журналистов Республики Коми, которая связана с Ижмой и Ижемским районом. Он родился в с. Кипиево 26 апреля 1926 г. В 1942 г. закончил школу ФЗО, начал работать плотником. В начале 1943 г. с ребятами 1925 г. рождения ушел на фронт. Участвовал в боевых действиях в составе III Белорусского, I Прибалтийского и I Дальневосточного фронтов. Был ранен. Вернулся домой в 1947 г. с боевым орденом Славы III степени и медалью «За отвагу». В связи с 40-летием Победы он удостоен ордена Отечественной войны I степени. То, что с войны возвратился живым, Н.К. Хатанзейский до сих пор считает самым большим своим везением и самой большой радостью.

После войны работал кочегаром в Няшабожской судоверфи, плановиком-экономистом в районном узле связи, заместителем председателя сельпо в Усть-Усе... Параллельно учился в Коми государственном педагогическом пединституте, где получил специальность учителя истории и обществоведения. С 1952 г. Н.К. Хатанзейский рабо-

тает в газетах республики. Сначала – ответсекком в усть-усинской районке «Сталинской туйод», позже литсотрудником и заведующим отделом пропаганды в республиканской газете «Коми колхозник» (сейчас «Коми му») [5].

В декабре 1964 г. он вновь в Ижме. Без малого двадцать лет возглавляет коллектив ижемской районной газеты, а после выхода на пенсию в течение десяти лет – районный историко-краеведческий музей. Вклад Н.К. Хатанзейского в создание и развитие Ижемского музея – ныне одного из лучших районных историко-краеведческих музеев в республике – трудно не оценить. Он считает, что каждый журналист должен быть немножко краеведом, потому что родина должна начинаться у порога родного дома, и, прежде всего, встречей с замечательными земляками, жившими и живущими сейчас.

Н.К. Хатанзейский и сегодня в работе, он неизменно участвует в жизни общественных организаций своего района, его приглашают на конференции, встречи со школьниками, многие другие общественно-значимые мероприятия и в районе, и в республике [6]. Н.К. Хатанзейский пишет о своих родных людях: Есть люди, как бы самой природой созданные для неустанного крестьянского труда, для полнокровной жизни села. И приводит в пример своего отца. «Один из таких – мой отец – Кондратий Иванович Хатанзейский, уроженец села Кипиево. Богатырского телосложения, кряжистый, он как большое дерево, прирос к этой трудной северной земле. В нём была заложена какая-то пружина, полыхал неугасимый костер. Любое дело спорилось в его руках. Весной и осенью он строил скотные дворы, другие постройки, летом стоговал сено, в зимние месяцы заготавливал древесину для ижемского леспромхоза. В республиканском архиве я читал документ, где речь идет о стахановцах в лесной промышленности. Первым назван мой отец. С помощью лучковой пилы он в зимний сезон 1939–1940 годов заготовил 1500 кубометров древесины (Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 8). Отец умел делать красивые и прочные нарты, сани, лодки... На сделанном его руками серванте стоял красивый самовар – премия отцу за ударную работу в колхозе. Дом, срубленный им, потемнел от времени, но по-прежнему выглядит богатырём. В партию он не вступал, хотя разделял взгляды коммунистов. Избирали его членом правления кипиевского колхоза «Путь Ленина».

В 1934 г. в Ижме проходил слёт колхозников-ударников. Из кипиевского колхоза было пять делегатов, в том числе бригадир полеводческой бригады Василий Иванович Рочев (за высокие урожаи он занесен в Почётную книгу ВСХВ) и мой отец.

В середине 1930-х гг. через печорские сёла гнали в район Усы партию заключенных. В один из морозных вечеров в наш дом привели на ночлег 12 человек. Были среди них бородатые и совсем ещё молодые. Все – озябшие. Мать заготовила еду, отец поставил на стол кувшин с квасом. В ижемских сёлах квасом называют брагу. В тот вечер впервые в нашем доме звучали песни на непонятном мне языке, от которых сжималось сердце. Утром мать дала одному из гостей валенки, второму – рукавицы. Бородатый поцеловал руку матери, отчего она покраснела, задрожала [7].

Несмотря на трудности в жизни, в семье царил обстановку взаимного уважения и взаимопомощи. В доме не было лжи и лицемерия. Отец, мать и бабушка всегда служили примером для нас.

...Хорошо помню августовский вечер 1941 г., с Печоры-реки веяло прохладой, доносились гудки пароходов. Вслед за ними набегали на берег волны. В отблесках пламени от костра чернели волосы отца. Шершавые его ладони царапали мою шею. Отец прищурился, задумчиво глядел на меня. Это была наша с ним последняя рыбалка. Через два дня отец уходил на фронт. Прощальные гудки парохода, уносящего его, до сих пор щемят сердце. Отец не вернулся с войны. Вечная ему память. И если что-то добились мои сестры и я, точно знаю, что это во многом стало возможным благодаря горячей любви и повседневным заботам отца и матери о нас, мудрости бабушки. Их жизнь всегда служила добрым примером для нас [8].

В 1950–1960 гг. в п. Ошкурья Печорского района жили высланные (так называли в посёлке): немцы, евреи, финны, украинцы. В больнице работал очень квалифицированный врач – еврей. Жили рядом с нами украинцы по фамилии Аникиенко, в своём доме, он был длинным и помазан побелкой, состоял из трех комнат, и было у них восемь детей. Отец работал конюхом. В школе-одинадцатилетке работала немка, была директором школы, фамилия её Гинсбург. Финн был женат на коми женщине. Никто их не обижал.

В 12 км от п. Ошкурья, располагалось с. Усть-Уса, на высоком берегу р. Печоры. В средней школе работала немка Герта Юлиусовна, жила возле школы в учительском доме, с двумя дочерьми Герта и Галя» [9].

Коми Республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние» создан 16 января 1998 г. Одним из учредителей фонда была Сыктывкарская общественная организация «Мемориал». Распоряжением Правительства Республики Коми фонд «Покаяние» определен основным исполнителем и координатором мероприятий по увековечению памяти жертв политических репрессий в Республике Коми, финансируемых из бюджета РК. Собственные средства фонда складываются из пожертвований частных лиц и организаций, грантов.

Основной задачей фонда являются подготовка и издание Коми республиканского мартиролога жертв массовых политических репрессий «Покаяние». Программа мартиролога составлялась с учетом того, что Коми АО –

Коми АССР являлась одним из основных регионов СССР, куда направляли политических ссыльных, высланных, спецпереселенцев, где размещались исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ).

К настоящему времени изданы девять томов мартиролога в 13 книгах (некоторые тома имеют несколько частей). В них опубликованы более 100 тыс. биограмм репрессированных, 160 статей, 1288 документов, 69 воспоминаний [10]. Ведется поисковая работа, которая продолжается по запросам родственников.

Литература

1. Политические репрессии в Сыктывкаре. (Путеводитель). Красноярск, 2011. С. 3.
2. Республике Коми – 90 лет. Сыктывкар, 2010. С. 312.
3. Указ. соч. С. 313.
4. Указ. Соч. С. 314.
5. Ижма. Ижевск, 2010. С. 142.
6. Ижма. Указ. соч.
7. Указ. соч. С. 140.
8. Указ. соч. С. 141.
9. Канева Л.Я. Печорский район, п. Ошкуръя.
10. Политические репрессии в Сыктывкаре. С. 20.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКОВЫХ ОТРЯДОВ
И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ****О.А. Гудованый (Воркута, Россия)**

«Сейчас до неприличности много говорится о патриотизме, и как-то так все получается, что патриотизм – это когда историю видят в розовом цвете, как майскую яблоню, стыдливо отворачиваясь от ужаса, происходившего в стране или даже ужас этот выворачивая и делая из него всеобщее счастье. Путешествуя по Коми, беседуя с людьми, которые жили рядом с ГУЛАГом или прошли его, с людьми, которые изучали и никогда не отворачивались от кровавой истории собственной страны, я не встретила ни одного, кто бы эту страну, Родину то есть свою, не любил. Ни одного». Этими словами журналиста Виктории Ивлевой-Йорк из статьи, опубликованной 4 мая 2011 г. в «Новой газете», позволю начать очередной доклад.

В настоящее время деятельность ВО «Мемориал» становится все более историко-просветительской. Она направлена в основном на воспитание подрастающего поколения, чтобы юные воркутинцы знали и помнили, как возникла Воркута. Одним из направлений этой деятельности являются краеведческие поисково-исследовательские экспедиции. За последние годы маршрутами девяти экспедиций пройдено около 700 км и исследована территория от пос. Абезь на западе до бывшего пос. Харбей на востоке, и от Рудника – на севере до Усть-Воркуты – на юге. За это время через экспедиции прошли более 100 участников и выполнены такие исследовательские проекты, как «Кирпичный», «Юр-Шор», «Истоки Воркуты», «Дорога на Воркуту» и «Харбей». В 1998 г. на базе Станции Юных Туристов был организован поисково-исследовательский отряд «Радуга» под руководством В.В. Пурясовой, в котором учащиеся школ города занимались поисковой и исследовательской деятельностью, изучая период становления Воркуты и события, происходившие на территории Воркутинского района во времена ГУЛАГа, собирая исторические свидетельства и материалы. Поисковый отряд провел три экспедиции:

2000 г. – район пос. Мескашор, с целью исследования места расположения отдельного лагерного пункта, восстановления и благоустройства кладбища в местечке Беленовичи;

2001 г. – район пос. Елецкий и д. Елец, с целью исследования железнодорожной магистрали ст.Чум – Лабытнанги;

2004 г. – район пос. Абезь, с целью сбора краеведческого материала по истории Абезьских лагерей и поиска мест захоронений;

В 2005 г. после отъезда В.В. Пурясовой из города руководителями отряда «Летописец» стали Е.А. Колыгина и О.А. Гудованый. В этом году отряд «Летописец» побывал в устье р. Воркута с целью поиска бывших лагерей и захоронений сталинского режима в районе уже не существующих пос. Усть-Воркута, совхоза «Заполярный» и «Сангородок»;

2006 г. – была проведена совместная экспедиция Станции Юных Туристов, школ № 35 и № 14 «Дорога жизни, дорога смерти» с целью сбора краеведческих сведений об истории строительства узкоколейной железной дороги от пос. Рудник до Воркута-Вом; поиска расположенных на этом пути ОЛПов и мест захоронений узников Воркутлага, а также исследования места, связанного с расстрелами заключенных в районе старого кирпичного завода на р. Юнь-Яга;

2007 г. – экспедиция в таком же составе «На берегах четырех рек» по маршруту «Чум – Усть-Воркута – Кыкшор» с целью поиска кладбища заключенных в районе бывшей станции Чум (по письму В.И. Попрацкой), перехода от урочища Старый Чум вдоль р. Уса до бывшего Сангородка в устье р. Воркута и проход по участку железной дороги Чум – Лабытнанги от Усть-Воркуты до 0 км;

Экспедиция «Здесь застыло время мерзлотою вечной» была проведена воспитанниками туристско-краеведческого объединения «Горизонт» МОУ «СОШ № 14» 28-30 сентября 2007 г. на месте бывшего отдельного лагерного пункта № 10 «Речлага», известного трагическими событиями 1 августа 1953 г., когда во время подавления сопротивления заключенных было убито 53 и ранено 123 заключенных.

В результате трех поисковых дней краеведы выяснили, что территория лагеря была размером 400×200 м общей площадью 8 га. На ней остались следы строений: бараки, столовая, больница, вахта, плац и конный двор. Были найдены неопровержимые доказательства суровой лагерной действительности, а также вещественные экспонаты лагерного быта. Возле плаца нашли канаву с разрушенным мостиком, которую вспоминают многие свидетели расстрела, как спасшую им жизнь. Но самым значимым местом, которое мы обнаружили в ходе поисковых работ, был плац, на котором произошел расстрел. В 1999 г., когда шахту № 29 закрывали, на этом месте была устроена свалка производственного мусора. 30 сентября 2007 г. отец Василий (Шутко) впервые на этом месте отслужил панихиду по невинно убиенным.

Обратимся еще раз к мнению общественности и приведем слова отца Петра, настоятеля храма Св. Игоря в пос. Северном г. Воркуты: «Ваш поиск, это не только поиск исторических мест и восстановление исторической действительности, но и поиск в подростковых душах тех лучших человеческих качеств, которые Господь закладывает от рождения в каждого из нас. А глубина души содержит больше, чем сознание. Также Ваши походы это воспитание учеников в любви к своему народу, к своей родине, формирование этического сознания, моральных ценностей, ответственности и определенных обязанностей. Особо зримым результатом становится то, что на местах поисков служатся панихиды и устанавливаются памятные кресты».

После ликвидации Станции юных туристов в 2008 г. поисковая деятельность сосредоточилась в школах № 35 и 14, руководители: О.А. Гудованый и И.В. Витман.

2009 г. – совместная экспедиция школ № 35, 14 и 40 «Путешествие из Европы в Азию во времени и пространстве» от д. Никита до ст. Сось с целью исследования территории вдоль железной дороги Чум – Лабытнанги и изучения местности как ныне существующих, так и бывших поселений: д. Никита, д. Елец, пос. Елецкий, ст. Береговая, Хорота, Полярный Урал, пос. Полярный, ст. Сось.

2010 г. – экспедиция «Во глубине Уральских гор...» с целью поиска мест расположения ОЛПов вдоль дороги Полярный – Харбей и исследования территории бывшего поселка и места работы заключенных, а также поиск мест захоронений.

2011 г. – экспедиция «Стальные нити к Воркуте», посвященная 70-летию строительства Северо-Печорской железной дороги, а также исследование железнодорожной ветки Хановей – Мульда. Результат этой экспедиции превзошел все ожидания: обнаружен участок железной дороги, построенной в 1940-е гг., зафиксированы места расположения восьми ОЛПов либо строительных колонн, исследованы три кладбища, а также здание тюрьмы в пос. Хановей.

Следует отметить, что все экспедиции, как проведенные, так и планируемые, состоялись благодаря финансированию Республиканского благотворительного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» (М.Б. Рогачев и Н.П. Бушманова). Ведь, по словам главного инженера ОАО «Полярно-Уральское ГПП», из г. Лабытнанги И.Г. Перминова «Подобные, пока немногочисленные экспедиции следовало бы поддерживать не только благотворительным фондом «Покаяние», но и другими организациями и администрациями, и не только Коми республики, но и ЯНАО. Туристическо-краеведческие отряды, клубы, объединения школьников, руководимые учителями-энтузиастами, помогают кроме приобщения к истории и природе родного края, решать ныне весьма актуальные проблемы патриотического воспитания, физической подготовки и профессиональной ориентации школьников старших классов».

Мы привыкли знакомиться с историей нашей Родины по школьным учебникам, фотографиям, в лучшем случае по экспозициям музеев. Люди, живущие в Воркуте, нечасто задумываются о том, что сам город и его поселки – это настоящий музей под открытым небом. До настоящего времени здесь сохранились страшные следы трагической истории Воркуты как многострадального города. Нужно только захотеть увидеть правдивую действительность его становления и развития.

Но только экспедициями наша деятельность не ограничивается. Полевые работы – это только малая часть тех мероприятий, которые мы проводим со школьниками, из которых следует отметить участие в краеведческих конференциях, Днях памяти жертв политических репрессий и проведение открытых уроков, во время которых воспитанники краеведческих объединений активно распространяют свой опыт и знания среди ровесников не только города, но и страны. Как пример можно остановиться на видео-конференции воркутинских школьников со своими сверстниками из подмосковного лицея-интерната. По словам И.А. Мишиной, одного из членов жюри конкурса «Лучший урок по теме история политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР», проведение такого рода мероприятий – «отличный путь к формированию патриотической ориентированной элиты общества, которая, по словам педагога, будет способна противостоять аморальности, цинизму, тем, для которых цель оправдывает средства».

В качестве заключения приведем еще раз высказывания отца Петра: «В основах социальной концепции Русской Православной Церкви говорится о том, что образование, особенно адресованное детям и подросткам, призвано не только передавать информацию. А прежде всего, возгревать в юных сердцах устремленность к Истине, подлинного нравственного чувства, любви к ближним, к своему отечеству, его истории и культуре – должно стать задачей школы не в меньшей, а может быть и в большей мере, чем преподавание знаний. Ибо от духовного и нравственного облика человека зависит ... будущее отдельных наций и всего людского рода. Как раз все эти образовательные задачи решаются в процессе ваших экспедиций. Это и воспитание сознания, духовного и патриотического созревания и развития. Особенно воспитание любви к своему Отечеству».

СОХРАНИВШИЕСЯ СЛЕДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУЛАГА НА ТЕРРИТОРИИ ПОСЕЛКА АДЖЕРОМ (п. ПЕЗМОГ) МО «КОРТКЕРОССКИЙ РАЙОН» ПО СОСТОЯНИЮ НА 2011 г.

А.А. Смилигис (Корткерос, Россия)

С 1933 г. по 1956 г. пос. Пезмог являлся традиционным местом деятельности исправительно-трудовых предприятий ОГПУ–НКВД СССР, где на заключенных отработывались технологии принудительных заготовок и переработки древесины.

Историческая справка. 2 декабря 1932 г. Совет Труда и Оборона СССР принял постановление об организации Пезмогского лесохимического и сельскохозяйственного комбината (Северного комбината ГУИТУ) на правах исправительно-трудовой колонии. При выборе места (территория поселка Аджером) считалось, что местность обеспечивает создание соответствующих условий для осуществления исправительно-трудового воздействия над классово-чуждым элементом.

В декабре 1933 г. в Пезмогском комбинате ОГПУ работали 2092 заключенных, 1200 спецпереселенцев. Комбинат освоил 3 млн. руб. капиталовложений. Были построены административные, промышленные и жилые помещения, заготовлено 40 тыс. куб. м древесины. Но через три месяца работы стали свертываться, и 14 апреля 1934 г. Наркомат юстиции СССР принял решение о поэтапной ликвидации лагеря. В 1936 г. комбинат закрыли. На его базе сформировали сельскохозяйственные лагерные участки, которые с 1936 по 1937 г. относились к Нижнечовской исправительной трудовой колонии.

16 августа 1937 г. в год большого террора был образован Локчимский лесной лагерь НКВД СССР – Локчимлаг. Центром лагеря стал поселок Пезмог (Аджером). В 1938 г. число заключенных лагеря достигло 26242 чел. Убытки за этот год составили 55 млн. руб. 17 августа 1940 г. Локчимлаг был закрыт. На оставшейся базе в течение 16 лет (с 17 августа 1940 г. по 23 июля 1956 г.) функционирует Пезмогское сельскохозяйственное отделение Усть-Вымского лагеря НКВД СССР [1].

В отличие от Воркуты, Инты, Ухты, где городское строительство способствовало уничтожению следов деятельности ГУЛАГа, в поселке Пезмог (Аджером) места бывших лагерных зон, места, где стояли бараки, остались незастроенными.

Следы почти четверти вековой деятельности ГУЛАГа повсюду:

- Здание электростанции. Введено в эксплуатацию в мае 1935 г. Сохранились стены, крыша. Видны этапы возведения здания: стена из камушек скрепленных цементом, далее следует кладка из сырого необожженного кирпича, потом в кладке стен появляется кирпич обожженный.

- Комплекс лагерных землянок. Следы землянок расположены на бору у болотца вдоль старой дороги, идущей от комендантской зоны в сторону Агробазы.

- Два деревянных двухэтажных корпуса, в которых размещалось управление лагерем.

- Здание изолятора бывшей комендантской зоны (лагерной тюрьмы, где проводились расстрелы) стоит рядом с шоссе. Сохранилась внутренняя планировка камер, окованные железом двери, надписи заключенных на стропилах чердачного покрытия. (В перспективе помещение можно использовать для музея жертв политических репрессий).

- Здание бывшего следственного управления лагеря в местечке Шанхай.

- Здание, в котором проживал начальник Локчимлага в местечке Кремль.

- Здание лазарета при комендантской зоне.

- Постройки типичной лагерной архитектуры в местечке Агробаза: здание лагерной конторы (одноэтажное, оштукатуренное, снаружи побеленное). Отдельные дома, оштукатуренные глиной с заполнителем из древесных чурок, для обслуживающего персонала.

- Лагерный аэродром.

- Лагерная топонимика – Шанхай, Красный маяк, Аэродром, Кремль, Агробаза.

При обследовании территории с помощью местного населения обнаружено десять лагерных кладбищ. Они расположены в основном в молодых сосновых борах. Кладбища пятикилометровым полукольцом окружают поселок Аджером. Границы кладбищ не обозначены, территории не обустроены. Кладбище (Агробазовское южное) уничтожено при постройке шоссе Сыктывкар – Усть-Кулом. Другие – человеческой деятельностью практически не затронуты.

На здешних лагерных кладбищах покоятся Святые, Новомученники и Исповедники Русской Православной Церкви:

Быстров Иван Михайлович, 1875 г.р.

Кузнецова Павла Алексеевна, 1895 г.р.

Нечаев Александр Дмитриевич, 1877 г.р.

Рюриков Николай Владимирович, 1884 г.р.

Ефимов Василий Севастьянович, 1903 г.р.

Люборцев Сергей Николаевич, 1894 г.р.

Лебедев Иван Николаевич, 1883 г.р.

Соколов Александр Платонович, 1864 г.р.

Военный начальник Шувалов Александр Дмитриевич, 1886 г.р. и др...

Беспокоит состояние кладбищ. У кладбищ отсутствуют четкие границы. Нет знаков-указателей (кроме Лесозаводского кладбища). Некоторые хозяйственные постройки возведены рядом с могилами Западного кладбища (там же мусорная свалка). Рядом с Северо-Западным кладбищем построены новые дома...

В последние годы на территории поселка, его окрестностях по увековечиванию памяти жертв политических репрессий установлены следующие памятные знаки:

Памятный знак – Камень «Узникам лесных лагерей» у шоссе Сыктывкар – Усть-Кулом. Установлен 17 июля 2002 г. Автор проекта Л.Н. Королева.

Памятный крест – на Лесозаводском кладбище. Установлен 6 июля 2004 г. Автор проекта Л.Н. Королева.

Памятный знак – «Колесо жизни» в местечке Агробаза.

Обелиск расстрелянным, у так называемой «Расстрельной ямы». Установлен в 1999 г. Изготовил Евграфов Иван Титович.

На территории поселка Аджером, его окрестностях сохранился своеобразный комплекс следов деятельности Гулага, позволяющий разработку тем и проведение экскурсий по ознакомлению с историей политических репрессий в прошедшем веке в стране.

Литература

1. Морозов Н.А. Гулаг в Коми крае 1929–1956. Сыктывкар, 1997. С. 148-157, 175.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА. АДАПТАЦИЯ К ПОЛЕВЫМ УСЛОВИЯМ

А.Ю. Логинов (Сыктывкар, Россия)

Психологическая адаптация молодых людей – членов поисковых объединений – к деятельности в трудных полевых условиях является на сегодняшний день одной из неизученных сторон феномена неформальных патриотических движений.

Актуальность данной тематики объяснима с точки зрения военной психологической науки, тем более что условия работы поисковиков и условия боевой деятельности войск значительно схожи. Бытовая неустроенность, плохая погода, обнаружение взрывоопасных предметов, места раскопок, география – это и многое другое обуславливают схожесть психологических реакций комбатантов и поисковиков. А участие в боевых действиях общепризнанно считается стрессовым фактором наивысшей степени интенсивности.

На протяжении ряда лет сотрудниками Коми филиала Кировской медакадемии ведутся наблюдение и разработка анализа типов психологических реакций среди членов поисковых отрядов и объединений Республики Коми, выезжающих на полевые работы в места массовых потерь и интенсивных боёв Второй мировой войны.

Описание условий деятельности, сравнение с боевой службой. Как правило, предварительный отбор производится в ходе подготовки к экспедиции среди молодых людей – студентов высших и средних учебных заведений Сыктывкара. Выявляются степень заинтересованности, мотивация. Должны учитываться коммунибельность, способность к работе в группе, принятию самостоятельного решения. Проведение инструктажей, выяснение интересов новичков, беседы с опытными поисковиками, участие в реставрации находок, поиск родственников, работа с историческими материалами – все это в период подготовки к выезду имеет схожесть с «боевым слаживанием», проводимым в воинских коллективах перед боевыми операциями. И также, как и боевое слаживание, служит цели сплочения коллектива, воспитывает дисциплинированность и умение подчиняться на принципах единоначалия. На данном этапе, этапе подготовки, очень важна роль организатора, командира. Уже здесь возникают условия для формирования стрессорных реакций: нежелательные, можно сказать, болезненные нарушения общения и взаимоотношений с родителями, друзьями, непонимание окружающих (типа «больше всех надо?»), боязнь не успеть в учебе, стать «белой вороной». Возможность некомфортного самочувствия при следовании к месту проведения «Вахты памяти» определяют длительная поездка, стесненные условия, а также климатические условия в начальный период раскопок (проводятся с 1-2 декады апреля). «Военная служба нередко сопровождается дополнительными значительными нагрузками на организм, обусловленными особенностями климата». «На театре боевых действий для большинства военнослужащих, прибывающих из других климатических поясов, гидрометеорологические особенности влияли на выполнение боевых задач отрицательным образом» (Новицкий А.А., 1993). У впервые участвующих в полевых работах поисковиков могут формироваться негативные реакции, выражающиеся в повышении конфликтности, снижении настроения. «Адаптация ...при значительных психоэмоциональных затратах, связанных с разрывом с близкими и прибытием в обстановку экстремальной ситуации, оказывалась затрудненной» (Довгуша В.В., Кудрин И.Д., Тихонов М.Н., 1995; Никонов В.П. и соавт., 1996). При следовании отряда к месту раскопок, например, в пешем варианте на расстояние 5-10 км психоэмоциональное напряжение может достигать таких степеней, что опытные проводники, не по десятку раз ходившие по тропе, дезориентируются, теряют направление.

Период начала полевых работ характеризуется первыми встречами с реальной опасностью: взрывоопасные предметы (ВОПы), оставшиеся в земле с войны, возможность травматизации, переохлаждения, опасных инфекционных заболеваний (клещевой весенне-летний энцефалит, болезнь Лайма, боррелиоз), опасные животные). Уровень опасности для поисковиков вполне сопоставим с боевыми действиями подразделений обеспечения в локальных конфликтах. И также соответствуют формы и уровни психологических реакций на стресс.

Состояние военнослужащих, выполняющих боевую задачу и рискующих жизнью, В.В. Довгуша, И.Д. Кудрин, М.Н. Тихонов (1995) с учетом влияния комплекса социальных и экологических факторов обозначили как «антропозологическое напряжение», А.А. Новицкий (1993) – как «эколого-профессиональное перенапряжение», а психосоматические нарушения у военнослужащих после боевой психической травмы – как «посттравматический стресс-синдром», «психонейроэндокринные стресс-индуцированные синдромы», «солдатское сердце». В.Н. Цыган в 1995 г. в клинко-экспериментальном исследовании установил, что основу этих нарушений составляет стресс-индуцированная нейродинамическая функциональная система. Диагноз «посттравматические стрессовые нарушения» формирует и специфически окрашивает разнообразные психопатологические симптомо-комплексы (Снедков Е.В., 1992; Цыганов Б.Д. и соавт., 1992). По современным представлениям психиатров «малой» психиатрии, к «психогенным посттравматическим, постстрессовым расстройствам относятся не только известные постстрессовые состояния, возникшие в результате действия на человека экстремальных

факторов среды («афганский синдром», «чеченский синдром», «синдром человека пережившего землетрясение», «синдром человека пережившего бытовое, сексуальное насилие» и т.д.), но и «бытовые» постстрессовые состояния (синдром хронической усталости, психосоматические нарушения, возникшие в связи с проблемами в личной жизни, быту, в производственной деятельности, бизнесе и т.д.)».

Период «стабильной» или «устоявшейся» поисковой полевой работы характеризуется созданием стабильных условий быта, сформировавшихся взаимоотношений, устойчивым режимом «труд–отдых», с 3-5 дня до последних 2-3 дней экспедиции (общая продолжительность 3-4 недели). В это же самое время низкая результативность поиска, отсутствие значимых находок усиливают негативную эмоциональную напряженность, достигая максимума на 10-12 день (т.н. «экватор»). В этот период развиваются и усиливаются межличностные конфликты, формируются устойчивые внутриколлективные группы как положительной, так и отрицательной направленности. Заканчивается адаптация к стрессовым факторам, с определением типа психологической реакции на стресс, «эмоционально-поведенческие проявления боевого стресса 1-го ранга, когда в психике и во всем теле человека мобилизуются, как по пожарной тревоге (alarm), «поверхностные адаптационные резервы», которые у каждого из нас «всегда наготове». Каждый при внезапном стрессе станет «активным» либо «пассивным»». (Китаев-Смык Л. Стресс войны. Фронтовые записки врача-психолога. М., 2001; Китаев-Смык Л.А. Текст доклада на конференции «Психология войны» в Военном университете МО 15.02.11). Нами проведено сравнение типов психологических реакций у комбатантов и поисковиков, сделана сводная таблица, где слева – «ярлык» симптоматики посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у военнослужащих 1-й чеченской войны по Л.Китаеву-Смыку, справа – у бойцов поисковых отрядов, наблюдавших во время проведения «Вахт Памяти» 2003–2011 гг.

Типы психологических реакций (сравнение: комбатанты – 1, 2; поисковики – 3, 4)

1	2	3	4
Активные «Взорвавшиеся»	Могут, подвергая себя ненужной опасности, метаться, беспорядочно стрелять, бежать без команды «На врага!»	Беспечно относятся к опасным предметам, бравируют, нарочито недисциплинированы, с командирами «за панибрата», реагируют болезненно на наказание, часто агрессивны, малопродуктивны.	Активные «Самовольщики», «зондеры»
Активные «Отважные»	Быстро справившись с первоначальной дезориентацией (потерей ориентировки), начинают смело действовать соответственно боевой обстановке и приказам командира, ведут прицельный огонь, помогают раненым.	После периода растерянности (период вопросов), ВОПы не вызывают страха, работают аккуратно, быстро, не нарушая техники безопасности, активно ищут новые цели, отличает высокая активность, склоны к лидерству, «упиваются ощущениями новизны».	Активные «Бойцы» «Искатели»
Пассивные «Парализованные»	Психологическая подавленность, отрешенность от происходящего, почти полная утрата способности говорить и понимать, что им говорят, у них неконструктивное поведение.	Очень быстро все надоедает, трудности кажутся непреодолимыми, только чувство стыда, неловкости перед товарищами не позволяет «дезертировать», часто жалуются на здоровье, пытаются вызвать сочувствие. К находкам безразличны.	Пассивные «Вечные дежурные» «Уставшие»
Пассивные «Осмотрительные»	Осмотревшись и как бы притерпевшись к боевой обстановке, начинают прицельно стрелять, прислушиваясь к командам офицера. Но выполняют их не сразу – замедленно, поведение – конструктивно.	Долго привыкают к новым условиям, скрупулезны, могут быть капризны и обидчивы, в работе отличаются медлительностью, осторожностью и, как следствие, тщательная проработка материала.	Пассивные «Копатели»

Исходя из типажа психологической реакции может быть спрогнозировано поведение бойца поискового отряда при обнаружении опасного (взрывоопасного) предмета, а также реакция «на ситуацию», т.е. поведение в различных условиях. Необходимо заметить, что «обусловленная реакция» характерна, но не обязательна, это предпочитаемый тип поведения в «стандартной» стрессовой ситуации. Форма и выраженность реакции могут изменяться, например, в зависимости от «зрителей», работающих рядом товарищей. «Самовольщики» устраи-

вают демонстративно небрежное извлечение из земли уже ясно опознанного ВОПа, переправляются через реку без страховки, т.е. сознательно нарушают «разумные пределы безопасности». Применение этого понятия оправдано тем, что все меры по соблюдению техники безопасности принять невозможно, как и предусмотреть все опасные ситуации (как и в бою). А если формально нет инструкции, нет инструктажа, нет и нарушения правил техники безопасности.

Активные «отважные», «искатели» сознательно не создают опасных ситуаций, попадая в трудные условия отличаются быстрой реакцией, эффективно работая в коллективе, побуждая товарищей к действию своим примером, советом, а иногда – и командой. Но часто вызывало опасение отсутствие достаточного (скорее мало-мальского) опыта в проведении подобных работ, руководством людьми. При достижении успеха каких-либо положительных результатов, неправильный, а точнее, малоэффективный метод (неважно, какой, например, способ извлечения останков: «археологический», «классика» или «по бедрам» и т.д.) возводится в ранг догмы, правила, обычая, впоследствии превращаясь в системную ошибку, снижающую уровень эффективности работы и уровень безопасности. Тем более что из этой категории и формируется группа лидеров, командиров, установкам которых следуют все бойцы поискового отряда. Недооценка опасности, формирование привычно неосторожного обращения с наиболее часто встречающимися типами ВОПов играют злую шутку при встрече с «нестандартом»: кумулятивные снаряды с донным взрывателем, стреляные ружейные гранаты, и т.д. Молодые, неопытные бойцы «подпрыгивают» по незнанию – очень редко, никогда практически, а вот считающие себя «опытными» ... Тонет не тот, кто не умеет плавать...

И всё-таки снова о воспитании, о патриотическом воспитании: «Большинство приходящих с «чеченских войн», как и с любых других, – это все-таки не «посттравматики», а люди с пробужденными душами. Преодоленный страх, отвага, безотчетная самоотверженность разбудили у них силу души, личную энергию и стойкость характера». Мальчики, которым в мирной жизни долго бы оставаться недорослями, узнали, на что они способны, стали мужчинами, своими руками вырвали право на жизнь. Они хотят распоряжаться своей судьбой, судьбой страны.

Литература

1. Абдурахманов Р.А. Психологические трудности в общении, их коррекция у ветеранов боевых действий в Афганистане: Дис... канд. психол. наук. М.: ВПА, 1994. 223 с.
2. Актуальные проблемы медицинской реабилитации: Сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Иванова, Ю.С. Голова, А.М. Щеголькова. М.: Изд. 6 ЦВГК МО РФ, 1998. Т. 3. 281 с.
3. Александров А.А. Личностно-ориентированные методы психотерапии. СПб.: Речь, 2000. 186 с.
4. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М.: Медицина, 1993. 400 с.
5. Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Щукин В.П. Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991. 96 с.
6. Бассин Ф.В., Рожнов В.Е., Рожнова М.А. Психическая травма (к современному пониманию ее природы и общих принципов ее психотерапии): Руководство по психотерапии под ред. В.Е. Рожнова. Ташкент: Медицина, 1979. 192 с.
7. Белинский А.В., Иванов В.Н., Голова Ю.С., Лямин М.В. Результаты медико-психологической реабилитации участников боевых действий // Актуальные проблемы медицинской реабилитации: Сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Иванова, Ю.С. Голова, А.М. Щеголькова. М.: Изд. 6 ЦВГК МО РФ, 1998. Т. 3. 281 с.
8. Березовец В.В. Социально-психологическая реабилитация ветеранов: Дис... канд. психол. наук. М., 1997. 165 с.
9. Бойко Е.Р., Варлмова Н.Г., Вахнина Н.А., Евдокимов В.Г., Есева Т.В., Канева А.М., Кеткина О.А., Кочан Т.И., Логинов А.Ю., Логинова Т.П., Людина А.Ю., Паршукова О.И., Потолицина Н.Н., Рогачевская О.В., Солонин Ю.Г., Шадрин В.Д. Метаболическое обеспечение годового цикла адаптивных реакций сердечно-сосудистой и дыхательной систем у военнослужащих в условиях Севера. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2007.
10. Иванов А.Л., Жуматий Н.В., Рубцов В.В. Психологические последствия участия военнослужащих в боевых действиях в Чеченской республике и их медико-психолого-социальная коррекция в условиях Всеармейского реабилитационного центра // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. М.: Консорциум «Социальное здоровье России», 2003. № 4. С. 32-44.
11. Иванов А.Л., Жуматий Н.В., Рубцов В.В., Давлетшина М.В. Психологические последствия участия военнослужащих в боевых действиях в Чеченской республике и их медико-психолого-социальная коррекция // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 4. С. 146-163.
12. А.М. М.: Изд. 6 ЦВГК МО РФ, 1998. Т. 3. 281 с.
12. Кабанов М.М., Личко А.Е., Смирнов В.М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л.: Медицина, 1983. 210 с.
13. Основные направления современной психотерапии: Учебное пособие / Е.С. Калмыкова, Х. Кэхеле, Н.Д. Семенова и др. М.: Когито-Центр, 2000. 377с.
14. Основные типы психической дезадаптации у бывших воинов-интернационалистов. Психологическая диагностика и психотерапия: Методические рекомендации / Карвасарский Б.Д., Алексеева Д.А., Ташлыков В.А. и др. Л., 1990. 18 с.

15. Перлз Ф. Гештальт-подход и свидетель терапии / Пер. с англ. М. Папуш. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003.
16. Перлз Ф., Гудмен П., Хефферлин Р. Практикум по гештальт-терапии. М.: Изд-во Института психотерапии, 2001.
17. Пограничные нервно-психические нарушения у ветеранов войны в Афганистане (посттравматические стрессовые нарушения): Методические рекомендации / Цыганков Б.Д., Белкин А.И., Веткина В.А. и др. М., 1992. 16 с.
18. Польстер И., Польстер М., Интегрированная гештальт-терапия: контуры теории и практики. М.: Класс, 1999.
19. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: ООО «Речь», 2002. 350 с.
20. Шанин В.Ю., Стрельников А.А. Типические патологические процессы периода реабилитации после ранений и пребывания в условиях боевой обстановки // Раневая болезнь и медицинская реабилитация. СПб.: Глаголь, 1995. С. 116-120.

ПОИСКОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ ГОРОДА ПЕЧОРЫ И ПЕЧОРСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КОМИ ПО МЕСТАМ ГУЛАГА И МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТНЫХ МЕСТ

Т.Г. Афанасьева (Печора, Россия)

Работа с учащимися школ и училищ по соответствующей тематике началась по инициативе УПОО «Мемориал». Проект «К гражданскому обществу через просвещение молодежи» (2001 г.). Республиканская программа «Покаяние», финансирование работы школьных поисковых отрядов по местам ГУЛАГа. ПИКМ – координационный центр работы поисковых отрядов учащихся школ города и района по этой теме. Школьный музей «Покаяние» СШ № 83 (рук. Б.С. Хватов), клуб «Поиск» ПЛ № 23 (рук. Л.М. Еделькина), объединение «Сталкер» п. Кожва (рук. А.И. Луканюк) и др. На базе музея еженедельные занятия клуба юных краеведов. Республиканская мемориальная конференция школьников «История политических репрессий на Европейском Севере» (2001, г. Печора).

Совместная работа с отделом по работе с молодежью администрации города. Ежегодные слеты поисковых отрядов (тематические). На данном этапе – сотрудничество с клубом «Патриотъ» (рук. С.А. Камейко, зав. филиалом № 2 ЦБС), с клубом «Поиск» ППЭТ (рук. Л.М. Еделькина). Совместный план работы на учебный год.

Цели и задачи работы

«Хисторио» (греч.) – хожу, расспрашиваю, узнаю. Устная история. Сохранение исторической памяти. Обучение интервью. История повседневности, история ментальности. Не просто сбор информации, в центре – «человек в истории».

Проблемы. Зачастую в школах – имитация краеведческой работы. Соппротивление чиновников от просвещения. Неприемлемо понимание патриотизма как «ура патриотизма».

Летние поисковые экспедиции

Краткий обзор. Основные исследовательские маршруты, их цели и задачи.

С 2001 г. проведено 28 экспедиций. Цель – сохранение исторической памяти об одной из самых тяжелых трагедий XX в. в истории России. Задачи: 1. Поиск и полевое исследование памятных мест: это оставшиеся элементы инфраструктуры ГУЛАГа: места бывших лагунков, лазаретов, промышленные объекты, построенные заключенными и конечно, объекты некрополистики ГУЛАГа: ММЗ, кладбища, одиночные захоронения.

Полевые исследования, документирование, фотодокументация, план-схема местности, сбор музейно значимых вещественных материалов. Обработка собранных материалов, введение их в научный оборот. Установка памятных знаков на захоронениях.

Многолетние исследования некоторых объектов: Мишаяг – 8 поездок, Джынтуй – 6 поездок.

Подготовка к экспедиции.

Выявление предварительных источников финансирования.

Определение маршрутов. Выбор маршрутов не должен быть случайным. Маршрут должен быть доступен для детской группы, максимально безопасен. Прогнозирование рисков. Основные маршруты: спецпоселки вдоль железной дороги, п.Красный Яг с сохранившимся детским кладбищем, ст.Каменка, площади которой были объектом геологического освоения еще во времена Ухто-Печорского лагеря. И, конечно, ММЗ на Мишаяге, известковый завод на Джынтуе – одно из самых страшных мест Печорлага. Эти места мы исследовали из года в год. Одноразовые поездки малоэффективны.

Состав экспедиции, длительность и время проведения. Время – конец июня или сентябрь – нет «зеленки», нет большой воды. Цели и задачи поездки.

Организационная работа в направлениях: контакты с главой администрации поселка, работа с учителями и с детьми. Администрация помогает транспортом, привлекая местные спонсорские силы, зная людей – дает ориентировку поиска, проводников.

С детьми и учителями – изучение истории поселка, обследуемой местности. О правилах поведения. Определение роли каждого члена экспедиции, формируются небольшие детские группы по обязанностям.

Поиск информаторов и работа в архивах. Интервью, сбор информации. Знакомство с методикой полевых исследовательских работ. Обучение полевым записям. Полевой дневник.

Изготовление памятного креста.

Цель подготовительных работ – сделать поездку максимально эффективной и безопасной. В поездке время бесценно. Успех экспедиции зависит от тщательности подготовительных работ.

Проведение экспедиции

Необходимость предварительной беседы непосредственно перед дорогой – проговаривание основных правил поведения, цели и задач экспедиции.

Проверка экипировки. Осмотр начинается с внешнего вида участников поездки.

Всегда интересен сегодняшний день поселка, населенного пункта. С это и начинаем работу. Не оставляем без внимания природные объекты.

Сбор вещественных предметов, имеющих музейное значение. Правила сбора.

Каждая экспедиция неповторима. Это творческий процесс, в который вовлекаются учителя и дети.

Поиск не гарантирует открытия, находки, немедленных результатов в решении поставленных задач. Но не бывает поездки без неожиданных открытий. Каждая встреча с человеком – открытие. Радость общения с миром природы. И у каждой поездки – «лица не общее выражение», в нашу схему акценты вносит сама жизнь. Примеры:

Маршрут Печора – Косью: люди четырех поколений принимали участие в полевых исследованиях. Во второй поездке участвовали приехавшие по розыску могилы родственника.

Маршрут Печора – Чикшино: во многом прошел под руководством главы администрации поселка, члены экспедиции принимали участие в общепоселковой уборке кладбища.

Маршрут Печора – Сыня: экстремальные условия поездки на вездеходе по руслу реки. Заповедная зона, ихтиологический заповедник, фотосъемки природных объектов.

Маршрут Печора – Джынтуй, известковый завод: Объект исследуется поисковыми отрядами Интинского и Печорского районов. Место туристического отдыха, сильно загрязняется и засоряется. Уборка территории, табличка с информацией об этом объекте, призывом не сорить.

Заключительным моментом каждой поездки является установка памятного креста либо акция памяти возле памятного знака, могил, захоронения.

Итоги полевых работ

Обработка полевого материала, отчет по экспедиции, проведение ежегодного итогового семинара, обработка плана на будущий полевой сезон. Материалы экспедиций – в Международных проектах «Путеводитель по местам памяти ГУЛАГа», «Виртуальный музей ГУЛАГа». Отчеты отсылаются в фонд «Покаяние» (Сыктывкар), Международную организацию «Мемориал» (Москва), НИЦ «Мемориала» (Санкт-Петербург).

Нет схем и клише в этой работе, всегда непростой. Надо быть готовыми к любым неожиданностям. Единственно, с чем нет проблем – это с желанием участвовать в экспедициях. Благодарность фонду «Покаяние» и добровольным помощникам: учителям, информаторам, проводникам, работникам архива и библиотек города, своим коллегам – мемориальцам, их бескорыстная помощь имеет решающее значение. Благодарность людям, оказывающим материальную помощь: транспортом, денежными средствами и др.

Содержание

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ	3
1. РОЛЬ ГУЛАГА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРА РОССИИ	3
Безносова Н.П. Роль гугага в формировании сети посёлков городского типа в Коми АССР в 1930–1950-е гг. ...	3
Андреев А.В., Максимова Л.А. Роль ГУЛАГа в развитии авиатранспорта на Северо-Западе СССР	8
Малкова Т.А. Научный отчет «Социалистическая индустриализация Коми АССР (1926–1937 гг.)» – первое исследование по истории лагерей ГУЛАГа в Коми АССР	12
Родионов Н.А. Спецпереселенцы и репатрианты в торфодобывающей промышленности Урала в 1940-е гг. ...	16
Нисковский А.А. Формирование и использование трудовых кадров в рамках системы ГУЛАГа в Коми АССР	20
Кустышев А.Н. Отказы от работы в лагерях ГУЛАГа на Европейском Севере России	24
Казаква К.А. Становление научных основ сельскохозяйственного производства Коми АССР: опыт ГУЛАГа	29
Морозов Н.А. Новые документы по истории территориального развития Воркуто-Интинского региона Республики Коми в послевоенный период (1945–1955 гг.)	32
Мацук А.М. Автомобилизация ГУЛАГовского производства в довоенный период (на материалах Коми АССР)	35
Смилигис А. Поселок Аджером (Пезмог) в истории ГУЛАГа СССР	37
2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ.....	41
Вишнякова Д.В. Неповиновение крестьян представителям власти (на материалах Коми края, пореформенный период XIX в.)	41
Смирнов Ю.М. Ссылный Муром	44
Попов С.А. Сопротивление крестьян должностным лицам волостных и сельских правлений в 1860–1880 гг.	51
Пунегов А.В. Взгляды иностранцев на лагерную медицину	54
Петровский М.А. Организация учреждений службы крови в условиях системы в 1930–1950-е гг. (на материалах Республики Коми)	56
Каракчиев В.Н. Развертывание политических репрессий против руководителей Коми облисполкома в 1930-х гг. ...	58
Иванов А.С. Калмыки – сотрудники спецслужб в период депортации (1944–1956 гг.)	61
Камалджанова Т.А. Социальное положение депортированных народов Восточно-Казахстанской области в условиях спецпоселения (1937–1956 гг.)	64
Бихерт Р.И. Депортации российских немцев в XX веке и их последствия	70
Бобков И.Н. Политические настроения немцев-спецпереселенцев в Коми АССР В 1940-е гг.	75
Штралер О. Общественная самоорганизация как фактор преодоления последствий депортации (на примере российских немцев в Уральском регионе)	78
Самарин А.В. Аракчеевский режим в Коми филиале АН СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг.	81
Морозова Е.И. «Кара, подвиг и награда». (Судьбы ученых-лауреатов Сталинской премии)	86
Беляева Н.Ж. Георгий Стаценко – «предатель» «Молодой гвардии»	88
Крашенинникова Ю.А. Водный промысел в лицах: Михаил Дмитриевич Крашенинников (к вопросу описания и интерпретации источников)	91
Кузнецова Т.Л. О запрещенном произведении В. Савина	97
Лисовская Г.К. Коми национальное возрождение 1920-х гг. – дорога к ГУЛАГу (судьба В. Савина)	99
Зиявадинова О.С. Писатели Коми и эпоха ГУЛАГа	102
Козлова Д.Т. Актриса и педагог З.М. Скарская-Головина	106
Морозов Н.А. Опыт составления биобиблиографического указателя «Люди Инты в годы созидания и репрессий 1931–1956»	109
Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. С.И. Покровский – политический лидер Яренского уезда	111
Силин В.И., Лезликова Н.В. Знаменитые полярные исследователи в Сыктывкаре	115

Трошкина Г.Б. Поселок Мадмас. Воспоминания Б.Л. Валион	119
Милохин Д.В. Мистические настроения крестьянства в контексте социального протеста в послевоенные годы (1946–1958 гг.) (на материалах Коми АССР)	121
Мелихов А.А. Управленцы в ГУЛАГе. 1945–1955 гг.	123
Шехонин В.Н. Особенности взаимоотношения заключенных и местного населения на территории Коми	125
Гладышев В.П. Психологическое содержание идеологии ГУЛАГа	127
3. НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ РОССИЙСКИЕ НА СЕВЕРЕ: МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....	129
Хайлова О.И. Деятели Русской Православной Церкви, бывшие в заключении или ссылке в Коми крае (по материалам Базы данных ПСТГУ «За Христа пострадавшие»)	129
Иерей Димитрий Гераськин. Ссылка Старца Протоиерея Николая Гурьянова в Зырянский край	134
Ивасишин Н.И., игуменья Стефанида. Судьба сестер Кытловского Крестовоздвиженского женского монастыря	136
Вежева Т.Е. Семейная история	141
Кузнецов Л.А. Факторы, определившие репрессии против священнослужителей в Коми крае и РСФСР-СССР в 1918–1923 гг.	142
Малыхина А.Г. Мария Шаламова	145
Попов В.Д. Трижды репрессированный: о священнике Ардалионе Евлампиевиче Попове	147
Чумакова И.А., Касаткина А.А., Никитенко А.Г. Неизвестные страницы истории посёлка Нижний Чов ...	149
4. МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СЕВЕРЕ РОССИИ.....	153
Гудованый О.А. Перспективы мемориального туризма в г. Воркута	153
Кузьминых А.Л. Захоронения военнопленных и интернированных Второй мировой войны: региональный аспект	156
Бубличенко В.Н. О некоторых способах датировки объектов Севжелдорлага и Ухтижемлага некамеральными методами	160
Масальцев В.М. Польский след в истории Прилузья (по материалам поисково-исследовательской деятельности школьников)	162
Митина Т.М. Школьные краеведческие экспедиции в изучении спецпоселков и лагунков верхней Вычегды ...	165
Протоиерей Феодор Федько, Лифанова В.В. Мемориальная работа в общеобразовательных учреждениях г. Сыктывкара	169
Пальшина В.В., Игнатова Н.М. Секция «История политических репрессий» Коми республиканской конференции «Отечество – Земля Коми»	170
Панасова В.А. Организация поисково-краеведческой работы в Сосногорском районе	181
Сидорова А.А. К вопросу об изучении истории Прилузского района	186
Витман И.В. Роль школьного музея истории Воркутлага в патриотическом воспитании молодежи	187
Габов П.В. История развития национально-культурных автономий Республики Коми: след ГУЛАГа и патриотическое воспитание молодежи	189
Канева Л.Я. Развитие хозяйства Ижемского района в 1929–1950 гг.	192
Гудованый О.А. Деятельность поисковых отрядов и патриотическое воспитание молодежи	195
Смилигин А.А. Сохранившиеся следы деятельности ГУЛАГа на территории пос. Аджером (п. Пезмор) МО «Корткеросский район» по состоянию на 2011 г.	197
Логинев А.Ю. Психологические аспекты безопасности в полевой деятельности поискового отряда. Адаптация к полевым условиям	199
Афанасьева Т.Г. Поисковые экспедиции учащихся школ города Печоры и Печорского района Республики Коми по местам ГУЛАГа и мемориализация памятных мест	203

Научное издание

**ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
РОЛЬ ГУЛАГА, МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.).

Часть 2

Оригинал-макет – Н.К. Забоева
Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Уч.-изд. л. 22,0.
Тираж 150. Заказ № 52 (165).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36